

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 29

St. Petersburg
2023

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 29

Санкт-Петербург
2023

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2023. № 29. 244 с.
ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2023.
No. 29. 244 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (главный редактор), В. А. Алёшкин, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), М. В. Медведева, А. К. Очередной, Н. И. Платонова, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова.

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), M. V. Medvedeva, A. K. Otcherednoi, N. I. Platonova, E. O. Stoyanov, V. B. Trubnikova.

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Novgorodskikh, V. Ya. Stegantseva

В № 29 «Записок ИИМК РАН» публикуются два основных блока материалов. Первый блок посвящен юбилею П. Е. Нехорошева — известного исследователя памятников эпохи среднего палеолита. Во втором блоке представлены доклады конференции «Современные исследования памятников эпохи палеометалла» из цикла ПАЮС № 1, которая состоялась 30–31 марта 2023 г. в ИИМК РАН и была посвящена памяти М. Н. Пшеницыной (1937–2022).

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 29th issue of the “Transactions of IHMC RAS” includes two main blocks of papers. The first one is dedicated to a jubilee of P. E. Nekhoroshev, a distinguished researcher of stone industries of the Middle Paleolithic period. The second block presents the materials of the conference “Contemporary Studies of the Early Metal Period Sites” (March 30–31, 2023, IHMC RAS) dedicated to the memory of M. N. Pshenitsyna (1937–2022).

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ ПАЛЕОЛИТА: ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

С. А. Васильев, П. Е. Нехорошеву — 65!	7
С. А. Кулаков. К вопросу о технологической периодизации палеолита (по материалам нижнего палеолита Кавказа и юга Русской равнины)	9
А. В. Колесник. Белокузьминская группа памятников в контексте современной проблематики палеолита Восточной Европы	17
А. К. Очередной. Анализ последовательности расщепления и закономерности формообразования	26
А. П. Захариков. Техника скола в некоторых ранних верхнепалеолитических индустриях Евразии	37

ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ, № 1

В. С. Бусова, В. М. Лурье, В. Б. Трубникова. Конференция «Современные исследования памятников эпохи палеометалла: памяти М. Н. Пшеницыной (1937–2022)»	46
С. В. Красниенко. М. Н. Пшеницына. Жизнь в археологии	50
Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Маргарита Николаевна Пшеницына в Кемеровском государственном университете	67
О. В. Григорьева, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Материалы М. Н. Пшеницыной в документах и фотографиях научного архива ИИМК РАН	75
Список печатных работ М. Н. Пшеницыной (составитель Л. М. Всевиов)	89

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

И. П. Лазаретов, Н. И. Лазаретова, В. М. Лурье, А. А. Малютин, Е. А. Миклашевич. Погребения разливского хронологического горизонта окуневской культуры могильника Усть-Камышта-1 (курган 10N)	93
Н. А. Боковенко. Изучение курганов у г. Саяногорска на юге Хакасии	107
П. В. Герман, А. В. Субботин, Л. Ю. Боброва. Курган 29 Берёзовского могильника (раскопки М. Н. Пшеницыной 1981 года): к атрибуции позднеатагарских погребальных комплексов в лесостепном районе	132
О. С. Советова, О. О. Шишкина. Археологические исследования М. Н. Пшеницыной на Тепсее: научное наследие и современность	147
С. П. Грушин, Е. В. Степанова, А. В. Фрибус. Пазырыкский головной убор из могильника Усть-Тёплая (Северный Алтай)	156
Е. В. Степанова, С. Браун, Т. Э. Кампер, В. С. Бусова. Кожаные и меховые изделия из курганов пазырыкской культуры Алтая: сырьё и технологии его обработки	166
С. В. Красниенко. Тесинский феномен: от этапа к культуре	175
В. Б. Трубникова, Н. И. Лазаретова. Гендерные особенности погребального обряда тесинских грунтовых могильников (по материалам кургана Хызыл Салда 9)	180
М. Е. Килуновская, П. М. Леус, Вл. А. Семенов, А. В. Семенов. Комплексная археолого-географическая экспедиция в зоне затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Республике Тыва: основные итоги, проблемы и перспективы	192
Т. Р. Садыхов. Конское снаряжение в кокельской археологической культуре	202
В. Я. Бутанаев(†). Кыргызские изваяния и камнерезное искусство рунического письма	212

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИИМК РАН

Н. И. Платонова. Сопка Шум-гора у Передольского погоста: проблемы интерпретации	223
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Д. Ю. Гук, М. В. Мандрик. Археологический музей, Отдел древностей Эрмитажа и эллино-скифская выставка в документах из архивов Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры РАН	231
Список сокращений	242

CONTENTS

PALEOLITHIC STONE INDUSTRIES: A TECHNOLOGICAL DIMENSION

S. A. <i>Vasil'ev</i> . P. E. Nekhoroshev is 65!	7
S. A. <i>Kulakov</i> . Towards the question of the technological periodization of the Paleolithic (with particular reference to the Lower Paleolithic of the Caucasus and South Russian Plain)	9
A. V. <i>Kolesnik</i> . Belokuzminovka group of sites and current problems in the study of the Paleolithic of East Europe	17
A. K. <i>Otcherednoy</i> . Scar-pattern analysis and laws of form making	26
A. P. <i>Zakharikov</i> . Flaking technique in some Early Upper Paleolithic industries of Eurasia	37

FIELD ARCHAEOLOGY OF SOUTH SIBERIA, № 1

V. S. <i>Busova</i> , V. M. <i>Lurie</i> , V. B. <i>Trubnikova</i> . Conference "Contemporary Studies of the Early Metal Period Sites: to the memory of M. N. Pshenitsyna (1937–2022)"	46
S. V. <i>Krasnienko</i> . M. N. Pshenitsyna. Life in archaeology	50
L. Yu. <i>Kitova</i> , L. Yu. <i>Bobrova</i> . Margarita Nikolaevna Pshenitsyna at the Kemerovo State University.....	67
O. V. <i>Grigorieva</i> , N. A. <i>Lazarevskaya</i> , M. V. <i>Medvedeva</i> . M. N. Pshenitsyna's materials in documents and photographs of the Scholarly Archive of IHMC RAS	75
Bibliography of M. N. Pshenitsyna (comp. L. M. Vsevirov)	89

CURRENT STUDIES OF THE EARLY METAL PERIOD SITES IN SOUTH SIBERIA

I. P. <i>Lazaretov</i> , N. I. <i>Lazaretova</i> , V. M. <i>Lurie</i> , A. A. <i>Malyutina</i> , E. A. <i>Miklashevich</i> . Burials of the Razliv chronological horizon of the Okunevo culture at the Ust-Kamyshka-1 cemetery (barrow 10N)	93
N. A. <i>Bokovenko</i> . Barrows near Sayanogorsk in the south of Khakassia	107
P. V. <i>German</i> , A. V. <i>Subbotin</i> , L. Yu. <i>Bobrova</i> . Barrow 29 of the Berezovsky cemetery (M. N. Pshenitsyna's excavations of 1981): attributions of the Late Tagar burial complexes in a forest-steppe area.....	132
O. S. <i>Sovetova</i> , O. O. <i>Shishkina</i> . M. N. Pshenitsyna's works at Tepsei: scientific heritage and modernity	147
S. P. <i>Grushin</i> , E. V. <i>Stepanova</i> , A. V. <i>Fribus</i> . The Pazyryk headgear from Ust-Teplaya burial ground (Northern Altai).....	156
E. V. <i>Stepanova</i> , S. <i>Brown</i> , T. E. <i>Camper</i> , V. S. <i>Busova</i> . Leather and fur objects from the Pazyryk culture barrows of Altai: raw materials and processing technologies	166
S. V. <i>Krasnienko</i> . Tes' phenomenon: from a stage to a culture	175
V. B. <i>Trubnikova</i> , N. I. <i>Lazaretova</i> . Gender specificities of the Tes' funeral rite as evidenced by the Khyzyl Salda 9 barrow	180
M. E. <i>Kilunovskaya</i> , P. M. <i>Leus</i> , Vl. A. <i>Semenov</i> , A. V. <i>Semenov</i> . Complex archaeological-geographical expedition in the inundation zone of the Sayan-Shushenskoe hydraulic power station in the Republic of Tuva: main results, problems and prospects	192
T. R. <i>Sadykov</i> . Horse harness in the Kokel archaeological culture	202
V. Ya. <i>Butanaev</i> (†). Kyrgyz statues and the art of rune carving	212

NEW STUDIES AND DEVELOPMENTS

N. I. <i>Platonova</i> . Shum-gora mound at the Peredolsky churchyard: problems of interpretation.....	223
---	-----

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

D. Yu. <i>Hookk</i> , M. V. <i>Mandrik</i> . Archaeological Museum, Antiquarian Department of the Hermitage and the Hellenic-Scythian Exhibition in the documents from the archives of the State Hermitage and Institute for the History of Material Culture RAS	231
List of abbreviations	242

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ ПАЛЕОЛИТА: ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

П. Е. НЕХОРОШЕВУ — 65!

С. А. ВАСИЛЬЕВ¹

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-7-8

Рис. 1. П. Е. Нехорошев, 12 июня 2009 г.

Fig. 1. P. E. Nekhoroshev, June 12, 2009

5 апреля 2023 г. исполнилось 65 лет Павлу Евгеньевичу Нехорошеву. Выпускник кафедры археологии Ленинградского университета, он с 1983 г. работал в отделе палеолита ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН. В 1996 г. под руководством Н. Д. Праслова исследователь успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную технологическому анализу среднепалеолитических индустрий. Позднее работа была издана в качестве монографии².

П. Е. Нехорошев немало лет посвятил изучению палеолита Урала. Он участвовал в работах В. Е. Щелинского в Каповой пещере, вел разведки в регионе и руководил раскопками верхнепалеолитической пещеры Кульбурт-Тамак.

С начала 1990-х гг. исследователь сосредоточивается на изучении многослойной стоянки Шлях в Подонье. Комплексные исследования памятника неоднократно поддерживались

---

¹ Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

² *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления среднего палеолита. СПб.: Европейский дом, 1999. 174 с.

© Васильев С. А., 2023

грантами отечественных и международных научных фондов. Материалам стоянки посвящен ряд статей, опубликованных в нашей стране и за рубежом, и большой раздел в фундаментальном издании «Археология Нижнего Поволжья»³. Нижние слои памятника доставили пластинчатую индустрию, позволяющую выделить своеобразную белокузьминовскую группу комплексов поздней поры среднего палеолита. Материалы стоянки играют важную роль для установления хронологии древнекаменного века на Русской равнине.

Особая страница в деятельности П. Е. Нехорошева — изучение палеолита Сибири. Еще в студенческие годы он принимал участие в раскопках З. А. Абрамовой в гроте Двугдазка. Позднее он руководил кампанией новостроечных раскопок на стоянках Березовский карьер 1 и 2 в Красноярском крае, вместе с С. Н. Астаховым вел разведки в Туве.

Кроме того, П. Е. Нехорошев активно участвовал в изысканиях по палеолиту на Кавказе (на Тамани с В. Е. Щелинским и С. А. Кулаковым, в Армении с В. П. Любиным), в Костёнках (под руководством Н. Д. Праслова и А. А. Сеницына), в Приазовье и на Десне (с А. К. Очередным), в Молдавии (с Л. Б. Вишняцким).

Помимо работы в палеолитических экспедициях П. Е. Нехорошев в разные годы принимал участие в раскопках кургана Аржан в Туве под руководством М. П. Грязнова, в изысканиях в Туркмении у В. М. Массона, трудился на Кольском полуострове в экспедиции В. Я. Шумкина и в Крыму у О. В. Шарова.

В центре научных интересов П. Е. Нехорошева всегда находились вопросы технологии расщепления камня в палеолите. Им была предложена понятийная схема для описания процессов обработки камня и продуктов раскалывания, выделены критерии различения среднепалеолитической и верхнепалеолитической техник скола, разработаны приемы реконструкции расщепления. Методические разработки П. Е. Нехорошева активно используются исследователями каменного века различных эпох и территорий.

Говоря о работе П. Е. Нехорошева в ИИМК РАН, нельзя обойти молчанием его многолетнюю службу на посту ученого секретаря диссертационного совета. Долгая успешная научная и организационная деятельность П. Е. Нехорошева была отмечена Почетной грамотой РАН.

---

³ Нехорошев П. Е. (ред.) Археология Нижнего Поволжья. 1. Каменный век. Волгоград: Волгоградское книжное изд-во, 2006. 458 с.

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАЛЕОЛИТА (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА КАВКАЗА И ЮГА РУССКОЙ РАВНИНЫ)¹

С. А. КУЛАКОВ²

Ключевые слова: технология, периодизация, ранний палеолит, Кавказ, Таманский п-ов.

В статье на материалах раннепалеолитических памятников юга Русской равнины и Кавказа, открытых и исследованных за последние 20 лет, рассматривается вопрос о работоспособности технологических критериев периодизации каменного века, предложенных П. Е. Нехорошевым и Е. Ю. Гирей 30 лет назад. Сделан вывод, что эти критерии успешно работают и дают возможность хронологически привязать любые индустрии.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-9-16

В 1993 г., ровно 30 лет назад, в журнале «Российская археология» было опубликовано несколько статей молодых петербургских археологов, посвященных изучению технологии и техники обработки камня в палеолите. Программой стала работа Е. Ю. Гирей и П. Е. Нехорошева с анализом основ технологической периодизации каменного века (Гиря, Нехорошев 1993). Идеи, высказанные в ней, получили вскоре развернутое изложение в двух монографиях (Гиря 1997; Нехорошев 1999), которые сразу стали и до сих пор остаются настольными книгами для отечественных исследователей, занимающихся изучением технологии и техники обработки камня.

В чем же заключались постулаты Е. Ю. Гирей и П. Е. Нехорошева о «технологических критериях периодизации каменных индустрий» касательно древнего каменного века — палеолита?

В основе лежит понимание того, что камень раскалывается только по определенным физическим законам и никак иначе. И морфология, и конечная форма любого каменного артефакта предопределены этими законами и умением мастера их применять для получения нужного результата. Этот процесс исторический, и мастерство обработки камня накапливалось долгое время, иногда тысячелетиями, особенно в раннем палеолите.

Для археолога при анализе каменных индустрий непременным условием должно быть ясное понимание того, что развитие технологии изготовления каменных орудий — это прежде всего история изменения способов управления плоскостью расщепления (Гиря, Нехорошев 1993: 5). Плоскость расщепления, или скалывающая, — это материализованный импульс приложения силы (удар или давление) для отделения части от целого куска камня. Чтобы части получились такими, как задумывал мастер, ему необходимо было обязательно подготовить или выбрать поверхность расщепления, по которой проходит скалывающая, и точку приложения импульса — ударную (отжимную) площадку. Степень подготовки

---

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.
© Кулаков С. А., 2023

и обработки каменного сырья определяется, в первую очередь, техникой скола, которая рассматривается как «совокупность приемов, способов, средств и навыков приложения силового импульса» (Там же: 6). Эта совокупность, отраженная в морфологии каменных изделий, показывает уровень развития техники и технологии обработки сырья в каменном веке, который возможно исследовать и на основании этого построить технологическую периодизацию палеолита (Там же).

По мнению Е. Ю. Гири и П. Е. Нехорошева, «в ашеле, вероятно, в среднем, была открыта зависимость длины скола от угла скалывания... Другой значительный момент — это появление мягких отбойников». Исследователи полагают, что многие тысячи лет в раннем и среднем палеолите развитие раскалывания камня шло «как по пути создания оптимальных условий для нанесения наиболее точного удара, так и наиболее подходящего угла скалывания». Последний, как показали изучение артефактов и эксперименты, должен составлять 80–85° (Там же: 6, 7).

К среднему палеолиту древние мастера овладели разнообразными приемами подготовки поверхности расщепления и ударной площадки для получения сколов-заготовок с максимально протяженными острыми краями (Там же: 7, 8). Эти навыки позволили к концу среднего палеолита в достаточно большом количестве получать сколы с заранее определенными параметрами: пластины, леваллуазские отщепы и острия.

В верхнем палеолите кардинально изменяется техника скола, появляется краевое расщепление, которое позволило решить проблему фиксации на площадке нуклеуса точки удара. Древние мастера овладели техникой точного приложения силового импульса при снятии сколов с помощью приемов «редуцирования ударной площадки» на нуклеусе. Такая техника скола «отражается прежде всего в морфологии дорсальных поверхностей проксимальных концов сколов»; таким образом, «верхнепалеолитические пластины легко отличаются от леваллуазских мустьерских» (Там же: 9–11). Вторым большим достижением стало изготовление «стратегических» нуклеусов, «морфология которых еще на стадии пренуклеуса заранее запрограммирована на получение максимально большого количества пластин и пластинчатых заготовок» (Там же: 13).

Эти два показателя являются основанием для технологической периодизации, и присутствие в коллекции сколов с редуцированными ударными площадками и технологий «стратегических» нуклеусов — достаточное основание, чтобы считать данную индустрию верхнепалеолитической.

Проведенные Е. Ю. Гирей и П. Е. Нехорошевым исследования глубоко раскрыли тему. Технологические критерии периодизации каменного века успешно работают и дают возможность хронологически привязать любые индустрии. Попробуем более детально проиллюстрировать это материалами раннепалеолитических памятников юга Русской равнины и Кавказа, открытыми и исследованными за последние 20 лет.

Открытие и изучение на Кавказе и Юге России памятников древностью около 2 млн лет (Амирханов 2016; Деревянко и др. 2012; Щелинский и др. 2010) дают возможность более детально исследовать технику и технологию олдованской стадии раннего палеолита (Кулаков 2018а; 2020). Судя по опубликованным данным по индустриям Дманиси (Lumley de et al. 2005), Азыхской пещеры (Гусейнов 2010), памятников Дагестана (Амирханов 2016; Деревянко и др. 2012; Ожерельев 2021; Таймазов 2021) и Тамани (Кулаков 2018б; Щелинский, Кулаков 2009; Щелинский 2014), можно утверждать, что осознание зависимости качества скола от степени подготовки ударной площадки развивалось 1,5 млн лет олдованской стадии, при этом морфология изделий во многом зависела от размеров, формы и качества доступного сырья. Это четко проявилось в морфологии нуклеусов и сколов многослойных стратифицированных стоянок. На самых ранних этапах в индустриях древнее 1,5 млн лет (Амирханов 2016; Деревянко и др. 2012; Ожерельев 2021; Таймазов 2021; Lumley de et al. 2005) нуклеарное расщепление находится еще в зачаточном состоянии, подлинных нуклеусов для получения сколов-заготовок нет. Поверхности расщепления на предметах

практически всегда несут следы снятия 1–2 сколов и крайне редко большего количества, что всегда приводит к проблеме разделения ядрищ и чопперов, особенно на галечном сырье. Сколы, как правило, некрупные и не имеют стабильной морфологии дорсальных поверхностей. А главное, ударные площадки и на нуклеусах, и на сколах в абсолютном большинстве покрыты естественной коркой. Это свидетельствует в пользу того, что древний мастер в первую очередь подбирал отдельности или гальки сырья, морфология которых позволяла произвести целенаправленное получение нескольких отщепов.

Тем не менее процесс осознания и использования техники скола шел. В олдованских индустриях Кавказа и Тамани древностью 1,5–1,0 млн лет (Амирханов 2016; Кулаков 2018б; Таймазов 2021; Щелинский 2014; Щелинский, Кулаков 2009) появляются ядрища с гладкими ударными площадками, подготовленными одним большим сколом. Если получившийся при этом угол скалывания становился рабочим, то затем мастер снимал несколько отщепов с достаточно протяженными и острыми (насколько позволяли качество и размеры сырьевого материала) краями.

Другой путь использования техники скола проявился в развитии морфологии чопперов — самых массовых орудий древнего палеолита (Амирханов 2016; Деревянко и др. 2012; Кулаков 2018б; Ожерельев 2021; Таймазов 2021; Щелинский, Кулаков 2009; Щелинский 2014; Lumley de et al. 2005). Обработка лезвий чопперов шла по пути создания наиболее острой рабочей кромки. С одной стороны, это достигалось тщательной регулярной односторонней оббивкой и ретушированием, а с другой — изобретением двусторонней оббивки лезвия и изготовлением двусторонних чопперов (раньше такие изделия именовали чоппингами). Односторонние и двусторонние чопперы представлены в самых ранних индустриях Дагестана и Дманиси. Однако для ранних культурных слоев стоянки Айникаб 1, синхронных палеомагнитному субхрону олдувей (1,8 млн лет), «складывается впечатление о большей представительности чопперов односторонних» (Амирханов 2016: 138). Исходя из логики развития техники и технологии обработки камня, это закономерно, хотя есть исключения. Например, все чопперы стоянки Богатыри/Синяя Балка односторонние, хотя она минимум на 400 тыс. лет моложе дагестанских памятников. Возможно, это объясняется особенностями местного доломитового сырья, которое представлено разнообразными плитчатыми обломками (Кулаков 2018а; 2018б).

Таким образом, судя по материалам раннепалеолитических стратифицированных стоянок Кавказа и Тамани, техника двусторонней оббивки каменных изделий стала зарождаться еще в олдоване при изготовлении двусторонних чопперов. В этом регионе около 1 млн лет назад начинается переход к следующей технологической стадии раннего палеолита — ашельской (Амирханов 2013; 2016; 2021; Амирханов, Таймазов 2019). В это время наряду с развитием умения изготавливать посредством двусторонней оббивки протяженные лезвия на различных отдельностях сырья появляется понимание того, что такая обработка гораздо эффективнее на специально полученных крупных сколах. Этот процесс фиксируется пока только на раннепалеолитических стоянках Центрального Дагестана. Изучение индустрий конца раннего плейстоцена на стоянках Айникаб 1, Мухай 1, 2 позволило Х. А. Амирханову выделить особую «переходную от олдована к ашелю стадию» (Амирханов 2021: 7). В индустриях этой стадии, наряду с типичным олдованским набором орудий, мелкими нуклеусами и сколами, присутствуют крупные сколы (более 10 см в длину), а также соответствующие им ядрища и единичные «протобифасы» (Амирханов, Таймазов 2019). Эту стадию как раз и можно определить как самый ранний ашель на Кавказе и юге Русской равнины, возрастом от 1 млн лет.

Выделение самого древнего (около и более 2 млн лет) ашеля палеолитической ойкумены в Армении и на Тамани (Любин, Беляева 2010; Беляева, Любин 2013; Беляева 2022; Щелинский 2021) представляется не совсем оправданным. Во-первых, стратиграфия «культурных слоев» на «стоянке» Кермек (Тамань) и местонахождениях Карахач и Мурадово (Армения) исследована на небольших участках, что порождает вопросы к выводам

по геологической позиции объектов. Во-вторых, вызывает сомнение не только атрибуция, но и само искусственное происхождение некоторых предметов, изображения которых переходят из публикации в публикацию.

Стратифицированные памятники раннего ашеля возрастом примерно от 800 до 600 тыс. лет единичны на Кавказе. К концу раннего ашеля можно отнести индустрии стоянки Дарвагчай-1 (Дагестан), IV культурно-хронологический комплекс Треугольной пещеры (Карачаево-Черкесия) и, вероятно, VI культурный слой Азыхской пещеры (Азербайджан).

IV культурно-хронологический комплекс Треугольной пещеры, датированный по моллюскам методом ЭПР, имеет возраст около 600 тыс. лет, но коллекция артефактов насчитывает, включая находки из осыпи, не более 20 предметов (Дорони́чев и др. 2007). Малочисленность материала и редкость выразительных изделий не позволяют с уверенностью судить о характере индустрии.

VI культурный слой Азыхской пещерной стоянки, относимый ее исследователем к древнему ашелю (Гусейнов 2010), представлен значительной (около 2000 экз.) коллекцией разнообразных изделий, которые включают и ашельскую триаду орудий (Кулаков 2018a): чопперы (21 экз.), ручные рубила (8 экз.) и кливеры (3 экз.) (Гусейнов 2010). Этот культуросодержащий горизонт мощностью до 1 м вряд ли может считаться гомогенным литологическим слоем. Скорее всего, это пачка различных пещерных отложений, которые требуют более детального изучения. Поэтому и индустрия VI культурного слоя не может рассматриваться как единая и не имеет надежной хронологической привязки.

Наиболее показательна индустрия стоянки Дарвагчай-1, которую уверенно датируют первой половиной бакинского яруса истории Каспийского моря. Раскопками памятника получена огромная коллекция артефактов (более 9000 изделий), происходящая из четырех культуросодержащих горизонтов, которая относится к единой микролитовидной традиции, принесенной в регион первоначальной волной заселения Евразии (Деревянко 2019: 265). Ашельская триада представлена при этом немногочисленными изделиями из всех слоев. Это ручные рубила (5 экз.), чопперовидные (10 экз.) и пиковидные орудия (10 экз.); они являются самыми крупными предметами в коллекции. Размер остальных артефактов составляет в среднем 25–30 мм (Деревянко и др. 2012). По мнению исследователей памятника, в микроиндустрию стоянки Дарвагчай-1 ашельские двусторонне обработанные изделия и пики были привнесены последующими контактами, с расселением с юга «гейдельберцев с ашельской традицией» около 700 тыс. лет назад (Деревянко 2019: 267). К сожалению, большая коллекция нуклеусов (более 120 экз.) и сколов (более 1100 экз.) индустрии памятника опубликована обобщенно. О технике скола сообщается только то, что «скалывание отщепов производилось в основном с двусторонних нуклеусов с естественными или гладкими площадками» (Деревянко и др. 2012: 198). Однако даже такие скудные данные позволяют, как кажется, рассуждать о том, что на Кавказе, в Приморском Дагестане в конце раннего ашеля, по крайней мере в индустрии стоянки Дарвагчай-1, продолжалось развитие олдованской «галечно-отщеповой» стадии в ее «микролитовидном» варианте. А ашельские техника и технологии появляются в результате миграций, скорее всего, с Ближнего Востока и Передней Азии.

Средний ашель Кавказа и юга Русской равнины также представлен немногочисленными стратифицированными пещерными стоянками и более или менее стратифицированными местонахождениями. Традиционно к этому периоду относят пещерные стоянки в Южной Осетии, V культурный слой Азыхской пещеры в Азербайджане, III и, возможно, II культурно-хронологические комплексы Треугольной пещеры (Любин 1998; Любин, Беляева 2004; Гусейнов 2010; Дорони́чев и др. 2007). В нынешнем столетии к ним прибавились стратифицированные местонахождения в Дагестане и Азербайджане (Деревянко и др. 2012; Зейналов и др. 2022). Индустрии этих памятников содержат многочисленные орудия ашельской триады: чопперы, ручные рубила, колуны (кливеры) и/или пики-триэдры. К сожалению, коллекции этих стоянок и местонахождений изданы предварительно или

неполно. Исключения составляют монографические публикации индустрий пещер Кударо I и Треугольная.

Малочисленная (13 экз.) индустрия III культурно-хронологического комплекса Треугольной включает невыразительные отщепы, осколки и два изделия с ретушью и не дает оснований для ее технико-морфологической атрибуции. При этом для комплекса получена ЭПР-дата около 400 тыс. лет. Более представительна (114 экз.) очень своеобразная галечная индустрия стратиграфически более молодого II культурно-хронологического комплекса. Артефакты изготовлены из местного плитчато-галечного известнякового сырья, среди них выделяют чопперы (основная масса орудий), протобифасы, атипичный бифас и кливеровидное орудие, что достаточно для определения индустрии как ашельской. Есть в коллекции и галечные нуклеусы и сколы, ударные площадки на них естественные или гладкие. Исследователь памятника видит аналогии этому комплексу не на Кавказе, а только в ашеле Центральной и Восточной Европы (Дороничев и др. 2007).

Ашельская индустрия пещерной стоянки Кударо I (5732 экз.) изучена и опубликована наиболее полно, хронологически она относится ко второй половине среднего плейстоцена (Любин 1998; Любин, Беляева 2004). Для ее технико-морфологического анализа очень важен вывод исследователей о том, что техника изготовления и морфология всех предметов коллекции полностью определялись разнокачественной полисырьевой базой. Это важное наблюдение заставило более тщательно проанализировать технику первичного расщепления индустрии, которая, по мнению исследователей, выглядит достаточно архаичной. Нуклеусы специально не подготавливались к снятию сколов-заготовок, которые скалывались с ядрищ примитивного одноплощадочного расщепления. Ударные площадки и на нуклеусах, и на сколах в основном гладкие и корочные. Однако на более качественном сырье и сколы более качественные, пластинчатые, с подготовленными и фасетированными ударными площадками (Любин, Беляева 2004: 213, 214). При этом в описании ашельской индустрии стоянки не упоминаются леваллуазские нуклеусы и сколы. Кударский ашельский комплекс, судя по публикациям, представлен чопперами, чоппингами, ручными рубилами и кливеровидными орудиями. Большая коллекция ручных рубил кударской индустрии (63 экз.) изготавливалась на различных заготовках, но для большинства орудий использовались отщепы, в том числе крупные (более 10 см). При этом в коллекции таких сколов, судя по публикации, нет, как нет и сколов оббивки бифасов. Исследователи видят объяснение этому явлению в том, что часть рубил изготавливалась «на стороне» (Любин 1998; Любин, Беляева 2004).

Открытое в 2012 г. местонахождение Гараджа в Азербайджане дало большую коллекцию ашельских артефактов, залегающих в определенных стратиграфических условиях трех уровнями. Для изготовления находок использовалось только местное галечное сырье. Судя по комплексу биостратиграфических данных, все три уровня залегания изделий можно датировать серединой и второй половиной бакинского этапа региональной стратиграфической шкалы (после 500 тыс. лет назад). Коллекция памятника состоит из орудийных форм, выраженные нуклеусы и сколы единичны, среди последних присутствуют очень крупные экземпляры (Зейналов и др. 2022). Разнообразные и многочисленные чопперы и ручные рубила Гараджи морфологически одинаковы во всех трех уровнях. В индустрии нижнего уровня залегания находок выделяется группа настоящих колунов (кливеров), имеющих прямые аналогии в ашельских индустриях Северной Африки и Ближнего Востока (Зейналов, Кулаков 2023). В индустрии среднего уровня залегания артефактов обнаружены подлинные ашельские кирковидные орудия (пики) — триэдры, аналогичные ближневосточным (Анойкин и др. 2022). Эти два уровня разделены, видимо, большим временным промежутком, в котором происходила очередная трансгрессия Каспийского моря. В индустриях всех трех уровней присутствуют своеобразные, но морфологически одинаковые обушковско-асимметричные двусторонние изделия, которые аналогичны орудиям индустрий кайльмессер-группы Северной Евразии (Там же). Индустрии местонахождений

Дарвагчай-Залив 2 и 4 в Приморском Дагестане являются прямыми аналогами и, скорее всего, продолжением индустрий Гараджи. Они имеют более поздние хронологические привязки к концу среднего и началу позднего ашеля, после 300 тыс. лет назад (Деревянко и др. 2012; Рыбалко 2019; 2020).

В среднем ашеле, как представляется, техника скола продолжала развиваться в направлении усиления контроля качества получаемых отщепов. Стало приходить понимание того, что наиболее оптимальный скол-заготовка — это максимально удлиненный отщеп и (или) пластина, для получения которых надо готовить не только необходимый угол скалывания, но и саму точку приложения импульса — обрабатывать ретушью ударную площадку на нуклеусе. Для изготовления самых универсальных ашельских орудий, ручных рубил, стали использовать в качестве заготовок крупные сколы. На местонахождении Гараджа четко фиксируется волна миграции носителей ашельских индустрий с колунами и триэдрами.

Поздний и финальный ашель на Юге России и Кавказе представлен пока в основном немногочисленным подъемным материалом. Однако в Армении была открыта стоянка Даштадем 3, которая уверенно датируется ее исследователем верхним ашеелем. В индустрии этой стоянки впервые для Кавказа зафиксировано сосуществование ашельских ручных рубил и леваллуазской техники расщепления (Колпаков 2009). Это подтверждает высказывавшиеся ранее многими специалистами предположения о зарождении техники и технологии леваллуазского расщепления в позднем ашеле. Традиционно к позднему ашелю относят многие армянские, грузинские и причерноморские местонахождения ручных рубил (Любин 1998; Беляева 2022). Финальным ашеелем и даже началом среднего палеолита датирует находки ручных рубил на Северо-Западном Кавказе В. Е. Щелинский (2007).

Беглый обзор памятников раннего палеолита на Юге России и Кавказе позволяет утверждать, что идеи и критерии технологической периодизации каменного века, предложенные Е. Ю. Гирей и П. Е. Нехорошевым 30 лет назад, успешно применяются. Для раннего палеолита накопленные за это время материалы позволяют проследить, как шло развитие понимания сути, приемов и способов обработки каменного сырья от начального дробления для получения острых осколков до изготовления самых совершенных орудий — бифасов.

Литература

- Амирханов 2013 — Амирханов Х. А. К проблеме становления ашеля на Северном Кавказе // Молодин В. И., Шуньков М. В. (отв. ред.). *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию акад. А. П. Деревянко*: Сб. ст. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 15–23.
- Амирханов 2016 — Амирханов Х. А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: МавраевЪ, 2016. 344 с.
- Амирханов 2021 — Амирханов Х. А. Эволюция каменной индустрии Центрального Дагестана в раннем плейстоцене: динамическая статистика отщеповых заготовок // АЭАЕ. 2021. № 1. С. 3–8.
- Амирханов, Таймазов 2019 — Амирханов Х. А., Таймазов А. И. Раннеплейстоценовая крупноотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадийный статус // КСИА. 2019. Вып. 254. С. 13–33.
- Анойкин и др. 2022 — Анойкин А. А., Зейналов А. А., Кулаков С. А., Очередной А. К., Идрисов И. А., Курбанов Р. Н., Эйбатов Т. М. Геоархеологические работы на территории Азербайджанской Республики в 2022 году // ПАЭАСиСТ. 2022. Т. 28. С. 21–28.
- Беляева 2022 — Беляева Е. В. Ашельские памятники Закавказского нагорья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2022. 276 с.
- Беляева, Любин 2013 — Беляева Е. В., Любин В. П. Ашельские памятники Северной Армении // Молодин В. И., Шуньков М. В. (отв. ред.). *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию акад. А. П. Деревянко*: Сб. ст. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 37–52.

- Гиря 1997 — Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. СПб.: ИИМК РАН, 1997. 198 с.
- Гиря, Нехорошев 1993 — Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. 1993. № 4. С. 5–23.
- Гусейнов 2010 — Гусейнов М. М. Древний палеолит Азербайджана. Баку: Текнур, 2010. 220 с.
- Деревянко 2019 — Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 4: Ашельская и бифасиальная индустрия в Китае, Корее, Монголии, Казахстане, Туркменистане, Узбекистане и на Кавказе. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 948 с.
- Деревянко и др. 2012 — Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.
- Дороничев и др. 2007 — Дороничев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гарутт Н. В., Левковская Г. М., Молодъков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффекер Д. Ф. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.
- Зейналов, Кулаков 2023 — Зейналов А. А., Кулаков С. А. Колуны в ашеле Южного Кавказа // *Stratum plus*. 2023. № 1. С. 1–13.
- Зейналов и др. 2022 — Зейналов А. А., Кулаков С. А., Идрисов И. А., Очередной А. К., Курбанов Р. Н., Анойкин А. А. Финальный ранний палеолит Азербайджана (по материалам местонахождения Гараджа) // АЭАЕ. 2022. № 4. С. 3–15.
- Колпаков 2009 — Колпаков Е. М. Верхнеашельская стоянка Даштадем 3 в Армении // *Stratum plus*. 2009. № 1. С. 196–224.
- Кулаков 2018а — Кулаков С. А. Ранний и средний палеолит Северо-Западного Кавказа: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 58 с.
- Кулаков 2018б — Кулаков С. А. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове // АВ. 2018. № 24. С. 19–32.
- Кулаков 2020 — Кулаков С. А. Ранний палеолит Кавказа: современное состояние изучения // ЗИИМК. 2020. № 22. С. 76–98.
- Любин 1998 — Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 192 с.
- Любин, Беляева 2004 — Любин В. П., Беляева Е. В. Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 272 с.
- Любин, Беляева 2010 — Любин В. П., Беляева Е. В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Щелинский В. Е., Васильев С. А. (ред.). Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии: Докл. науч. конф. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 107–126 (Тр. ИИМК РАН. Т. 35).
- Нехорошев 1999 — Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский дом, 1999. 174 с.
- Ожерельев 2021 — Ожерельев Д. В. Мухкай II, слой 80. Стоянка эпохи олдована на Северо-Восточном Кавказе. М.: ИА РАН, 2021. 160 с.
- Рыбалко 2019 — Рыбалко А. Г. Рубила Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // ПАЭАСиСТ. 2019. Т. 25. С. 218–224.
- Рыбалко 2020 — Рыбалко А. Г. Основные типы макроорудий в ашельских комплексах Юго-Восточного Дагестана // ПАЭАСиСТ. 2020. Т. 26. С. 199–205.
- Таймазов 2021 — Таймазов А. И. Айникаб I: стоянка олдована на Северо-Восточном Кавказе. Махачкала: МавраевЪ, 2021. 288 с.
- Щелинский 2007 — Щелинский В. Е. Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб.: Европейский дом, 2007. 189 с.
- Щелинский 2014 — Щелинский В. Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники I в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН, 2014. 168 с.
- Щелинский 2021 — Щелинский В. Е. Ранний ашель Западного Предкавказья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. 132 с.
- Щелинский, Кулаков 2009 — Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя Балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Деревянко А. П., Шуньков М. В. (отв. ред.). Древнейшие

миграции человека в Евразии: Материалы междунар. симпозиума. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 188–206.

Щелинский и др. 2010 — Щелинский В. Е., Додонов А. Е., Байгушева В. С., Кулаков С. А., Симакова А. С., Тесаков А. С., Титов В. В. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (ред.). Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии: Докл. науч. конф. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 11–46 (Тр. ИИМК РАН. Т. 35).

Lumley de et al. 2005 — Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notte O., Zvania D., Lordkipanidze D. Les industries lithiques preoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Georgie // L'Anthropologie. 2005. Т. 109. P. 2–182.

TOWARDS THE QUESTION OF THE TECHNOLOGICAL PERIODIZATION OF THE PALEOLITHIC (WITH PARTICULAR REFERENCE TO THE LOWER PALEOLITHIC OF THE CAUCASUS AND SOUTH RUSSIAN PLAIN)

S. A. KULAKOV

Keywords: *technology, periodization, Early Paleolithic, Caucasus, Taman peninsula.*

The author uses the materials of the Early Paleolithic sites of the Caucasus and South Russian Plain, discovered and studied in the last twenty years, to evaluate the feasibility of the technological criteria that were put forward by P. E. Nekhoroshev and E. Yu. Girya 30 years ago as the basis for the periodization of the Stone Age. It is concluded that these criteria work well, making it possible to place stone industries within a proper chronological framework.

БЕЛОКУЗЬМИНОВСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

А. В. КОЛЕСНИК²

Ключевые слова: *средний палеолит, Донбасс, тронкированно-фасетированные изделия, белокузьминовская группа памятников, стоянка Шлях, мустье загросского типа.*

Белокузьминовская группа памятников была выделена П. Е. Нехорошевым в 1996 г. Вопрос о количественном и качественном составе группы является предметом дискуссий. В статье обсуждается отнесение к группе только двух памятников — Белокузьминовки в Северо-Западном Донбассе и Шляха на Среднем Дону. Помимо прогрессивной техники первичного расщепления обе каменные индустрии характеризуются значительным количеством тронкированно-фасетированных изделий. Доказывается, что в число этих изделий в индустрии стоянки Белокузьминовка входят не только нуклеусы, но и различные орудия со специфическим порядком оформления и оживления лезвийных кромок. Время существования стоянок, видимо, ограничивается кислородно-изотопной стадией 3. Стоянки Белокузьминовка и Шлях рассматриваются в качестве территориальной группы специфического варианта среднего палеолита, известного в археологической литературе как мустье загросского типа. Для индустрий этого варианта характерны леваллуазская техника, присутствие нуклеусов с торцовым расщеплением, разнообразные тронкированно-фасетированные изделия. В Средней Азии к этому культурному таксону относятся памятники оби-рахматского типа заключительной стадии среднего палеолита и начала позднего палеолита.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-17-25

Введение

Белокузьминовская группа памятников среднего палеолита Русской равнины была выделена П. Е. Нехорошевым в 1996 г. на основании материалов стоянки Шлях на Среднем Дону и нескольких памятников, расположенных в Донбассе (Нехорошев 1996). Стоянка Белокузьминовка раскапывалась Д. С. Цвейбель в 1968–1970 гг. (Цвейбель 1971) и А. В. Колесником в 1986 г. (Герасименко, Колесник 1989; 1992). Стоянка Шлях исследовалась П. Е. Нехорошевым в 1990–1991 гг., затем вместе с Л. Б. Вишняцким в 1998–2001 гг. (Нехорошев, Вишняцкий 2002). В качестве критериев выделения белокузьминовской группы памятников послужили технико-типологические признаки. Главными из них были похожие приемы первичного расщепления и наличие особой техники обработки, известной в литературе под разными названиями (truncated-facetted, ядрищный способ обработки

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия; Донецкий государственный университет; г. Донецк, 283001, Донецкая Народная Республика.

© Колесник А. В., 2023

и др.). В состав белокузьминовской группы П. Е. Нехорошев первоначально включил такие памятники, как Белокузьминовка, Шлях, Звановка и Курдюмовка (Нехорошев 1996), А. В. Колесник предложил сократить эту группу до трех памятников — Белокузьминовки, Шляха и грота Бутешты в Молдавии (Колесник 2003: 210, 211). Дискуссия вокруг этой группы памятников была продолжена в связи с уточнениями датировок и «списочного состава». Было допущено, что среднепалеолитическая по характеру техники первичного расщепления индустрия бугского лесса Белокузьминовки существовала в регионе «в окружении индустрий уже сложившегося позднего палеолита» (Колесник, Весельский 2005: 147). П. Е. Нехорошев дополнительно включил в группу индустрию слоя 5-6 стоянки Би-рючья Балка 2 в низовьях Северского Донца на основании выраженного пластинчатого компонента (Нехорошев 2009: 126), хотя единичные *truncated-faceted* во всех «нижних» слоях этой стоянки не выходят за пределы фоновых значений. Вероятно, в настоящее время следует ограничить группу только двумя памятниками с явными чертами сходства в каменном инвентаре — стоянкой Белокузьминовка в Северо-Западном Донбассе и стоянкой Шлях, расположенной в междуречье Среднего Дона и Нижней Волги.

Независимо от полемики вокруг памятников белокузьминовской группы дискуссия по поводу изделий типа *truncated-faceted* продолжала поступательно развиваться в различных исследовательских центрах. Отметим, что проблеме *truncated-faceted* посвящено много работ, краткая историография вопроса изложена в некоторых из них (Колесник 1994: 85; Шалагина и др. 2015: 34, 35). Для Средней и Передней Азии была разработана оби-рахматская модель перехода от среднего палеолита к верхнему, в значительной степени основанная на сходстве технико-типологической группы изделий *truncated-faceted* (Кривошапкин 2012; Колобова, Шалагина 2013). На основе анализа последовательности сколов А. В. Шалагина с соавторами заключили, что тронкированно-фасетированные изделия грота Оби-Рахмат с s-образным контуром края являются скорее орудиями, а не нуклеусами (Шалагина и др. 2019).

Изделия типа *truncated-faceted* достаточно широко распространены в среднем и позднем палеолите Евразии в генетически разнородных индустриях. Сохраняет актуальность проблема деления *truncated-faceted* на нуклеусы и орудия. Задача настоящей статьи — поновому оценить некоторые познавательные возможности таксона «белокузьминовская группа памятников» (кроме хронологии и культурной динамики), предложенного П. Е. Нехорошевым около 30 лет назад.

Поливариантность технологии тронкирования-фасетирования

Изделия типа *truncated-faceted* (техника *Nahr Ibrahim*) изначально рассматривались в контексте неясно дифференцированной типологической и технологической номенклатуры (Solecki R. S., Solecki R. A. 1970; Solecki 1975), что является следствием применения при формировании-оживлении орудий техники расщепления уплощенных нуклеусов. Большинство исследователей считают тронкированно-фасетированные изделия орудиями, но есть и комплексная трактовка этих предметов, в том числе в качестве нуклеусов. Наиболее последовательно эти взгляды развивали Х. Диббл и Ш. Макферрон, которые на основании комплексного анализа предположили, что значительная часть изделий была нуклеусами для микросколов, а предельная эксплуатация нуклеусов была вызвана дефицитом сырья (Dibble, McPherron 2007).

Важное прикладное значение для диагностики функционального класса каменных изделий Белокузьминовки имеет метод анализа последовательности сколов (*scar-pattern analysis*: Jöris 2001; Kot 2013), выросший из опыта технологического анализа расщепления нуклеусов среднего палеолита 1990-х гг. В комплексах каменного века с геологическими нарушениями доказательно интерпретировать можно сколы, завершающие обработку, тогда как оценка сколов, фиксируемых по фрагментам негативов, во многом остается спорной. Тем не менее метод хорошо визуализирует циклы обработки и подводит статистическую

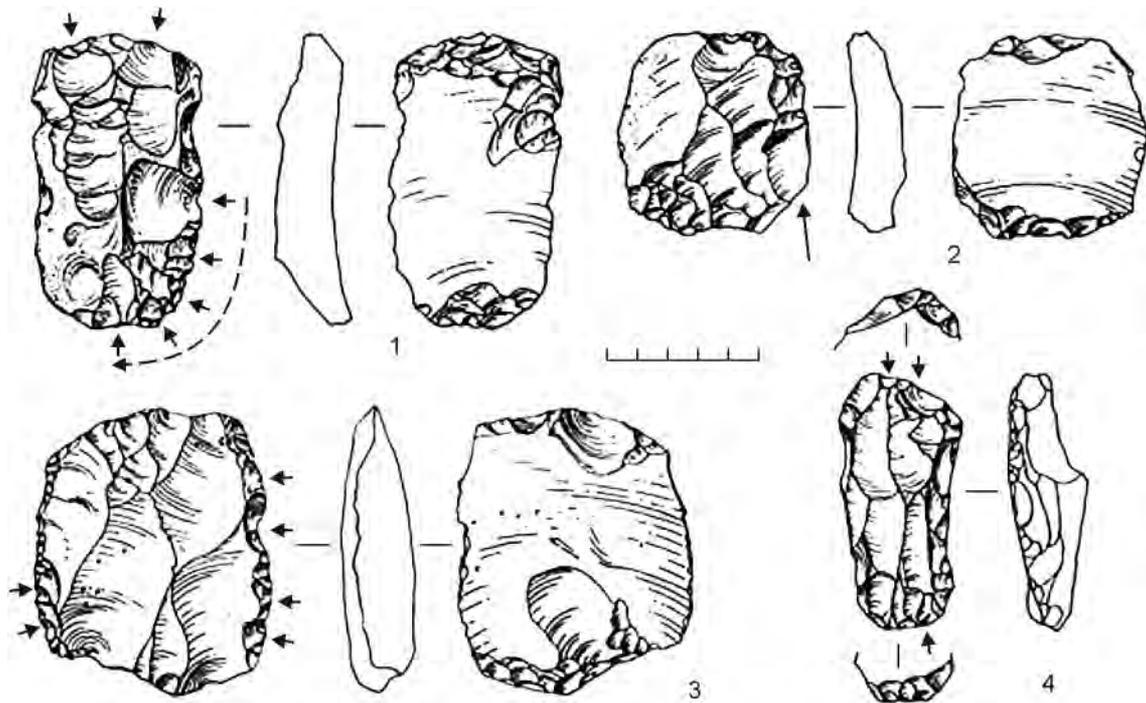

Рис. 1. Стоянка Белокузьминовка, варианты обработки изделий с ядрищным утончением: 1 — последовательное наложение сколов утончения на фасетки ретуши; 2 — фасетки ретуши перекрывают сколы утончения; 3 — сколы утончения срезают фасетки ретуши; 4 — сколы с вторичных площадок срезают рабочую кромку

Fig. 1. Belokuzminovka site, different ways of truncating-faceting: 1 — thinning scars cover retouch facets; 2 — retouch facets overlay thinning scars; 3 — thinning removals cut retouch facets; 4 — removals from secondary platforms cut working edge

базу под реконструкции индивидуальных «биографий» изделий. В ходе обработки материалов Белокузьминовки метод анализа последовательности сколов был применен еще в 1994 г., при морфотехнологическом описании тронкированно-фасетированных изделий и выделении логических схем их редукции. По «стратиграфии» сколов и последовательности фасеток на боковых лезвийных кромках и концевых тронкированных участках были выделены четыре схемы трансформации изделий типа truncated-faceted, bi-truncated-faceted (Колесник 1994: 86, 87). У первой группы изделий «фасетки сколов утончения... попеременно налагаются на фасетки лезвийной ретуши» (рис. 1, 1), у второй группы фасетки ретуши на лезвиях перекрывают фасетки с вторичных площадок (рис. 1, 3). У третьей группы «фасетки продольных сколов утончения срезают верхушки фасеток краевой ретуши» (рис. 1, 4), у четвертой — скалывание производилось попеременно с двух вторичных площадок, «часто в первую очередь наносились краевые продольные сколы <...>, напоминающие широкие плоские режущие сколы» (рис. 1, 2).

В колористическом варианте метода анализа последовательности сколов хорошо просматривается последовательность обработки угловатого скребла (рис. 2, 1): формирование лезвия — формирование вторичной площадки на ударной площадке скола-заготовки — скол понижения рельефа базальной части орудия и формирование заостренной кромки (аккомодация края для зажима в рукояти?). Часть truncated-faceted и bi-truncated-faceted изделий Белокузьминовки может быть описана как ножи (и скребла) костёнковского типа, у которых система сколов с вторичных площадок была связана с оживлением угла между продольным лезвием и площадкой или с оживлением всего продольного лезвия (рис. 2, 2).

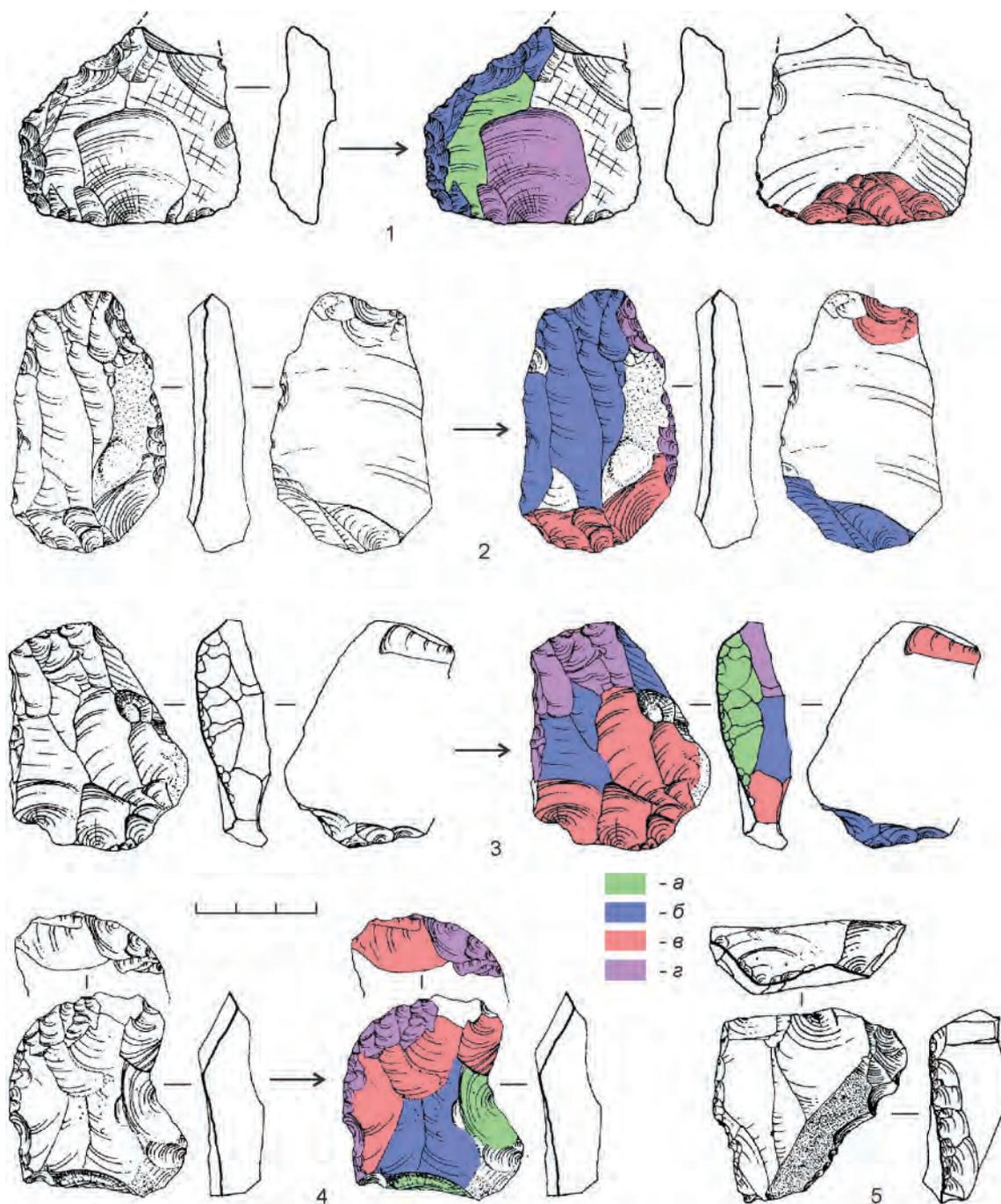

Рис. 2. Стоянка Белокузьминовка, основные разновидности (1–5) тронкированно-фасетированных изделий (*a–z* — порядок скальвания, группы сколов: *a* — предшествующие операциям вторичного уточнения; *б* — связанные с первым циклом формирования вторичной площадки и поверхности с пониженным рельефом; *в* — связанные со вторым циклом формирования вторичной площадки и поверхности с пониженным рельефом; *з* — завершающие обработку лезвий и тронкированных участков)

Fig. 2. Belokuzminovka site, main varieties (1–5) of truncated-faceted pieces (*a–z* — flaking order, groups of flakes: *a* — detached prior to secondary thinning; *б* — associated with the first cycle of secondary platform formation and surface with lowered relief; *в* — associated with the second cycle of secondary platform formation and surface with lowered relief; *з* — detached on the final stage of the preparation of working edges and truncated parts of tools)

Последовательность сколов выстраивается от края к центру дорсальной поверхности орудия либо наоборот. У скребел с утонченным корпусом скалывание с вторичных площадок ориентировано на понижение рельефа и массивности корпуса, эти сколы ориентированы по центру продольного ребра (рис. 2, 3). В последовательности расщепления трех орудий систему сколов замыкает нанесение фасеток на уже тронкированную поверхность (рис. 2, 4), как это описано на материалах грота Оби-Рахмат (Шалагина и др. 2019), то есть у этих изделий вероятная рабочая кромка связана с тронкированно-фасетированным краем.

В целом акценты в обработке основной группы тронкированно-фасетированных изделий из сколов белокузьминовской индустрии связаны с формированием лезвий, аккомодационных участков и уменьшением массивности орудий. Последовательность расщепления нескольких изделий из сколов с ретушированным краем соответствует схеме расщепления нуклеусов (рис. 2, 5).

Дополнительные аргументы для дифференциации нуклеусов и орудий может дать анализ зон расщепления. Напомним, что под зоной расщепления принято понимать краевую часть ударной площадки нуклеуса, сформированный сколами обработки самой площадки и сопряженной с ней приплощадочной зоны рабочего фронта нуклеуса (Гиря, Нехорошев 1993). При скалывании пластин и отщепов в зоне расщепления образуются так называемые карнизы — выступающие в плане и профиле участки площадки, которые при дальнейшем скалывании необходимо было устранить (применить прием перебора или редуцирования площадки, в зависимости от степени ее подготовки). «...Удаление точки удара от края ударной площадки определяется „перебором карниза“, то есть „отодвиганием“ края ударной площадки в глубину, в противоположную от поверхности расщепления сторону, или, другими словами, „загибанием“ края поверхности расщепления за счет редуцирования ударной площадки» (Там же: 9). Сохранившийся (неперебранный) карниз означает, что рабочий фронт нуклеуса не планировался к дальнейшему расщеплению. В контексте нашего анализа важно отметить, что сохранившийся в зоне расщепления карниз — признак технологии расщепления нуклеуса. В индустрии Белокузьминовки помимо нуклеусов он отмечен на трех изделиях, занимающих промежуточное положение между нуклеусами и орудиями (рис. 2, 5), а также на двух *bi-truncated-faceted* изделиях с очень мелкими фасетками утончения и мельчайшим карнизом, устранять который не имело смысла (Колесник 2003: рис. 90, 8).

Сравнение последовательностей нанесения сколов у образцов изделий каменной индустрии Белокузьминовки показывает, что основная часть выборки по технико-морфологическим критериям относится к орудиям, часть из них обработана по схеме редукции орудий грота Оби-Рахмат с мелкозубчатым тронкированно-фасетированным краем. Не менее четырех изделий обладают признаками нуклеусов. Некоторое количество может быть описано как орудия из предельно сработанных нуклеусов и сколов с уплощенным рабочим фронтом (нуклеусы вторичного использования).

Структура варианта среднего палеолита с тронкированно-фасетированными изделиями

Индустрии с леваллуазской основой первичного расщепления, элементами торцового расщепления и статистически выраженными тронкированно-фасетированными изделиями за пределами Леванта и Загроса представлены ограниченным количеством памятников, в основном в Кавказском регионе. К ним относится часть слоев Тагларской (Джафаров 1992) и Ереванской-1 пещер (Ерицян 1970), пещеры Мыштулагты-Лагат (Hidjrati et al. 2003) и других памятников (Дороничева и др. 2020; Anoykin et al. 2013). За пределами Кавказа они известны в нижних слоях грота Оби-Рахмат в Узбекистане (Колобова, Шалагина 2013), в Донбассе, на Среднем Дону и еще в ряде мест.

Вероятно, данные памятники являются территориальным проявлением особого варианта среднего палеолита Евразии, за которым следует закрепить уже сложившееся название

мустье загросского типа (допустимая редакция: средний палеолит загросского типа). Определить эти памятники в качестве локальных групп за пределами Ближнего Востока пока не представляется возможным. Также сложно дать и усредненную характеристику всему варианту среднего палеолита в силу значительных хронологических (для Ближнего Востока) отличий, но его общие родовые признаки вполне отчетливы: это индустрии с плоскостными полюсными нуклеусами, переходящими в торцовые, орудия с односторонней обработкой и группа тронкированно-фасетированных изделий. Сама по себе технология ядрищной обработки орудий шире тронкированно-фасетированных индустрий среднего палеолита загросского типа, в особых вариантах она встречается в индустриях с асимметричными бифасами и радиально-дисковидными нуклеусами.

Предметы с ядрищной обработкой из Белокузьминовки и Шляха составляют часть коллекции каменных изделий этих стоянок, которую можно назвать типологическим ядром индустрии. Каменная индустрия Белокузьминовки насчитывает более 10 000 предметов. С формально-типологической точки зрения в категорию орудий включены 334 предмета. Тронкированно-фасетированных изделий на разных стадиях обработки отмечено всего 54 экз. (Колесник 2003: 198). Среди них выделяются нуклевидные формы, скребла с утонченным корпусом, костёнковские ножи и другие типы изделий. Коллекция каменных изделий слоя 8 стоянки Шлях насчитывает 4558 изделий, из них орудий 92. Среди орудий выделяются скребла двойные продольные с «костёнковской» подтеской (2 экз.), протоко-стёнковские ножи (4 экз.) и ножи с обушком с ядрищным утончением конца (2 экз.) (Нехорошев 2009: 111).

Культурный феномен «памятники белокузьминовского типа» имеет хронологическую и пространственную протяженность. Хронологическое положение стоянок Шлях и Белокузьминовка достаточно хорошо изучено. Основная интересующая нас коллекция каменных изделий и немногочисленные фаунистические остатки (крупный бизон) стоянки Шлях происходят из слоя 8, который залегает под погребенной почвой на глубине 3–4 м (Нехорошев 2006). Радиоуглеродные даты в совокупности с палинологическими и палеомагнитными данными указывают на то, что основной слой стоянки с тронкированно-фасетированными изделиями (слой 8) датируется 41–44 тыс. л. н. Белокузьминовская среднепалеолитическая по технологии первичного расщепления каменная индустрия залегает в переотложенном состоянии. Переотложение культурных остатков произошло в раннебугское время по схеме палеогеографической этапности плейстоцена М. Ф. Веклича (1990). Бугский этап осадконакопления сопоставляется с первой стадией валдая (Герасименко 2004: 19). Кремни из бугского суглинка залегают во взвешенном состоянии с произвольной ориентацией осей и плоскостей многих мелких предметов. Крупные кремни залегают в основном горизонтально, часто с ориентацией оси вдоль склона. Кремни интенсивно патинированы (фарфоровидная патина с матовым отливом), с механическими повреждениями, температурными трещинами и мелкими ячейками поверхностного выветривания. Какой-либо сортировки по размерным фракциям нет. Органические материалы в культуросодержащем горизонте отсутствуют. Вертикальная концентрация кремневых артефактов и обломочного материала отмечена на глубинах 0,6–0,8 и 1,4–1,6 м, что может соответствовать фазам усиления эрозии. В бугское время интенсивность делювиального смыва уменьшалась от времени накопления нижней толщи к верхней (Колесник 2003: 172, 173). Кремневые изделия из двух условных бугских горизонтов лесса относятся к одной индустрии, которая по основным технико-типологическим показателям занимает промежуточное положение между средним и верхним палеолитом и имеет «финально-мустьерский или переходный археологический возраст» (Герасименко, Колесник 1992: 135). «Геологическая оболочка» бугского комплекса Белокузьминовки вполне допускает такую хронологическую оценку индустрии.

Не ранжируя комплексы обеих стоянок по их «эволюционному расстоянию», отметим, что памятники белокузьминовской группы в целом относятся ко времени MIS 3. В этом

они близки к оби-рахматской группе памятников. При этом следует отметить, что в Северо-Западном Донбассе известна изолированная находка крупного кремневого скребла с приемом ядрищной обработки одного из концов. Орудие происходит из Корнева Яра и залегает на значительной глубине в делювии кайдакской (микулинской) черноземовидной почвы, по Н. П. Герасименко (Колесник 1986).

Расстояние между Белокузьминовкой и Шляхом значительно, около 300 км, они относятся к разным физико-географическим зонам.

Вероятно, белокузьминовская группа памятников в узком списке (Белокузьминовка и Шлях) вне зависимости от хронологического и эволюционного сопоставления комплексов внутри группы является восточноевропейским аналогом среднеазиатских памятников типа Оби-Рахмат, на основании которых реконструирован особый вариант перехода от среднего палеолита к верхнему (Кривошапкин 2012). Для детализации гипотезы ближневосточного происхождения памятников белокузьминовской группы нужны дополнительные исследования, прежде всего полевые.

Заключение

Несмотря на некоторые спорные моменты, само понятие «белокузьминовская группа памятников» я считаю удачным. Предложенный П. Е. Нехорошевым более четверти века назад культурный таксон до сих пор сохраняет свое прогностическое значение. Таксон вошел в существующий набор понятий, с помощью которых мы анализируем и реконструируем технологические и культурные феномены среднего палеолита Восточной Европы. Дискуссия, связанная с дифференциацией изделий с ядрищным уточнением белокузьминовской группы памятников среднего палеолита Восточной Европы, еще раз показывает универсальность основных технологий и приемов расщепления камня, их приспособленность к формированию и возобновлению поверхностей с различными функциональными целями. Универсальный прием ядрищной обработки с вторичных площадок мог служить для получения сколов-заготовок с нуклеусов, для уточнения корпуса сработанных скребел, оживления затупившейся кромки ножей, а также для формирования участка крепления орудий в оправе. Технологическая основа одна, функциональные (и типологические) дериваты разные. В индустрии Белокузьминовки–Шляха тронкированно-фасетированные изделия имеют ярко выраженный культурный контекст. Поиск генетической основы этой группы представляется увлекательной исследовательской задачей.

Литература

- Веклич 1990 — Веклич М. Ф. Основы палеоландшафтоведения. Киев: Наукова думка, 1990. 192 с.
- Герасименко 2004 — Герасименко Н. П. Розвиток зональних ландшафтів четвертинного періоду на території України: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Київ, 2004. 39 с.
- Герасименко, Колесник 1989 — Герасименко Н. П., Колесник О. В. Геологічний вік муст'є Північно-Західного Донбасу // Доповіді АН УРСР. 1989, серія «Б». № 11. С. 3–6.
- Герасименко, Колесник 1992 — Герасименко Н. П., Колесник А. В. Археологическое и стратиграфическое изучение стоянки Белокузьминовка в 1986 году // РА. 1992. № 2. С. 127–135.
- Гиря, Нехорошев 1993 — Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е. Некоторые технические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. 1993. № 4. С. 5–24.
- Джафаров 1992 — Джафаров А. К. Средний палеолит Азербайджана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Баку, 1992. 36 с.
- Доронишева и др. 2020 — Доронишева Е. В., Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Недомолкин А. Г. и др. Грот Сарадж-Чуко в Приэльбрусье (результаты междисциплинарных исследований 2017–2019 гг.). СПб.: РИПОЛ классик, 2020. 408 с.
- Ерицяц 1970 — Ерицяц Б. Г. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1970. 18 с.

- Колесник 1986 — Колесник А. В. Раннепалеолитические находки из Корнеева Яра (Донбасс) // СА. 1986. № 1. С. 240–242.
- Колесник 1994 — Колесник А. В. Трансформация скребел с утонченным корпусом // АА. 1994. № 3. С. 85–100.
- Колесник 2003 — Колесник А. В. Средний палеолит Донбасса. Донецк, 2003. 294 с. (АА. № 12).
- Колесник, Весельский 2005 — Колесник А. В., Весельский А. П. Черкасское — комплексный памятник археологии в бассейне Северского Донца. Донецк, 2005. 168 с. (АА. № 17).
- Колобова, Шалагина 2013 — Колобова К. А., Шалагина А. В. Тронкированно-фасетированные изделия нижних слоев индустрии грота Оби-Рахмат (Узбекистан) // Вестник Новосибирского ГУ. Серия История, философия. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 105–113.
- Кривошапкин 2012 — Кривошапкин А. И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 38 с.
- Нехорошев 1996 — Нехорошев П. Е. Среднепалеолитическая группа памятников на юге Русской равнины // АА. 1996. № 5. С. 71–74.
- Нехорошев 1999 — Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский дом, 1999. 172 с.
- Нехорошев 2006 — Нехорошев П. Е. Результаты датирования стоянки Шлях // РА. 2006. № 3. С. 21–30.
- Нехорошев 2009 — Нехорошев П. Е. Конец среднего палеолита на Русской равнине в свете материалов стоянки Шлях // АА. 2009. № 20. С. 111–128.
- Нехорошев, Вишняцкий 2002 — Нехорошев П. Е., Вишняцкий Л. Б. Новые материалы стоянки Шлях, слой 9 // Нижневолжский археологический вестник. 2002. Вып. 5. С. 148–163.
- Цвейбель 1971 — Цвейбель Д. С. Стоянка с «зубчатым мустье» у с. Белокузьминовка на Донеччине // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев: Наукова думка, 1971. С. 108–113.
- Шалагина и др. 2015 — Шалагина А. В., Кривошапкин А. И., Колобова К. А. Тронкированно-фасетированные изделия в палеолите Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. 43 (4). С. 33–45.
- Шалагина и др. 2019 — Шалагина А. В., Колобова К. А., Кривошапкин А. И. Анализ последовательности сколов как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum plus. 2019. № 1. С. 145–154.
- Anoykin et al. 2013 — Anoykin A. A., Slavinski V. S., Rudaya N. A., Rybalko A. G. New findings of lithic industries of the Middle to Upper Paleolithic boundary in Dagestan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. No. 41 (2). P. 26–39.
- Dibble, McPherron 2007 — Dibble H., McPherron S. Truncated-faceted pieces: hafting modification, retouch, or cores? // McPherron S. P. (ed.). Tools versus Cores: Alternative Approaches to Stone Tool Analysis. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 75–90.
- Hidjrati et al. 2003 — Hidjrati N. I., Kimball L. R., Koetje T. Middle and Late Pleistocene investigations of Myshtulagty Lagat (Weasel Cave), North Ossetia, Russia // Antiquity. 2003. Vol. 77, no. 298. P. 1–5.
- Jöris 2001 — Jöris O. Der spätmittelpaläolithische Fundplatz Buhlen (Grabungen 1966–69). Stratigraphie, Steinartefakte und Fauna des Oberen Fundplatzes. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn: Habel, 2001. 182 p.
- Kot 2013 — Kot M. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe. Technological Approach. PhD Thesis. Warsaw, 2013. 374 p.
- Solecki 1975 — Solecki R. The Middle Paleolithic site of Nahr Ibrahim (Asfourieh Cave) in Lebanon // Wendorf F., Marks A. E. (eds.). Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas: Southern Methodist University Press, 1975. P. 283–295.
- Solecki R. S., Solecki R. A. 1970 — Solecki R. S., Solecki R. A. New secondary flaking technique at the Nahr Ibrahim Cave Site, Lebanon // Bulletin du Musée de Beyrouth. 1970. No. 23. P. 137–142.

**BELOKUZMINOVKA GROUP OF SITES AND CURRENT PROBLEMS
IN THE STUDY OF THE PALEOLITHIC OF EAST EUROPE**

A. V. KOLESNIK

Keywords: *Middle Paleolithic, Donbas, truncated-faceted tools, Belokuzminovka group of sites, Shlyakh site, Zagros type Mousterian.*

The Belokuzminovka group of sites was singled out by P. E. Nekhoroshev in 1996. The question of its composition is a subject of continuous debate. The paper considers whether such sites as Belokuzminovka (northwestern Donbas) and Shlyakh (the Middle Don) should be included into the group. Both sites appear to have existed during MIS-3. In addition to an advanced primary flaking technology, both industries are characterized by considerable numbers of truncated-faceted tools. In the author's view, they can be considered a territorial group of a specific Middle Paleolithic variant known as the Zagros type Mousterian. The industries of this variant are characterized by the Levallois technique, presence of narrow side cores, various truncated-faceted artifacts. The sites of the Obi-Rakhmat type in Central Asia, dated to the final stage of the Middle Paleolithic and the beginning of the Upper Paleolithic, belong to this cultural taxon, too.

АНАЛИЗ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ РАСЩЕПЛЕНИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ¹

А. К. ОЧЕРЕДНОЙ²

Ключевые слова: *scar-pattern analysis, двусторонне обработанные изделия, расщепление, система скалывания (flake system), морфологический анализ.*

Статья посвящена методу анализа последовательности расщепления, известному в современной литературе как *scar-pattern analysis*. Предложенные изменения в инструментах метода позволяют внести коррективы в способ визуализации последовательности изготовления льюбых изделий путем введения жесткой связи между полихромными схемами «хронологической иерархии» негативов и демонстрирующими их цветовыми спектрами, которые могут быть дополнительно детализированы в зависимости от поставленных целей анализа. Представленный вариант анализа отражает морфологическую характеристику изделия через демонстрацию элементарных закономерностей формообразования путем определения позиций и роли систем скалывания, формирующих изделие.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-26-36

Введение

Появление *scar-pattern* анализа (возможно применение аббревиатуры SPA), или анализа последовательности сколов, анализа последовательности расщепления (последний вариант русского названия в настоящее время более предпочтителен, так как подразумевает использование SPA при изучении первичного расщепления, далее АПР), обусловлено необходимостью получения более-менее объективного инструмента оценки технических операций, применяемых при расщеплении. Постепенное оформление этого приема изучения различных орудий в самостоятельный метод требует изложения в рамках специальной статьи, так как появление такого инструмента было невозможно без кризиса тех немногих методов, которые применялись в типологии, в первую очередь, двусторонне обработанных изделий в постбордовскую эпоху. Появление вначале монохромных, а несколько позже и полихромных схем, облегчающих передачу информации при ее минимальной потере, напрямую связано с взрывным ростом интереса к морфологическому анализу, изучению технологий изготовления орудий в рамках понятия *chaîne opératoire* (Leroi-Gourhan 1943; Сеницын 1977; Soressi, Geneste 2011) и с параллельным выхолащиванием традиционного типологического анализа, выразившимся в итоге в появлении специфической оппозиции «формально-типологического» метода и «доказательной интерпретации» (Гиря 2019). Важность такого инструмента, который мог бы быть доведен до уровня особого самостоятельного метода анализа процесса расщепления, стала окончательно понятна уже в конце прошлого века на фоне резкого увеличения количества археологических материалов,

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.
© Очередной А. К., 2023

часто состоящих из довольно сложных орудий, к которым необходимо отнести прежде всего двусторонне обработанные изделия. Оценка технологического облика этих индустрий без визуализированных и отчасти облегченных обобщений была сильно затруднена.

Проблемы метода

В европейском палеолитоведении методика анализа, направленная на вскрытие последовательностей изготовления орудий, разрабатывалась и находила применение в работах Лоранс Бургинон (Bourguignon 1992), Штефана Файля (Veil et al. 1994), Жана-Марка Годо (Gouédo 1988; 1999), Эрика Боеды (Boëda 2001), Анреаса Пастоорса (Pastoors 2001), Олафа Йориса (Jöris 2001), Малгожаты Кот (Kot 2014) и других исследователей. Во всех этих работах авторы приводят свои варианты методик технологического анализа: от простой демонстрации последовательности сколов, формирующих орудие, до выделения определенных последовательностей изготовления разных морфологических частей орудия и демонстраций их серийности. Однако в каждом случае типологическое определение либо проверяется таким видом анализа, либо с его помощью устанавливается заново, что и служит подтверждением его актуальности. В отечественной литературе до 1990-х гг. не было специальных работ, посвященных именно этому методу анализа камня. Основными трудами по изучению изготовления среднепалеолитических орудий следует считать публикации В. Е. Щелинского, посвященные Ереванской пещере и стоянке Носово I. В них был представлен пример комплексного анализа орудий труда с привлечением данных многочисленных экспериментов и трасологии. Такой комплексный подход позволил вскрыть не только этапы процесса их изготовления и рассмотреть проблемный вопрос об их функции (Щелинский 1983), но и на основании анализа процесса изготовления двусторонне обработанных изделий, например, коллекции Носово I, определить степень сходства этих орудий с весьма вариабельной группой микокских бифасов, поставив вопрос о месте индустрии Носово I в среднем палеолите Восточной Европы (Щелинский 1999). Можно сказать, что базовые принципы того метода, который позже будет назван scar pattern анализом или анализом последовательности расщепления (возможно применение обоих наименований SPA/АПР), связаны, в первую очередь, с работами А. В. Колесника и В. Н. Степанчука (Колесник 1994; Степанчук 2003). И если А. В. Колесник рассматривает данный метод в контексте прикладных аспектов динамического технологического анализа, посвященного особенностям изготовления скребел с утонченным корпусом (Колесник 1994), то работа В. Н. Степанчука посвящена теме, непосредственно связанной с будущим видом анализа последовательности изготовления орудий, — систематизации свидетельств, позволяющих установить относительную хронологическую позицию различных участков вторичной обработки (Степанчук 2003).

Несмотря на то что постепенно этот вид анализа занял особое и часто ключевое место среди методов оценки каменных индустрий, его реализация долгое время сталкивалась с двумя серьезными проблемами. Первая из них не имела прямого отношения к методу, но тем не менее оказывала прямое влияние на его восприятие. Она заключалась в малой доступности полихромной печати, что заставляло авторов в первые десятилетия развития и начальных опытов применения исходить из черно-белого варианта иллюстраций в публикациях и изобретать специальные заливки в градациях серого цвета либо в виде полей с условными обозначениями. Полиграфия сводила к минимуму основное преимущество метода — его наглядность — и серьезно ограничивала средства демонстрации результатов. В последние годы использование полихромного варианта АПР встречается уже повсеместно при анализе материалов самого разного возраста — от олдована (см., например: Vaena et al. 2010) до верхне-го палеолита (см., например: Bataille, Conard 2018; Белоусова и др. 2021; Kot et al. 2022; и др.).

Вторая проблема — сложность объективной оценки хронологии появления соседних сколов, формирующих одну плоскость. Специалисты часто по-разному определяют «старшинство» соседних негативов, что ставит под сомнение достижимость одной из основных

целей анализа — определения последовательности изготовления самого изделия или каждого его конкретного участка. Если первая проблема исчезла с появлением доступной полихромной печати, то вторая продолжает препятствовать массовому использованию АПР из-за частых и непреодолимых противоречий между исследователями.

Именно АПР является единственным видом анализа, который позволяет изучить структуру типологического облика изделий, то есть проиллюстрировать морфономическое (Гиря 2019) описание каждого конкретного изделия и «подсветить цель» для последующего типологического анализа (Казиев, Очередной 2023). Безусловно, сочетание АПР с элементами ремонтажа, которые можно обнаружить в индустрии, приведет к гораздо более значимому эффекту с точки зрения реконструкции реального процесса изготовления конкретного изделия (Колесник 1994; 2003; Nerudova, Neruda 2015). Но успешный массовый ремонтаж в коллекциях возможен далеко не всегда. Поэтому демонстрация динамики изготовления изделия, на что во многом и направлен АПР, позволяет подробно рассмотреть конкретное изделие без привлечения часто отсутствующего контекста в виде ремонтажа, подробно изученной планиграфии и т. д. Соответственно приемы, используемые этим методом, должны быть одинаково эффективны для описания изделий разной степени сложности — от простых сколов до двусторонне обработанных орудий.

История развития АПР изложена в некоторых зарубежных (Kot 2014) и отечественных (Шалагина и др. 2019) работах. Там же подробно рассмотрены основные методические принципы этого анализа: морфологический подход к изучению изделия, под которым понимается выделение его отдельных частей, и верификация полученной информации путем построения иерархизированных матриц (в большинстве случаев используются матрицы Харриса), что позволяет с одной стороны наглядно представить полученный результат по каждому изделию, а с другой — сравнить эти результаты серийно (Urbanowski 2003; Kot 2014; Шалагина и др. 2019) и применить для обобщения методы математической статистики (Kot 2013; 2014).

Одним из главных методических предложений АПР является демонстрация «хронологической иерархии» сколов, то есть демонстрация последовательности негативов, для чего различные негативы обозначаются разными цветами. При этом связь между негативами — технологическая или любая другая — также демонстрируется с помощью цвета, однако в большинстве случаев подбор цветов для обозначения технологической связи произволен, и основной принцип цветового обозначения сводится к выделению разными цветами последовательностей появления негативов, формирующих поверхности изделия. В первую очередь этот подход касается частично или полностью двусторонне обработанных изделий, для анализа которых, как правило, наиболее часто и применяется АПР.

Первые опыты привязки иерархии негативов к определенным цветам, прежде всего к спектрам какого-то отдельного цвета, были предприняты уже в самом начале развития метода (см., например: Urbanowski 2003), однако из-за редкости полихромных изданий поначалу не получили развития и стали актуальны вновь лишь через четверть века (см., например: Bataille, Conard 2018). Этот подход можно условно назвать «спектральным» — его основой является отождествление более ранних негативов в любой серии с более темными частями какого-либо из полихромных спектров, соответственно все последующие негативы обозначаются путем изменения спектра в сторону осветления, то есть изначально устанавливается и соблюдается взаимосвязь между частями спектров и стадиями изготовления изделия (Очередной 2002; Urbanowski 2003; Bataille, Conard 2018; Белоусова и др. 2021). Использование спектров позволяет, во-первых, выразительно продемонстрировать технологическую связь между негативами различных сколов и серий сколов, во-вторых, выявлять технологическую необходимость (Гиря 1997), что особенно актуально при анализе двусторонне обработанных изделий. Часто варианты АПР, используемые различными авторами, сопровождают наборы значков, дополняющих информацию об иерархической хронологии негативов, переданную цветом. В большинстве случаев их количество можно сократить

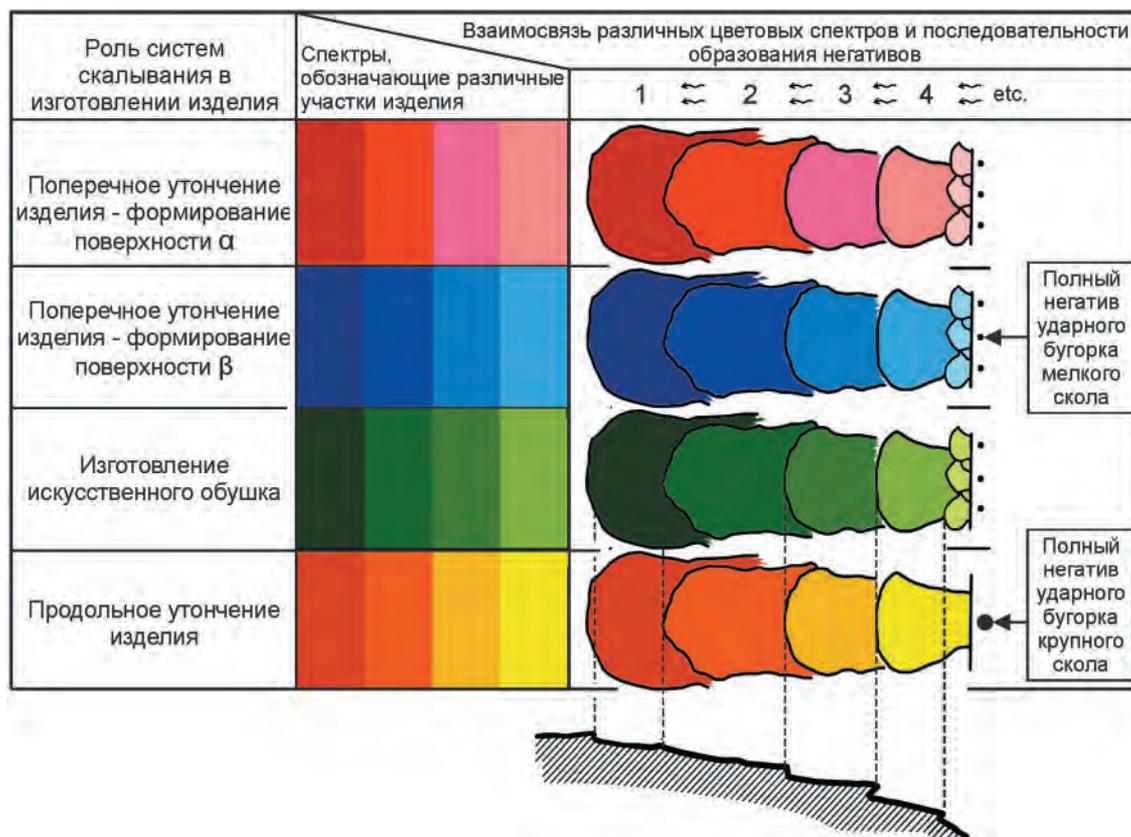

Рис. 1. Полихромная схема использования разных цветов и их оттенков при анализе последовательности изготовления различных участков изделий

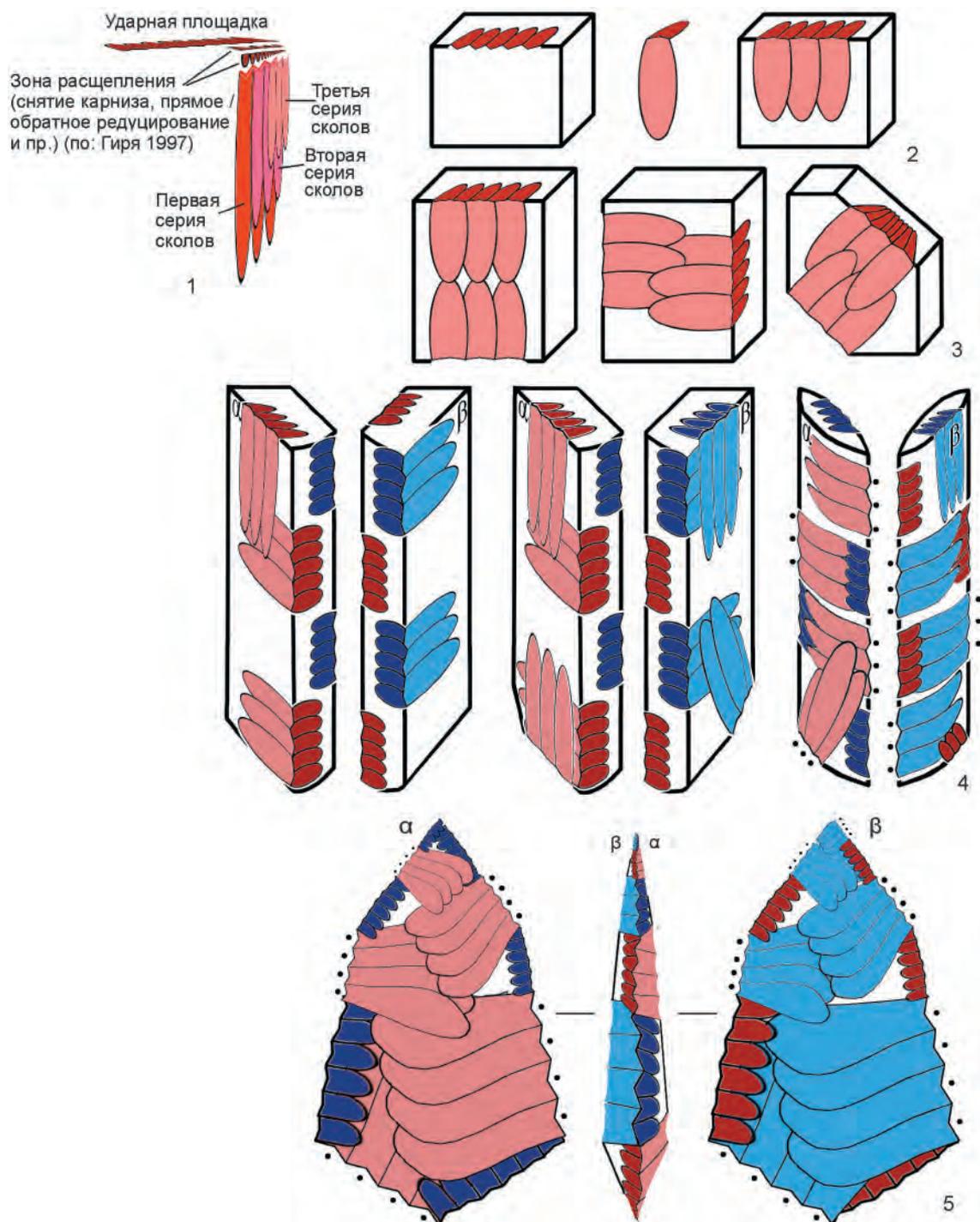
Fig. 1. Polychromic scheme of using different colors and their shades in scar-pattern analysis

простым путем наложения цвета на рисунок изделия. Однако из-за разного и далеко не всегда удовлетворительного качества рисунков, которые могут не отражать всех особенностей развития скалывающих в каждом отдельном негативе, полностью обойтись без значков, не потеряв при этом часть информации, невозможно. Так, важной составляющей АПР является выделение полных негативов проксимальных частей сколов (ударных бугорков), демонстрирующих заключительную стадию формирования той или иной части изделия. Для упрощения демонстрации последовательности фронтальных и продольных проекций и торцовых сечений изделия первые целесообразно обозначать буквенными символами, а вторые — нумеровать (рис. 1).

Цветовые обозначения одинаково эффективно подходят для различных целей, связанных с аргументацией, подразумевающей выделение той или иной части любого предмета. Однако при использовании цвета для демонстрации технических приемов изготовления целесообразно исходить из принципа обозначения конкретными цветовыми спектрами структуры изделия (Синицын 1977; Казиев, Очередной 2023). В целом демонстрация морфологических характеристик изделия при помощи цветового спектра, безусловно, является оптимальной для их визуализации.

АПР и системы скалывания

При использовании обоих вариантов цветовой градации в АПР изделий можно пойти двумя путями. Первый заключается в использовании традиционного варианта анализа, а именно в индивидуальном цветовом обозначении каждого конкретного негатива

Рис. 2. Схемы состава систем скальвания и вариантов их расположения на отдельностях сырья, условных преформах и условно завершенном изделии: 1 — полихромная схема состава системы скальвания на основании «спектрального» варианта АПР; 2 — простейший состав системы скальвания — ударная площадка, зона расщепления и однонаправленные скол/сколы с площадки; 3 — варианты расположения систем скальвания на отдельности сырья или на любой заготовке в зависимости от ориентировки последней по центральной оси изделия: продольное, поперечное и диагональное (по: Нехорошев 1999: 11, 43); 4 — расположение разных систем скальвания и формирование облика изделия; 5 — идеальная схема конструкции двусторонне обработанного изделия, изготовленного путем сочетания разных систем скальвания

или группы соседних негативов, связанных друг с другом, по мнению автора. Не вдаваясь в подробности правомерности и аргументированности такой методики «раскрашивания» изделий, можно согласиться с тем, что этот вариант приемлем для изучения простых форм, полученных при помощи достаточно короткой технологической цепочки (например, пластинчатого расщепления). Однако если речь идет о демонстрации анализа процесса изготовления сложных орудий (прежде всего двусторонне обработанных), индивидуальное цветовое обозначение негативов или их групп кроме явно чрезмерной «колоризации» изображения приводит к визуальному разделению поверхностей анализируемого изделия, что противоречит самой сути АПР — отражению последовательности изготовления формы любой степени сложности. Каким бы дополнительным пояснительным аппаратом ни была снабжена итоговая полихромная схема (включая матрицы Харриса), основная информация о последовательности изготовления как всего изделия, так и отдельных его участков не будет разъяснена достаточно четко. Речь идет о расположении ударных площадок для изготовления того или иного участка изделия и их жесткой связи с конкретными поверхностями скалывания/фронтами. Такая связь является абсолютной технологической необходимостью и не зависит от тщательности подготовки этих элементов структуры изделия. Так как она напрямую влияет на форму изделия, то должна быть отражена с помощью инструментов АТР в первую очередь. Кроме того, негативы ударных площадок (даже служебных, если речь идет о нуклеусах, нуклеидных или двусторонне обработанных изделиях) полноправно участвуют в формировании облика изделия и часто не менее значимы для определения его типологической принадлежности, чем лезвийные кромки, изготовленные разными видами ретуши (например, в случае с ножом костёнковского типа или кайльмессером типа прондник).

Для того чтобы продемонстрировать не просто расположение площадок, с которых были сняты сколы, формирующие ту или иную часть орудия, а выявить их функции в процессе изготовления предмета, необходимо воспользоваться «спектральным» вариантом использования цвета при АПР. Он заключается в выделении цветом определенного спектра каждой системы скалывания (Очередной 2014), которую можно выделить на изучаемом изделии, что позволяет не только продемонстрировать последовательность изготовления поверхностей, но и фактически объединяет обе поверхности изделия в единое целое, в одну морфономическую единицу (рис. 1; 2). Кроме того, при необходимости «спектральный» подход позволяет показать последовательность как изготовления разных систем скалывания, так и их использования, то есть последовательность появления сколов внутри одной системы скалывания (рис. 2). Варианты его использования достаточно многообразны для того, чтобы при современном уровне полиграфии визуализировать практически любой вариант конструкции двусторонне обработанного изделия.

Остановимся на этом подробнее. Серии сколов утончения, формирующие поверхности изделий путем организации в системы скалывания, могут быть ориентированы как поперечно, так и продольно по отношению к отдельности сырья или заготовке. И в том, и в другом случае их расположение мало чем отличается от аналогичного расположения на плоскостных нуклеусах параллельного способа скалывания, описанных

Fig. 2. Schemes showing the composition of flaking systems and variants of their position on raw material pieces, preforms and what can be conditionally considered a finished tool.: 1 — polychromic scheme showing the composition of a flaking system, based on the “spectral” variant of scar-pattern analysis; 2 — simplest composition of a flaking system: striking platform, zone of flaking, and unidirectional removal(s); 3 — possible positions of flaking systems on raw materials pieces or blanks in relation to the central axis: longitudinal, transverse, diagonal (after Hexopшев 1999: 11, 43); 4 — position of different flaking systems and the formation of morphology; 5 — ideal scheme of the construction of a bifacially worked artifact made by means of combining different systems of flaking

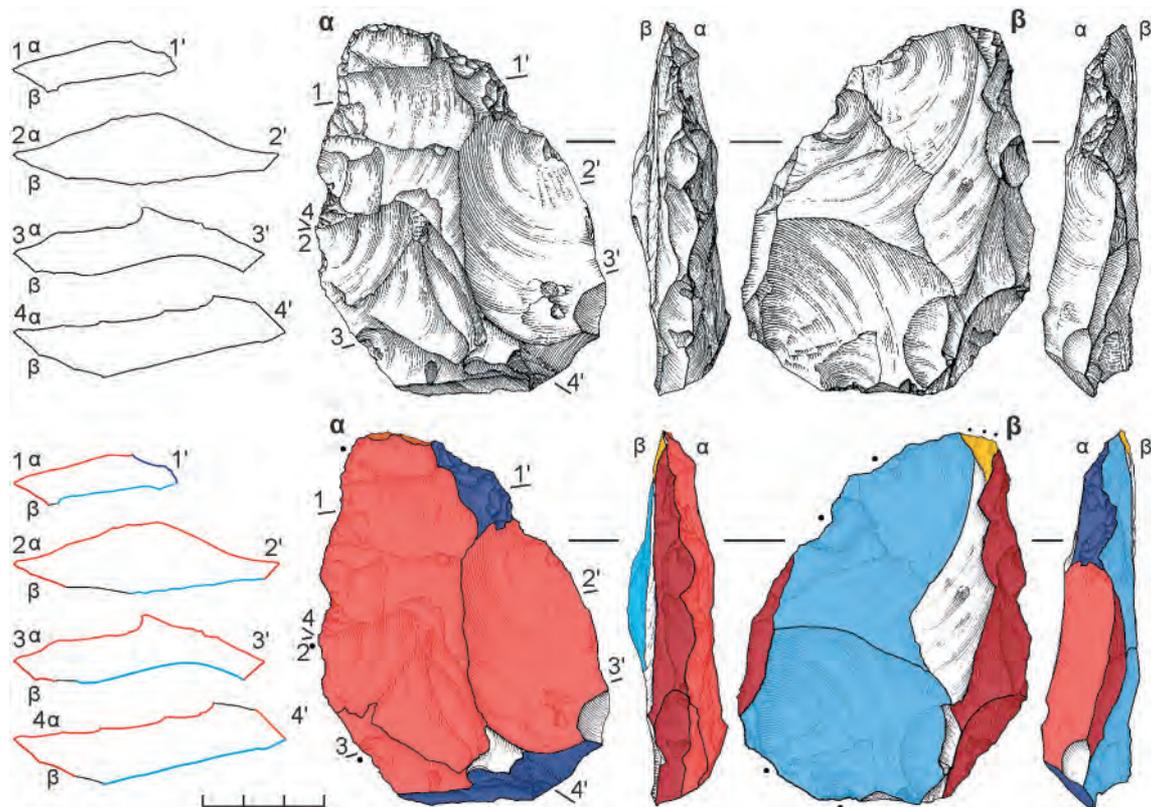

Рис. 3. Полихромная схема последовательности изготовления изделия, наложенная на его рисунок: преформа двусторонне обработанного орудия из коллекций среднепалеолитического комплекса Хотылёво I, разрез 3, культуросодержащий горизонт 2.2, кремль верхнемелового яруса

Fig. 3. Polychromic scheme showing the manufacturing sequence of a bifacially worked tool from the collection of the Middle Paleolithic site of Khotylevo I, section 3, cultural horizon 2.2, Upper Cretaceous flint

П. Е. Нехорошевым (Нехорошев 1999: 11, 43), и, таким образом, является лишь одним из вариантов параллельного скалывания, что лишний раз демонстрирует сходство приемов расщепления нуклеусов и изготовления двусторонне обработанных изделий, особенно на его начальном этапе. При этом продольное расположение системы скалывания может относиться как к стадии формирования заготовки для орудия, так и к этапу вторичной обработки (хотя четкое разграничение в случае с продольным, ядрищным, утончением часто проблематично — см. подробнее: Колесник 1994). В первом случае для изготовления изделия оно аналогично по значению любому другому расположению утончения (поперечному или диагональному) и не нуждается в специальном выделении. Во втором случае, когда продольное утончение перекрывает все утончающие сколы формирования заготовки и, фактически, является вариантом вторичной обработки или заключительной стадией переоформления проксимальной или дистальной части изделия, его необходимо выделять отдельно (оранжево-желтый спектр на рис. 1). Искусственные элементы, которые можно ассоциировать с обушками, целесообразно отмечать отдельным спектром (например, зеленым на рис. 1). При этом естественные обушки (необработанные части отдельностей сырья) во избежание излишней пестроты итогового изображения либо не нужно выделять вообще, либо использовать спектр, принятый для обозначения естественных поверхностей отдельностей сырья (в большинстве случаев коричневый цвет или части его спектра). Фрагменты негативов, расположенные в центральной части любой поверхности изделия, о происхождении которых не известно ничего, кроме направления скола, должны быть

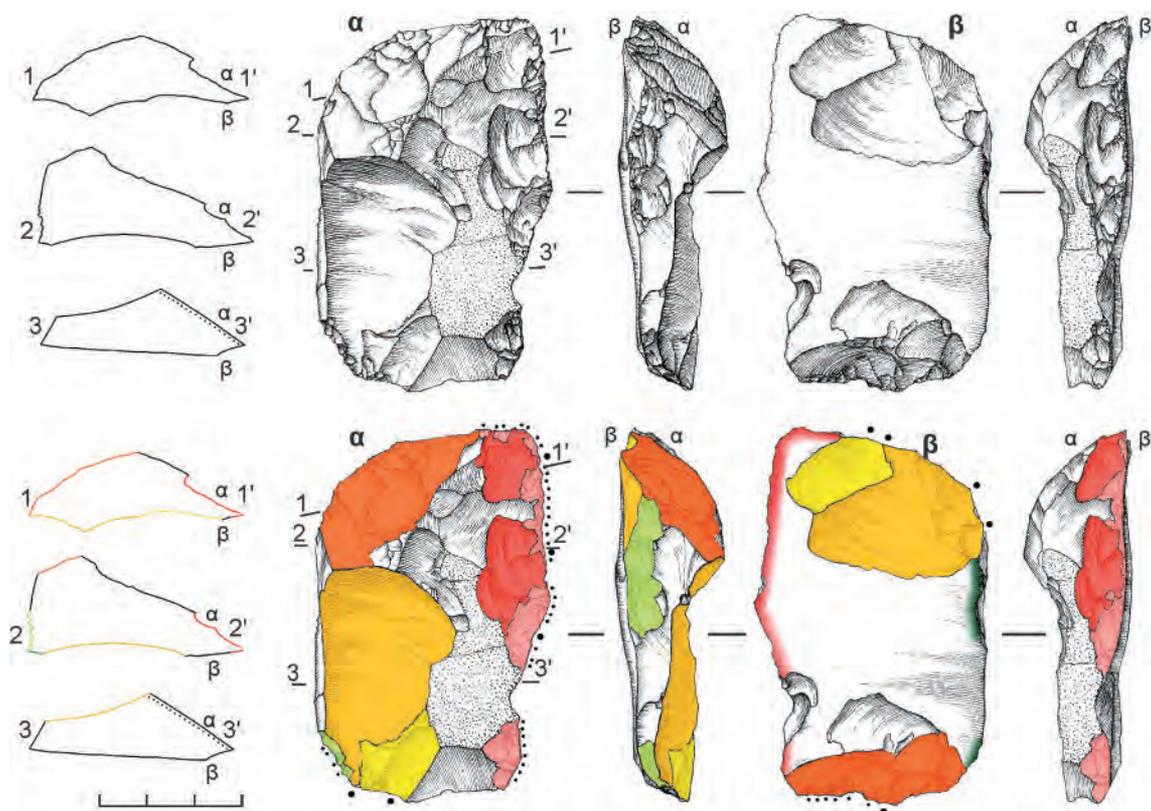

Рис. 4. Полихромная схема последовательности изготовления изделия, наложенная на его рисунок: частично двусторонне обработанный кайльмессер на отщепе из коллекций среднепалеолитического комплекса Хотылёво I, участок I-6-2, культуросодержащий горизонт 4.1, кремль верхнемелового яруса

Fig. 4. Polychromic scheme showing the manufacturing sequence of a partially bifacially worked *keilmesser* on flake from the collection of the Middle Paleolithic site of Khotylevo I, excavation area I-6-2, cultural horizon 4.1, Upper Cretaceous fling

исключены из анализа для повышения его объективности. При этом демонстрация направления скола на полихромной схеме сохраняется за счет наложения прозрачного цвета на каждый отдельный негатив рисунка.

Конкретные примеры применения АПР для выявления и демонстрации конструкций двух изделий из нижнего культурного слоя группы разновременных среднепалеолитических памятников Хотылёво I приведены на рис. 3 и 4. На рис. 3 представлена заготовка двусторонне обработанного изделия, изготовленного с помощью сочетания двух встречно расположенных систем скалывания на одной из поверхностей (α), а также двух ортогонально расположенных систем скалывания на противоположной поверхности (β) (в данном случае продольно расположенная система скалывания утончает заготовку под орудие, не является вторичной обработкой и не нуждается в дополнительном выделении оранжево-желтым спектром продольного (ядрищного) утончения). В дистальной части этого изделия можно выделить площадку, которая могла служить для продольного утончения, но с нее не был снят ни один крупный скол. Поэтому выделение этой системы скалывания как отвечающей за какой-то из этапов вторичной обработки условно.

Конструкция другого, теперь уже частично двусторонне обработанного орудия, представлена на рис. 4. Орудие изготовлено на типичном для Хотылёво I довольно толстом краевом сколе. Здесь ярко проявлен прием продольного (ядрищного) утончения: две соответствующие системы скалывания ориентированы на изделии альтернативно. Кроме того, на этом орудии можно выделить специально изготовленный обушок, расположенный

вдоль левого продольного края дорсальной поверхности скола. Он изготовлен с медиальной части правой продольной кромки вентральной поверхности. С обушка не снят ни один скол, что свидетельствует в пользу его целенаправленного изготовления на одной из заключительных стадий изготовления всего орудия. В отличие от преформы на рис. 3 здесь присутствует вторичная обработка, формирующая две лезвийные кромки. Основное длинное лезвие было изготовлено с ударной площадки, в качестве которой была использована ровная и гладкая кромка левого продольного края вентральной поверхности. Второе лезвие вплотную подходит к площадке, с которой были сняты несколько сколов продольного утончения, оно значительно короче первого и по сравнению с ним изготовлено крайне скудной ретушью. Тем не менее представленных данных достаточно для типологического определения изделия — это частично двусторонне обработанный обушковый асимметричный нож (частично двусторонне обработанный кайльмессер). Без применения АПР оба этих изделия также были бы классифицированы вполне успешно, однако демонстрация расположения систем скалывания на них является достаточно яркой иллюстрацией структурного строения как незавершенных, так и завершенных орудийных форм.

Заключение

Использование АПР изделий в предложенном варианте позволяет внести коррективы в метод визуализации последовательности изготовления любых изделий путем введения жесткой связи между полихромными схемами «хронологической иерархии» негативов и демонстрирующими их спектрами, которые могут быть дополнительно детализированы в зависимости от поставленных целей анализа. Соответственно представленный вариант анализа отражает прежде всего морфологическую характеристику изделия через демонстрацию элементарных закономерностей формообразования. Такая корректировка SPA/APR особенно важна для сложных изделий, которые требуют детальной иллюстрации процесса изготовления для конкретного типологического определения. Развитием предложенного метода может стать постепенный переход от оценки формы к оценке технологии ее получения и, соответственно, переход от оценки индустрий по «руководящим формам/типам» к их оценке по технологическим характеристикам с опорой на базовые морфомические критерии и выделение серийности технологических приемов. АПР, базирующийся на выделении систем скалывания, а не соседних негативов, расположенных в пределах одной плоскости, является инструментом, позволяющим проследить серийность технических приемов на более надежной основе, верифицируя результаты статистически, например, при помощи геометрико-морфометрического анализа, чему должна быть посвящена специальная работа.

Литература

- Белоусова и др. 2021 — Белоусова Н. Е., Михиенко В. А., Козликин М. Б., Вишневский А. В., Шуньков М. В. Верхнепалеолитические бифасиальные наконечники из Денисовой пещеры // ПЭАСиСТ. 2021. Т. 27. С. 51–56.
- Гиря 1997 — Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий, методика микро- и макроанализа древних орудий труда. СПб.: б. и., 1997. 198 с.
- Гиря 2019 — Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация следов в контексте формы изделия (на примере ориньякской пластины «с талией» из третьего культурного слоя Костёнок 1) // Бессуднов А. А., Захарова Е. Ю. (отв. ред.). Верхнедонской археологический сборник. Липецк: Изд-во Липецкого гос. пед. ун-та им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2019. Вып. 11. С. 112–140.
- Казиев, Очередной 2023 — Казиев Э. В., Очередной А. К. Когнитивные структуры и механизмы формообразования в анализе процесса контролируемого расщепления // *Stratum plus*. 2023. № 1. С. 231–248.
- Колесник 1994 — Колесник А. В. Трансформация скребел с утонченным корпусом // АА. 1994. № 3. С. 85–100.

- Колесник 2003 — *Колесник А. В.* Памятники среднего палеолита Донбасса. Донецк, 2003. 292 с. (АА. № 12.)
- Нехорошев 1999 — *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский дом, 1999. 113 с.
- Очередной 2002 — *Очередной А. К.* Комплексный анализ среднепалеолитической стоянки Ильская I: Дипломная работа // АКА. 2002. 198 с.
- Очередной 2014 — *Очередной А. К.* Системы скальвания в анализе изготовления двусторонне обработанных орудий // Савинов Д. Г., Мурашкин А. И. (ред.). Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию В. И. Беляевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 215–224 (Тр. ист. фак-та СПбГУ. Т. 18).
- Синицын 1977 — *Синицын А. А.* К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Праслов Н. Д. (отв. ред.). Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука, 1977. С. 158–166.
- Степанчук 2003 — *Степанчук В. М.* Килька зауважень до методики реконструкції індивідуальної історії кам'яних виробів з вторинною обробкою // Кам'яна доба України. 2003. Вип. 2. С. 32–41.
- Шалагина и др. 2019 — *Шалагина А. В., Колобова К. А., Кривошапкин А. И.* Анализ последовательности сколов как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // *Stratum plus*. 2019. № 1. С. 145–154.
- Щелинский 1983 — *Щелинский В. Е.* К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Рогачев А. Н. (ред.). Технология производства в эпоху палеолита: Сб. ст. Л.: Наука, 1983. С. 72–133.
- Щелинский 1999 — *Щелинский В. Е.* Технология камнеобрабатывающего производства среднепалеолитической стоянки Носово I в Приазовье // АА. 1999. № 8. С. 109–128.
- Baena et al. 2010 — *Baena J., Lordikpanidze D., Cuartero F., Ferring R., Zhvania D., Martín D., Shelia T., Bidzinashvili G., Roca M., Rubio D.* Technical and technological complexity in the beginning: the study of Dmanisi lithic assemblage // *QI*. 2010. Vol. 223. P. 45–53.
- Bataille, Conard 2018 — *Bataille G., Conard N. J.* Blade and bladelet production at Hohle Fels Cave, AH IV in the Swabian Jura and its importance for characterizing the technological variability of the Aurignacian in Central Europe // *PLOS ONE*. No. 13 (4). e0194097.
- Boëda 2001 — *Boëda E.* Determination des unites techno-fonctionnelles de pièces bifaciàl, es provenant de la couche Acheuléenne c'3 base du site de Barbas I // *ÉRAUL*. 2001. No. 98. P. 51–75.
- Bourguignon 1992 — *Bourguignon L.* Analyse du processus opératoire des coups de tranchet latéraux dans l'industrie moustérienne de l'abri du Musée (Les Eyzies-de-Tayac, Dordogne) // *Paléo*. 1992. No. 4. P. 69–89.
- Gouédo 1988 — *Gouédo J.-M.* Etude préliminaire de la technologie de l'industrie de Champlost: exemples de la chaîne opératoire Levallois et des racloirs à retouche biface // *Revue archéologique de Picardie*. 1988. No. 1–2. P. 149–155.
- Gouédo 1999 — *Gouédo J.-M.* Le technocomplexe micoquien en Europe de l'ouest et centrale: exemples de trois gisements du sud-est du bassin Parisien, Vinneuf et Champlost (Yonne), Verrières-le-Buisson (Essonne): PhD Thesis. Université des sciences et technologies 4 de Lille, 1999. 262 p.
- Jöris 2001 — *Jöris O.* Der spatmittelpalaolithische Fundplatz Buhlen (Grabungen 1966–69) // *Universitätsforschungen zur prahistorischen archaologie*. Bonn, 2001. Bd. 73. 172 S.
- Kot 2013 — *Kot M.* The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe. Technological Approach: PhD Thesis. Warsaw University, 2013. 701 p.
- Kot 2014 — *Kot M.* The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe: Technological Approach // *QI*. 2014. Vol. 326–327. P. 381–397.
- Kot et al. 2022 — *Kot M., Pavlenok G., Krajcarz M. T., Szymanek M., Fedorowicz S., Moska P., Khudjanazarov M., Szymczak K., Leloch M., Kogai S., Talamo S., Fewlass H., Pavlenok K.* Is there Initial Upper Palaeolithic in Western Tian Shan? Example of an open-air site Katta Sai 2 (Uzbekistan) // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2022. Vol. 65. P. 2–20.
- Leroi-Gourhan 1943 — *Leroi-Gourhan A.* L'Homme et la matière. Paris: Michel, 1943. 352 p.

- Nerudova, Neruda 2015 — *Nerudova Z., Neruda P.* Technology of Moravian Early Szeletian leaf point shaping: a case study of refittings from Moravský Krumlov IV open-air site (Czech Republic) // *QI*. 2015. Vol. 428, pt. A. P. 91–108.
- Pastors 2001 — *Pastors A.* Die mittelpalaolithische Freilandstation von Salzgitter-Lebenstedt: Genese der Fundstelle und Systematik der Steinarbeitung. Salzgitter-Forschungen. Salzgitter: Archiv der Stadt Salzgitter, 2001. Vol. 3. 347 p.
- Urbanowski 2003 — *Urbanowski M.* Pradnik knives as an element of Micoquian techno-stylistic specifics: PhD Thesis. Warsaw University, 2003. 222 p.
- Veil et al. 1994 — *Veil S., Breest K., Höfle H.-C., Meyer H.-C., Plisson H., Urban-Küttel B., Günter F., Wagner G. A., Zoller L.* Ein mittelpaläolithischer Fundplatz aus der Weichsel-Kaltzeit bei Lichtenberg, Lkr. Lüchow-Dannenberg; Mainz am Rhein: Halbband, 1994. 72. 66 p.

SCAR-PATTERN ANALYSIS AND LAWS OF FORM MAKING

A. K. OTCHEREDNOY

Keywords: *scar-pattern analysis, bifacially worked objects, stone knapping, flaking system, morphological analysis.*

The paper is devoted to the method of scar-pattern analysis. Special attention is given to the question of how to improve the visualization of the manufacturing sequences by means of introducing a rigid connection between polychromic schemes of the “chronological hierarchy” of flaking scars, on one hand, and color spectra used to illustrate them, on the other. The proposed variant of analysis provides a morphological characteristic of an artifact through demonstrating basic regularities of form making as reflected in the positions and roles of flaking systems.

ТЕХНИКА СКОЛА В НЕКОТОРЫХ РАННИХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ ЕВРАЗИИ

А. П. ЗАХАРИКОВ¹

Ключевые слова: краевая техника скола, ранний верхний палеолит, начальный верхний палеолит, пластинчатое расщепление, стоянка Непряхино.

Краевая техника скола рассматривается как важный индикатор, позволяющий разграничить поздние среднепалеолитические и ранние верхнепалеолитические индустрии. В ряде случаев этот индикатор позволяет ранжировать пластинчатые комплексы времени КИС-3. Эмиран, начальный верхний палеолит Алтая и Центральной Азии, большую часть комплексов богунисьена, слой 8 стоянки Шлях и, возможно, горизонты 4 и 5 Бирючьей Балки 2 с некраевой техникой скола правомерно рассматривать как начальный верхний палеолит, а комплексы нижней пачки слоев Непряхино, слой 2 Костёнок 17 и слой IVб Костёнок 14 с краевой техникой скола — как ранний верхний палеолит.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-37-45

Техника скола является важным элементом технологий расщепления каменного века вообще и палеолита в частности. Различные технологии влияют на формирование продуктов расщепления, и, соответственно, в морфологии последних мы можем увидеть отчетливые признаки использования разных технических приемов.

Изменение технологии расщепления от среднего к верхнему палеолиту включало и изменения в технике скола, то есть в приемах и способах «приложения силового импульса к определенным образом подготовленной (или нет) поверхности камня с целью отделения скола» (Нехорошев 1999: 12).

Особенностями верхнепалеолитической техники скола являются специальная подготовка приплощадочной части фронта нуклеуса в точке приложения удара и сам удар, наносимый отбойником не по ударной площадке, а непосредственно в ребро между площадкой и фронтом нуклеуса. Подготовка нуклеуса обычно включает в себя редуцирование карниза, для того чтобы он не нависал над фронтом, а «отодвинулся» на необходимое расстояние относительно фронта. Выполняется редуцирование, как правило, мелкими ударами отбойника, иногда пришлифовкой/притиранием. Такая техника скола позволяет не только лучше контролировать точность приложения силового импульса, но и снимать заготовки с нуклеуса, имеющего весьма острый угол между ударной площадкой и фронтом (Там же: 16).

В среднем палеолите использовались различные технологии расщепления, позволявшие получать отщепы и пластины различной (часто более или менее стандартной) формы, а также довольно широкий спектр орудий, включая весьма совершенные по форме бифасы². Техника скола предполагала прямой удар твердым (реже мягким) отбойником,

¹ Некоммерческое партнерство «Южархеология»; г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.

² При изготовлении среднепалеолитических бифасиальных орудий, особенно листовидных, удар мягким отбойником наносился часто в ребро, а само ребро для этого удара соответственно подготавливалось (Нехорошев 1999: 17).

© Захариков А. П., 2023

а подготовка ударной площадки осуществлялась оббивкой ее средними и мелкими (фасетаж) сколами. При расщеплении нуклеусов угол скалывания обычно составлял около 80–85°. Сам удар отбойником наносился на некотором расстоянии от края площадки.

Важно, что значимые признаки краевой техники скола хорошо диагностируются как на нуклеусах, так и на сколах. У сколов помимо редукции карниза признаками удара в ребро служат точечные и линейные (а также неширокие вогнутые) площадки. Краевая техника скола рассматривается как важный индикатор, позволяющий разграничить поздние среднепалеолитические и ранние верхнепалеолитические индустрии.

Как этот индикатор работает применительно к конкретным комплексам времени КИС-3, которые относят к раннему (РВП) и начальному (НВП) верхнему палеолиту и среднему палеолиту?

На Ближнем Востоке признаки краевого скалывания пластин позволяют отделить ахмар от предшествующего ему эмирана, где техника скола некраевая (Kuhn et al. 2009: 97). Так, в Кзар-Акиле точечные и линейные площадки на пластинах из слоя XXI, индустрия которого определяется как НВП, или эмиран, составляют 3,2 %, а широкие фасетированные и ограненные — 45,9 % (Iovita 2001: 43–45). В слое XXIV (НВП) фасетированные площадки пластин особенно многочисленны — 49,5 % (Ibid.: Table 3). Точечные и линейные площадки на пластинах (11,5 %) и пластинках (32 %) становятся заметно более многочисленными начиная со слоя XVIII, относимого уже к раннему ахмару (Ibid.: Table 39).

В богунисьене, объединяемом некоторыми авторами с эмираном в «эмиро-богунице» (Свобода 2001: 35; Вишняцкий 2008: 159; Шкрдла 2013), большинство комплексов демонстрирует абсолютное преобладание некраевого расщепления нуклеусов (Valoch et al. 2009: 392–396; Шкрдла 2013: 4). Выбивается из общего ряда лишь Куличивка. Для сколов комплекса 3-го слоя этой стоянки доля точечных площадок — 19,1 %, гладких площадок — 49,4 %, фасетированных площадок — 15,7 %. Ударные площадки объемных нуклеусов подготавливались для снятия сколов «перебором карниза» (Коен, Степанчук 2000: 41–43), что, очевидно, соответствует краевой технике скола. Учитывая, что хронологические рамки богунисьена Богемии определяются в пределах 50–40 тыс. л. н. (Шкрдла 2013: 10), а для 3-го слоя Куличивки есть дата 31 тыс. л. н. (Коен, Степанчук 2000: 39), вполне вероятно, что здесь мы наблюдаем изменение техники скола в рамках одной индустриальной традиции — от характерной для НВП некраевой техники скола к типично верхнепалеолитической краевой.

Помимо эмирана и богунисьена объемное пластинчатое расщепление нуклеусов в сочетании с некраевой техникой скола представлено в НВП Алтая и Центральной Азии. В индустриях НВП карабумовского варианта крупные пластины получали в рамках призматического параллельного, чаще бипродольного, скалывания с объемных нуклеусов (Белоусова, Рыбин 2016; Славинский 2021). Техника скола преобладала некраевая, краевая использовалась заметно реже (Рыбин 2006; Родионов и др. 2021). Применялось несколько способов подготовки зоны расщепления перед скалыванием пластин: редукция карниза, обратная редукция и пикетаж (Славинский и др. 2017; Белоусова и др. 2017: 17–20). Сочетание характерного для верхнего палеолита редуцирования карниза нуклеуса с некраевой техникой скола, возможно, связано с особенностями каменного сырья региона (Родионов и др. 2021)³.

Таким образом, в нескольких довольно удаленных друг от друга районах Евразии обнаруживаются индустрии, для которых характерно преобладание верхнепалеолитических типов орудий и объемного пластинчатого расщепления нуклеусов в сочетании с некраевой техникой скола.

Эмиран, богунисьен и НВП Алтая являются на данный момент фактически «эталонными» индустриями для перехода от среднего палеолита к верхнему в Евразии. Собственно,

³ По мнению А. М. Родионова, высказанному в личной беседе, такой эффективный на кремне прием подготовки зоны расщепления для удара в ребро, как пришлифовка, на алтайском сырье не работает.

для этих индустрий и используется термин «начальный верхний палеолит». Время их бытования находится в интервале: эмиран и богунисьен — 50–40 тыс. л. н. (Шкрдла 2013: 10; Boaretto at al. 2021), НВП Алтая — 48–38 тыс. л. н. (Славинский 2021: 37). Появление НВП в Центральной Европе и Центральной Азии многие авторы связывают с миграцией носителей этих традиций (*Homo sapiens?*) с Ближнего Востока (Škrdla 2003; Dolukhanov 2008; Hoffecker 2009; Шкрдла 2013: 10, 11; Hublin 2014).

На Русской равнине интересным комплексом, демонстрирующим сочетание пластинчатого расщепления торцово-клиновидных нуклеусов с некраевой техникой скола, является стоянка Шлях, слой 8 (Нехорошев 1999). Скребки и резцы в орудийном наборе составляют 30 % и количественно вдвое превосходят скребла и остроконечники, которых совокупно 15 % (Там же: 52–55). Целевыми сколами-заготовками были пластины и пластинчатые отщепы. Для их получения специально изготавливались торцово-клиновидные нуклеусы, часто с оформленными продольными ребрами, снятием реберчатого скола начиналось расщепление (Там же: 74–76). Редуцированные остаточные площадки на пластинах составляют лишь 4,1 %, что, по П. Е. Нехорошеву, позволяет считать их случайными или «псевдоредуцированными», а в целом технику скола — некраевой (Там же: 74–78).

Комплекс слоя 8 стоянки Шлях изначально определялся автором раскопок как пластинчатый средний палеолит (Там же: 77). В более поздних работах — как возможный начальный верхний палеолит (Хоффекер и др. 2019: 24). И действительно, если бы техника скола, применявшаяся для скалывания пластин, была краевая — никаких сомнений в верхнепалеолитическом статусе комплекса не возникло бы. Скромная величина доли пластин, грубость скребков на технических сколах и другие «архаические» черты, вероятно, объясняются характером памятника — по сути мастерской у выходов кремневого сырья на поверхность и невысоким качеством последнего (Нехорошев 1999: 77). Имеющиеся радиоуглеродные даты порядка 45 тыс. л. н. (Нехорошев и др. 2003: 124; Нехорошев 2006) не противоречат и трактовке слоя 8 стоянки Шлях как комплекса НВП.

Как в верхнем палеолите, так и позднее наряду с верхнепалеолитической техникой скола продолжали применяться и архаичные приемы некраевого скалывания, особенно на начальных стадиях расщепления (декортикации, изготовления пренуклеуса и др.). А на памятниках, расположенных у выходов каменного сырья, много нецелевых продуктов расщепления, фактически отбросов, которые делают облик коллекции более грубым — «архаичным», особенно в статистических показателях.

Другим интересным памятником на юге Русской равнины является Бирючья Балка 2. На стоянке выявлено 12 культурных горизонтов, семь из которых (3в, 4, 4¹, 5, 5б, 5в, 6) А. Е. Матюхин определял как среднепалеолитические, а четыре (2, 3а, 3 и 3б) — как верхнепалеолитические (Матюхин 2012). Горизонт 3 содержит многочисленные и выразительные треугольные наконечники стрелецкого типа и по праву причисляется к кругу стрелецких памятников. Для этого горизонта имеется серия радиоуглеродных дат, которые определяют его возраст в интервале 34–31 тыс. кал. л. н. Для горизонта 4 древнейшая из полученных дат дает возраст около 44 тыс. кал. л. н. (Там же: 29). В нижележащем горизонте 5 зафиксированы признаки палеомагнитного экскурса Каргаполово (Там же: 30)⁴.

Во всех горизонтах нуклеусами и сколами представлено пластинчатое расщепление. В табл. 1 приведена статистика по нуклеусам и пластинчатым сколам стрелецкого горизонта 3 и четырех нижележащих среднепалеолитических горизонтов, по которым опубликованы соответствующие данные.

⁴ Естественно-научные исследования разреза Бирючьей Балки 2 продолжаются, и не исключено, что возраст нижних слоев будет скорректирован (доклад А. Ю. Данильченко на заседании отдела палеолита ИИМК РАН 29 мая 2023 г.). На данный же момент радиоуглеродные даты и палеомагнитные данные, опубликованные в монографии А. Е. Матюхина (Матюхин 2012), представляются в основном непротиворечивыми.

Таблица 1. Бирючья Балка 2, пластинчатое расщепление (по: Матюхин 2012)

Горизонт	Нуклеусы торцовые, призматические и протопризматические, % от всех нуклеусов	Пластины и пластинки, % от всех сколов
3	20	10
4	18,5	15
5	15,8	11
5б	27	7
5в	23	10

Бирючья Балка 2 — памятник, находящийся у выходов кремневого сырья невысокого качества⁵, около половины сколов во всех горизонтах в той или иной степени покрыты коркой, много других технических сколов. На этом фоне доля пластинчатых сколов в 10–15 % и нуклеусов объемного расщепления и торцовых в 16–27 % в «среднепалеолитических» горизонтах представляется значительной. Тем более что и среди объемных нуклеусов, и среди сколов есть весьма выразительные, характерные для верхнего палеолита (Там же: рис. 45, 5–9; 46, 3; 59, 9; 63, 2, 9), а среди технических сколов есть реберчатые пластины (Там же: рис. 51, 5–7; 66, 2, 5, 9, 11).

Краевая техника скола активно применялась при производстве стрелецких наконечников горизонта 3, где присутствует как грубое и тщательное редуцирование мелкими сколами, так и пришлифовка (Там же: табл. 65). Какая техника скола применялась для скалывания пластин с нуклеусов, краевая или некраевая? Публикации не содержат информации, опираясь на которую можно было бы ответить на этот вопрос. Ни по горизонту 3, ни по нижележащим горизонтам.

Представляется правоммерным поставить вопрос о смене среднепалеолитического статуса комплексов Бирючьей Балки 2 (всех или, возможно, только горизонтов 4 и 5) на верхнепалеолитический.

Три нижних слоя стоянки Непряхино в Волго-Уральском междуречье содержат кварцевые комплексы, в которых представлено пластинчатое расщепление объемных нуклеусов с использованием краевой техники скола. Эти слои (К-1, К-2, К-3) расположены в нижней части разреза стоянки. Слой К-3 — легкий палевый суглинок — лежит непосредственно на остатках кварцевой плиты, являющейся кровлей палеогеновых песков. Слой К-2 — хорошо выраженная погребенная почва черноземного типа — лежит на слое К-3; перекрывает эту почву слой К-1 — палевый слабогумусированный суглинок, чрезвычайно сильно насыщенный как продуктами расщепления, так и обломками кварцита, сцементированными местами в плотную брекчию (Захариков 2021а: рис. 2). Возраст нижней пачки определяется радиоуглеродными датами, полученными для слоя К-2: 32 810 ± 450 л. н. (Beta-217473), 36 060 ± 350 л. н. (Beta-244075) и 40 620 ± 270 л. н. (IAAA-170765). Две первые даты получены по костям из слоя, последняя — по гумусу из кострища, она лучше привязана к разрезу (Каномата 2017). Соответственно возраст слоя К-2 определяется в 45–43 тыс. кал. л. н.

Комплексы нижней пачки стоянки Непряхино содержат многочисленные двусторонне обработанные изделия, определяющие общий специфический облик этих ранневерхнепалеолитических индустрий (Захариков 1993; 1999; 2018; Zakharikov 2002; 2017). Среди сколов в коллекциях преобладает бифасиальный дебитаж (Захариков 2021б).

Как видно из табл. 2, как пластины, так и технические сколы (реберчатые, полуреберчатые, сколы боковой подправки фронта, таблетки), связанные с оформлением и переоформлением призматических нуклеусов, малочисленны. Сколы, связанные с расщеплением и подправкой призматических нуклеусов, составляют 4 % от всех необработанных сколов слоя К-1 и чуть более 1 % — в слоях К-2 и К-3. Такие статистические показатели не должны

⁵ «Многие желваки и обломки кремня имеют пустоты, инородные включения, выраженные трещины и т. п. В целом... кремни всех цветов относительно низкого качества» (Матюхин 2012: 64).

Таблица 2. Стоянка Непряхино (раскоп 2016 г.).
Пластинчатое расщепление и соотношение скребков и скребел

Слой	Нуклеусы призматические и протопризматические, % от всех нуклеусов	Пластины, % от всех сколов	Технические сколы, % от всех сколов	Скребки, экз.	Скребла, экз.
К-1	19	2,5	1,4	29	64
К-2	—	0,8	0,3	6	12
К-3	10	0,85	0,4	11	23

вводить в заблуждение. Во-первых, бифасиальный дебитаж в нижней пачке Непряхино составляет 74–82 % от всех сколов (Захариков 2021б). Во-вторых, на стоянках (фактически мастерских), находящихся у выходов каменного сырья, целевые продукты расщепления, в том числе и целевые пластины, могут и даже должны отсутствовать. В-третьих, если призматические нуклеусы изготавливались и уносились, а их расщепление осуществлялось где-то в отдалении, то не только целевые пластины, но и технические сколы подправки и переоформления на месте изготовления нуклеусов будут редкостью.

Продукты расщепления, связанные с изготовлением и утилизацией призматических нуклеусов в комплексах нижней пачки слоев Непряхино, немногочисленны, но достаточно выразительны, чтобы на основании их анализа реконструировать данную технологию.

Призматических и протопризматических нуклеусов в коллекциях мало, и все они оставлены на начальной стадии расщепления (рис. 1). Преформ (готовых или почти готовых) этих нуклеусов вдвое больше (Захариков 2021а: табл. 1). И нуклеусы, и преформы

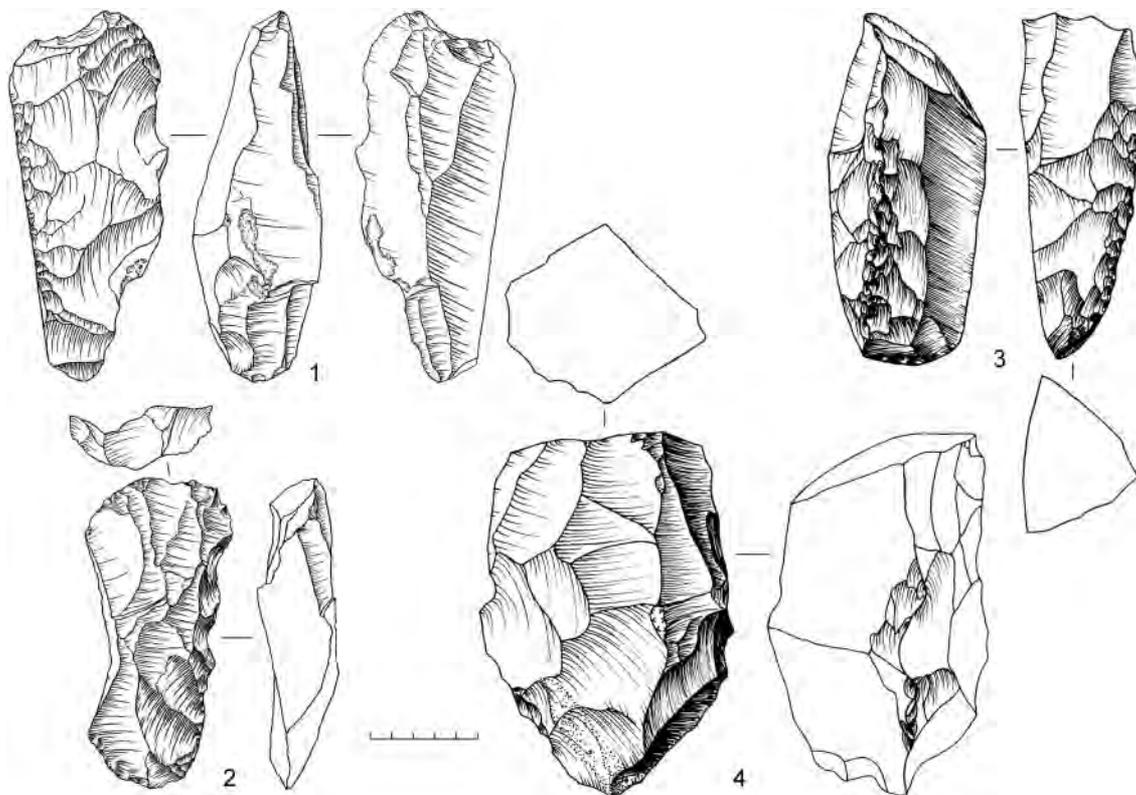

Рис. 1. Стоянка Непряхино, нуклеусы: 1, 2 — слой К-1; 3, 4 — слой К-3

Fig. 1. Nepryakhino, cores: 1, 2 — layer K-1; 3, 4 — layer K-3

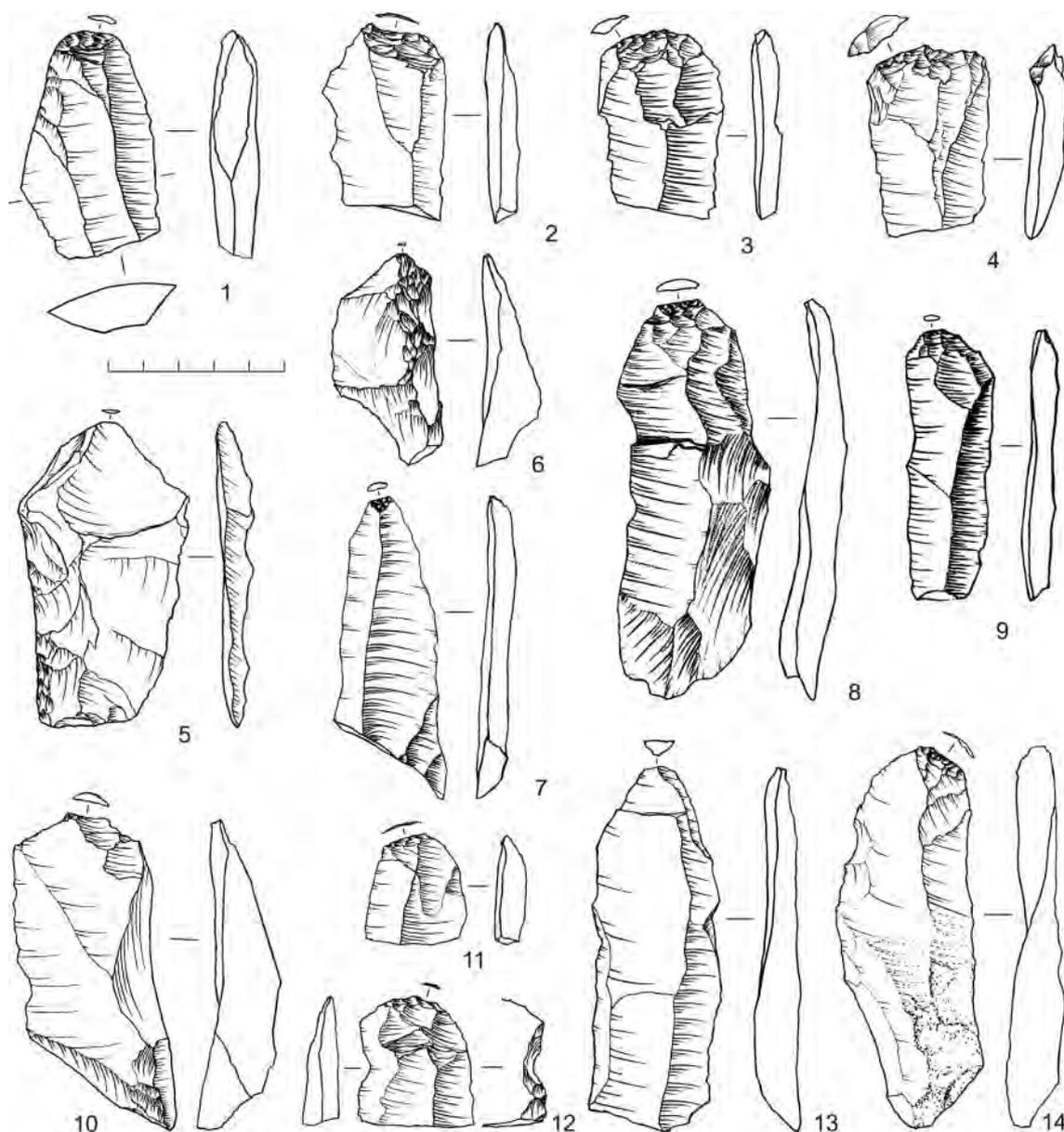

Рис. 2. Стоянка Непряхино, пластинчатые сколы: 1–9 — слой К-1; 10–12 — слой К-2; 13, 14 — слой К-3

Fig. 2. Nepryakhino, blade flakes: 1–9 — layer K-1; 10–12 — layer K-2; 13, 14 — layer K-3

по своей морфологии вполне укладываются в рамки классического объемного пластинчатого расщепления, характерного для верхнего палеолита.

Среди пластин, которые могут считаться целевыми и имеют сохранившийся проксимальный конец, 30 % с вогнутыми, линейными или точечными площадками (рис. 2, 1–3, 7–9, 11–14), а 18 % имеют редукцию площадок разной степени интенсивности (рис. 2, 1–4, 7–9, 12, 14). Для всех пластин характерны губа и скошенный угол между площадкой и вентральной плоскостью (рис. 2, 1–4, 8, 12). Точечные ударные площадки есть и на ряде реберчатых сколов (рис. 2, 5, 6, 10). Все эти признаки свидетельствуют о краевой технике скола, применявшейся для расщепления призматических нуклеусов.

Таким образом, в трех нижних слоях Непряхино представлена индустрия РВП, имеющая все характерные для новой эпохи черты в первичном расщеплении: специально изготовленные призматические нуклеусы с двумя-тремя продольными ребрами и

скошенной ударной площадкой и краевую технику скола, применявшуюся для снятия пластин.

В Костёнковско-Борщёвском районе индустрии с развитым пластинчатым расщеплением и как будто не вызывающей сомнений краевой техникой скола возрастом более 40 тыс. л. н. представлены слоем 2 Спицынской стоянки (Костёнки 17) и слоем IVб стоянки Маркина гора (Костёнки 14) (Синицын 2015: 52, 53; Sinitsyn 2010: 31, 32, fig. 4, 5; 2015: 166, 167).

Таким образом, техника скола (краевая или некраевая) в ряде случаев позволяет ранжировать пластинчатые комплексы времени КИС-3. Эмиран, НВП Алтая и Центральной Азии, большую часть комплексов богунисьена, Шлях, слой 8, и, возможно, горизонты 4 и 5 Бирючьей Балки 2 с некраевой техникой скола правомерно рассматривать как начальный верхний палеолит, а комплексы нижней пачки слоев Непряхино, Костёнки 17, слой 2, Костёнки 14, слой IVб, с краевой техникой скола — как ранний верхний палеолит. Имеющиеся на данный момент даты — для первой группы в интервале 50–40 тыс. л. н. и для второй группы 45–42 тыс. л. н. — не противоречат этому заключению.

Литература

- Белоусова, Рыбин 2016 — Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П. Технология первичного расщепления каменного сырья в индустрии раннего верхнего палеолита культурного горизонта ВП1 стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2016. Т. 16, № 4. С. 7–22.
- Белоусова и др. 2017 — Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Рыбин Е. П., Козликин М. Б. Особенности технологии производства крупных пластин в индустриях начального верхнего палеолита Горного Алтая // Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). Тр. V (XXI) ВАС в Барнауле — Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. Т. 1. С. 16–21.
- Вишняцкий 2008 — Вишняцкий Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 250 с.
- Захариков 1993 — Захариков А. П. Бифасы Непряхино // Археологические вести. Саратов: Изд-во Саратовского ГУ, 1993. С. 47–63.
- Захариков 1999 — Захариков А. П. Технология изготовления бифасиальных орудий нижних слоев стоянки Непряхино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов: Науч.-произв. центр по историко-культурному наследию Саратовской обл., 1999. Вып. 3. С. 108–121.
- Захариков 2018 — Захариков А. П. Многослойная стоянка Непряхино. Ростов-н/Д.: Альтаир, 2018. 100 с.
- Захариков 2021а — Захариков А. П. Кварцитовые комплексы нижней пачки слоев стоянки Непряхино (по материалам раскопок 2016 года) // ПАЖМИ. 2021. № 1. С. 62–96.
- Захариков 2021б — Захариков А. П. Кварцитовый дебитаж нижней пачки слоев стоянки Непряхино // *Universum Humanitarium*. 2021. № 2. С. 85–128.
- Каномата 2017 — Каномата Й. Отчет о радиоуглеродном AMS-датировании. Стоянка Непряхино. Россия, октябрь 2016 г. // Археологические записки. Ростов-на/Д.: Альтаир, 2017. Вып. 9. С. 12–14.
- Коен, Степанчук 2000 — Коен В., Степанчук В. Вариабельность перехода от среднего к верхнему палеолиту. Новые данные из Восточной Европы // *Stratum plus*. 2000. № 1. С. 39–43.
- Матюхин 2012 — Матюхин А. Е. Бирючья балка 2. Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. СПб.: Нестор-История, 2012. 244 с.
- Нехорошев 1999 — Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский дом, 1999. 170 с.
- Нехорошев 2006 — Нехорошев П. Е. Результаты датирования стоянки Шлях // РА. 2006. № 3. С. 21–30.
- Нехорошев и др. 2003 — Нехорошев П. Е., Вишняцкий Л. Б., Гуськова Е. Г. Палеомагнитное изучение образцов осадков памятника Шлях // Массон В. М. (ред). Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 121–134.
- Родионов и др. 2021 — Родионов А. М., Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю. Технологии производства бифасов в начале верхнего палеолита Южной Сибири и Русской равнины, сырьевой аспект //

- Толстых Д. С. (ред.). Рогачевские чтения: Музей, археология, история. Воронеж, 2021. Вып. 1. С. 208–215.
- Рыбин 2006 — *Рыбин Е. П.* Ранняя пора верхнего палеолита Южной Сибири: к проблеме соотношения верхнепалеолитической каменной технологии и среднепалеолитических традиций // Аникевич М. В. (ред.). Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: Общее и локальное: ММК. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 326–345.
- Свобода 2001 — *Свобода И. О.* О переходе от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // АЭАЕ. 2001. № 4. С. 30–37.
- Синицын 2015 — *Синицын А. А.* Костёнки 14 (Маркина гора) — опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет (GS-11–GI-3) // Хлопачев Г. А. (отв. ред.). Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований: Сб. ст. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 40–59 (Замятнинский сборник. Вып. 4).
- Славинский 2021 — *Славинский В. С.* Расщепление камня в индустриях финального среднего и начального верхнего палеолита стоянок Кара-Бом по результатам ремонтажа (технология, ближайшие аналогии, хронология) // ПАЖМИ. 2021. № 1. С. 5–51.
- Славинский и др. 2017 — *Славинский В. С., Рыбин Е. П., Белоусова Н. Е., Федорченко А. Ю., Хаценович А. М., Анойкин А. А.* Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // *Stratum plus*. 2017. № 1. С. 221–244.
- Хоффекер и др. 2019 — *Хоффекер Дж. Ф., Нехорошев П. Е., Вишняцкий Л. Б., Очередной А. К.* Памятники конца среднего палеолита на юге Восточно-Европейской равнины и их место в процессе перехода к верхнему палеолиту // Гаврилов К. Н. (ред.). Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта: Междунар. конф. — полевой семинар: ТД. М.: ИА РАН, 2019. С. 23–24.
- Шкрдла 2013 — *Шкрдла П.* Богунице на территориях Моравии и соседних регионов // АЭАЕ. 2013. № 3. С. 2–13.
- Boaretto et al. 2021 — *Boaretto E., Hernandez M., Goder-Goldberger M., Aldeias V., Regev L., Caracuta V., McPherron S. P., Hublin J.-J., Weiner S., Barzilai O.* The absolute chronology of Boker Tachtit (Israel) and implications for the Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118, no. 25. P. 1–42.
- Dolukhanov 2008 — *Dolukhanov P. M.* The Initial Expansion of Anatomically Modern Humans in Northern Eurasia: New Evidence and New Hypotheses // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2008. No. 2. P. 273–283.
- Hoffecker 2009 — *Hoffecker J. F.* The spread of modern humans in Europe // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. Vol. 106, no. 38. P. 16040–16045.
- Hublin 2014 — *Hublin J.-J.* The modern human colonization of western Eurasia: when and where? // *Quaternary Science Reviews*. 2014. Vol. 118. P. 194–210.
- Iovita 2001 — *Iovita R. P.* The Initial Upper Palaeolithic at Ksar Akil (Lebanon) — a techno-typological analysis of levels XXV–XVIII. AB Honors thesis. Harvard University, 2001. 74 p.
- Kuhn et al. 2009 — *Kuhn S. L., Stiner M. C., Guleç E., Ozer I., Yılmaz H., Baykara I., Açıkkol A., Goldberg P., Molina K. M., Unay E., Suata-Alpaslan F.* The early Upper Paleolithic occupations at Uçagızlı Cave (Hatay, Turkey) // *Journal of Human Evolution*. 2009. Vol. 56. P. 87–113.
- Sinitsyn 2010 — *Sinitsyn A. A.* The Early Upper Palaeolithic of Kostenki: chronology, taxonomy, and cultural affiliation // Neugebauer-Maresch Ch., Owen L. R. (eds.). *New Aspects of the Central and Eastern European Upper Palaeolithic — methods, chronology, technology and subsistence*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2010. P. 27–48.
- Sinitsyn 2015 — *Sinitsyn A. A.* Perspectives on the Palaeolithic of Eurasia: Kostenki and related sites // Sanz N. (ed.). *Human Origin Sites and the World Heritage Convention in Eurasia*. Mexico: UNESCO, 2015. P. 163–189.
- Škrdla 2003 — *Škrdla P.* Comparison of Boker Tachtit and Stránská skála MP/UP Transitional Industries // *Journal of The Israel Prehistoric Society*. 2003. Vol. 33. P. 37–73.

- Valoch et al. 2009 — Valoch K., Neruda P., Nerudova Z. The Bohunician Technology from Stranska Skala. Open-air Site (the Czech Republic // Burdukiewicz J. M., Cyrek K., Dyczek P., Szymczak K. (eds.). Understanding the Past. Papers offered to Stefan K. Kozłowski. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. P. 387–404.
- Zakharikov 2002 — Zakharikov A. Le site de Nepryakhino sur la moyenne Volga (Russie) // L'Anthropologie. 2002. T. 106. P. 185–206.
- Zakharikov 2017 — Zakharikov A. The Multilayer Nepryakhino Site and the Streletskian // Vasil'ev S. A. et al. (eds.). Le Sungirien: Saint-Petersbourg 2016. Liège, 2017. P. 61–72 (ÉRAUL. T. 147).

FLAKING TECHNIQUE IN SOME EARLY UPPER PALEOLITHIC INDUSTRIES OF EURASIA

A. P. ZAKHARIKOV

Keywords: *marginal flaking, Early Upper Paleolithic, Initial Upper Paleolithic, blade flaking, Nepryakhino site.*

The marginal flaking technique is considered an important indicator, allowing to discriminate between the Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic industries. In a number of cases this indicator makes it possible to rank blade assemblages dated to MIS-3. The Near Eastern Emiran, the Initial Upper Paleolithic of Altai and Central Asia, most Bogunician assemblages, layer 8 of Shlyakh and, presumably, horizons 4 and 5 of Biryuchia Balka 2, all characterized by non-marginal flaking, can reasonably be regarded as Initial Upper Paleolithic, while the assemblages of the lower layers of Nepryakhino, layer 2 of Kostenki 17 and layer IV6 of Kostenki 14, demonstrating marginal flaking, can be defined as Early Upper Paleolithic ones.

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА: ПАМЯТИ М. Н. ПШЕНИЦЫНОЙ (1937–2022)»¹

В. С. БУСОВА, В. М. ЛУРЬЕ, В. Б. ТРУБНИКОВА²

Ключевые слова: *М. Н. Пшеницына, Южная Сибирь, полевые исследования, ПАЮС.*

Это вступительное сообщение содержит информацию о работе первой научной конференции из цикла «Полевая археология Южной Сибири» (ПАЮС). Симпозиум «Современные исследования памятников эпохи палеометалла» был посвящен памяти М. Н. Пшеницыной и состоялся 30–31 марта 2023 г. в ИИМК РАН (Санкт-Петербург, Россия). В 21 научном докладе, прозвучавшем на конференции, были затронуты многие проблемные вопросы археологии Южной Сибири, связанные с широким кругом интересов исследовательницы: введены в научный оборот новые данные полевых изысканий, предложены интерпретационные подходы к материалам раскопок М. Н. Пшеницыной и проблемам культурогенеза Южной Сибири, представлены современные методические разработки. В работе симпозиума и в заключительной дискуссии приняли участие более 50 специалистов. Большая часть докладов публикуется в настоящем издании.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-46-49

Широкий круг научных интересов и непрерывная полевая деятельность сотрудников сибирской группы отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН привели к необходимости организовать новую дискуссионную площадку для представления результатов экспедиционных исследований, обсуждения интерпретаций археологических памятников и артефактов, а также научного обмена. Результатом стало создание цикла конференций «Полевая археология Южной Сибири» (ПАЮС), первая из которых получила название «Современные исследования памятников эпохи палеометалла» и была посвящена памяти известной исследовательницы археологии Южной Сибири, сотрудника отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, руководителя южносибирских новостроечных экспедиций ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук Маргариты Николаевны Пшеницыной (06.09.1937–10.09.2022). Симпозиум состоялся 30–31 марта 2023 г. на базе отдела совместно с Институтом истории и международных отношений Кемеровского ГУ, где М. Н. Пшеницына работала в 1981–1984 гг.

На конференции были заслушаны доклады (всего 21), связанные с современными исследованиями памятников Южной Сибири от окуневской культуры бронзового века до раннего Средневековья. Такая тематическая направленность симпозиума предполагала

---

¹ Научное мероприятие проведено в рамках программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² В. С. Бусова, В. М. Лурье, В. Б. Трубникова — Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Бусова В. С., Лурье В. М., Трубникова В. Б., 2023

не только представление результатов новейших полевых исследований, но и позволила исследователям обсудить полученные материалы и их интерпретации.

Работа симпозиума продлилась два дня, и доклады тематически были разделены на два раздела — историографический и исследовательский. Первый мемориальный блок был открыт приветственным словом директора ИИМК РАН А. В. Полякова, в котором он отметил важность проведения полевых работ на новом исследовательском уровне и оперативного введения в научный оборот их результатов и анализа. Также был высоко оценен вклад М. Н. Пшеницыной в развитие археологии Южной Сибири, в том числе как опытного полевого исследователя. Представление пути М. Н. Пшеницыной в археологии было продолжено С. В. Красниенко. Доклад Л. Ю. Китовой и Л. Ю. Бобровой был посвящен короткой, но яркой странице жизни исследовательницы, когда она с 1981 по 1984 г. работала в Кемеровском ГУ. Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева и О. В. Григорьева представили материалы научного архива ИИМК РАН, в том числе ранее неизвестные, а также фотографии М. Н. Пшеницыной из полевых экспедиций и в стенах института. Два доклада были посвящены полевой деятельности М. Н. Пшеницыной: первый — ее археологическим исследованиям на Тепсе и продолжению этих работ (О. С. Советова, О. О. Шишкина), второй — интерпретации изображений на курганных плитах Хакасии, обнаруженных Бейской экспедицией в 1976 г. под руководством М. Н. Пшеницыной (Е. А. Миклашевич) (рис. 1).

Основное направление работы симпозиума связано с современными исследованиями археологических памятников эпохи палеометалла Южной Сибири, всегда находившимся в фокусе научных интересов М. Н. Пшеницыной.

Новые подходы к полевым исследованиям были представлены в докладе А. А. Тишкина об изучении крепостных сооружений Алтая с помощью анализа космоснимков и аэрофотосъемки и в докладе Н. Ю. Смирнова о доисследовании курганов урочища Пазырык. Методика полевых исследований в условиях постоянного затопления памятников, а также результаты многолетней Комплексной археолого-этнографической экспедиции «Спасение памятников на дне Саянского моря» были освещены в докладе М. Е. Килуновской, П. М. Леуса, Вл. А. Семёнова и А. В. Семёнова.

Особое внимание было уделено новым подходам к изучению артефактов и их интерпретациям. С помощью протеомного анализа были получены новые данные по кожным и меховым находкам пазырыкской культуры (В. С. Бусова, Е. В. Степанова, С. Браун, Т. Э. Кампер). Представлена реконструкция головного убора из могильника Усть-Теплая (С. П. Грушин, Е. В. Степанова, А. В. Фрибус). В докладе Н. А. Жоговой и В. В. Терехиной была продемонстрирована коллекция каменного инвентаря из раскопок стоянки Желвак 5 и сделаны любопытные трасологические наблюдения. Т. Р. Садыков представил новые данные о конском снаряжении в кокельской археологической культуре. Кроме того, на конференции были озвучены результаты современных исследований монеты «5 шу» из Тепсея VII (Н. Н. Николаев, С. В. Хаврин, Е. А. Шаблавина, М. В. Постарнак).

Основной тематический упор конференции был сделан на последние исследования культур Южной Сибири широкого хронологического диапазона, входивших в круг интересов М. Н. Пшеницыной. В докладе И. П. Лазаретова, Н. И. Лазаретовой, В. М. Лурье и Е. А. Миклашевич были проанализированы погребения разливого этапа окуневской культуры по материалам раскопок могильника Усть-Камышта-1. Представлены новые культурно-хронологические интерпретации материалов тагарской культуры: как через призму работ М. Н. Пшеницыной 1981 г. в докладе А. В. Субботина, П. В. Германа и Л. Ю. Бобровой о проблемах атрибуции позднеатагарских погребальных комплексов в лесостепном районе (Березовский могильник), так и по результатам исследований у г. Саяногорска на юге Хакасии (Н. А. Боковенко). Помимо этого, в докладе Н. И. Лазаретовой были освещены и проблемы антропологии этой культуры — представлены интересные данные о биджинском этапе в контексте популяционной изменчивости населения.

Рис. 1. Полевая археология Южной Сибири, № 1 (30–31 марта 2023 г.), краткий фоторепортаж: 1, 2 — заседание 30 марта 2023 г. (1 — слева направо: М. Т. Кашуба, С. В. Красниенко, Н. А. Боковенко, Л. Ю. Китова, О. С. Советова; 2 — слева направо: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов); 3–6 — заседание 31 марта 2023 г. (3 — слева направо: Л. Ю. Китова, А. В. Фрибус, О. С. Советова у баннера конференции; 4 — слева направо: И. П. Лазаретов, В. Б. Трубникова; 5 — слева направо: В. М. Лурье, В. С. Бусова, Н. Н. Николаев; 6 — слева направо: С. В. Красниенко, Н. А. Боковенко, А. В. Субботин)

Fig. 1. Field Archaeology of South Siberia, No. 1 (March 30–31, 2023), a brief photographic report: 1, 2 — session of March 30, 2023 (1 — from left to right: M. T. Kashuba, S. V. Krasnienko, N. A. Bokovenko, L. Yu. Kitova, O. S. Sovetova; 2 — from left to right: A. V. Polyakov, N. Yu. Smirnov); 3–6 — session of March 31, 2023 (3 — from left to right: L. Yu. Kitova, A. V. Fribus, O. S. Sovetova near the conference banner; 4 — from left to right: I. P. Lazaretov, V. B. Trubnikova; 5 — from left to right: V. M. Lurie, V. S. Busova, N. N. Nikolaev; 6 — from left to right: S. V. Krasnienko, N. A. Bokovenko, A. V. Subbotin)

Отдельная серия докладов была посвящена тесинской культуре — одной из важнейших сфер научных интересов М. Н. Пшеницыной. Сложному пути становления понятия «тесинский феномен» и выделения его в отдельную культуру был посвящен доклад С. В. Красниенко. А. А. Ковалев обратил внимание на особенности конструкций курганов раннего этапа тесинской культуры и предложил их новую интерпретацию. В. Б. Трубникова, Н. И. Лазаретова и И. П. Лазаретов представили доклад о различиях погребального обряда курганов-кладбищ в аспекте гендерной дифференциации с привлечением новых антропологических данных. В круг актуальных научных проблем тесинской культуры вновь было введено изучение парциальных погребений по материалам раскопок последних лет (В. М. Лурье, В. Б. Трубникова).

Конференция не только стала важным событием для научного сообщества, позволившим ученым обменяться опытом и новыми данными в области изучения древних культур, но и заложила добрую традицию для дальнейшего проведения симпозиумов в рамках ПАЮС.

13 докладов участников конференции представлены в виде статей в настоящем издании.

**CONFERENCE “CONTEMPORARY STUDIES
OF THE EARLY METAL PERIOD SITES:
TO THE MEMORY OF M. N. PSHENITSYNA (1937–2022)”**

V. S. BUSOVA, V. M. LURIE, V. B. TRUBNIKOVA

Keywords: *M. N. Pshenitsyna, South Siberia, field studies.*

This introductory note provides information on the work of the first conference from the cycle “Field Archaeology of South Siberia”. The symposium “Contemporary Studies of the Early Metal Period Sites” (March 30–31, 2023, Institute for the History of Material Culture RAS, St. Petersburg) was dedicated to the memory of M. N. Pshenitsyna. The participants made 21 presentations, touching upon many issues in the archaeology of South Siberia connected to M. N. Pshenitsyna’s research interests. The symposium and final discussion were attended by more than 50 specialists. Most of the conference reports are published below.

М. Н. ПШЕНИЦЫНА. ЖИЗНЬ В АРХЕОЛОГИИ

С. В. КРАСНИЕНКО¹

Ключевые слова: *Маргарита Николаевна Пшеницына, Минусинская котловина, Красноярская экспедиция, Средне-Енисейская экспедиция, Бейская экспедиция, тесинский этап тагарской культуры.*

В статье освещается жизненный путь Маргариты Николаевны Пшеницыной, ученицы и близкого человека выдающегося исследователя сибирских древностей М. П. Грязнова, более 60 лет жизни посвятившей археологии. М. Н. Пшеницына внесла значительный вклад в археологию Южной Сибири глубоким анализом одного из важных периодов истории ранних кочевников — тесинского этапа тагарской культуры, организацией работ Иркутской и Красноярской экспедиций ЛОИА АН СССР, Южно-Сибирской экспедиции Кемеровского университета и участием в них. Под руководством М. Н. Пшеницыной сотрудниками Средне-Енисейской и Бейской экспедиций ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН были сделаны новые важные шаги в исследовании культур Южной Сибири.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-50-66

Маргарита Николаевна Пшеницына родилась в Ленинграде 6 сентября 1937 г. При всей сложности истории страны тех лет находились люди, которые смогли быть счастливыми в своей частной жизни. Видимо, к их числу относились и родители Маргариты Николаевны. Отец — Николай Николаевич Пшеницын (1908–1981) — в это время окончил химический факультет ЛГУ и работал младшим научным сотрудником Государственного института высоких давлений. Мать — Нина Павловна Пшеницына (Потапова) (1915–2000) — окончила то же учебное заведение, затем работала учителем средней школы (рис. 1). Раннее детство Маргариты прошло на ул. Рубинштейна.

С началом войны, в августе 1941 г., семья была эвакуирована в Башкирию, в Уфу, где отец получил назначение на должность начальника цеха нефтеперегонного завода. По состоянию здоровья он был признан не подлежащим призыву в действующую армию. Жизнь в эвакуации была не фронтовая, не блокадная, но тоже очень трудная.

Семья оставалась в Башкирии до 1947 г. В эти годы появились на свет сестра Маргариты — Татьяна (1945)² и брат Юрий (1947)³. Глава семьи как успешный организатор производства был переведен в Москву, но получил назначение в ЦК профсоюза работников нефтяной промышленности. В столицу переехала и семья, спустя год Пшеницыны переехали в Ленинград. Николай Николаевич был направлен на профсоюзную работу, став председателем только что восстановленного Ленинградского областного совета профсоюзов, упраздненного в 1937 г. Последующие 10 лет (два избирательных срока)

¹ Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

² Морощкина (Пшеницына) Татьяна Николаевна, ст. инженер центральной экспериментально-исследовательской лаборатории фабрики «Пролетарский труд».

³ Пшеницын Юрий Николаевич, инженер-технолог завода «Арсенал».

© Красниенко С. В., 2023

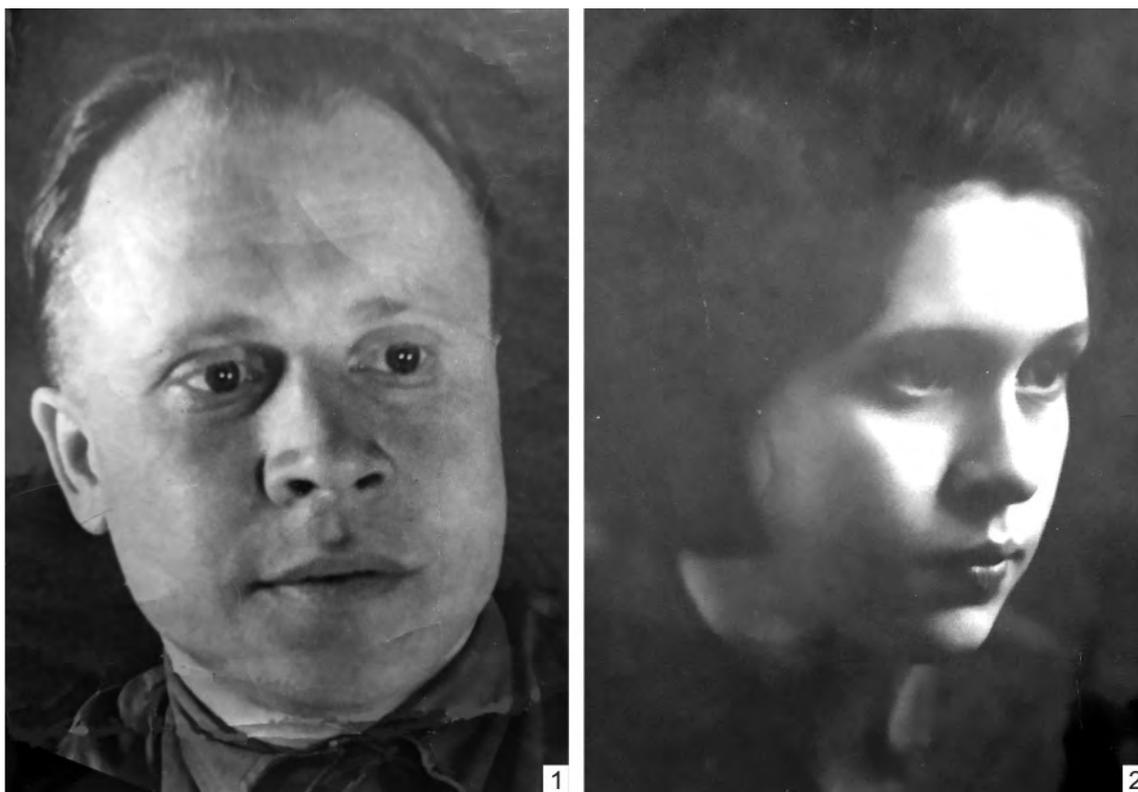

Рис. 1. Родители М. Н. Пшеницыной: 1 — отец Николай Николаевич; 2 — мать Нина Павловна, 1930-е гг.
 Fig. 1. Parents of M. N. Pshenitsyna: 1 — Nikolai Nikolaevich, father; 2 — Nina Pavlovna, mother, 1930s

Н. Н. Пшеницын посвятил профсоюзной работе (до 1958 г.). В эти же годы он дважды избирался депутатом Верховного совета РСФСР (III и IV созывов, 1951–1959 гг.). Затем Н. Н. Пшеницын работал в Ленинградском Совете народного хозяйства, директором фабрики «Пролетарский труд», а после окончания трудовой деятельности стал пенсионером союзного значения. Нина Павловна Пшеницына до ухода на пенсию трудилась преподавателем химии школы № 108 Октябрьского района Ленинграда.

Семья профсоюзного лидера получила квартиру вблизи места его основной работы, на углу площади Труда и бульвара Профсоюзов (совр. Конногвардейский). В этой квартире Маргарита Николаевна прожила до 1978 г. В 1954 г. она окончила 239-ю среднюю школу⁴.

Тогда же она поступила на исторический факультет ЛГУ им. А. А. Жданова и окончила его в 1959 г. Теперь уже трудно сказать, какими обстоятельствами был обусловлен выбор ею кафедры археологии⁵, но в студенческие годы Маргарита участвовала в работе экспедиций ЛО ИИМК АН СССР и кафедральной Забайкальской (1957 г., нач. А. В. Давыдова). По документам, хранящимся на кафедре археологии СПбГУ, в 1958 г. планировалась поездка в Усть-Каменогорск для участия в Восточно-Казахстанской экспедиции (нач. С. С. Черников), но эта поездка не состоялась. В апреле 1958 г. М. Н. Пшеницына участвовала в IV Всесоюзной археологической конференции в Москве. Ее доклад «Кула-Жургинская культура (ранние кочевники Восточного Казахстана)» был, видимо, частью курсовой работы «Чиликтинская группа ранних кочевников Восточного Казахстана» (науч. рук. В. Д. Рыбалова). Написанная под руководством М. П. Грязнова дипломная работа

⁴ Ныне — Президентский физико-математический лицей.

⁵ Автор приносит искреннюю благодарность заведующему кафедрой археологии Института истории СПбГУ, канд. ист. наук В. Н. Седых за содействие и помощь в работе с архивными материалами кафедры.

«Культура ранних кочевников Восточного Казахстана» завершила тему. Все эти работы М. Н. Пшеницыной были оценены на «отлично».

Во время обучения в университете энергия и непринужденность в общении Маргариты нашли и такое применение, как участие в Студенческом театре ЛГУ. Многие из ее коллег по этому коллективу выросли в настоящих профессионалов. Достаточно назвать старшего товарища Маргариты Игоря Горбачева и будущего актера БДТ Михаила Данилова.

Вместе с Маргаритой в 1959 г. окончили кафедру археологии и получили дипломы будущие сотрудники ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН Г. В. Григорьева, О. В. Овсянников, видный латвийский археолог И.-Б. А. Лозе, археолог и историк церкви С. А. Беляев, ведущий специалист по культурам катакомбной культурно-исторической общности Ст. Н. Братченко. Среди однокурсников нельзя не назвать Ю. В. Андреева, в будущем заведующего группой античной археологии ИИМК РАН. Маргарита Николаевна вспоминала его с величайшим почтением.

Диплом о квалификации «историк-археолог, учитель истории средней школы», выданный 24 июня 1959 г., лишь зафиксировал сложившееся положение. Уже после окончания 4-го курса Маргарита Николаевна участвовала в работе Красноярской экспедиции ЛО ИИМК АН СССР (нач. М. П. Грязнов, памятники Гришкин Лог и Карасук II). На полевых чертежах этого года надписи были сделаны ее рукой (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1958 г. Д. 104). В сентябре того же года она участвовала в работах Пенджикентского отряда Таджикской экспедиции (нач. А. М. Беленицкий). Работа М. Н. Пшеницыной была высоко оценена руководством этих экспедиций, отмечены и личные качества «хорошего товарища в коллективе» (АКА. Отзывы... 1958). По словам самой Маргариты, в Красноярской экспедиции она участвовала в раскопках курганов баиновского этапа МНК, карасукской культуры, кыргызского времени, а в Пенджикенте под руководством младшего научного сотрудника ЛО ИИМК О. Г. Большакова (1929–2020) постигала особенности раскопок сырцово-архитектуры (АКА. Отчет... 1958).

По окончании университета естественным продолжением стала работа по договорам в Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР⁶ (1959–01.11.1962). Парадоксальным образом работа в Красноярской экспедиции началась с работ на Байкале: в составе Иркутской экспедиции М. Н. Пшеницына вела полевой дневник о раскопках м-ка Саган-Нугэ II (Баруздин и др. 1991) и в бухте Шидэ (Горбунова, Пшеницына 1991) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1959 г. Д. 249)⁷. В 1959 г. проводила работы и Красноярская экспедиция: Маргарита участвовала в исследовании комплекса памятников Гришкин Лог. Последующие годы (до 1964 г. включительно) можно назвать временем становления специалиста-археолога М. Н. Пшеницыной. Под руководством М. П. Грязнова и в основном в составе его Карасукского отряда Маргарита Николаевна участвовала в раскопках памятников практически всей свиты культур ранних кочевников, от афанасьевской АК до кыргызского времени.

Отряд исследовал комплексы памятников Карасук, Гришкин Лог, Барсучиха, Малые Копёны, а также отдельные могильники, погребения и поселения в других местах (1961 г. Д. 285; 1962 г. Д. 64; 1963 г. Д. 37, 29А). В обязанности М. Н. Пшеницыной входило ведение полевой документации: дневников, чертежей, а с 1962 г. и участие в написании отчетов. В отчете 1962 г. ею написан раздел о раскопках тесинских м-ков Карасук V, IX, а также культурного слоя неолита и эпохи бронзы на памятнике Карасук V (1962 г. Д. 64. Л. 31–36,

⁶ Институт истории материальной культуры и его Ленинградское отделение были переименованы в Институт археологии 04.09.1959 г.

⁷ Далее по тексту при ссылке на материалы научного архива ИИМК РАН наименования архива, фонда 35 и описи 1 опускаются. Подробный список материалов М. Н. Пшеницыной, хранящихся в НА ИИМК РАН, с названием дел см. в приложениях 1, 2 к статье О. В. Григорьевой, Н. А. Лазаревской и М. В. Медведевой в настоящем издании (с. 81–88).

45–46), в 1963 г. — отдельные разделы отчета (1963 г. Д. 37), в 1964 г. — разделы, посвященные описанию раскопок в пунктах Поляна, Батень и Плюха (1964 г. Д. 29А. Л. 32–37, 38–42, 45–46).

1 ноября 1962 г. М. Н. Пшеницына была зачислена в штат ЛОИА АН СССР в должности научно-технического сотрудника (Оп. 5. Д. 397. Л. 1), но продолжала работать в составе Красноярской экспедиции. В каком-то смысле итогом этого периода научной биографии Маргариты Николаевны стал ее доклад на заседании сектора археологии Средней Азии и Кавказа 3 января 1964 г. и его публикация (Пшеницына 1964)⁸.

Перед началом полевого сезона 1965 г. Маргарита Николаевна получила свой первый Открытый лист. Самостоятельные работы начальника Сарагашенской группы Карасукского отряда Красноярской экспедиции начались с раскопок двух курганов м-ка Улуг-Кюзюр (Большой Солончак) у пос. Советская Хакасия.

Были исследованы в общей сложности четыре могилы. В прямоугольных ямах, перекрытых трехтонными каменными плитами, находились 1–2 погребенных. Автор раскопок предположила их высокий социальный статус. По конструкции ограды памятники были отнесены к подгорновскому этапу (VI–V вв. до н. э.), по форме перекрестья кинжала и ножа — к сарагашенскому этапу тагарской культуры (IV–III вв. до н. э.) (Пшеницына 1966: 19). Годом позже исследование этого могильника было продолжено: произведены раскопки трех курганов, содержащих 14 могил. Среди находок — бронзовые кинжал с шилом-вкладышем в рукояти и нож с фигуркой зверя на рукояти. Конструктивные особенности, погребальный обряд и характерные предметы погребального инвентаря позволили исследователю предположить, что памятники иллюстрируют переходный период от подгорновского этапа к сарагашенскому (Пшеницына 1967: 143–145).

Активная и успешная экспедиционная деятельность Маргариты Николаевны не осталась неоцененной в институте. В апреле 1966 г. ее включили в группу коллег, совершивших двухнедельную поездку («научный туризм») в Италию. Возможно, во время этой поездки к Маргарите прониклись симпатией и дружескими чувствами К. Х. Кушнарёва и Р. М. Джанполадян.

15 декабря 1966 г. М. Н. Пшеницына была зачислена на должность лаборанта сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР (рис. 2).

Полевой сезон 1967 г. Маргарита Николаевна начала уже в должности начальника Позднетагарского отряда Красноярской экспедиции. Отряд провел работы на левом берегу Енисея в 12 км к С от с. Батени. Здесь были начаты исследования, вероятно, главного в жизни археолога М. Н. Пшеницыной памятника — тесинского кургана-склепа Барсучиха I.

Под насыпью диаметром 40 м и высотой 3,5 м находилась ограда высотой 1 м, сложенная из горизонтальных плит с пятью высокими столбообразными стелами с выбитыми изображениями. В центре ограды располагался двухэтажный склеп из двух срубов — подземного и наземного, с 30 погребенными. Находки — глиняные маски, три бронзовых и железный котловидных сосуда на поддонах, зеркала, пуговицы, кольца, пряжки, железные ножи, бусины, подвески, обрывки золотой фольги, обломки керамики.

К востоку от «центрального» объекта была вскрыта ограда с каменным ящиком (погребение баиновского этапа VII–VI вв. до н. э.). Там же, в ограде, были изучены семь тесинских могил. Южнее склепа была выявлена и исследована ограда с тремя карасукскими и одной сарагашенской могилами (Пшеницына 1968).

Результаты раскопок были впечатляющими. Возможно, именно тогда возникла тема кандидатской диссертации. Однако вначале случились перемены в личной жизни Маргариты Николаевны. В 1967 г. был заключен брак с Борисом Абрамовичем Тарантулом (05.05.1946–22.11.1996), архитектором и художником, происходившим из семьи заслуженного архитектора. В марте 1968 г. у молодоженов родился сын Александр. В течение

⁸ Список опубликованных работ М. Н. Пшеницыной (составитель — Л. М. Всевиов) см. в настоящем издании.

Рис. 2. Саяно-Тувинская экспедиция, 1960-е гг.: в центре — А. Д. Грач, на переднем плане — М. Н. Пшеницына

Fig. 2. Sayan-Tuva Expedition, 1960s: in the center — A. D. Grach, on the foreground — M. N. Pshenitsyna

последующих полутора лет одновременно с уходом за ребенком Маргарита успешно сдала экзамены по программе кандидатского минимума (28.05.1968–03.12.1969).

Летом 1970 г. Пшеницына возобновила экспедиционную деятельность в составе Красноярской экспедиции. На этот раз возглавляемая ею «тагарская группа» (1970 г. Д. 34) исследовала памятники в двух пунктах.

В первом случае это был курган Тепсей XV переходного от подгорновского к сарагашенскому этапу тагарской культуры (V–IV вв. до н. э.), находившийся на правом берегу Енисея, у подножия горы Тепсей. Здесь были раскопаны три парные могилы под плитами и одна — с шестью погребенными.

Вторым объектом изучения стал Большой курган м-ка Барсучиха I. Доследование его заключалось в выявлении предшествующей тесинскому склепу коллективной (10 погребенных) сарагашенской могилы. Установлено, что захоронения на территории Большого кургана происходили с карасукского времени (Пшеницына 1971).

15 августа 1970 г. лаборант М. Н. Пшеницына стала старшим лаборантом сектора археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР.

Летом 1971 г. Позднетагарский отряд Красноярской экспедиции во главе с заместителем начальника экспедиции М. Н. Пшеницыной завершил исследование комплекса памятников в пункте Барсучиха I — Большого кургана тесинского этапа тагарской культуры (II–I вв. до н. э.), сооруженного на месте находившихся здесь ранее могильников четырех историко-культурных периодов. На Большом кургане (высотой 1,3 м и с оградой 17,0 × 12,0 м) сарагашенского этапа (IV–III вв. до н. э.) были изучены три основные могилы и две детские (Пшеницына 1972).

В 1972 г. 1-й отряд Красноярской экспедиции вел раскопки тагарских курганов на левом берегу Енисея близ пос. Разлив на бывшем Сарагашенском увале. Было начато исследование трех 10-каменных курганов сарагашенского этапа тагарской культуры (IV–III вв. до н. э.). Изучено впускное захоронение тесинского этапа в сарагашенскую ограду:

каменный ящик с останками нескольких погребенных, в инвентаре которых представлены железные предметы и 16 глиняных сосудов (Пшеницына 1973).

Полевой сезон 1973 г. прошел в интенсивных работах в нескольких пунктах. В м-ке Разлив I были закончены раскопки двух больших тагарских курганов. Здесь впервые была выявлена своеобразная конструкция кургана: каменная ограда дополнена изнутри стеной из дерна и плитняка. Таким образом, первоначально курган имел вид прямоугольника с отвесными стенами высотой не менее 0,7 м. В процессе работ был обнаружен размытый могильник карасукской культуры, содержащий 37 каменных оград (м-к Разлив VI).

На размытом кургане окуневской культуры (Разлив X) было вскрыто три могилы — прямоугольные каменные ящики из тщательно подобранных тонких плит с каменным покрытием. В неграбленной могиле, в ящике (1,0 × 0,5 × 0,7 м), на выстланном плитами дне находился скелет взрослого человека в сидячем положении. При нем — две костяные антропоморфные пластинки и женская фигурка из желтоватого стеатита с головой и лицом.

По правому берегу Енисея была проведена разведка у горы Тепсей. В пункте Тепсей III, около раскопанных ранее М. П. Грязновым таштыкских склепов, обнаружены пять размытых детских могил того же времени. Здесь же вскрыта грунтовая могила подгорновского этапа тагарской культуры (VI–V вв. до н. э.) (Пшеницына 1974).

Кроме того, в начале полевого сезона 1972 г. М. Н. Пшеницына во главе 6-го отряда СТЭАН и совместно с 5-м отрядом СТЭАН (нач. Ю. И. Трифонов) провела разведку на территории будущего Саянского алюминиевого завода, тогда — Саянского промышленного комплекса (Трифонов 1973).

Научные успехи и интенсивные экспедиционные работы не остались незамеченными руководством ЛОИА. Маргарита Николаевна на протяжении нескольких лет поощрялась денежными премиями.

7 ноября 1973 г. в газете «Вечерний Ленинград» было опубликовано объявление о конкурсе на должность младшего научного сотрудника по теме «Эпоха раннего железа Южной Сибири». 18 ноября М. Н. Пшеницыной было подано заявление на участие в этом конкурсе (Оп. 5. Д. 397. Л. 7). В характеристике, приложенной к пакету конкурсной документации и подписанной В. П. Шиловым, Л. П. Хлобыстиным и А. М. Мандельштамом, соискатель отмечался как «исполнительный и ответственный за свое дело сотрудник... преданный делу, вдумчивый исследователь». Подчеркивалось, что «М. Н. Пшеницыной произведены раскопки нескольких больших, очень сложных уникальных памятников (родовые склепы тагарской культуры) при высоком методическом уровне этих раскопок, опубликовано 10 и сдано в печать три работы. Сдан кандидатский минимум. Завершается работа над кандидатской диссертацией «Развитие культуры племен Минусинской котловины на тесинском этапе (II–I вв. до н. э.)», ее «в коллективе... ценят как общительного ответственного товарища» (26.11.1973).

По результатам состоявшегося конкурса М. Н. Пшеницына с 25 января 1974 г. была зачислена на должность младшего научного сотрудника с окладом 105 руб. и надбавкой 15 руб. (Там же: Л. 8).

Успешная работа в Красноярской экспедиции, большая организационная деятельность нашли признание в назначении М. Н. Пшеницыной председателем новостроечной комиссии ЛОИА (1974 г.), а в октябре 1976 г., уже в статусе кандидата исторических наук, — заведующей группой новостроечных и хоздоговорных экспедиций ЛОИА. В этом же списке признаний находится и награждение Почетной грамотой президиума АН СССР 5 ноября 1974 г., и премия (70 руб.) за успешную работу по организации новостроечных экспедиций (декабрь 1974 г.) (Там же: Л. 10).

Однако до защиты кандидатской диссертации состоялись еще два насыщенных полевых сезона Красноярской экспедиции. В 1974 г. Курганный отряд экспедиции у пос. Разлив на дне Красноярского водохранилища раскопал четыре крупных объекта в могильниках окуневской (Разлив X) и тагарской (Разлив I, III, VIII) культур и одну небольшую раннетагарскую ограду в пункте Разлив VII (Пшеницына и др. 1975).

10 декабря 1975 г. была успешно защищена диссертация «Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап)» (науч. рук. М. П. Грязнов, оппоненты Л. Р. Кызласов, А. В. Давыдова). В основу диссертации был положен анализ трех групп тесинских памятников (большие курганы, могильники из небольших грунтовых могил, впускные захоронения — каменные ящики в оградах более ранних эпох), исследованных Красноярской экспедицией, как из собственных раскопок соискателя (Барсучиха I, курган под Афанасьевой горой, Тепсей XVI, Разлив), так и из материалов раскопок коллег по Красноярской экспедиции (Э. Б. Вадецкой, Г. А. Максименкова, Я. А. Шера, М. П. Завитухиной), а также предоставленных Л. Р. Кызласовым, Ю. И. Трифоновым (Пшеницына 1975).

Накануне 1976 г. производственная работа и выполнение плана были отмечены премией (70 руб.) (Оп. 5. Д. 397. Л. 11).

В 1976 г. уже кандидат наук М. Н. Пшеницына возглавила работу собственной Бейской экспедиции. Раскопки кургана Табат были осуществлены в соавторстве с М. Л. Подольским. Под насыпью высотой 3 м и диаметром 38 м находилась ограда 25 × 21 м. Среди плит, образующих ограду, шесть — с изображениями, а одна — с окуневской личиной. Внутри ограды изучены три ограбленные могилы, одна из которых сожжена. В могилах обнаружены останки 50 погребенных. Среди погребального инвентаря особенно интересны фрагменты деревянных резных сосудов, один из которых, видимо, трипод, имел подставку в форме ноги копытного животного. В мог. 3 находилось множество золотых украшений: биконические бусины, круглые бляшки, пластины из листового золота. Замечательны девять нашивных бляшек из золотой фольги в виде фигурок стоящего кошачьего хищника и две миниатюрные фигурки кабанов. Эти могилы датированы сарагашенским этапом тагарской культуры (Пшеницына, Подольский 1977).

Осенью 1976 г. в связи с получением диплома кандидата исторических наук Маргарита Николаевна была переведена на оклад 175 руб. (Оп. 5. Д. 397. Л. 12), переизбрана на новый срок в должности младшего научного сотрудника (Там же: Л. 13), а накануне нового, 1977 года отмечена премией 100 руб. за большую организационную работу в новостроечной группе (Там же: Л. 14).

Полевой сезон 1977 г. стал первым для двух «наследниц» Красноярской экспедиции: Средне-Енисейской и Сибирской. Возглавившая Средне-Енисейскую экспедицию М. Н. Пшеницына силами своего Тепсейского отряда завершила раскопки затапливаемых водами Красноярского моря памятников тесинского этапа (II–I вв. до н. э.) у подножья горы Тепсей. На м-ке Тепсей VII были исследованы 26 могил (срубы, грунтовые ямы, каменные ящики), в трех из которых находились трупосожжения. Погребения сопровождал богатый погребальный инвентарь из железа, рога, камня и стекла, найдены также уникальные костяные изделия — наременная обойма, украшенная двумя скульптурными головками медведя, и обкладка ножен с циркульным орнаментом. В большом (24,0 × 1,5 м) кургане-склепе Тепсей XVI были обнаружены останки 30 погребенных, включая глиняные «головы», схематично передающие черты лица умершего. В инвентаре представлены глиняные сосуды и берестяные короба, многочисленные изделия из железа, бронзы, камня и глины, а также обрывки листового золота. Вокруг склепа у ограды были выявлены еще 23 тесинские могилы, а под тесинскими конструкциями изучены два кургана подгорновского этапа тагарской культуры (две могилы со срубами и каменный ящик), а также три карасукские ограды с четырьмя каменными ящиками (Пшеницына и др. 1978). Таким образом, Средне-Енисейская экспедиция, в последующие годы сделавшая основными объектами своей работы зоны строительства оросительных систем и дорог, начала свою работу с раскопок в зоне затопления Красноярского моря.

Спустя 20 лет после получения отличной оценки своей полевой практики, Маргарита Николаевна сама получила возможность оценить работу своих младших коллег, многие из которых стали сотрудниками Средне-Енисейской экспедиции, а позднее возглавили собственные экспедиции: Е. Л. Немировской, Н. Ю. Кузьмина, Е. Д. Паульса, Л. С. Марсалонова (АКА. Отзывы о полевой практике... 1977).

Труд самой М. Н. Пшеницыной также был высоко оценен. По итогам 1977 г. она была дважды премирована: за большую работу по организации новостроечных экспедиций (Оп. 5. Д. 397. Л. 16) и как передовик соцсоревнования (Там же: Л. 17). Авторитет М. Н. Пшеницыной как талантливой и энергичной организатора археологических работ на новостройках нашел признание и среди московских коллег (Краснов и др. 1979).

1978 г. начинался также успешно. В марте приказом заведующей ЛОИА Н. Н. Гуриной на основании решения ученого совета от 29.03.1978 г. Маргарита Николаевна была назначена младшим научным сотрудником (Оп. 5. Д. 397. Л. 19).

Исследовательские перспективы Красноярской экспедиции в зоне затопления Красноярской ГЭС к концу 1970-х гг. были исчерпаны. Сотрудники ЛОИА и сотрудники экспедиции столкнулись с необходимостью поиска новых объектов изучения. По запросу М. Н. Пшеницыной материалы раскопок в Саяногорске, осуществленных силами Саяно-Тувинской экспедиции в 1971–1973 гг., были переданы в распоряжение Средне-Енисейской экспедиции.

Летом 1978 г. Саяногорский отряд Средне-Енисейской экспедиции ЛОИА АН СССР в соответствии со своим названием исследовал м-к Летник VI на территории г. Саяногорска. В 18 раскопанных курганах афанасьевской культуры были расчищены по одной или по две основные могилы, в каждой из которых было захоронено по 1–2 человека. Погребенные были уложены в скорченной позе, головами на ЮЗ. Их сопровождали глиняные орнаментированные сосуды разнообразных форм, а также три курильницы. Найдены также серебряная серьга в виде проволочной спирали и бронзовые шилья.

В восьми раннетагарских курганах внутри прямоугольных оград из крупных камней находилось до 10 могил, содержащих одиночные, парные и коллективные захоронения (Пшеницына и др. 1979).

1978 г. заканчивался для Маргариты Николаевны весьма позитивно. В характеристике, подписанной Н. Н. Гуриной, А. Я. Щетенко и В. М. Массоном, уже традиционно отмечались ее научные и организационные качества. Премия по итогам года как передовику соцсоревнования за организацию и проведение хозяйственных работ — 140 руб. — подтверждала эту репутацию (Оп. 5. Д. 397. Л. 20).

Однако в 1978 г. случилось событие, радикально изменившее жизнь М. Н. Пшеницыной на последующее десятилетие. Летом этого года Маргарита Николаевна вышла замуж второй раз. Ее избранником стал недавний выпускник кафедры археологии А. С. Поляков (1954–2015) — ученик талантливого Е. Н. Горюнова, принятый в состав Средне-Енисейской экспедиции. Союз этот сыграл фатальную роль в судьбе обоих супругов.

Впрочем, полевой сезон 1979 г. начинался как обычно. Под руководством или при участии М. Н. Пшеницыной работы велись на нескольких объектах.

Средне-Енисейская экспедиция совместно с новосибирскими коллегами В. И. Молодиным и Н. В. Полосьмак произвела раскопки м-ка Колок (на территории Означенской оросительной системы). В семи больших курганах (диаметром 25–30 м и высотой до 2,3 м) были исследованы 12 индивидуальных и коллективных могил, в том числе четыре сожженные. Погребальный инвентарь типичен для сарагашенского этапа тагарской культуры. Особый интерес представляет серия украшений из листового золота, в том числе 14 нашивных бляшек в виде фигурок кошачьих хищников и кабанов, характерные для раннескифского времени (VII–VI вв. до н. э.), но найденные в типично сарагашенской могиле (Пшеницына и др. 1980).

Саяногорский отряд экспедиции закончил исследования м-ка Летник VI — сложного объекта, включавшего комплексы афанасьевского и тагарского (сарагашенского) времени. Под холмом диаметром 27 м и высотой 1 м были выявлены две круглые ограды из крупных валунов, внутри которых находилось по одной могиле (2 × 2 × 1 м). С внешней стороны одной из оград выявлены 14 детских захоронений в небольших ямах. Все могилы ограблены. Из погребального инвентаря сохранились большая корчага, шаровидные, остродонные и яйцевидные сосуды.

В тагарское время одна из афанасьевских оград была перекрыта курганом, внутри ограды которого находились две квадратные могилы с коллективными захоронениями, сооруженные неодновременно. Инвентарь захоронений включал глиняные сосуды (баночные и на поддоне) и изделия из бронзы, в том числе чекан, украшенный фигуркой горного козла.

В м-ке Означенное V исследовано 13 памятников, предположительно отнесенных к древнетюркскому времени (VI–VII вв.) (Пшеницына, Поляков 1984).

В августе 1979 г. в Новосибирске вышла в свет коллективная монография «Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее», подготовленная авторским коллективом во главе с М. П. Грязновым. М. Н. Пшеницыной принадлежит авторство существенной части этого труда (раздел «Восьмикаменный курган в Тепсее XV» главы «Сарагашенский этап» и глава «Тесинский этап»).

Но ситуация, сложившаяся в экспедиции уже к середине полевого сезона, встревожила руководство института, включая обладавшую в то время большими полномочиями институтскую первичную организацию КПСС. В результате, после некоторой паузы и, видимо, достаточно непростых размышлений, эта тревога оформилась во вполне четкие претензии к М. Н. Пшеницыной как начальнику экспедиции. Итогом этого кризиса стал подписанный 27 ноября 1979 г. выговор «за нарушения, допущенные в организации работы экспедиции, выразившиеся в нарушении трудовой дисциплины и норм поведения, а также в затягивании сроков экспедиции и неподчинении распоряжениям дирекции о своевременном возвращении в Ленинград» (Оп. 5. Д. 397. Л. 23) и последовавшее за этим освобождение М. Н. Пшеницыной от обязанностей заведующей новостроечной группой и начальника Средне-Енисейской экспедиции.

Маргарита Николаевна не сделала выводов из этого более чем серьезного предупреждения. 26 декабря того же года последовал уже строгий выговор за уход без уважительной причины с заседания и неявку на работу в указанное приказом время для проверки выполнения годового научного плана (Там же: Л. 24).

Тем не менее буквально в этот же день по решению ученого совета состоялось переизбрание М. Н. Пшеницыной на новый трехлетний срок в должности младшего научного сотрудника.

Два года — 1980–1981 гг. — прошли в поисках себя в новых обстоятельствах. Отставленный начальник экспедиции лишился не только экспедиции. Особенно тягостным было ощущение пустоты после 20 лет ежегодной полевой работы. Первое время с этим помогала справиться необходимость сдачи коллекций и антропологического материала. В 1980 г. в Государственный Эрмитаж были переданы коллекции из раскопок Тепсея, Колока, Разлива и др. Антропологические материалы были отправлены в ЛО ИЭ АН СССР. В следующем году сдача коллекций в Эрмитаж была продолжена. Некоторые коллекции были сданы в музей «Археология Южной Сибири» Кемеровского университета (Каталог... 2004)⁹.

Казалось бы, в подобных обстоятельствах следовало быть особенно аккуратной в вопросах трудовой дисциплины. Но этого не произошло, и 27 мая 1981 г. М. Н. Пшеницыной был объявлен выговор за неявку на работу и нарушение трудовой дисциплины.

Видимо, последней попыткой удержаться в институте после всех неприятностей стало участие в Ошской экспедиции Ю. А. Заднепровского. Однако эта поездка не изменила общую тенденцию в развитии отношений М. Н. Пшеницыной (и А. С. Полякова) и ЛОИА.

Летом 1981 г. М. Н. Пшеницыной и А. С. Полякову поступило приглашение заведующего кафедрой археологии Кемеровского университета А. И. Мартынова принять участие в работе Южно-Сибирской экспедиции. Приглашение было принято, и в августе–сентябре 1981 г. супругам довелось завершить раскопки самого крупного из исследованных памятников на территории КАТЭК — Берёзовского курганного могильника.

⁹ Автор этих строк участвовал в подготовке к передаче некоторых коллекций в Эрмитаж в первые месяцы своей работы в ЛОИА осенью–зимой 1980 г.

В рамках программы полевых исследований были проведены раскопки кург. 26 (по другим данным — кург. 29)¹⁰, а на территории могильника и в непосредственной близости от него А. С. Поляковым были открыты три стоянки верхнего палеолита, позднего неолита, тагарской культуры (Мартынов, Пшеницына 1983).

Совместная экспедиционная работа с кемеровскими коллегами, возможно, уже была частью договоренности о переходе на работу в Кемеровский университет и переезде в Кемерово. Окончательно решение было принято в августе: подписанный 30 сентября приказ (Оп. 5. Д. 397. Л. 27) фиксировал увольнение по собственному желанию с 12 августа.

Расставаясь с Ленинградом, Маргарита Николаевна пережила и одну из главных потерь своей жизни: в 1981 г. скончался Николай Николаевич Пшеницын.

29 октября 1981 г. М. Н. Пшеницына была принята на работу в Кемеровский государственный университет на должность старшего преподавателя кафедры археологии исторического факультета. На должность преподавателя кафедры археологии был принят и А. С. Поляков. После событий в ЛОИА это был, вероятно, самый удачный выход из сложившейся ситуации.

Три года работы на кафедре археологии Кемеровского ГУ представляются периодом осмысления произошедшего, но в то же время и поиска нового призвания. Маргарита Николаевна успешно проявила себя в роли вузовского преподавателя, о чем говорилось и в характеристике, подписанной руководством университета. Отмечался высокий уровень прочитанных ею курсов «Культура хунну и гунно-сарматская эпоха Южной Сибири», «Вспомогательные исторические дисциплины», семинарских занятий по истории Древнего Востока. Квалификационный уровень археолога М. Н. Пшеницыной проявился в руководстве ею в качестве заместителя заведующего кафедрой по научно-исследовательской работе на общественных началах хозяйственной темой «КАТЭК», проведении полевой практики студентов, организации археологического музея на станции Дубинино, лекционно-просветительской деятельности в районе проведения археологических работ. Во время работы в Кемеровском ГУ Маргарита Николаевна проявила себя «добросовестным, компетентным специалистом», «инициативным и ответственным работником» (Оп. 5. Д. 397. Л. 36).

В полевом сезоне 1982 г. отрядом Южносибирской экспедиции Кемеровского ГУ под руководством М. Н. Пшеницыной были проведены раскопки трех курганов сарагашенского этапа тагарской культуры у руч. Балалык в зоне предстоящего развития Берёзовского угольного разреза. В трех курганах выявлены пять склепов с коллективными захоронениями, сожженными и ограбленными в древности. Вблизи могильника А. С. Поляковым открыто и обследовано местонахождение, содержавшее кремневый материал верхнепалеолитического облика, фрагменты глиняных сосудов конца тагарской и начала таштыкской культуры, в том числе глиняные литейные формы (Пшеницына, Поляков 1984).

Годом позже М. Н. Пшеницыной был исследован один из курганов м-ка Ионов Мыс. Могильник был открыт ею же в ходе разведки на территории промышленного развития Берёзовского угольного разреза в 1978 г. Коллекция находок, полученных при раскопках этого памятника сарагашенского этапа тагарской культуры, насчитывает более 100 единиц и включает изделия из бронзы, кости, золота и глиняные сосуды¹¹.

Лето 1984 г. М. Н. Пшеницына провела рядом с Михаилом Петровичем Грязновым. 18 августа он скончался.

29 сентября 1984 г. М. Н. Пшеницына уволилась из Кемеровского ГУ. 1 октября 1984 г. она была зачислена на должность старшего лаборанта по временно-штатному расписанию ЛОИА АН СССР и в этом статусе оставалась до 1 марта 1988 г. Все эти три с половиной

¹⁰ Подробнее о раскопках кург. 29 Берёзовского м-ка и его материалах см. статью П. В. Германа, А. В. Субботина и Л. Ю. Бобровой в настоящем издании.

¹¹ Подробнее о кемеровском периоде жизни М. Н. Пшеницыной см. в статье ее коллеги по кафедре Л. Ю. Китовой и сотрудника музея Кемеровского ГУ Л. Ю. Бобровой в настоящем издании.

года каждые два месяца приходилось увольняться и вновь оформляться на работу. С 1985 г. М. Н. Пшеницына числилась старшим лаборантом Нисийской экспедиции.

Вернувшись в Ленинград, Маргарита Николаевна оказалась в положении почти 20-летней давности, когда в 1966 г. она впервые стала лаборантом сектора археологии Средней Азии и Кавказа. Пожалуй, это единственный пример, когда человек дважды прошел путь от лаборанта до научного сотрудника в этом учреждении. Но задумываться над превратностями судьбы не приходилось. Необходимо было разобраться в обширном архиве М. П. Грязнова. Обработкой его для дальнейшего архивного хранения Маргарита Николаевна занималась вместе с Р. В. Васильевой. Одновременно велась работа по подготовке к изданию неопубликованных работ М. П. Грязнова.

Опыт преподавания в Кемеровском ГУ нашел применение и в Ленинграде. В 1986/1987 учебном году М. Н. Пшеницына читала лекции и проводила семинарские занятия на кафедре всеобщей истории факультета истории ЛГПИ им. А. И. Герцена. Декан, канд. ист. наук А. В. Богучарский, отмечал, что Маргарита Николаевна — «высоко эрудированный преподаватель, пользовалась авторитетом и уважением студентов» (Оп. 5. Д. 397. Л. 37).

Будучи лаборантом Нисийской экспедиции, Маргарита Николаевна провела несколько полевых сезонов в Туркмении в Старой Нисе (1985–1986 гг.) и на раскопах других памятников. М. Н. Пшеницына всегда отличалась крепким здоровьем, но «туркменский» сезон 1987 г. стал своеобразной проверкой на прочность. В июле этого года в рамках подготовки В. М. Массоном советско-британской экспедиции были проведены работы на Джейтуне и на Ак-депе. У тех, кто бывал в Туркмении хотя бы в мае или сентябре, воспоминания уже весьма «теплые». Можно только представить, какая жара бывает там в июле, да еще в зоне Каракумского канала, среди комаров. Осенью того же года Маргарита Николаевна в составе Каракумской экспедиции участвовала в работах на Илгынлы-депе. Затем последовали еще пять полевых сезонов под руководством В. М. Массона (1988–1992 гг.).

В начале 1988 г. появилась возможность (видимо, события конца 1970-х гг. перестали оказывать свое влияние) вернуть М. Н. Пшеницыну в качестве полноценного научного сотрудника ЛОИА АН СССР. 12 января в газете «Вечерний Ленинград» было опубликовано извещение о конкурсе на замещение вакантной должности младшего научного сотрудника со степенью кандидата исторических наук. 29 февраля конкурсная комиссия рекомендовала допустить к участию в конкурсе М. Н. Пшеницыну. 2 марта по итогам голосования ученого совета ЛОИА АН СССР было принято решение «считать М. Н. Пшеницыну прошедшей по конкурсу на должность мл. научного сотрудника (канд. ист. наук) по специальности „Эпоха бронзы и раннего железа Южной Сибири (рукописное наследие М. П. Грязнова)“». В этот же день соискатель была зачислена в отдел археологии Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР на соответствующую должность с окладом 220 руб. (Оп. 5. Д. 397. Л. 49).

Заявленная на конкурсе тема в полной мере была реализована в течение нескольких лет новой карьеры М. Н. Пшеницыной. Уже в 1987 г. опубликован доклад, посвященный научному наследию М. П. Грязнова (Пшеницына 1987). Интенсивная работа с архивными материалами была отмечена премиями: за высокие результаты научной работы (26 декабря 1988 г.; 200 руб.), за выполнение плана научно-исследовательских работ (29 декабря 1989 г.; 250 руб.).

В общей сложности работа М. Н. Пшеницыной над научным наследием М. П. Грязнова продолжалась почти четверть века. В эти годы были подготовлены к печати и опубликованы неизданные труды М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой.

Год выхода сборника «Древности Байкала» (1991), судя по выходным данным, определен не точно — указаны и 1991, и 1992 гг. Но дата сдачи сборника в набор — 19 декабря 1990 г. — показывает, что к этому времени работа над макетом была завершена. В характеристике, подписанной В. М. Массоном и рекомендующей перевод М. Н. Пшеницыной на должность научного сотрудника (14 марта 1991 г.), указано: «была осуществлена подготовка, договоренность о публикации в Иркутске трудов Байкальской экспедиции, объемом 22 печатных листа» (Оп. 5. Д. 397. Л. 55).

В 1992 г. вышел очередной том многотомного фундаментального исследования «Археология СССР» — «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время» (1992), работа над которым началась еще при жизни М. П. Грязнова и при его участии. Маргарита Николаевна завершила эту работу, подготовив к печати раздел «Алтай и приалтайская степь», написанный Михаилом Петровичем (Грязнов 1992), и свой раздел, посвященный тесинскому этапу (Пшеницына 1992).

Успешная и плодотворная работа получила заслуженную оценку руководства института. 1 мая 1991 г. Маргарита Николаевна была переведена на должность научного сотрудника с окладом 410 руб. (Оп. 5. Д. 397. Л. 56), а уже 18 января 1993 г. по результатам аттестации — на должность старшего научного сотрудника 13-го разряда с окладом 10 368 руб. (Там же: Л. 59), 14 января 1999 г. утверждена как старший научный сотрудник.

В том, что в 1999 г. увидела свет монография М. П. Грязнова «Афанасьевская культура» (Грязнов 1999), заслуга М. Н. Пшеницыной не только как редактора (совместно с В. С. Бочкарёвым). Она фактически как соавтор дописала одну из глав, заключение, а также отобрала и сформировала в табличной форме иллюстративный материал, проверила ссылки на литературу и состав привлеченных литературных сведений. Кроме того, редакция (и в ее составе М. Н. Пшеницына) включила в издание в качестве приложения небольшую статью И. Н. Хлопина, посвященную одной из гипотез о происхождении афанасьевской культуры. Эта работа была выполнена при поддержке РГНФ.

Наконец, в 2010 г. М. Н. Пшеницына при соавторстве коллег И. П. Лазаретова и А. В. Полякова доработала и опубликовала рукопись монографии М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой (Грязнов и др. 2010).

Работой с архивом М. П. Грязнова деятельность М. Н. Пшеницыной не ограничивалась. По ее инициативе в год 90-летия ученого в марте 1992 г. была организована и проведена конференция «Северная Евразия от древности до Средневековья». В сборнике материалов конференции были опубликованы две работы Маргариты Николаевны. Кроме того, ряд статей, посвященных научному наследию М. П. Грязнова и творческому развитию его идей, вышли в последующие годы.

Эти приблизительно 15 лет (1990-е — первые годы XXI в.) были, вероятно, самыми продуктивными в жизни Маргариты Николаевны как ученого. Работа с научным наследием М. П. Грязнова успешно сочеталась с полевыми экспедиционными исследованиями и собственной публикационной активностью.

В конце 1980-х гг. достаточно неожиданно возникла возможность своего рода реинкарнации Бейской экспедиции. Сам факт этого «возрождения» характеризует авторитет М. Н. Пшеницыной, сохранившийся несмотря на долгое отсутствие в Хакасии. Особенность нового учреждения экспедиции заключалась еще и в том, что финансирование предполагало археологические исследования на территории, предназначенной для дачного строительства г. Саяногорска. Называясь «Бейской», экспедиция работала на территории Саяногорска и земель, находящихся под управлением города. Схематически этапы деятельности Бейской экспедиции можно представить следующим образом.

Подготовительный этап — 1973 г. Работы 5-го отряда СТЭАН (рук. Ю. И. Трифонов) и 6-го отряда СТЭАН (рук. М. Н. Пшеницына).

1-й этап — 1975–1976, 1978–1979 гг. Раскопки памятников Летник, Означенное.

2-й этап — 1990–1996 гг. Раскопки памятников Летник VII, Ай-Дай I–IV (1991 г. Д. 7; 1992 г. Д. 4; 1993 г. Д. 3; 1994 г. Д. 45; 1995 г. Д. 1; 1995 г. Д. 4; 1996 г. Д. 33).

3-й этап — 2003–2007 гг. Раскопки м-ка Ново-Михайловка I (пять курганов) (2004 г. Д. 1; 2005 г. Д. 1; 2006 г. Д. 1).

В результате первых лет работы (1975–1976, 1978–1979 гг.) Бейская экспедиция временами представляла одно целое со Средне-Енисейской. Различия заключались в источниках финансирования и, соответственно, в объектах работ. В эти годы Бейской экспедицией было зафиксировано 800 погребальных памятников от эпохи энеолита до позднего

Рис. 3. Бейская экспедиция, 1992 г.: 1 — начальник экспедиции М. Н. Пшеницына (в центре) и сотрудники; 2 — М. Н. Пшеницына в лагере экспедиции

Fig. 3. Beya Expedition, 1992: 1 — the head of the expedition M. N. Pshenitsyna (in the center) and the staff members; 2 — M. N. Pshenitsyna in the Beya Expedition camp

железного века, составлена карта-схема расположения их в проектируемой парково-спортивной зоне Саяногорска и инженерных коммуникаций Саянского алюминиевого завода. Местность эта условно названа Летником.

Через 11 лет, в 1990 г., Бейская экспедиция продолжила свои работы в парково-спортивной зоне Саяногорска (рис. 3). В м-ке Летник VII были произведены раскопки пяти тагарских курганов, а на территории индивидуального строительства в местности Ай-Дай (Лунная гора) у юго-западной границы Саяногорска было зафиксировано 39 курганов, в ряде случаев полностью уничтоженных многолетней распашкой. За три сезона было исследовано 11 курганов, в которых оказалось 20 могил. В 1993 г. Бейской экспедицией в пункте Ай-Дай IV было найдено поселение таштыкской культуры площадью не менее 12 га. Предварительные итоги этого периода работы Бейской экспедиции подведены в брошюре «Древности Саяногорска» (Массон, Пшеницына 1994).

Последний этап работы Бейской экспедиции (2003–2007 гг.) был связан с исследованиями в пределах земельного участка Саянского алюминиевого завода. Здесь в ходе разведки удалось выявить пять больших курганов тагарской культуры. Памятник получил название «м-к Новомихайловка I». Результатом исследования этих пяти погребальных комплексов стало получение ценной информации, расширившей представления о тагарской культуре и не только. Первый из исследованных памятников (2004 г.) содержал погребения как сарашенского этапа тагарской культуры, так и чрезвычайно интересные неграбленные могилы баиновского этапа той же культуры, а также погребения хунно-сарматского времени. Большой интерес представлял исследованный в 2006 г. курган с двумя коллективными захоронениями 52 и 90 человек. Здесь были обнаружены редкий образец чекана с изображением сцены борьбы грифона с мифическим орлом на обушке, а также серьги и гривна из золота, впервые зафиксированные в Минусинской котловине в комплексе позднеатагарского времени. В 2007 г. в самом большом из исследованных курганов (диаметром 36 м, высотой 2,4 м) обнаружено смонтированное в ограду уникальное скульптурное изображение быка из гранита.

В октябре 2006 г. на Всероссийском археологическом съезде в Новосибирске М. Н. Пшеницына сделала доклад по результатам последних работ Бейской экспедиции.

Вторая половина первого десятилетия нового века вновь стала непростым временем для М. Н. Пшеницыной. С одной стороны, многолетняя работа в Хакасии, несомненные успехи в полевых исследованиях нашли признание как у коллег, так и у представителей общественности и органов власти Республики Хакасия. В 2002 г. Почетную грамоту М. Н. Пшеницыной «за огромный вклад в приумножение культурных традиций, сохранение и развитие национальных культур, возвращение культурно-исторических ценностей» подписали и. о. главы администрации Саяногорска Я. Ф. Якибчук и председатель городского Совета депутатов В. Б. Галкин. Юбилейный год Маргариты Николаевны был отмечен благодарственными письмами председателя Верховного совета Республики Хакасия В. Н. Штыгашева (6 сентября) «за многолетний безупречный труд, значительный вклад в сохранение исторического и культурного наследия Республики Хакасия, в год 300-летия добровольного вхождения Хакасии в состав России и в связи с юбилеем» и главы муниципального образования Саяногорска Л. М. Быкова (4 ноября), Почетными грамотами и. о. главы муниципального образования Саяногорска А. П. Затепякина (30 августа) и министра культуры Республики Хакасия С. А. Окольниковой (9 сентября) «за многолетнее сотрудничество, большой вклад в сохранение и популяризацию историко-культурного наследия Республики Хакасия и в связи с 70-летним юбилеем».

Одновременно с признанием успехов Бейской экспедиции и перспектив работ в Саяногорске в ИИМК постепенно шел процесс «медленного увольнения» М. Н. Пшеницыной. В 2003 г. в рамках общей для РАН компании сокращений Маргарита Николаевна была переведена на 0,5 ставки. В этом же году она успешно прошла переаттестацию на должность старшего научного сотрудника. Спустя пять лет, в 2008 г., состоялся перевод на 0,25 ставки при окладе 9450 руб.

После 2008 г. Бейская экспедиция лишилась финансирования и объекта полевых исследований. Маргарита Николаевна взялась за систематизацию накопленных за годы экспедиционной работы и неизданных материалов (рис. 4; 5). Но основное время она посвящала заботе о сыне.

При этом в мае того же года в представлении на переаттестацию от имени заведующего отделом В. А. Алёшкина перечислены успешная работа по плановой теме отдела «Культурная стратиграфия эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Среднего и Верхнего Енисея (Южная Сибирь и Тува)», участие в программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и в проекте РГНФ (рук. Вл. А. Семёнов), участие в подготовке издания монографии о м-ке Кюргеннер (рукопись М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой). Подчеркивалась высокая оценка работ в Хакасии со стороны руководства Республики и г. Саяногорска. Отмечены большая работа по руководству Бейской экспедицией (2003–2008), интересные и важные находки (включая скульптурное изображение быка из гранита, вмонтированное в ограду кургана), передача коллекций в музей Саяногорска и организация четырех выставок.

Юбилейный 2012 г. был отмечен Почетной грамотой Министерства культуры Республики Хакасия «за многолетний труд по сохранению и популяризацию культурного наследия Республики Хакасия и в честь 75-летнего юбилея», подписанной министром культуры

Рис. 4. М. Н. Пшеницына на пути в ИИМК, сентябрь 2009 г.

Fig. 4. M. N. Pshenitsyna on her way to IHMS, September 2009

Рис. 5. В Дубовом зале ИИМК, слева направо: Э. Б. Вадецкая, С. В. Красиенко и М. Н. Пшеницына, июль 2015 г.

Fig. 5. In the Oak Hall of ИИМК, from left to right: E. B. Vadetskaya, S. V. Krasnienko, M. N. Pshenitsyna, July 2015

С. А. Окольниковой. В благодарственном письме от имени председателя Верховного совета Республики Хакасия В. Н. Штыгашева подчеркивался «большой личный вклад (М. Н. Пшеницыной. — С. К.) в исследовании, сохранении и популяризации историко-культурного наследия Республики Хакасия».

В том же 2012 г. в сборнике статей, изданном Минусинским музеем, вышла публикация сотрудника музея Саяногорска, поэта и журналиста Е. Г. Жужгиной (Жужгина 2012). В статье, а скорее, в авторском изложении интервью, данном М. Н. Пшеницыной, идет речь об истории Бейской экспедиции и о самой Маргарите Николаевне. Маргарита Николаевна достаточно подробно рассказывает автору о родителях, пути археолога, экспедициях, истории и работах Бейской экспедиции. Приводятся также воспоминания Маргариты Николаевны о людях, с которыми ей довелось вместе работать в разные годы. Среди тех, кого она с благодарностью вспоминает, — коллеги по институту Н. А. Боковенко, В. А. Завьялов, Л. Б. Кирчо, Н. Ю. Кузьмин, М. Л. Подольский, А. С. Поляков, О. Л. Пламеневская, Л. И. Рева, Н. Н. Николаев, Л. А. Соколова, художники А. Геннадиев, А. Путилин, Д. Шагин, В. Ефимов, Е. Волкова.

В 2018 г. трудовой договор с ИИМК был расторгнут, 13 сентября последовало увольнение. Спустя четыре года, 10 сентября 2022 г., М. Н. Пшеницына скончалась.

Вспоминая Маргариту Николаевну, необходимо сказать о ее поистине фанатичной увлеченности археологией. Эта черта подкупала и строителей, с которыми она вела переговоры об объектах будущих работ. Среди этих людей были такие крупные организаторы, как Ю. И. Потёмкин, Л. Г. Фесенко, И. К. Шамрай, В. В. Подтерепков. Увлеченность М. Н. Пшеницыной передавалась и сотрудникам ее экспедиций. Кроме того, Маргарита Николаевна была всегда контактным, открытым, простым в общении человеком, щедро делившимся своими знаниями и полученной ею в ходе собственных работ информацией.

Собственный вклад М. Н. Пшеницыной в археологическую науку также значителен и всегда будет востребован. Это и исследование важного переходного этапа от тагарской к таштыкской культуре — тесинского, признаваемого некоторыми исследователями

отдельной археологической культурой (Кузьмин 2011); и важный вклад в изучение палитры культур Минусинской котловины; и самоотверженная работа над изданием научного наследия М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой; и издание трудов экспедиций, участницей и руководителем которых была Маргарита Николаевна; и помощь молодым коллегам.

Память о Маргарите Николаевне лучше всего передают слова Виктора Яковлевича Бутанаева, д-ра ист. наук, профессора: «Нас восхищало ее трепетное отношение к древностям нашей земли и ее бесконечная любовь к Хакасии, без которой она не мыслит свою жизнь!».

Источники и литература

- АКА. Отзывы... 1958 — Архив кафедры археологии Института истории СПбГУ. Отзывы о летней практике «студентки-практикантки исторического факультета ЛГУ» М. Н. Пшеницыной.
- АКА. Отзывы о полевой практике... 1977 — Архив кафедры археологии Института истории СПбГУ. Отзывы о полевой практике студентов кафедры археологии исторического факультета ЛГУ.
- АКА. Отчет... 1958 — Архив кафедры археологии Института истории СПбГУ. Отчет о летней археологической практике студентки 5-го курса V группы исторического ф-та Лен. гос. университета Пшеницыной Маргариты Николаевны.
- Баруздин и др. 1991 — Баруздин Ю. Д., Горбунова Н. Г., Пшеницына М. Н. Поселение и могильники бухты Саган-Нугэ // Массон В. М. (отв. ред.). Древности Байкала. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1991. С. 56–59.
- Горбунова, Пшеницына 1991 — Горбунова Н. Г., Пшеницына М. Н. Поселение и могильник в бухте Шидэ // Там же. С. 56–59.
- Грязнов 1992 — Грязнов М. П. Алтай и приалтайская степь // Мошкова М. Г. (отв. ред.). Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 161–178 (Археология СССР).
- Грязнов 1999 — Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.
- Грязнов и др. 2010 — Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пшеницына М. Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 200 с. (Archaeologia Petropolitana; Тр. ИИМК РАН. Т. 31).
- Древности Байкала 1991 — Древности Байкала / Массон В. М. (отв. ред.). Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 1991. 252 с.
- Жужгина 2012 — Жужгина Е. Г. Из истории Бейской археологической экспедиции // Голованенко Н. А. (отв. за вып.). Мартъяновские краеведческие чтения (2010–2011): Сб. докл. и сообщ. Абакан: Журналист, 2012. Вып. 7. С. 197–201.
- Каталог... 2004 — Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ / Шер Я. А. (науч. ред.). Кемерово: СКИФ, 2004. Вып. 1. 112 с.
- Комплекс археологических памятников... 1979 — Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Грязнов М. П. (ред.). Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Краснов и др. 1979 — Краснов Ю. А., Смирнов К. А., Пшеницына М. Н. Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках // Советская археология в 10-й пятилетке: Тез. пленарных докл. Всесоюзн. конф. Л.: ИА АН СССР, 1979. С. 7–9.
- Кузьмин 2011 — Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Мартынов, Пшеницына 1983 — Мартынов А. И., Пшеницына М. Н. Исследования в зоне строительства Берёзовского разреза I КАТЭКа // АО 1981 года. 1983. С. 214–215.
- Массон, Пшеницына 1994 — Массон В. М., Пшеницына М. Н. Древности Саяногорска. СПб.: ИИМК РАН, 1994. 23 с.
- Степная полоса... 1992 — Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Мошкова М. Г. (отв. ред.). М.: Наука, 1992. 494 с. (Археология СССР).
- Трифонов 1973 — Трифонов Ю. И. Исследования в Минусинской котловине // АО 1972 года. 1973. С. 241–242.

M. N. PSHENITSYNA. LIFE IN ARCHAEOLOGY

S. V. KRASNIENKO

Keywords: *Margarita Nikolaevna Pshenitsyna, Minusinsk depression, Krasnoyarsk Expedition, Middle Yenisei Expedition, Beya Expedition, Tes' stage of Tagar culture.*

The paper elucidates the life of Margarita Nikolaevna Pshenitsyna, who devoted to archaeology more than 60 years of her life. She was a pupil of Mikhail Petrovich Gryaznov, an outstanding student of Siberian antiquities. M. N. Pshenitsyna made a substantial contribution to the archaeology of South Siberia by providing a profound analysis of one of the most important stages in the history of early nomads — the Tes' stage of the Tagar culture. An active field researcher for decades, she was one of the organizers of the Irkutsk and Krasnoyarsk expeditions of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, as well as the South Siberian Expedition of the Kemerovo University. It was under her guidance that the staff of the Middle Yenisei and Beya expeditions of IHMC RAS made new important steps in studying ancient cultures of South Siberia.

МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА ПШЕНИЦЫНА В КЕМЕРОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Л. Ю. КИТОВА, Л. Ю. БОБРОВА¹

Ключевые слова: *М. Н. Пшеницына, кафедра археологии Кемеровского ГУ, археологические коллекции в музее Кемеровского ГУ.*

Статья посвящена научной деятельности Маргариты Николаевны Пшеницыной с 29 октября 1981 г. по 30 сентября 1984 г. в Кемерово. На кафедре археологии Кемеровского ГУ М. Н. Пшеницына в должности старшего преподавателя читала курсы для студентов специализации «археология». Кроме того, по совместительству она работала старшим научным сотрудником по хозяйственной теме «КАТЭК» — руководила археологическими исследованиями в зоне строительства Берёзовского угольного разреза в Шарыповском районе Красноярского края. Большой вклад М. Н. Пшеницына внесла в развитие музейного дела в Кемерово. В статье освещаются ранее не опубликованные архивные материалы и анализируются археологические коллекции из раскопок М. Н. Пшеницыной и А. С. Полякова, хранящиеся в музее Кемеровского ГУ.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-67-74

В 1981–1984 гг. научная деятельность Маргариты Николаевны Пшеницыной была связана с Кемеровским государственным университетом. Такой поворот в научной карьере примечателен для исследователя, закончившего исторический факультет Ленинградского государственного университета в своем родном городе. После окончания ЛГУ в 1959 г. М. Н. Пшеницына три года работала по краткосрочным договорам Красноярской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР². В ноябре 1962 г. она была зачислена в постоянный штат ЛОИА АН СССР на должность научно-технического сотрудника, а с 1965 г. вела самостоятельные раскопки на юге Красноярского края. В декабре 1966 г. она стала лаборантом, а в августе 1970 г. — старшим лаборантом ЛОИА АН СССР. В этой должности М. Н. Пшеницына числилась до января 1974 г., несмотря на то что с 1971 по 1976 г. исполняла роль заместителя начальника Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР. На место младшего научного сотрудника академического института она была избрана по конкурсу в январе 1974 г. и проработала в этой должности до 30 сентября 1981 г. — до отъезда в Кемерово (Архив Кемеровского ГУ. Д. 3989. Л. 1–3).

Конечно, защита кандидатской диссертации «Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап)» в декабре 1975 г. повысила статус М. Н. Пшеницыной (Пшеницына 1975). В мае 1976 г. она получила степень кандидата исторических наук и по поручению дирекции Института археологии АН СССР и его Ленинградского отделения руководила с 1976 по 1979 г. группой новостроечных и хозяйственных экспедиций ЛОИА АН СССР (Архив Кемеровского ГУ. Д. 3989. Л. 3).

¹ Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва — Кемеровский государственный университет; Кемерово, 650000, Россия.

² Подробнее об учебе и научной работе М. Н. Пшеницыной до 1981 г. и после 1984 г. см. статью С. В. Красниенко в настоящем издании.

© Китова Л. Ю., Боброва Л. Ю., 2023

Тем не менее в 1981 г. М. Н. Пшеницына решила резко изменить свою жизнь и переехать в Кемерово. Одной из причин стало второе замужество, которое не было принято ее родными и близкими. Ее супруг Александр Сергеевич Поляков, выпускник исторического факультета ЛГУ, был моложе Маргариты Николаевны. Он, как и М. Н. Пшеницына, был археологом, ездил с ней в экспедиции. Импозантный блондин с голубыми глазами и обликом древнерусского красавца, он занимался археологией с удовольствием. После окончания ЛГУ, с 1977 по 1981 г., А. С. Поляков трудился в качестве старшего лаборанта группы ново-строечных экспедиций под руководством М. Н. Пшеницыной. В 1978–1979 гг. вел самостоятельные изыскания в составе Средне-Енисейской экспедиции на территории Хакасской автономной области. В 1980 г. принимал участие в работах Ферганской экспедиции ЛОИА АН СССР в Киргизской ССР, где М. Н. Пшеницына руководила отдельным раскопом (Архив Кемеровского ГУ. Д. 3982. Л. 3).

О работе в Кемеровском ГУ М. Н. Пшеницына договаривалась с заведующим кафедрой археологии Анатолием Ивановичем Мартыновым. Он всегда был участлив и очень легко брал новых людей на кафедру. Маргариту Николаевну он знал по общей работе в Красноярском крае: ЛОИА и Кемеровский ГУ занимались общей хоздоговорной темой по исследованию археологических памятников в зоне строительства Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса (КАТЭК). На эту тему в научно-исследовательский сектор Кемеровского ГУ А. И. Мартынов взял и А. С. Полякова. Анатолий Иванович помог не только с работой, но и с обустройством в общежитии Кемеровского ГУ. Жилье представляло собой комнату с общим душем и туалетом на этаже, и М. Н. Пшеницына оставила 13-летнего сына со своими родителями в Ленинграде. Они уже не работали и могли посвятить свое время внуку.

Кафедра археологии Кемеровского ГУ была выбрана М. Н. Пшеницыной в 1981 г. неслучайно. В то время это была единственная кафедра археологии в Сибири и третья, созданная в России (после Ленинграда (1936) и Москвы (1939)) в 1975 г. Ею руководил известный в стране ученый А. И. Мартынов, который занимался близкими Маргарите Николаевне научными проблемами. В 1963 г. им была создана лаборатория археологических исследований (ЛАИ) в вузе, с 1967 г. ЛАИ стала выпускать периодический сборник «Известия ЛАИ», посвященный актуальным проблемам археологии, и вводить в научный оборот материалы исследованных кемеровскими археологами памятников. В сборнике издавались статьи не только сибирских исследователей, но и столичных. В 1973 г. А. И. Мартынов написал учебник по археологии, опубликованный в издательстве «Высшая школа» (Мартынов 1973), в 1975 г. защитил докторскую диссертацию «История лесостепных тагарских племен в VI–I вв. до н. э.» (Мартынов 1975), к середине 1970-х гг. им была создана первая научная археологическая школа в Кузбассе (Китова и др. 2023). На кафедре археологии преподавали кандидаты исторических наук, доценты, археологи В. В. Бобров, А. М. Кулемзин, Г. С. Мартынова, старший преподаватель Ю. М. Бородкин, кандидат исторических наук, доцент, этнограф Р. В. Николаев. В 1975 г. кроме кафедры в Кемеровском ГУ была открыта специализация по археологии, в 1979 г. — аспирантура, а в 1982 г. создан диссертационный совет по защитам кандидатских диссертаций.

К приезду М. Н. Пшеницыной по хоздоговорным темам уже работали ленинградцы Б. Н. Пяткин и его жена Т. В. Николаева, после окончания Томского ГУ по просьбе В. И. Матющенко был принят Н. М. Зиняков, из Новосибирского ГУ — В. Н. Добжанский, из МГУ — И. В. Окунева (Новгородченкова). По просьбе Р. Ф. Итса были приняты на работу в хоздоговорную группу выпускники кафедры этнографии ЛГУ В. М. Кимеев (в 1980 г.) и А. Н. Садовой (в 1981 г.). Пополнялась кафедра и собственными выпускниками, в научно-исследовательском секторе работали кандидат исторических наук М. Б. Абсалямов, младшие научные сотрудники А. С. Васютин, В. А. Бобков, А. М. Коротаев, лаборанты Е. М. Рабинович, О. С. Черняева (Советова) и др. (рис. 1).

Рис. 1. Преподаватели и сотрудники кафедры археологии Кемеровского ГУ — победители соцсоревнования в 1983 г.

Fig. 1. Professors and the staff of the Chair of Archaeology of Kemerovo University — Socialist competition winners in 1983

Кафедра археологии Кемеровского ГУ развивалась, начинающие специалисты под руководством А. И. Мартынова активно занимались научно-исследовательской деятельностью. Археологами Кемеровского ГУ было заключено несколько договоров на исследование археологических памятников в зонах промышленного строительства, археологические изыскания проводились не только в Кемеровской области, но также в Красноярском крае и на Алтае.

На кафедре была организована работа научного семинара, на всеобщее обсуждение выносились актуальные темы исследований как преподавателей, так и сотрудников научно-исследовательского сектора. Кафедра археологии Кемеровского ГУ часто выступала в роли ведущей организации при написании отзывов на диссертации, и исследователи из других городов приезжали и обсуждали свои работы на ее заседаниях.

А. И. Мартынов в 1979 г. сумел организовать в Кемерово одну из крупных всероссийских конференций с международным участием по проблемам скифо-сибирского мира. В Кемеровском ГУ в 1981 г. был открыт музей археологии и этнографии Сибири. Таким образом, научная жизнь в Кемерово в начале 1980-х гг. была интенсивной и разнообразной, а большой археологический коллектив был способен решать многие научно-исследовательские задачи. М. Н. Пшеницына и А. С. Поляков легко влились в его работу.

М. Н. Пшеницына была принята 29 октября 1981 г. на 0,5 ставки старшего преподавателя кафедры археологии. В этом качестве она подготовила и читала студентам специализации «археология» 3-го и 4-го годов обучения курс «Культура хунну и гунно-сарматская эпоха Южной Сибири». Лекции М. Н. Пшеницыной носили проблемный характер, опирались на новейшие достижения в археологии, воспринимались студентами с большой заинтересованностью. Е. А. Миклашевич, будучи студенткой, слушала этот спецкурс и в личной беседе отмечала, что лекции были великолепны, и она до сих пор хранит их

конспект. Кроме того, в 1981/1982 учебном году М. Н. Пшеницына вела курс «Вспомогательные исторические дисциплины», а в 1983–1984 гг. — семинарские занятия по истории Древнего Востока. Ею была разработана тематика курсовых и дипломных работ по скифскому и гунно-сарматскому времени Южной Сибири для студентов 2–5-го курсов.

Наряду с преподавательской работой М. Н. Пшеницына получила 0,5 ставки старшего научного сотрудника хозяйственной темы «КАТЭК». По приказу срок работы по договору был определен с 29 октября 1981 г. по 31 декабря 1985 г. (Архив Кемеровского ГУ. Д. 3989. Л. 8, 10). Однако Берёзовский угольный разрез I был построен раньше, и хозяйственная тема «КАТЭК» к концу 1983 г. прекратила свое существование.

Руководителем темы «КАТЭК» от Кемеровского ГУ был А. И. Мартынов. М. Н. Пшеницына почти сразу же стала его главной помощницей и ответственным исполнителем по теме. Дела она вела тщательно, документы и сметы готовила скрупулезно, в поле выезжала охотно. Поэтому очень быстро А. И. Мартынов назначил ее заместителем заведующего кафедрой археологии по научно-исследовательской работе на общественных началах. Приказом ректора по университету от 1 февраля 1982 г. это назначение было закреплено (Архив Кемеровского ГУ. Д. 3989. Л. 12). Главной задачей М. Н. Пшеницыной был контроль над ведением дел по хозяйственным темам: своевременное заключение договоров, подготовка к полевым исследованиям, составление смет, обработка материалов экспедиций, написание отчетов.

М. Н. Пшеницына продолжала исследования А. И. Мартынова в Шарыповском районе Красноярского края и в 1981–1983 гг. провела раскопки могильников тагарского времени в зоне строительства Берёзовского угольного разреза КАТЭК в Назаровской котловине. Так, в 1981 г. раскопками самого крупного кургана 26 (29 — по Герману, Субботину³) завершились исследования на Берёзовском могильнике. Под насыпью были обнаружены две погребальные камеры — склепы с коллективными захоронениями (НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 8850. Л. 2).

В 1982 г. под общим руководством М. Н. Пшеницыной проводились раскопки могильника Балалык I в Шарыповском районе Красноярского края, в 5 км к ЮВ от с. Новокурского, в урочище «Стрелка» на правом берегу руч. Балалык. Археологические памятники в этом районе открыты и кратко описаны экспедициями ЛОИА АН СССР и Кемеровского ГУ в 1979–1981 гг. Памятник представлял собой 14 курганов с земляными насыпями. С 1 июня по 15 сентября по открытому листу А. С. Полякова было раскопано три кургана, остальные попали в зону строительства Берёзовского угольного разреза КАТЭК (НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 8967. Л. 1).

В 1982 г. М. Н. Пшеницына в том же районе, в уроч. Стрелка в 350 м к С от могильника Балалык I открыла и исследовала одиночный курган Балалык V. Он имел курганную овальную насыпь диаметром 24 м и высотой 1,8 м. В центре кургана находилась одна погребальная камера. Сопровождающий погребенных инвентарь составляли фрагменты глиняных плоскодонных банок с округлым туловом и прямым венчиком. Посуда не орнаментирована, за исключением двух сосудов с орнаментом по венчику. Бронзовый инвентарь представлен ножами, чеканами, кинжалами, зеркалами и др. М. Н. Пшеницына определила курган как памятник тагарской культуры и датировала его IV–III вв. до н. э. (НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 8968. Л. 1).

В 1982 г. в 400 м к В от могильника Балалык I, на правом коренном берегу безымянного ручья, А. С. Поляковым было открыто поселение Балалык VI (НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 8967. Л. 13, 14).

В 1983 г. М. Н. Пшеницына продолжала раскопки в Шарыповском районе Красноярского края и исследовала могильник Ионов мыс I, открытый ею в 1978 г. Было обнаружено три земляных кургана с округлыми насыпями в 4–5 км к В от с. Никольского. Курганы были

³ См. с. 132–146 в настоящем издании.

вытянуты цепочкой с севера на юг, диаметр курганов — от 25 до 40 м, высота — до 1,2 м. М. Н. Пшеницына раскопала два кургана (1, 2), относящихся, по мнению исследовательницы, к тесинскому времени и сарагашенскому этапу тагарской культуры. После снятия дерна были выявлены каменные выкладки по всей поверхности курганов. При раскопках М. Н. Пшеницына обнаружила пять могил: стены квадратных могильных ям (глубиной 1,3–1,5 м) были облицованы плитами песчаника, сохранились бревна от наката. Сопровождающий инвентарь составляли фрагменты керамической посуды (20 целых сосудов и 56 фрагментов), бронзовые предметы, бусины из сердолика и аргиллита (НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 14276. Л. 1, 2, 7, 13).

В 1983 г. строительство Берёзовского угольного разреза было завершено, и в 1984 г. М. Н. Пшеницына и А. С. Поляков были переведены на хозяйственную тему «Ускат», которая предусматривала исследование археологических памятников в зоне строительства Караканского угольного разреза, недалеко от г. Белово Кемеровской области. Этот перевод был формален, М. Н. Пшеницына и А. С. Поляков продолжали обрабатывать полевые материалы раскопок из Шарыповского района Красноярского края. Маргарита Николаевна в 1984 г. заканчивала организацию первого в зоне новостроек Сибири археологического музея на ст. Дубинино в зоне строительства КАТЭК.

Особое внимание М. Н. Пшеницына уделяла музейному делу. Еще в 1981 г. был создан музей археологии и этнографии Южной Сибири при кафедре археологии Кемеровского ГУ⁴, в судьбе которого М. Н. Пшеницына приняла живое участие. В этом же году в музее впервые начинается прием предметов по актам передачи на постоянное хранение. В июне официально передаются первые археологические коллекции от ЛОИА АН СССР «через его представителей с. н. с. М. П. Грязнова и м. н. с. М. Н. Пшеницыной» (акт № 1 от 03.06.1981). Подпись на акте поставил тогда еще временно исполняющий обязанности заведующего ЛОИА АН СССР, чл.-кор. АН Туркменской ССР, профессор В. М. Массон. Одним из оснований для передачи послужило письмо Кемеровского ГУ от 27.05.1981 г. № 2290-06-08-09. По первому акту было сдано 210 предметов, которые приняла на ответственное хранение и в безвозмездное пользование назначенная заведующей музеем Н. А. Маврина (Белоусова). Таким образом, на учет были поставлены археологические материалы эпохи бронзы памятника Новый Белоярск I из раскопок Красноярской экспедиции 1976 г. (начальник М. П. Грязнов, открытый лист М. Л. Подольского), разновременного памятника Летник VI из раскопок 1975 г. (открытый лист М. Н. Пшеницыной), средневековых памятников Означенное V, VI, VII (открытый лист А. Н. Полякова) из раскопок 1978–1979 гг. Средне-Енисейской экспедиции (начальник экспедиции М. Н. Пшеницына). В коллекции Летник VI оказалось несколько предметов из раскопок Ю. И. Трифонова: бронзовые листовидный нож и четырехгранное шило, сосуд с ушками и курильница на ножке (Пшеницына 2011: 269).

В сентябре 1981 г. был составлен второй акт на передачу археологических материалов между сотрудником Южно-Сибирской экспедиции кафедры археологии Кемеровского ГУ А. С. Поляковым и представителем ЛОИА АН СССР М. Н. Пшеницыной из раскопок Бейской (1975 г.) и Средне-Енисейской экспедиций (1979 г.) могильников Летник VI и Означенное VII у г. Саяногорска в Бейском районе Хакасской автономной области. Всего сдано 277 единиц хранения. Основанием послужило письмо Кемеровского ГУ от 23.09.1981 г. (акт № 2 от 29.09.1981). Сдатчиками от ЛОИА являлись М. Н. Пшеницына и А. К. Филиппов, на тот момент временно исполнявший обязанности заведующего ЛОИА АН СССР.

Таким образом, по двум актам было сдано 487 единиц хранения (ед. хр.). Однако если посчитать предметы памятников Означенное V (КМАЭЭ. ОФ 1/1–7), Означенное VI (КМАЭЭ. ОФ 2/1–5) и Означенное VII (КМАЭЭ. ОФ 4/1–54), то получается 66 ед. хр.

⁴ В 1985 г. музей перешел из подчинения кафедры в подчинение Кемеровского ГУ, а в 1997 г. два музея (археологии и этнографии Южной Сибири и зоологический) были объединены в один музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского ГУ.

Материалы коллекции Летник VI представлены в Книге поступлений под тремя номерами (КМАЭЭ. ОФ 3/1–279, ОФ 51/1–48, ОФ 263), всего 328 ед. хр. Предметы коллекций из раскопок М. Л. Подольского составляют в музее 185 ед. хр. (КМАЭЭ. ОФ 5/1–184, ОФ 283). Итого в фондах музея Кемеровского ГУ по двум первым актам хранится 577 ед. хр., что не соответствует количеству номеров — 487. Их больше, так как под одним номером находилось несколько однотипных артефактов. Учесть необходимо и факт утрат нескольких предметов из коллекций в связи с хищением и другими непреодолимыми факторами (переезды из одних фондохранилищ в другие, потопы, несоответствие условиям хранения) (Китова 2002).

В январе 1984 г. в музей поступают предметы с поселения Берёзовский ручей II (КМАЭЭ. ОФ 1350/1–263) в Шарыповском районе Красноярского края. Всего по акту № 13 от 15.01.1984 г. передано 110 предметов каменной индустрии и керамики. Сдатчиком коллекции значится А. С. Поляков, но рядом с его подписью чернилами расписалась и М. Н. Пшеницына.

По акту № 14 от 13.06.1984 г. М. Н. Пшеницына и А. С. Поляков сдали в фонды музея предметы поселения Балалык VI (КМАЭЭ ОФ 1505/1–519) и могильников Балалык I (КМАЭЭ ОФ 8/1–473), Балалык V (КМАЭЭ ОФ 423/1–86) и Ионов мыс I (КМАЭЭ ОФ 10/1–144). Всего по акту сдано 691 ед. хр. Описи археологических материалов были сразу занесены в рукописную инвентарную книгу.

Материалы Берёзовского могильника из раскопок М. Н. Пшеницыной (КМАЭЭ. ОФ 294/1–129) поступили в музей последними. Надо отметить, что во всех случаях, прежде чем сдать предметы в фонды, сотрудники хоздоговорной темы «КАТЭК» проводили их тщательную камеральную обработку и консервацию. Поэтому до настоящего времени артефакты, в первую очередь изделия из бронзы, находятся в удовлетворительном состоянии.

В основном фонде музея на сегодняшний день хранится 2008 единиц из 10 археологических памятников, руководителями раскопок которых были М. Н. Пшеницына и А. С. Поляков. Часть коллекций полностью или частично внесена в Государственный каталог Российской Федерации (Означенное V, VI, VII; Берёзовский могильник; Ионов мыс I). Многие предметы украшают витрины постоянных экспозиций археологических залов эпохи бронзы, скифского времени и эпохи Средневековья. Результаты полевых исследований М. Н. Пшеницыной и А. С. Полякова до сих пор используют в научно-исследовательской работе сотрудники кафедры археологии и студенты.

М. Н. Пшеницына и А. С. Поляков участвовали в общественной жизни кафедры: ходили на майские демонстрации (рис. 2) и субботники, собирались вместе со всеми на праздники и дни рождения коллег. Маргарита Николаевна имела поддержку заведующего кафедрой археологии А. И. Мартынова. Он ходатайствовал перед руководством вуза о повышении ей окладов с 25 января 1984 г. на 0,5 ставки старшего преподавателя кафедры археологии и 0,5 ставки старшего научного сотрудника научно-исследовательского сектора в связи с ее 10-летним научно-педагогическим стажем (10 лет прошло с момента избрания ее по конкурсу на должность младшего научного сотрудника в ЛОИА АН СССР). Но, тем не менее, она решила вместе с мужем вернуться в Ленинград. В заявлении об увольнении по собственному желанию она указала на свое неустойчивое положение относительно работы по хоздоговорным темам и отсутствие нормальных жилищных условий для научной и преподавательской деятельности, соответствующих ее статусу (Архив Кемеровского ГУ. Д. 3989. Л. 28). Вскоре после ее возвращения в Ленинград их брак с А. С. Поляковым распался.

Маргарита Николаевна Пшеницына проработала на кафедре археологии Кемеровского ГУ почти три года: с 29 октября 1981 г. по 30 сентября 1984 г. Коллеги ценили ее как умелого организатора хоздоговорных изысканий. Высокая оценка работы М. Н. Пшеницыной нашла отражение в назначении ее на должность заместителя по научно-исследовательской работе заведующего кафедрой археологии Кемеровского ГУ. В кемеровский период деятельности она продолжала полевые изыскания в Шарыповском районе

Рис. 2. М. Н. Пшеницына и А. С. Поляков (слева) на демонстрации в Кемерово 1 мая 1982 г. с преподавателями и сотрудниками Кемеровского ГУ

Fig. 2. M. N. Pshenitsyna and A. S. Polyakov (left) with colleagues on a May Day demonstration in Kemerovo, May 1, 1982

Красноярского края, тщательно раскапывала археологические памятники и сдала значительные археологические коллекции в музей Кемеровского ГУ. Конечно, Маргарита Николаевна была в первую очередь полевым археологом, она далеко не всегда публиковала результаты своих изысканий и не ввела в научный оборот все материалы своих раскопок. Тем не менее М. Н. Пшеницына и А. С. Поляков органично вошли в коллектив Кемеровского ГУ, активно участвовали и в общественной жизни кафедры археологии. Их деятельность стала частью истории кафедры.

Источники и литература

НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 8967: Поляков А. С. Отчет о раскопках на территории строительства Березовского угольного разреза I КАТЭКа в 1982 году; Д. 8850: Пшеницына М. Н. Отчет о раскопках на территории строительства Березовского угольного разреза-I КАТЭКа в Шарыповском районе Красноярского края в 1981 году; Д. 8968: Пшеницына М. Н. Отчет о раскопках на территории строительства Березовского угольного разреза I КАТЭКа в 1982 году.

Архив Кемеровского ГУ. Д. 3982: Личное дело А. С. Полякова; Д. 3989: Личное дело М. Н. Пшеницыной.

Китова 2002 — Китова Л. Ю. Коллекция тагарских художественных бронз из музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского ГУ, или то, что мы потеряли для науки // Музей и наука: Материалы научно-практического семинара, посвященного 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: Притомское, 2002. С. 97–99.

Китова и др. 2023 — Китова Л. Ю., Ганенко В. Ю., Исмаиловой Э. Р. Научная археологическая школа А. И. Мартынова: начало формирования // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, № 1. С. 197–212.

- Мартынов 1973 — *Мартынов А. И.* Археология СССР: Учебное пособие для педагогических институтов. М.: Высшая школа, 1973. 295 с.
- Мартынов 1975 — *Мартынов А. И.* История лесостепных тагарских племен в VI–I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975. 46 с.
- Пшеницына 1975 — *Пшеницына М. Н.* Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. 27 с.
- Пшеницына 2011 — *Пшеницына М. Н.* Погребальные памятники афанасьевской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). Тр. III (XIX) ВАС. Великий Новгород — Старая Русса. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. Т. 1. С. 267–270.

**MARGARITA NIKOLAEVNA PSHENITSYNA
AT THE KEMEROVO STATE UNIVERSITY**

L. YU. KITOVA, L. YU. BOBROVA

Keywords: *M. N. Pshenitsyna, Chair of Archaeology of the Kemerovo State University, Kemerovo University Museum, archaeological collections.*

The paper is devoted to the Kemerovo period of M. N. Pshenitsyna's scholarly activity (from October 29 of 1981 to September 30 of 1984). Being a senior lecturer at the Chair of Archaeology of Kemerovo State University she taught courses for archaeology students. In addition, she worked as a senior researcher and headed archaeological explorations on the territory of the Berezovsky coal quarry (Sharypovo district of Krasnoyarsk region). She contributed substantially to the development of museum work at Kemerovo. The paper introduces unpublished archive materials and analyzes archaeological collections from M. N. Pshenitsyna's and A. S. Polyakov's excavations stored at the Kemerovo University Museum.

МАТЕРИАЛЫ М. Н. ПШЕНИЦЫНОЙ В ДОКУМЕНТАХ И ФОТОГРАФИЯХ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН¹

О. В. ГРИГОРЬЕВА, Н. А. ЛАЗАРЕВСКАЯ, М. В. МЕДВЕДЕВА²

Ключевые слова: *М. Н. Пшеницына, ЛОИА АН СССР, ИИМК РАН, эпоха бронзы и железный век Южной Сибири, полевая деятельность, новостроечные экспедиции, архивные документы.*

Маргарита Николаевна Пшеницына — известный специалист по археологии эпохи бронзы и железного века Южной Сибири, многолетний организатор и руководитель сибирских новостроечных экспедиций. Почти всю свою жизнь она проработала в ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН в отделе археологии Центральной Азии и Кавказа. Продолжая дело своего учителя М. П. Грязнова, М. Н. Пшеницына тесно связала собственную научную судьбу с изучением археологических памятников Южной Сибири. В научном архиве ИИМК РАН отложился богатый документальный комплекс, куда вошли полевые отчеты, дневники, чертежи, фотографии, рукопись диссертации и биографические материалы исследовательницы. Документы позволяют в полной мере проследить научную и экспедиционную деятельность М. Н. Пшеницыной с 1960-х по 2010-е гг.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-75-88

Введение

Маргарита Николаевна Пшеницына (рис. 1, 1) — известный специалист по археологии эпохи бронзы и железного века Южной Сибири, ученица и близкий помощник патриарха сибирской археологии Михаила Петровича Грязнова (рис. 1, 2). Продолжая дело учителя, М. Н. Пшеницына связала свою научную судьбу с изучением археологических памятников Южной Сибири, на широких просторах которой она приступила к раскопкам еще в студенческие годы. В 1962 г. М. Н. Пшеницына пришла в институт и сразу начала активную полевую и научную деятельность, вся ее дальнейшая работа была посвящена археологическим исследованиям на новостройках Южной Сибири. В деле организации новостроечных экспедиций она достигла особенных успехов, а в 1976–1981 гг. возглавляла группу хозяйственных экспедиций института. М. Н. Пшеницына проработала в ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН много лет, к 2010-м гг. став одним из самых опытных и заслуженных сотрудников отдела археологии Центральной Азии и Кавказа (Кашуба, Красниенко 2022: 296, 297). В фондах научного архива ИИМК РАН отложился значительный объем документов, отражающих раскопки под ее руководством.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² О. В. Григорьева, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева — Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Григорьева О. В., Лазаревская Н. А., Медведева М. В., 2023

Рис. 1. М. Н. Пшеницына, портрет (1), 1973 г.; в экспедиции вместе с М. П. Грязновым и Б. Н. Пяткиным (2), 1970-е гг. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 397. Л. 2 (1); ФО. Отп. О.3477/82 (2))

Fig. 1. M. N. Pshenitsyna, portrait 1973 (1); M. P. Gryaznov, M. P. Pshenitsyna and B. N. Pyatkin in the field, 1970s (2) (SA IHMC RAS. Manuscript Division. F. 35. Inv. 5. File 397. L. 2 (1); Photographic Division. Print O.3477/82 (2))

Документы рукописного отдела научного архива ИИМК РАН

Рукописные материалы М. Н. Пшеницыной представлены в научно-организационной документации института (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1) и в документах по личному составу учреждения (Там же. Оп. 5). Около сотни архивных дел уже прошли научно-техническое оформление и датируются с 1960 по 2012 г. (приложение 1), однако целый ряд полевых материалов последующих лет еще только предстоит обработать.

Ценным источником биографических сведений является личное дело М. Н. Пшеницыной (приложение 1, № 1). Основные результаты ее научной деятельности отражает рукопись кандидатской диссертации «Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап)» (приложение 1, № 2, 3), подготовленная и успешно защищенная в 1975 г. под научным руководством М. П. Грязнова. В этой диссертации исследовательница широко использовала материалы своих раскопок.

Остальной массив архивных дел М. Н. Пшеницыной включает разнообразную документацию археологических работ, как осуществленных ею самой, так и под ее руководством: полевые отчеты, дневники, фотографии, чертежи и т. п. Значительная часть (приложение 1, № 4–53) — это материалы Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР (рук. М. П. Грязнов), действующей в 1958–1977 гг., одной из крупнейших в институте (рис. 2). С 1960 г. М. Н. Пшеницына ежегодно принимала в ней участие в составе Карасукского отряда. Именно там, под руководством М. П. Грязнова и его супруги М. И. Комаровой, М. Н. Пшеницына осуществила свои первые раскопки погребальных памятников, научилась грамотно вести полевую документацию. Ее первые документы в архиве — это полевые дневники раскопок Карасукского могильника, датированные 1960 г. (приложение 1, № 6–16).

С 1965 г. М. Н. Пшеницына осуществляла самостоятельные раскопки уже в качестве руководителя Сарагашенской группы Карасукского отряда Красноярской экспедиции. Документация этих археологических исследований также представлена в архиве (приложение 1, № 35–40). С 1967 г. Маргарита Николаевна ежегодно возглавляла один из отрядов Красноярской экспедиции (Позднетагарский, Курганский и I-й отряды) (приложение 1, № 41–53). После каждого сезона она последовательно сдавала полевые материалы в фото- и рукописный отделы архива института. В своих отчетах, чертежах и

Рис. 2. Позднеатагарский отряд Красноярской экспедиции. Могильник Барсучиха-I, Большой курган: 1 — М. Н. Пшеницына на раскопе (третья справа), 1967 г.; 2 — после снятия насыпи, западная половина, вид с ЮВ, 1971 г.; 3 — М. Н. Пшеницына у камня восточной стены 1967 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.2716/52 (1); О.2891/3 (2); О.2716/52 (3))

Fig. 2. Late Tagar Detachment of the Krasnoyarsk Expedition. Barsuchikha-I cemetery, excavation of Bolshoi kurgan: 1 — M. N. Pshenitsyna (third from the right) at the excavation; 2 — after removal of the mound, western half, WSW view, 1971; 3 — M. N. Pshenitsyna near the stone on the eastern wall, 1967 (SA IHMC RAS. Photo Division. Print O.2716/52 (1); O.2891/3 (2); O.2716/52 (3))

Рис. 3. Курган Тепсей-XVI, северо-восточный фасад, вид с СЗ. Средне-Енисейская экспедиция, 1977 г. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.3253/6)

Fig. 3. Tepsei-XVI barrow, northeastern face, NW view. Middle Yenisei Expedition, 1977 (SA IHMC RAS. Photo Division. Print O.3253/6)

фотографиях Маргарита Николаевна всегда старалась подробно отразить все этапы экспедиционных исследований.

С 1975 г., с началом масштабного строительства оросительных систем в Хакасии и необходимостью интенсивных раскопок, полевая деятельность М. Н. Пшеницыной оказалась на долгие годы связана с руководством хоздоговорной Бейской экспедицией ЛОИА АН СССР (рис. 3), проводящей раскопки преимущественно в зоне Означенской оросительной системы: в районе возведения Саянского алюминиевого завода и будущего г. Саяногорска (Миронова 2019: 100). Документальные результаты этих работ хорошо представлены в рукописном отделе архива и содержат полевые отчеты, дневники, чертежи, фотографии (приложение 1, № 54–58; 71–92).

В 1977–1979 гг. М. Н. Пшеницына руководила археологическими исследованиями Средне-Енисейской экспедиции ЛОИА АН СССР. Непосредственно под ее началом находились Тепсейский, Саяногорский и I-й отряды, сотрудники которых в основном занимались раскопками погребальных памятников (рис. 4). Этот документальный комплекс также хорошо представлен разнообразными материалами (приложение 1, № 59–70).

Очень важно, что судьбу многих археологических коллекций из раскопок М. Н. Пшеницыной можно проследить по актам о передаче находок экспедиций в различные российские музеи. Такая документация собрана в нескольких архивных делах рукописного собрания НА ИИМК РАН (приложение 1, № 93–97).

Документы фотографического отдела научного архива ИИМК РАН

В фотографическом отделе отложился огромный массив документов, связанных с полевыми работами сибирских новостроечных экспедиций ЛОИА АН СССР (Длужневская 1995: 180–190). Среди них также имеются материалы М. Н. Пшеницыной,

Рис. 4. Красноярская экспедиция. Снимки М. П. Грязнова, середина 1960-х гг. (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.3477/83)

Fig. 4. Krasnoyarsk Expedition, mid-1960s, photo by M. P. Gryaznov (SA IHMC RAS. Photo Division. Print O.3477/83)

отражающие ее полевые работы в Хакасии и Красноярском крае (приложение 2). Эти документы хранятся в фонде Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 48).

Всего в фотоотделе содержится около 1400 отпечатков и более 1100 негативов, в которых тщательно и подробно запечатлены крупные работы Красноярской (приложение 2, № 2–10), Саяно-Тувинской (приложение 2, № 11) Бейской (приложение 2, № 12–13) и Средне-Енисейской (приложение 2, № 14–15) экспедиций в разные годы. Это снимки процесса раскопок, фотоальбомы с изображениями находок, фотографии сотрудников на раскопках и моментов экспедиционного быта. Количество снимков в фотоотделе намного больше, чем содержится в официальных полевых отчетах, что дает возможность получить особенно точное и объемное представление о проведенных исследованиях.

Фотоматериалы к печатным работам М. Н. Пшеницыной составляют только один альбом, куда вошли иллюстрации к ее кандидатской диссертации (приложение 2, № 1).

В разделе *Personalia* официальных фотографий М. Н. Пшеницыной, к сожалению, совсем немного, кроме тех, что находятся в ее личном деле (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 397). Большая удача, что среди снимков процесса археологических работ нашлось несколько фотоизображений, на которых М. Н. Пшеницына запечатлена на раскопках или среди участников экспедиций (приложение 2, № 16–19). Особо следует выделить серию замечательных цветных слайдов, выполненных М. П. Грязновым в 1960–1970-е гг. (приложение 2, № 20–23). Ученый высоко ценил фотографию как способ документирования и сам хорошо фотографировал. Многие снимки М. П. Грязнова сделаны не только с научной целью, он старался фотографировать сотрудников экспедиции в обычных обстоятельствах повседневной жизни. Конечно, как его близкая соратница Маргарита Николаевна не раз становилась объектом такой фотосъемки (рис. 5).

Рис. 5. Красноярская экспедиция. Снимки М. П. Грязнова: 1 — М. Н. Пшеницына, конец 1960-х гг.; 2 — М. Н. Пшеницына и В. Е. Герасимов на Копенском чаатасе, 31 июля 1966 г.; 3, 4 — М. Н. Пшеницына на раскопе (3 — середина 1960-х гг., 4 — 1973 г.) (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. О.3477/83 (1); О.3477/84 (2); О.3477/85 (3); 3477/86 (4))

Fig. 5. Krasnoyarsk Expedition, photos by M. P. Gryaznov: 1 — M. N. Pshenitsyna, late 1960s; 2 — M. N. Pshenitsyna and V. E. Gerasimov at the Kopensky chaatas, July 31, 1966; 3, 4 — M. N. Pshenitsyna at the excavation (3 — mid-1960s, 4 — 1973) (SA IHMC RAS. Photo Division. Print O.3477/83 (1); O.3477/84 (2); O.3477/85 (3); 3477/86 (4))

Заключение

Материалы М. Н. Пшеницыной в научном архиве ИИМК РАН составляют богатый документальный комплекс. В него главным образом входят разнообразные экспедиционные материалы, на должном уровне отражающие результаты масштабных новостроечных проектов института и в то же время позволяющие проследить научную и практическую деятельность самой исследовательницы с 1960-х по 2010-е гг. Стоит отметить, что в научный архив ИИМК РАН поступили не все полевые отчеты М. Н. Пшеницыной, часть их хранится в научно-отраслевом архиве ИА РАН.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Материалы М. Н. Пшеницыной в рукописном отделе НА ИИМК РАН

Personalia

1. Пшеницына М. Н. Личное дело сотрудника (Ф. 35. Оп. 5. Д. 397. 106 л.).

Рукописи

2. Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (Тесинский этап). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1975 г. (Ф. 35. Оп. 2-Д. Д. 242. 198 л.).
3. Альбом иллюстраций к диссертации (Ф. 35. Оп. 2-Д. Д. 243. 127 л.).

Материалы полевых исследований (Ф. 35. Оп. 1)

Красноярская экспедиция ЛОИА АН СССР 1960–1967, 1970–1974 гг.

(рук. М. П. Грязнов)

Карасукский отряд (рук. М. Н. Комарова)

1960 г. *Раскопки Карасукского могильника (Карасук-I) (Богградский р-н Хакасской АОбл.)*.

4. Комарова М. Н. Полевой отчет (1960. Д. 258. 38 л.).
5. Комарова М. Н. Альбом иллюстраций к отчету (1960. Д. 259. 29 л.).
6. Полевой дневник: ограда 15, могила 8. Производила раскопки и вела дневник М. Н. Пшеницына (1960. Д. 100. 3 л.).
7. Полевой дневник: ограда 24, могила 1. Производили раскопки и вели дневник М. Н. Пшеницына и Н. Г. Горбунова (1960. Д. 112. 3 л.).
8. Полевой дневник: ограда 24, могила 2. Производили раскопки и вели дневник М. Н. Пшеницына и Н. Г. Горбунова (1960. Д. 113. 3 л.).
9. Полевой дневник: ограда 25, могила 4. Производила раскопки и вела дневник М. Н. Пшеницына (1960. Д. 116. 3 л.).
10. Полевой дневник: ограда 25, могила 5. Производила раскопки и вела дневник М. Н. Пшеницына (1960. Д. 117. 3 л.).
11. Полевой дневник: ограда 31, могила 3. Производила раскопки и вела дневник М. Н. Пшеницына (1960. Д. 129. 3 л.).
12. Полевой дневник: ограда 33, могила 1. Производили раскопки и вели дневник М. Н. Пшеницына и Н. Г. Горбунова (1960. Д. 135. 4 л.).
13. Полевой дневник: ограда 33, могила 2. Производили раскопки и вели дневник М. Н. Пшеницына и Н. Г. Горбунова (1960. Д. 136. 3 л.).
14. Полевой дневник: ограда 33, могила 3. Производила раскопки и вела дневник М. Н. Пшеницына (1960. Д. 137. 4 л.).
15. Полевой дневник: ограда 34, могила 4. Производила раскопки и вела дневник М. Н. Пшеницына (1960. Д. 140. 3 л.).
16. Полевые чертежи: планы и разрезы оград 14–26 и могил в них (1960. Д. 155. 31 л.).
17. Чистовые чертежи: планы и разрезы оград 28–40 и могил в них (1960. Д. 154. 17 л.).
18. Полевые чертежи: планы и разрезы оград 28–36, 38–40 и разрез культурного слоя на берегу р. Карасук (1960. Д. 156. 29 л.).

1961 г. *Раскопки могильников Карасук-I, III; поселения Каменный Лог (Богградский р-н Хакасской АОБл.). М. Н. Пшеницына вела раскопки на отдельном объекте.*

19. Грязнов М. П., Комарова М. Н. Полевой отчет (1961. Д. 65. 46 л.).

Карасукский отряд (рук. М. П. Грязнов)

1962 г. *Раскопки могильников Карасук-I, III-IX, Барсучиха-V, Каменный Лог-I, II, Ярки-I, II, Пристань-I, Буфер, поселения на берегу Батеневской протоки, поселения Крестик (Богградский р-н Хакасской АОБл.). М. Н. Пшеницына вела раскопки в пунктах Карасук-IV, V, VII.*

20. Грязнов М. П. Полевой отчет (1962. Д. 64. 85 л.).

21. Полевой дневник: Карасук-IV, VII, с планами и рисунками находок. Вела М. Н. Пшеницына (1962. Д. 65. 30 л.).

22. Полевой дневник: Карасук-IV, V, с планами и рисунками находок. Вела М. Н. Пшеницына и М.А. Мироллюбов (1962. Д. 66. 30 л.).

23. Чистовые чертежи: общий план могильников, раскопанных на р. Карасук (1962. Д. 70. 2 л.).

24. Полевые чертежи: общий план могильника Карасук-IV; планы и разрезы оград 1-18; планы могил в оградах 2, 4-5, 9-11, 13-18 (1962. Д. 73. 29 л.).

25. Чистовые чертежи: общий план могильника Карасук-IV; планы и разрезы оград 1-18; планы могил в оградах 2, 4-5, 9-11, 13-18 (1962. Д. 74. 21 л.).

1963 г. *Раскопки могильников Карасук-I, IV, VII, VIII, Сарагашенское озеро, Плюха, Боровков, Афанасьева гора, Забочка-II, Каменная борозда, Тележный Лог, Заготзерно, Лобик, Черемуховый куст, Каменка-II (Богградский р-н Хакасской АОБл.). М. Н. Пшеницына вела раскопки в пунктах Карасук-IV, X.*

26. Грязнов М. П. Полевой отчет (1963. Д. 37. 88 л.).

27. Полевой дневник: Карасук-IV, ограды 19-20; Карасук-X, ограда 1; с планами и рисунками находок. Вела М. Н. Пшеницына (1963. Д. 41. 9 л.).

28. Полевые чертежи: Карасук-IV, ограды 19-22, 24-33 и могилы в этих оградах (1963. Д. 51. 27 л.).

29. Чистовые чертежи: Карасук-IV, ограды 19-22, 24-33 и могилы в этих оградах (1963. Д. 52. 8 л.).

30. Полевые чертежи: Карасук-III, планы и разрезы оград 11-14 и могил в них; Карасук X, планы и разрезы ограды 1 (1963. Д. 71. 8 л.).

1964 г. *Раскопки могильников Афанасьева гора, Поляна, Батени, Таитык-Б, Плюха, Кокса-I, Советская Хакасия, Тепсей, поселение Усть-Сыда (Богградский р-н Хакасской АОБл.). М. Н. Пшеницына вела раскопки в пунктах Поляна, Батени и Плюха.*

31. Грязнов М. П. Полевой отчет (1964. Д. 29а. 57 л.).

32. Полевой дневник (с планами и рисунками находок). Вела М. Н. Пшеницына (1964. Д. 35. 39 л.).

33. Полевые чертежи (1964. Д. 48. 3 л.).

34. Чистовые чертежи (1964. Д. 49. 4 л.).

Карасукский отряд (рук. М. И. Комарова)

Сарагашенская группа (рук. М. Н. Пшеницына)

1965 г. *Раскопки могильников Улуг-Кюзюр-I, Саргов улус (Богградский р-н Хакасской АОБл.); могильника Биря на правом берегу Енисея (Краснотуранский р-н Красноярского края).*

35. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1965. Д. 63. 20 л.).

36. Полевые чертежи (1965. Д. 64. 12 л.).

37. Полевые чертежи (1965. Д. 65. 5 л.).

1966 г. *Раскопки могильника Улуг-Кюзюр-I (Богградский р-н Хакасской АОБл.).*

38. Пшеницына М. Н. Полевой отчет. (1966. Д. 40. 17 л.).

39. Полевой дневник (вела М. Н. Пшеницына) (1966. Д. 41. 22 л.).

40. Полевые чертежи (1966. Д. 42. 12 л.).

Позднетагарский отряд (рук. М. Н. Пшеницына)

1967 г. Раскопки Большого кургана в могильнике Барсучиха-I (Богградский р-н Хакасской АОбл.).

41. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1967. Д. 122. 39 л.).

42. Описание находок (1967. Д. 126а. 8 л.).

43. Чертежи раскопок (1967. Д. 124. 6 л.).

44. Чертежи раскопок (1967. Д. 125. 8 л.).

45. Чертежи раскопок (1967. Д. 126. 7 л.).

Тагарская группа (рук. М. Н. Пшеницына)

1970 г. Раскопки могильника Тепсей-XV (Краснотуранский р-н Красноярского края); Большого кургана в могильнике Барсучиха-I (Богградский р-н Хакасской АОбл.).

46. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1970. Д. 34. 19 л.).

Позднетагарский отряд (рук. М. Н. Пшеницына)

Курганная группа (рук. М. Н. Пшеницына)

1971 г. Раскопки Большого кургана в могильнике Барсучиха-I (Богградский р-н Хакасской АОбл.).

47. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1971. Д. 38. 21 л.).

Курганная группа (рук. М. Н. Пшеницына)

I-й отряд (рук. М. Н. Пшеницына)

1972 г. Раскопки могильников Разлив-I, II (Богградский р-н Хакасской АОбл.). Раскопки проведены при участии М. Л. Подольского.

48. Пшеницына М. Н. Полевой отчет. (1972. Д. 62. 23 л.).

49. Полевые чертежи (1972. Д. 63. 48 л.).

1973 г. Раскопки могильников Разлив-I, VI, X (Богградский р-н Хакасской АОбл.), Тепсей-III (Краснотуранский р-н Красноярского края). Раскопки проведены при участии М. Л. Подольского.

50. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1973. Д. 50. 28 л.).

51. Чертежи раскопок (1973. Д. 51. 24 л.).

Курганный отряд (рук. М. Н. Пшеницына)

1974 г. Раскопки могильников Разлив-I, III, VII, VIII, X (Богградский р-н Хакасской АОбл.). Раскопки проведены при участии В. А. Завьялова и В. Н. Пяткина.

52. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1974. Д. 36. 30 л.).

53. Полевые чертежи (1974. Д. 37. 95 л.).

Бейская экспедиция ЛОИА АН СССР 1975–1976 гг. (рук. М. Н. Пшеницына)

1975 г. Разведки в зоне проектируемой Означенской оросительной системы: в зоне строительства Саянского алюминиевого завода и будущего г. Саяногорска; раскопки могильников Летник-VI, Означенное-VII (Бейский р-н Хакасской АОбл.). Раскопки проведены при участии М. Л. Подольского (Летник-VI) и Н. Ю. Кузьмина (Означенное-VII).

54. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1975. Д. 13. 35 л.).

55. Полевой дневник: Летник-VI (с планами и рисунками находок). Вел Н. А. Боковенко (1975. Д. 14. Л. 1–14).

56. Полевые чертежи (1975. Д. 15. 95 л.).

1976 г. Разведочные работы в Алтайском, Бейском, Аскизском р-нах (Хакасская АОбл.) и Краснотуранском (Красноярский край); раскопки Большого Табатского кургана, могильника Терен-Хол (Бейский р-н Хакасской АОбл.); могильника Тепсей-XVI (Краснотуранский р-н Красноярского края). Раскопки проведены при участии М. Л. Подольского (Большой Табатский курган) и Н. Ю. Кузьмина (Тепсей-XVI).

57. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1976. Д. 13. 45 л.).

58. Полевые чертежи (1976. Д. 14. 18 л.).

Средне-Енисейская экспедиция ЛОИА АН СССР 1977–1979 гг.

(рук. М. Н. Пшеницына)³

Тепсейский отряд (рук. М. Н. Пшеницына)

1977 г. *Раскопки могильников Тепсей-VII, XVI (Краснотуранский р-н Красноярского края). Раскопки проведены при участии Е. Л. Немировской (Тепсей-VII) и М. П. Завитухиной (Тепсей-XVI).*

59. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1977. Д. 122. 48 л.).

60. Полевой дневник (с планами и рисунками находок) (1977. Д. 150. 37 л.).

61. Полевые чертежи (1977. Д. 151. 116 л.).

Саяногорский отряд (рук. А. С. Поляков)

1978 г. *Раскопки могильников Летник-VI, Означенное-V, VI, VII (Бейский р-н Хакасской АОБл.). Раскопки проведены при участии А. С. Полякова (Летник-VI) и Н. Ю. Кузьмина (Означенное-V, VI, VII). Разведки в Бейском, Боградском и Орджоникидзеvском р-нах Хакасской АОБл.*

62. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1978. Д. 137. 32 л.).

63. Полевой дневник (1978. Д. 138. 57 л.).

64. Полевые чертежи (1978. Д. 139. 78 л.).

65. Поляков А. С. Полевой отчет (1978. Д. 140. 20 л.).

66. Полевой дневник (вел А. С. Поляков) (1978. Д. 141. 55 л.).

67. Полевые чертежи (1978. Д. 142. 36 л.).

I-й отряд (рук. М. Н. Пшеницына)

1979 г. *Раскопки могильников Летник-VI, Колок (Бейский р-н Хакасской АОБл.). Раскопки проведены при участии М. П. Чернопицкого.*

68. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1979. Д. 117. 28 л.).

69. Полевой дневник (вел М. П. Чернопицкий) (1979. Д. 118. 12 л.).

70. Полевые чертежи (1979. Д. 119. 30 л.).

Бейская экспедиция ЛОИА АН СССР 1990–1996, 2004–2008, 2012 гг.

(рук. М. Н. Пшеницына)

1990 г. *Раскопки могильника Летник-II (Бейский р-н Хакасской АОБл.).*

71. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1990. Д. 5. 20 л.).

72. Полевые чертежи (1990. Д. 6. 29 л.).

1991 г. *Раскопки могильника Ай-Дай-I (Бейский р-н Хакасской АОБл.).*

73. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1991. Д. 7. 16 л.).

74. Полевые чертежи (1991. Д. 8. 7 л.).

1992 г. *Раскопки могильника Ай-Дай-II, III (Бейский р-н Хакасской АОБл.). Раскопки проведены при участии Н. Н. Николаева.*

75. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1992. Д. 4. 20 л.).

76. Полевые чертежи (1992. Д. 5. 17 л.).

1993 г. *Раскопки могильника Ай-Дай-III, обследование поселения Ай-Дай-IV (Бейский р-н Хакасской АОБл.). Раскопки проведены при участии Н. Н. Николаева.*

77. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1993. Д. 3. 21 л.).

³ Средне-Енисейская экспедиция ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН (с 1991 г.) (руководители: 1976 г. — М. П. Грязнов; 1977–1979 гг. — М. Н. Пшеницына; 1980–1983 гг. — Н. Ф. Лисицын; 1984–1990 гг. — Д. Г. Савинов; с 1991 г. — по наст. время — Н. А. Боковенко).

78. Полевые чертежи (1993. Д. 4. 24 л.).
- 1994 г. *Раскопки могильника Ай-Дай-III (Бейский р-н Хакасской АОбл.). Раскопки проведены при участии Н. Н. Николаева.*
79. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1994. Д. 45. 10 л.).
80. Полевые чертежи (1994. Д. 4. 23 л.).
- 1995 г. *Раскопки могильников Ай-Дай-II, Летник-VII (Бейский р-н Хакасской АОбл.). Раскопки проведены при участии Н. Н. Николаева и А. Б. Богдановой (Ай-Дай-II), И. П. Лазаретова (Летник-VII).*
81. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (Ай-Дай-II) (1995. Д. 1. 40 л.).
82. Полевая опись (1995. Д. 2. 10 л.).
83. Полевые чертежи (Ай-Дай-II) (1995. Д. 3. 27 л.).
84. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (Летник-VII) (1995. Д. 4. 15 л.).
85. Полевые чертежи (Летник-VII) (1995. Д. 5. 13 л.).
- 1996 г. *Раскопки могильника Ай-Дай-II (Бейский р-н Хакасской АОбл.). Раскопки проведены при участии Н. Н. Николаева.*
86. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (1996. Д. 33. 23 л.).
- 2004 г. *Раскопки могильника Новомихайловка-I (Бейский р-н Республики Хакасия). Раскопки проведены при участии Л. А. Соколовой.*
87. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (2004. Д. 1. 27 л.).
- 2005 г. *Раскопки могильника Новомихайловка-I (Бейский р-н Республики Хакасия). Раскопки проведены при участии Л. А. Соколовой.*
88. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (2005. Д. 1. 19 л.).
- 2006 г. *Раскопки могильника Новомихайловка-I (Бейский р-н Республики Хакасия). Раскопки проведены при участии Л. А. Соколовой.*
89. Пшеницына М. Н. Полевой отчет (2006. Д. 1. 64 л.).
- 2007 г. *Раскопки могильника Бея-I (Бейский р-н Республики Хакасия). Раскопки проведены при участии Л. А. Соколовой.*
90. Соколова Л. А. Полевой отчет (2007. Д. 1. 117 л.).
- 2008 г. *Раскопки могильника Бея-I (Бейский р-н Республики Хакасия). Раскопки проведены при участии Л. А. Соколовой.*
- 2-й отряд (рук. Л. А. Соколова)
91. Соколова Л. А. Полевые чертежи (2008. Д. 2. 12 л.).
- 2012 г. *Раскопки могильника Ай-Дай-II (Бейский р-н Республики Хакасия).*
92. Технический полевой отчет (2012. Д. 53. 25 л.).

Акты о передаче находок

93. Акты о передаче в Государственный Эрмитаж археологических коллекций Красноярской экспедиции 1972–1977 гг., Бейской экспедиции 1976 г., Средне-Енисейской экспедиции 1979 г. (1980. Д. 185. Л. 7–31, 33).
94. Акты о передаче в музей «Археология Южной Сибири» Кемеровского государственного университета археологических коллекций Красноярской экспедиции 1976 г., Средне-Енисейской экспедиции 1975, 1977–1979 гг. (1981. Д. 182. Л. 6–59).
95. Акты о передаче в МУ «Краеведческий музей» г. Саяногорска археологических коллекций Бейской экспедиции 1990–1996 гг. (2002. Д. 28. 1 л.).
96. Акты о передаче в МУ «Краеведческий музей» г. Саяногорска археологических коллекций Бейской экспедиции 2004 г. (2005. Д. 2. 2 л.).
97. Акты о передаче в МУ «Краеведческий музей» г. Саяногорска археологических коллекций Бейской экспедиции 2006–2007 гг. (2007. Д. 2. 6 л.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Материалы М. Н. Пшеницыной в фотоотделе НА ИИМК РАН

Personalia

1. О.3477/82. Кол. 1108/549. Отп. — 1. Слева направо: М. П. Грязнов, М. Н. Пшеницына и Б. Н. Пяткин в экспедиции. 1970-е гг.
2. О.3477/83. Кол. 1108/550. Отп. — 1. М. Н. Пшеницына. Красноярская экспедиция. Конец 1960-х гг. Снимки М. П. Грязнова.
3. О.3477/84. Кол. 1108/551. Отп. — 1. М. Н. Пшеницына и В. Е. Герасимов на Копенском чаатасе. Снимки М. П. Грязнова, 31 июля 1966 г.
4. О.2716/7. Кол. 2389/412. Процесс раскопок Большого кургана. М. Н. Пшеницына на раскопе. Могильник Барсучиха-I. Позднетагарский отряд Красноярской экспедиции, 1967 г.
5. О.3477/85. Кол. 1108/552. Отп. — 1. М. Н. Пшеницына на раскопе. Снимки М. П. Грязнова, середина 1960-х гг.
6. О.3477/86. Кол. 1108/553. Отп. — 1. М. Н. Пшеницына на раскопе. Красноярская экспедиция, 1973 г.
7. О.2716/4. Кол. 2389/408. Нег. — 1, отп. — 1. М. Н. Пшеницына на раскопе Большого кургана. Могильник Барсучиха-I. Позднетагарский отряд Красноярской экспедиции, 1967 г.
8. О.2716/52. Кол. 2389/457. Нег. — 1, отп. — 1. Процесс раскопок Большого кургана. М. Н. Пшеницына на раскопе. Могильник Барсучиха-I. Позднетагарский отряд Красноярской экспедиции, 1967 г.

Материалы к работам

9. О.2966/1–55. Кол. 2591/1–55. Нег. — 55, отп. — 55. Снимки иллюстраций к кандидатской диссертации М. Н. Пшеницыной «Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап)»: археологическая карта, схемы и таблицы находок. Снимок лаборатории ЛОИА АН СССР, 1972 г., 1976 г.

Материалы полевых исследований**Красноярская экспедиция ЛОИА АН СССР 1965–1967, 1970–1974 гг.**

10. О.2642/1–61. Кол. 2333/652–715. Нег. — 67, отп. — 61. Материалы работ Сарагашенской группы Карасукского отряда на могильниках Улуг-Кюзюр, Саргов улус, Биря: полевая работа, чертежи, находки. Красноярский край. Снимки М. П. Грязнова, 1965 г., лаборатории ЛОИА, 1966. Красноярская экспедиция, 1965 г.
11. О.2665/1–56. Кол. 2351/602–651. Нег. — 50, отп. — 56. Материалы работ Сарагашенской группы Карасукского отряда на могильнике Улуг-Кюзюр: полевая работа, чертежи, находки. Минусинская котловина, Красноярский край. Снимки экспедиции, 1966 г. Красноярская экспедиция, 1966 г.
12. О.2716/1–105, I 63957, I 63963. Кол. 2389/404–498, 1038–1048. Нег. — 107, отп. — 105. Материалы работ Позднетагарского отряда на могильнике Барсучиха-I, раскопки Большого кургана: полевая работа, чертежи, рисунки. Минусинская котловина, Красноярский край. Снимки экспедиции, 1967 г.; лаборатории ЛОИА, 1968 г. Красноярская экспедиция, 1967 г.
13. О.2720/162–164, I 97257–97258. Кол. 2389/1051–1053, 1056–1057. Нег. — 5, отп. — 3. Материалы работ Позднетагарского отряда на могильнике Барсучиха-I, раскопки Большого кургана: бронзовый тигелёк, котелки железный и бронзовые. Минусинская котловина, Красноярский край. Снимки лаборатории ЛОИА, 1976–1977 гг. Красноярская экспедиция, 1967 г.
14. О.2840/21–48, 96–99, 102–104. Кол. 2491/5, 17–18, 20–21, 23, 76–83, 115. Нег. — 9, к. — 5, отп. — 35. Материалы работ Позднетагарского отряда на могильниках Тепсей-XV, XVI: полевая работа и чертежи. Общий глазомерный план местности с курганами,

исследованными у горы Тепсей. Могильник Барсучиха: общие виды местности, разрезы Большого кургана. Красноярский край. Снимки М. П. Грязнова, 1970 г.; лаборатории ЛОИА АН СССР 1971 г. Красноярская экспедиция, 1970 г.

15. О.2891/1–64, 88–104. Кол. 2540/1–64, 90–107. Нег. — 99, отп. — 125. Материалы работ Позднетагарского отряда на могильнике Барсучиха-I, раскопки Большого кургана: полевая работа, чертежи, находки. Минусинская котловина, Красноярский край. Снимки экспедиции и лаборатории ЛОИА АН СССР, 1971 г. Красноярская экспедиция, 1971 г.

16. О.2993/1–129. Кол. 2624/1–111, 267. Нег. — 112, отп. — 134. Материалы работ I отряда на могильниках Разлив-I, II: полевая работа и чертежи. Богградский р-н, Хакасская АОбл. Снимки М. Н. Пшеницыной, 1972 г., и ЛАФОКИ, 1972 г. Красноярская экспедиция, 1972 г.

17. О.3003/1–170. Кол. 2625/1–112. Нег. — 118, кат. — 1, отп. — 175. Материалы работ отряда М. Н. Пшеницыной на могильниках Разлив-I, IV, V, VI, VIII, X: полевая работа, чертежи и находки. Богградский р-н, Хакасская АОбл. Могильник Тепсей-III у горы Тепсей: виды местности, виды могил, чертежи, находки. Красноярский край. Снимки М. Н. Пшеницыной, 1973 г.; лаборатории ЛОИА АН СССР, 1974 г. Красноярская экспедиция, 1973 г.

18. О.3070/1–105. Кол. 2671/37–93, 112–137. Нег. — 83, к. — 2, отп. — 108. Материалы работ Позднетагарского (Курганного) отряда на могильниках Разлив-I, III, VII, VIII, X у пос. Разлив на Красноярском водохранилище: полевая работа, чертежи, находки. Красноярский край. Снимки экспедиции, 1974 г.; ЛАФОКИ, 1975 г. Красноярская экспедиция, 1974 г.

Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР 1973 г.

19. О.3008/100–101. Кол. 2626/222–223. Нег. — 2, отп. — 2. Материалы исследования каменных выкладок Означенное-VI у пос. Означенное. VI отряд (рук. М. Н. Пшеницына) Саяно-Тувинской экспедиции: чертежи. Бейский р-н Хакасской АОбл. Снимки экспедиции, 1973 г. Саяно-Тувинская экспедиция, 1973 г.

Бейская экспедиция ЛОИА АН СССР 1975–1976 гг.

20. О.3094/1–116, О.3095/1–78. Кол. 2732/1–117. Нег. — 117, отп. — 200. Материалы раскопок могильников Летник-VI и Означенное-VII у пос. Летник, Бейский р-н Хакасской АОбл.: полевая работа, чертежи, снимки находок. Снимки экспедиции и ЛАФОКИ, 1975 г. Бейская экспедиция, 1975 г.

21. О.3165/1–78, О.3166/1–53. Кол. 2784/1–94. Нег. — 94, отп. — 142. Материалы раскопок Большого Табатского кургана у с. Табат Бейского р-на Хакасской АОбл., одиночного кургана Тепсей-XVI в Красноярском крае; разведочных маршрутов в Хакасской АОбл.: полевая работа, чертежи, снимки находок. Снимки экспедиции и ЛАФОКИ, 1976 г. Бейская экспедиция, 1976 г.

Средне-Енисейская экспедиция ЛОИА АН СССР 1977, 1979 гг.

22. О.3253/1–146, Q 849/1–19. Кол. 2836/1–159. Нег. — 165, отп. — 165. Материалы работ Тепсейского отряд на могильниках Тепсей-VI, VII: полевая работа, чертежи, находки. Красноярский край. Снимки экспедиции, 1977 г.; ЛАФОКИ, 1978 г. Средне-Енисейская экспедиция, 1977 г.

23. О.3395/1–64. Кол. 2932/1–67. Нег. — 67, отп. — 67. Материалы работ I отряда на могильнике Летник-VI: полевая работа, чертежи, находки. Снимки М. Н. Пшеницыной 1979 г.; лаборатории ЛОИА АН СССР, 1980 г. Средне-Енисейская экспедиция, 1979 г.

Литература

Длужневская 1995 – Длужневская Г. В., Березовская Л. Ю. Материалы сибирских новостроечных экспедиций в фотоархиве ЛОИА АН СССР // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Южная Сибирь в древности. Проект «СКИФО — СИБИРИКА» / ИИМК РАН; Государственный Эрмитаж. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 180–190 (АИ. Вып. 24).

Кашуба, Красниенко 2022 — *Кашуба М. Т., Красниенко С. А.* Маргарита Николаевна Пшеницына (некролог) // АВ. 2022. Вып. 37. С. 296–297.

Миронова 2019 — *Миронова И. А.* История изучения археологических памятников Бейского района // Мартыановские краеведческие чтения (2018–2019). Минусинск, 2019. Вып. 12. С. 99–101.

M. N. PSHENITSYNA'S MATERIALS IN DOCUMENTS AND PROTOGRAPHS OF THE SCHOLARLY ARCHIVE OF IHMC RAS

O. V. GRIGORIEVA, N. A. LAZAREVSKAYA, M. V. MEDVEDEVA

Keywords: *M. N. Pshenitsyna, Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, IHMC RAS, Bronze and Iron Age of South Siberia, fieldwork, Rescue expeditions, archive documents.*

Margarita Nikolaevna Pshenitsyna — a well-known researcher of the Bronze and Iron Age of South Siberia, who during many years was as a head and organizer of rescue expeditions in Siberia. Almost all her life she worked at the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology in the Department of Central Asia and the Caucasus. Continuing her teacher M. P. Gryaznov's work, M. N. Pshenitsyna devoted herself to the study of archaeological sites of South Siberia. The Scholarly Archive of IHMC RAS stores numerous documents shedding light on M. N. Pshenitsyna's activity from 1960s through 2010s.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М. Н. ПШЕНИЦЫНОЙ

СОСТАВИТЕЛЬ Л. М. ВСЕВИОВ¹

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-89-92

1964

Новый тип памятников III–II вв. до н. э. // КСИА. Вып. 102. С. 127–134: ил.

1966

Курганы IV–III вв. до н. э. // КСИА. Вып. 107. С. 62–69: ил. (в соавторстве с М. П. Грязновым).
Раскопки могильника Улуг-Кюзюр на Енисее // АО 1965 года. С. 18–19: ил.

1967

Раскопки могильника Улуг-Кюзюр // АО 1966 года. С. 143–145: ил.

1968

Работы Позднетагарского отряда // АО 1967 года. С. 179–181: ил.

1971

Раскопки могил тагарской культуры на Енисее // АО 1970 года. С. 201–202.

1972

Большой курган-склеп II–I вв. до н. э. у горы Барсучихи на Енисее // ТД СПИПАИ 1971. Археол. секция. М.: ИА АН СССР. С. 385–393.

Работы Позднетагарского отряда // АО 1971 года. С. 246–247.

1973

Тагарские могильники у посада Разлив на Енисее // АО 1972 года. С. 233–235.

Типы памятников тесинского этапа (II–I вв. до н. э.) (по раскопкам Красноярской экспедиции 1962–1972 гг.) // ТД СПИПАИ 1972. Ташкент: ИА АН СССР. С. 241–242.

1974

Курганы и могилы на дне Красноярского водохранилища // АО 1973 года. С. 218–220.

1975

Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. ЛОИА. Л. 27 с.

Глиняная «голова» — предшественник таштыкской гипсовой маски // КСИА. Вып. 142. С. 44–49: ил.

Раскопки на территории Красноярского водохранилища // АО 1974 года. С. 228–230 (в соавторстве с В. А. Завьяловым, Б. Н. Пяткиным).

Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука. С. 150–152: ил.

---

¹ Библиотека РАН; Санкт-Петербург, 199034, Россия.
© Всевиов Л. М., 2023

1977

Работы Бейской экспедиции // АО 1976 года. С. 235–236 (в соавторстве с М. Л. Подольским).

1978

Раскопки памятников тесинского этапа у горы Тепсей на Енисее // АО 1977 года. С. 274–275: ил. (в соавторстве с Е. Л. Немировой, В. Г. Ефимовым).

1979

Археологическая служба Института археологии АН СССР на новостройках // Советская археология в 10-й пятилетке: Тез. пленарных докл. Всесоюз. конф. Л.: ИА АН СССР. С. 7–9 (в соавторстве с Ю. А. Красновым, К. А. Смирновым).

Восьмикаменный курган в Тепсее // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Под ред. М. П. Грязнова. Новосибирск: Наука. С. 64–70: ил.

Тесинский этап // Там же. С. 70–89.

Работы Среднеенисейской экспедиции на юге Хакасии // АО 1978 года. С. 269–270 (в соавторстве с А. С. Поляковым, Д. Г. Савиновым, М. Л. Подольским, Н. Ю. Кузьминым).

1980

Работы в г. Саяногорске // АО 1979 года. С. 239–230 (в соавторстве с А. С. Поляковым).

Работы Среднеенисейской экспедиции // АО 1979 года. С. 229 (в соавторстве с В. И. Молодыным, Н. В. Полосьмак, А. С. Поляковым).

1983

Исследования в зоне строительства Березовского разреза I КАТЭКа // АО 1981 года. С. 214–215 (в соавторстве с А. И. Мартыновым).

1984

О некоторых приемах «мумификации» умерших у населения Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. // Скифо-Сибирский мир: ТД 2-й археологической конф. / Отв. ред. Б. Н. Пяткин. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ. С. 130–133.

Работы в зоне строительства Березовского угольного разреза I КАТЭКа // АО 1982 года. С. 228–229.

1987

Научное наследие Михаила Петровича Грязнова (по материалам архивного фонда ЛОИА АН СССР) // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: ТД областной науч. конф. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Изд-во Омского ГУ. Ч. 1. С. 10–14.

1989

Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. Вып. 196. С. 58–66: ил.

1992

К проблеме впускных погребений тагарской культуры на Енисее // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию М. П. Грязнова / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 151–153.

Комплекс археологических памятников у города Саяногорска на юге Хакасии // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: ТДК / Отв. ред. В. М. Массон, В. С. Бочкарёв. СПб.: ИИМК РАН. С. 21–25.

Основные этапы жизни и научной деятельности Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию М. П. Грязнова / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 5–9 (в соавторстве с А. М. Беленицким).

Поселение и могильники бухты Саган-Нуга // Древности Байкала / Отв. ред. В. М. Массон. Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ. С. 56–59: ил. (в соавторстве с Ю. Д. Баруздиным, Н. Г. Горбуновой).

Поселение и могильник в бухте Шида // Там же. С. 65–69: ил. (в соавторстве с Н. Г. Горбуновой).
Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 224–235: карт. (Археология СССР.)

1993

Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X // КСИА. Вып. 209. С. 58–67: ил. (в соавторстве с Б. Н. Пяткиным).

1994

Древности Саяногорска. СПб.: ИИМК РАН. 23 с.: 2 л. ил. (в соавторстве с В. М. Массоном).

1995

Некоторые итоги изучения памятников тагарской и таштыкской эпох у Саяногорска на юге Хакасии // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 45–48: ил.

Раннетагарские погребения в могильнике Афанасьева Гора на Енисее // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН. С. 118–125: ил.

1996

Новые памятники скифского времени на юге Хакасии // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации: Материалы пленума ИИМК РАН / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 32–34 (АИ. Вып. 31).

1997

Новые памятники раннетагарской эпохи на юге Хакасии // Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН. С. 33–37: ил. (АИ. Вып. 42).

2002

Международная конференция «Степи Евразии в древности и средневековье» // Вестник РГНФ. № 4. С. 191–197 (в соавторстве с В. А. Алёксиным).

Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. 1 / Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 19–23: портр. (в соавторстве с Н. А. Боковенко).

2003

Михаил Петрович Грязнов (1902–1984): к 100-летию со дня рождения // АВ. № 10. С. 378–379 (в соавторстве с Н. А. Боковенко).

2004

Международная научная конференция «Степи Евразии в древности и средневековье» // РА. № 2. С. 183–188 (в соавторстве с Н. А. Боковенко).

2006

Курган Разлив X — памятник окуневской культуры // Окуневский сборник 2 / Редкол.: Д. Г. Савинов и др. СПб.: Элексис Принт. С. 82–94 (в соавторстве с Б. Н. Пяткиным).

Особенности погребального обряда памятников тагарской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии // Современные проблемы археологии: Материалы [I] ВАС. Т. 2 / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 52–54: ил.

2010

Могильник Кюргенер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея / Под общ. ред. М. Н. Пшеницыной. СПб.: Петербургское Востоковедение. 196 с.: ил.; 2 л. ил. (Archaeologica Petropolitana;

Тр. ИИМК РАН. Т. 31) (Предисловие. С. 6–8; Глава 1. С. 9–42 (в соавторстве с М. П. Грязновым, М. Н. Комаровой); Приложение I. С. 95–96 (в соавторстве с А. В. Поляковым)).

Тагарский могильник Улуг-Кюзюр I на Среднем Енисее // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Редкол.: В. А. Алёкшин и др. СПб.: Инфо-ол. С. 225–227: ил.

2011

Погребальные памятники афанасьевской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии // Тр. III (XIX) ВАС. Т. 1 / Отв. ред. А. Н. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 267–270.

2012

Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Т. 1 / Редкол.: В. А. Алёкшин и др. СПб.: Периферия, С. 11–24: портр. (в соавторстве с Н. А. Боковенко).

Научное наследие Михаила Петровича Грязнова в фотоархиве Института истории материальной культуры РАН // М. П. Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ЭлекСис. С. 48–54 (составитель, вместе с Г. В. Длужневской, Н. А. Лазаревской, М. В. Медведевой).

2014

Курганы тагарской культуры могильника Летник VI на юге Хакасии // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения: Памяти В. М. Массона: Сб. ст. / Отв. ред. В. А. Алёкшин. СПб.: Арт-Экспресс. С. 356–371: ил. (Тр. ИИМК РАН. Т. 42).

Памятники афанасьевской культуры в могильнике Летник VI на юге Хакасии // Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф. Свод памятников афанасьевской культуры / Под ред. В. И. Молодина. Барнаул: АЗБУКА. С. 346–368.

2018

Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской) / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН. С. 113–116: ил.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

ПОГРЕБЕНИЯ РАЗЛИВСКОГО ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ГОРИЗОНТА ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА УСТЬ-КАМЫШТА-1 (КУРГАН 10N)¹

И. П. ЛАЗАРЕТОВ, Н. И. ЛАЗАРЕТОВА, В. М. ЛУРЬЕ, А. А. МАЛЮТИНА²,
Е. А. МИКЛАШЕВИЧ³

Ключевые слова: Минусинские котловины, ранний период эпохи бронзы, окуневская культура, разливский хронологический горизонт.

Разливский хронологический горизонт, финальный для окуневской культуры, по радиоуглеродным датировкам относится к XIX–XVIII вв. до н. э. Он был выделен Д. Г. Савиновым по наличию «сложно-реалистических» личин, предельно схематизированных изображений быков, стеатитовых фигурок с объемно выполненным торсом. Позднее к характерным признакам памятников этого горизонта были отнесены также захоронения шкур быков в каменных ящиках внутри ограды; погребальный инвентарь только в детских захоронениях; посмертная трепанация черепов.

Все известные ранее памятники разливского этапа (кург. Разлив X, кург. Черновая XI, кург. 1 м-ка Итколь II) располагались в северной части Минусинских котловин. Поэтому особый интерес представляет комплекс из двух могил и двух ящичков с жертвоприношениями шкур быков, изученный в кург. 10N м-ка Усть-Камышта-1 на юго-западе Хакасии. Эти материалы близки погребениям северной группы поздних окуневских памятников, удаленных от них на 150–200 км. Детальные совпадения прослеживаются в погребальном обряде (жертвенные ящики внутри оград, безынвентарность взрослых захоронений, появление коллективных погребений, массовая посмертная трепанация черепов), художественном стиле «тощих быков», инвентаре (малые сосуды без орнаментации желобками). Все это указывает на высочайший уровень стабильности и стандартизации окуневской культуры в поздний период ее существования, накануне андроновского вторжения.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-93-106

Введение

Разливский этап окуневской культуры был выделен Д. Г. Савиновым главным образом на основании анализа развития художественных изделий: наличия «сложно-реалистических» личин, предельно схематизированных изображений быков, выполненных в «тощем

---

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014) и «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

² И. П. Лазаретов, Н. И. Лазаретова, В. М. Лурье, А. А. Малютина — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Институт археологии РАН, Москва, 117292; Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, 652038, Россия.

© Лазаретов И. П., Лазаретова Н. И., Лурье В. М., Малютина А. А., Миклашевич Е. А., 2023

стиле», стеатитовых фигурок с объемно выполненным торсом и четко промоделированными плечами (Савинов 2005). Предложенная им трехчастная схема органично дополнила периодизацию окуневской культуры, ранее состоявшую из двух этапов — уйбатского и черновского. Материалы исследованных в последние годы комплексов периода ранней бронзы позволили значительно расширить и конкретизировать характеристику этой группы памятников (Лазаретов 2019б: 43, 44). Выяснилось, что сама конструкция этих курганов и планиграфия могил существенно не отличаются от комплексов предшествующего, черновского, хронологического горизонта. Однако в них регулярно фиксируется важная обрядовая деталь — наличие в восточной или северо-восточной части кургана внутри ограды одного-двух небольших каменных ящиков с захоронениями шкур быков, представленных черепами и конечностями. Подобные жертвенные ямы неоднократно встречались в комплексах предшествующего времени, но они всегда располагались за пределами оград, на довольно значительном удалении от них.

Характерной особенностью курганов разливского хронологического горизонта является значительное количество безынвентарных захоронений. Обычные бытовые предметы встречаются в них крайне редко. Исключение составляют ритуальные изделия в погребениях людей с особым социальным статусом. Зато наборы альчи́ков овцы или косули со следами окраски присутствуют гораздо чаще, чем раньше. На 38 могил разливского периода приходится всего три керамических сосуда. Все они, а также головки из стеатита, костяные пластинки с гравированными женскими лицами и другие предметы происходят из детских захоронений. Погребения взрослых индивидуумов в большинстве своем оказываются безынвентарными.

Важнейшим качественным признаком принадлежности комплекса к разливскому хронологическому горизонту окуневской культуры является массовая посмертная трепанация черепов. Это обстоятельство как некий удивительный казус было отмечено применительно к кург. Разлив X (Пшеницына, Пяткин 1993: 65; Савинов 2005). Последующее изучение антропологической коллекции кург. Черновая XI также выявило посмертные трепанации у погребенных в нем людей (Лазаретова, Малютина 2022). Окончательную ясность в данный вопрос внесли материалы кург. 1 м-ка Итколь II, где абсолютное большинство покойников, включая детей, имели следы трепанации (Поляков и др. 2018: 133). Причины возникновения и смысл такого элемента обряда пока остаются загадкой. Ни в одном из комплексов предшествующего черновского хронологического горизонта нет даже единичных подобных случаев. Это явление возникает внезапно и сразу же принимает массовый характер. Теперь уже исключением являются единичные черепа без следов трепанации.

По имеющимся радиоуглеродным данным памятники разливского хронологического горизонта датируются XIX–XVIII вв. до н. э. (Поляков 2022: 188). Однако верхняя граница их бытования может быть оспорена. Дело в том, что все известные до недавнего времени вышеперечисленные комплексы⁴ расположены значительно севернее широты г. Абакана, в зоне последующего распространения андроновской культуры. Там они неизбежно должны были прекратить свое существование с ее появлением. На территории собственно Минусинской котловины, южнее и юго-западнее Абакана, поздние окуневские комплексы как, впрочем, и андроновские, до сих пор не были известны. Это обстоятельство давало широчайший простор для построения различных гипотез, связанных как с географией, так и с хронологией двух смежных по времени культур. Именно по этой причине любая находка погребальных комплексов позднеокуневского и андроновского времени на юге Хакасии имеет особое значение.

⁴ Могильник Стрелка из списка памятников финала окуневской культуры должен быть исключен. По всем качественным и количественным признакам он относится к классическим комплексам черновского хронологического горизонта (Лазаретов 2019б: 37).

Материалы

В 2021–2022 гг. Саянская археологическая экспедиция Южносибирского филиала ИИМК РАН проводила масштабные раскопки на мог-ке Усть-Камышта-1, расположенном в Аскизском р-не Республики Хакасия, в 3 км от места впадения р. Камышты в р. Абакан. За два года работ на этом памятнике было исследовано свыше 80 курганов, относящихся ко всем представленным в Минусинских котловинах археологическим культурам — от эпохи энеолита до рубежа эр.

В контексте данной статьи особый интерес представляет кург. 10N, расположенный в западной части могильника, на пологом склоне горы. Удалось проследить по крайней мере четыре этапа функционирования этого комплекса. Изначально была сооружена круглая ограда из вертикально врытых плит, в центре которой, возможно, были совершены одно или два погребения, относящихся к афанасьевской культуре (XXX–XXV вв. до н. э.). Ранние могилы, если таковые имелись, полностью уничтожены. В насыпи кургана и в позднейших перекопах обнаружены лишь отдельные фрагменты афанасьевской керамики. Уже в окуневское время в юго-западную часть кольца была впущена грунтовая яма, перекрытая плитами на уровне древнего горизонта (запличиков) и заложена сверху рваным камнем (мог. 4). Судя по обряду захоронения и инвентарю, это захоронение относится к раннему, уйбатскому, хронологическому горизонту культуры. Впоследствии внутри афанасьевского кольца была сооружена квадратная ограда из врытых на ребро плит. Афанасьевская каменная насыпь была частично разобрана, и в восточной части устроены две линии диагональных кладок, идущих от углов квадратной ограды к ее центральной могиле. Южная стенка новой ограды при этом прошла над мог. 4, перекрыв ее. Центральная мог. 1 оказалась полностью разграбленной. Обнаруженные в ее заполнении каменный выпрямитель древков стрел и костяной стержень не дают оснований для точной датировки комплекса. Однако подобные обширные и глубокие (глубина мог. 1 — 2,1 м) грунтовые ямы характерны только для ранних периодов окуневской культуры, не позднее ее лебяжинского хронологического горизонта.

К собственно разливскому хронологическому горизонту окуневской культуры относятся мог. 2 и 3, впущенные в восточную часть вторичной квадратной ограды, а также объекты 1 и 2, располагавшиеся к северу и северо-западу от могил (рис. 1; 2). При их обустройстве каменные конструкции раннего окуневского кургана были местами разобраны, а диагональные кладки частично разрушены.

Могила 2 представляла собой прямоугольный ящик из четырех вертикально установленных плит размерами 2,7 × 1,1 × 0,8 м (рис. 2), ориентированный длинной осью по линии З–В. Нижние края плит располагались примерно на уровне материковой поверхности. Над короткими стенками (западной и восточной) за пределами ящика было горизонтально уложено несколько небольших плит. Вероятно, их укладывали на борта ямы. Это показывает, что ящик был впущен в уже существующую насыпь кургана и относится к более позднему времени, чем основная могила. На длинных стенках ящика (северной и южной) в верхней части фрагментарно сохранилась натуральная поверхность камня с множественными гравировками, выполненными в стиле «тощих быков». В нижней части слой с изображениями полностью разрушился. Северная стенка была поставлена поверхностью с гравировками внутрь ящика, южная — наружу.

Ящик был перекрыт горизонтально уложенными плитами. Сохранилась одна плита в западной части и несколько фрагментов плит в центральной части. На фрагменте плиты в центральной части над южной стенкой было зафиксировано изображение быка, выполненное в «разливском стиле».

В заполнении могилы обнаружены разрозненные кости мужчины 35–45 л., ребенка 5–6 л. и подростка 11–13 л., а также девять подвесок из зубов марала и каменная подвеска с насечками (рис. 3, 1, 2).

В западной части могилы сохранилась верхняя часть скелета мужчины 35–45 л. — череп, ключицы, лопатки, верхние позвонки, ребра и кости рук. Погребенный был уложен

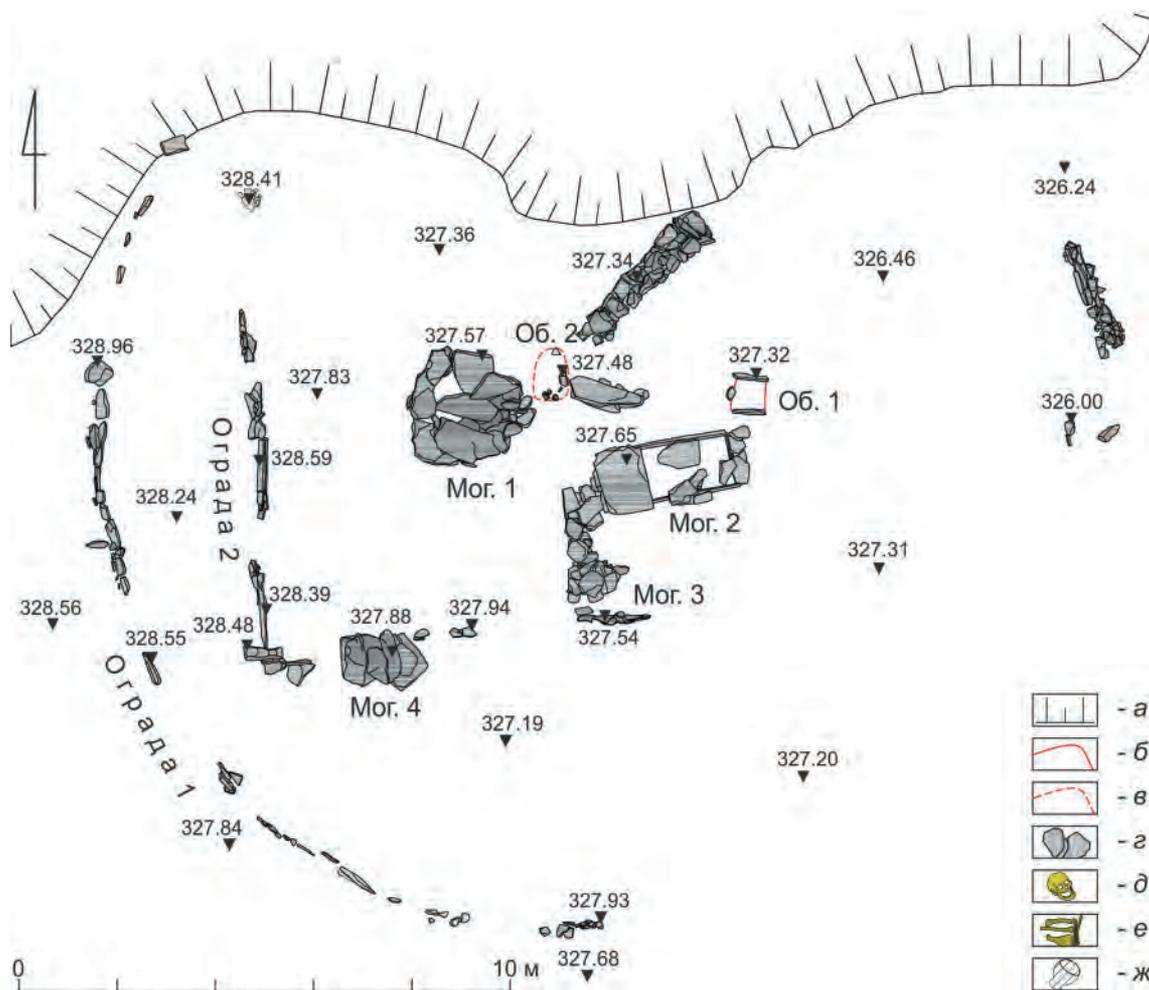

Рис. 1. Усть-Камышта-1, кург. 10N, план оград и перекрытий могил (по чертежам И. Д. Елшина, А. Ш. Галиевой). Условные обозначения для рис. 1 и 2: а — грунтовые откосы; б — границы погребения; в — условные границы погребения; г — камни конструкции; д — кости человека; е — кости животного; ж — керамика

Fig. 1. Ust-Kamyshta-1, barrow 10N, plan of enclosures and grave coverings (after I. D. Elshin's and A. Sh. Galieva's drawings). Legend for figs. 1 and 2: a — earth slopes; б — borders of graves; в — estimated borders of graves; г — stones; д — human bones; е — animal bones; ж — ceramics

головой на 3, левая рука согнута и лежала на груди, правая — чуть согнута и уложена вдоль тела. На черепе в затылочной части зафиксирована посмертная трепанация. На 0,1 м ниже уровня захоронения мужчины располагалось погребение ребенка 5–6 л., первоначально уложенного на спине, с ногами, согнутыми и поднятыми коленями вверх. Впоследствии ноги упали вправо. Руки располагались вдоль тела. Ребенок был ориентирован головой на В. Его череп также имеет следы посмертной трепанации. Таким образом, погребенные оказались уложены «валетом». Аналогичное расположение покойников эпизодически встречается в могилах окуневской культуры. В центральной части ящика на расстоянии 0,45 м от ног ребенка была обнаружена костяная овальная пластина с гравированным изображением женского лица (рис. 3, 3).

Могила 3 располагалась в 1,2 м к Ю от мог. 2. Впущена в насыпь кургана, частично разрушив его южную диагональную кладку. Представляла собой прямоугольный каменный ящик из вертикально врытых плит размерами 0,6 × 0,4 × 0,35–0,45 м,

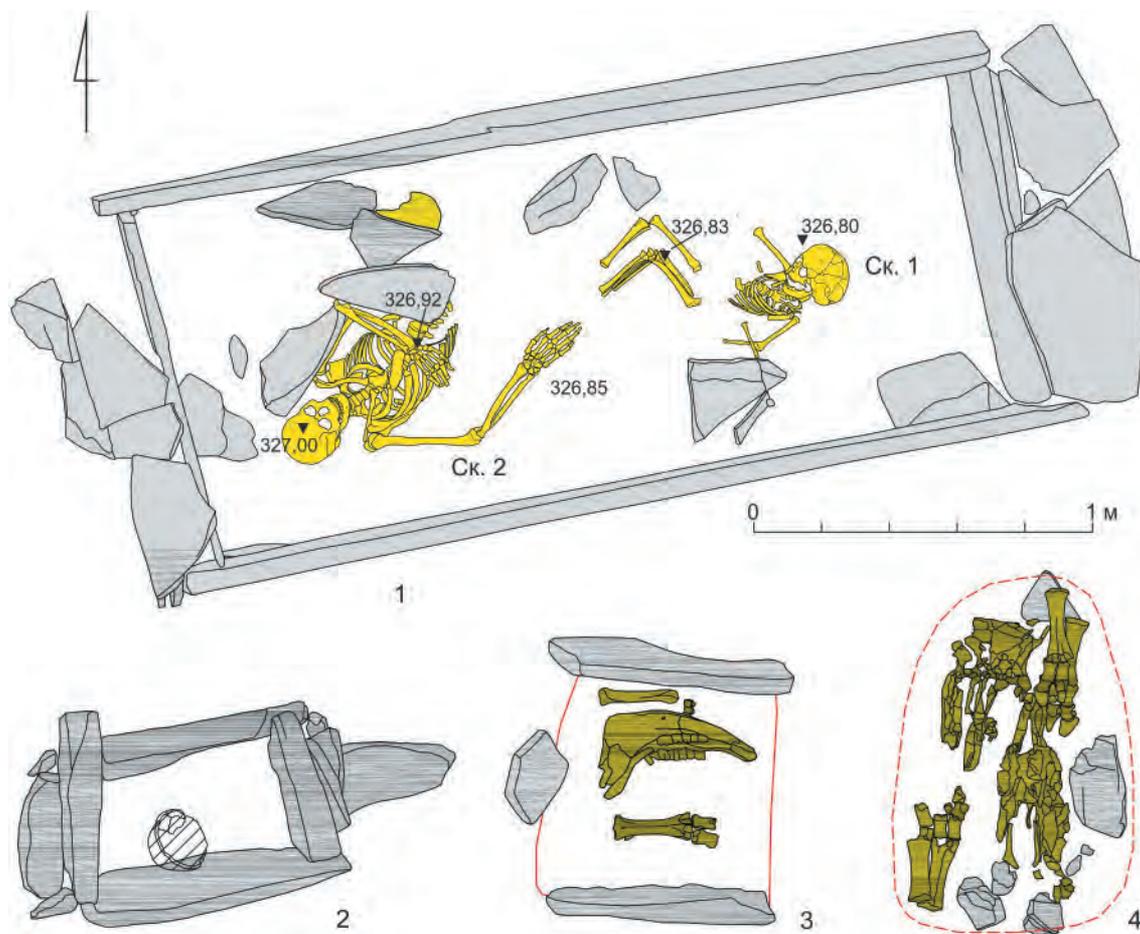

Рис. 2. Усть-Камышта-1, кург. 10N, планы могил и объектов (по чертежам И. Д. Елшина, А. Ш. Галиевой): 1 — мог. 2; 2 — мог. 3; 3 — об. 1; 4 — об. 2 (Ск. — скелет; 326,80 — высотные отметки)

Fig. 2. Ust-Kamyshka-1, barrow 10N, plans of graves and features (after I. D. Elshin's and A. Sh. Galieva's drawings): 1 — grave 2; 2 — grave 3; 3 — feature 1; 4 — feature 2 (Ск. — skeleton; 326,80 — elevation marks)

ориентированный длинной осью по направлению З–В (рис. 2). Ящик перекрыт горизонтально уложенными плитами. В заполнении могилы обнаружены мелкие фрагменты костей и зубы ребенка в возрасте до 1 года, а также придонная часть керамического сосуда, верх которого был оббит еще в древности (рис. 3, 5). Непосредственно под ним находился еще один небольшой керамический сосуд, небрежно украшенный оттисками штампа (рис. 3, 4).

Объект 1 располагался в 0,5 м к СВ от мог. 2. Представлял собой две вертикально вкопанные на расстоянии 0,6 м друг от друга плитки песчаника. Между ними обнаружены две половинки нижней челюсти и две кости ног быка (рис. 2). Сам череп оказался раздроблен, и сохранить его не удалось. Вероятно, здесь была захоронена шкура быка.

Объект 2 располагался над северо-восточным углом мог. 1, в 1,3 м к СЗ от мог. 2 и в 3,5 м к З от об. 1. Объект представлял собой уложенные между камнями курганной насыпи на уровне погребенной почвы кости КРС, перекрытые несколькими небольшими плитами (рис. 2). В западной части ямы располагались кости голени и череп быка, повернутый лицевой частью на С. В восточной части — кости конечностей и череп быка, развернутые в противоположную сторону. Вероятно, это были две шкуры КРС, помещенные в одну яму.

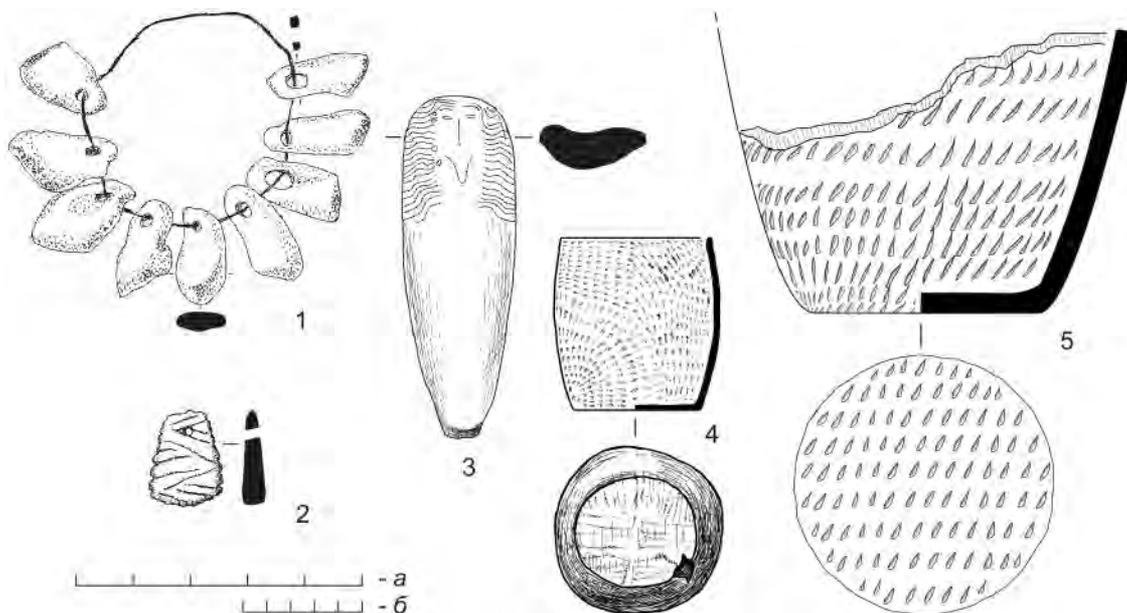

Рис. 3. Усть-Камышта-1, кург. 10N (1–3 — мог. 2; 4, 5 — мог. 3), находки: 1, 2 — подвески; 3 — пластина с изображением женщины; 4, 5 — сосуды. 1 — зуб марала; 2 — камень (?); 3 — кость; 4, 5 — керамика (рисунки Д. А. Кугушевой, Н. Н. Марочкиной)

Fig. 3. Ust-Kamyshka-1, barrow 10N (1–3 — grave 2; 4, 5 — grave 3), finds: 1, 2 — pendants; 3 — plaque with a female image; 4, 5 — vessels. 1 — Siberian stag tooth; 2 — stone (?); 3 — bone; 4, 5 — ceramics (drawings by D. A. Kugusheva and N. N. Marochkina)

Обсуждение

Как уже отмечалось выше, размещение ям и ящиков с жертвенными захоронениями шкур быков внутри ограды рядом с могилами является характерным признаком принадлежности таких комплексов к разливскому хронологическому горизонту окуневской культуры. Аналогичные жертвенники ранее были обнаружены в кург. Разлив X и в кург. 1 м-ка Итколь II. На м-ке Усть-Камышта-1 найдены и другие жертвенные ямы с захоронениями черепов быков, но все они относились к курганам ранних периодов окуневской культуры и располагались за пределами их оград.

Стоит также обратить внимание на некоторые любопытные моменты обустройства и функционирования впускных захоронений кург. 10N. Ящик мог. 2 имел длину 2,5 м, что заметно превышает стандартный размер ящиков окуневской культуры (1,5–1,7 м). Вероятно, данная могила изначально предполагала коллективный характер будущего захоронения и размещение погребенных «валетом». Причину, по которой она осталась незаполненной, еще предстоит установить. Возможно, это связано с внезапной андроновской экспансией. Ведь на м-ке Усть-Камышта-1 обнаружена и представительная серия андроновских захоронений, маркирующая самую южную на сегодняшний день точку их проникновения на территории Хакасии (Лурье 2021). Примечательно, что подобный же переход от индивидуальных захоронений к коллективным погребениям в больших каменных ящиках прослеживается в могильниках чемурчекской культуры Монголии и Северо-Западного Китая, родственной и синхронной окуневской (Лазаретов 2019а: 138, 139).

Захоронение в мог. 3, по-видимому, также не было одноактным. Сосуд, найденный в ее нижней части, хорошо вписывается в наши представления о немногочисленной разливской керамике: «детский» размер, небрежная орнаментация, отсутствие декора из горизонтальных желобков в венчиковой и придонной зонах, характерного для черновской посуды. Миска, сделанная из донной части довольно крупного сосуда, украшенного рядами

оттисков гладкого штампа, располагалась значительно выше дна могильной ямы. Возможно, она маркирует уровень залегания захоронения второго младенца. При такой сохранности костей определить количество погребенных детей, относящихся к одной возрастной категории, практически невозможно. Сам сосуд с оббитым верхом по форме и орнаментации в большей степени ассоциируется с посудой ранних периодов существования окуневской культуры. Не исключено, что он был изъят при ограблении из мог. 1 и помещен в качестве сопроводительного инвентаря в позднее детское захоронение.

В остальном вещевой материал мог. 2 и 3 кург. 10N полностью соответствует эпохе: украшения из просверленных зубов марала и каменные подвески с резным орнаментом эпизодически встречаются в погребениях всех периодов окуневской культуры; костяные пластинки с изображениями женских лиц имеют более узкий диапазон бытования — черновский и разливский хронологические горизонты. В данном случае важно другое обстоятельство, указывающее на хронологию комплекса, — все перечисленные изделия оказались приурочены к захоронениям детей, а единственное захоронение взрослого человека снова оказалось безынвентарным. Это обстоятельство уже само по себе является дополнительным хронологическим маркером.

Антропологические материалы

В мог. 2 кург. 10N м-ка Усть-Камышта-1 обнаружены кости верхней части скелета (за исключением ног) взрослого человека. Они имеют хорошую сохранность и пригодны для изучения. Судя по форме и строению тазовой кости, а также ряду признаков на черепе, это был мужчина. Степень облитерации швов черепа, состояние окклюзионной поверхности зубов, эпифизов костей посткраниального скелета и стертость рельефа в области лобкового симфиза позволяют отнести его к возрастной когорте 35–45 л.

Череп мужчины искусственно деформирован. Он характеризуется большой по длине и очень большой по ширине мозговой коробкой, брахикранной по черепному указателю. По высотно-продольному указателю — гипсикранной. Высотный диаметр черепа имеет большие размеры. По высотно-поперечному указателю — тапейнокранной. Лоб у мужчины большой ширины и слабонаклонный. Лицо очень высокое при достаточно большой ширине, ортогнатное по углам лицевого профиля. Орбиты у мужчины широкие при средней высоте; по указателю от максиллофронтале и от дакриона — мезоконхные. Нос большой по высоте и ширине, слабо выступающий. По носовому указателю относится к хамеринному варианту. Носовые кости очень большой ширины. Надпереносье очень высокое. Лицо слабо профилировано в горизонтальной плоскости. Клыковая ямка очень малая по глубине. В затылочной части черепа мужчины зафиксировано нарушение целостности свода — большое отверстие, округлое, неправильной формы, максимальный размер диаметра — 86 мм.

Описанный выше индивид морфологически схож с женщиной 35–55 л., погребенной в мог. 3. кург. Разлив X. Сохранность черепа А из мог. 1 кург. Разлив X (мужчины 35–55 л.) не позволяет сопоставить его по всем признакам с погребенным в кургане 10N. Однако следует отметить такие же крупные продольные и поперечные размеры черепной коробки и близкие пропорции орбиты. Для черепов разливского хронологического горизонта в целом характерны большие и очень большие размеры черепа, высокое и очень высокое ортогнатное лицо со слабо выступающим носом. Всех их, а также мужчину из мог. 16 м-ка Итколь II выделяет высокое надпереносье.

Посткраниальный скелет мужчины, погребенного в мог. 2 кург. 10N Усть-Камышты-1, исследован по остеометрической программе (Алексеев 1966). Он может быть охарактеризован с опорой на рубрикации остеометрических размеров, составленных для населения земного шара (Пежемский 2011: 311–318, табл. 4, 1–3; 5, 1, 4), а также на разработки градаций метрических категорий трубчатых костей А. А. Хохлова и А. П. Григорьева (Хохлов, Григорьев 2020: табл. 3). Все абсолютные размеры верхних конечностей погребенного

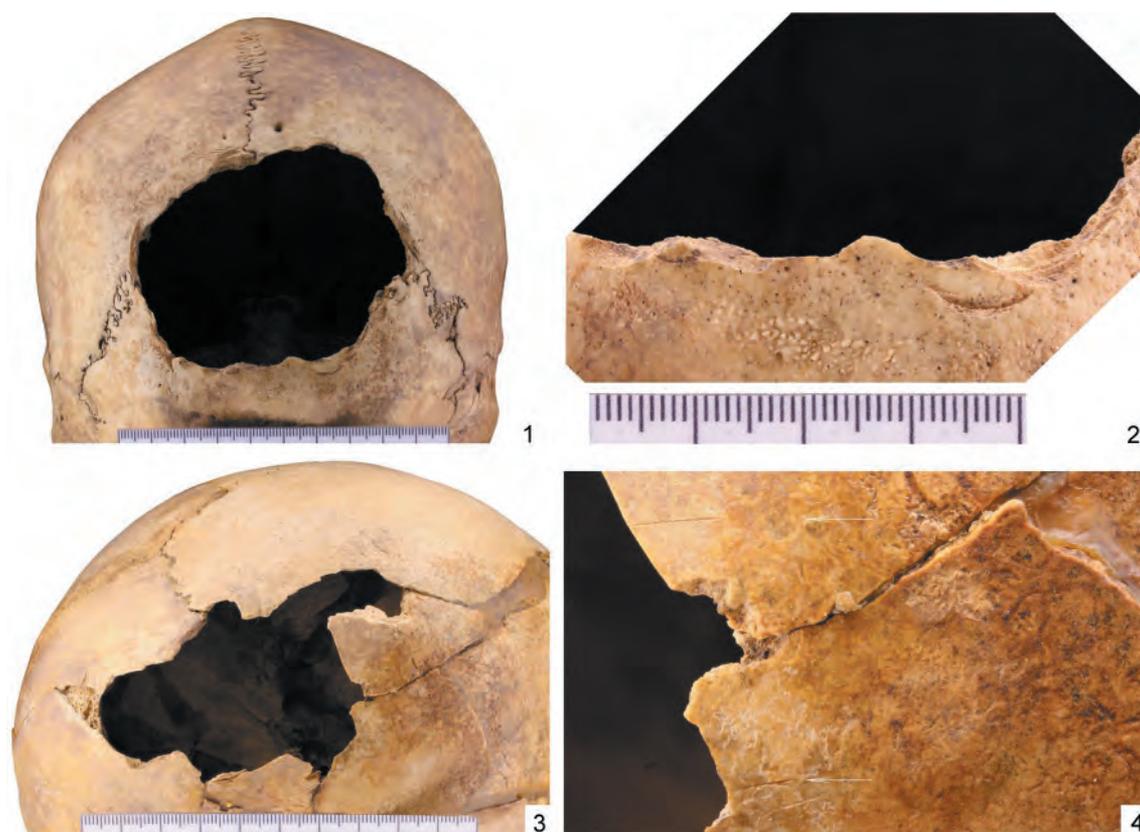

Рис. 4. Усть-Камышта-1, кург. 10N: 1, 2 — мог. 2, ск. 1 (1 — трепанация в затылочной части черепа; 2 — дугообразные насечки — следы ударов металлическим орудием с желобчатой формой рабочего края); 3, 4 — мог. 2, ск. 2 (3 — трепанация в затылочной части черепа со смещением на правую теменную кость; 4 — две перпендикулярные к отверстию насечки — следы манипуляций с кожей на черепе в процессе трепанации)

Fig. 4. Ust-Kamyshta-1, barrow 10N: 1, 2 — grave 2, skeleton 1 (1 — trepanation in the occipital bone; 2 — arched cuts left by a metal tool with an arched working edge); 3, 4 — grave 2, skeleton 2 (3 — trepanation in the occipital and right temporal part of the skull; 4 — two cuts perpendicular to the trepanation hole — traces of manipulations with skin left in the course of trepanation)

лежат в интервале больших и очень больших значений. Указатели прочности/массивности и пропорции верхних конечностей при этом средние. К сожалению, невозможно судить о пропорциях тела, так как в погребении отсутствовали кости нижних конечностей — вероятно, они были выкинуты при ограблении.

У ребенка 5–6 л. из этой же могилы сохранился полный посткраниальный скелет, за исключением костей правого предплечья. В затылочной части его черепа обнаружено нарушение целостности свода. После реставрации черепа из множества мелких фрагментов удалось определить примерные размеры трепанационного отверстия неправильной формы 67 × 44 мм. Отверстие смещено вправо, затронута правая теменная кость. На черепе ребенка также отчетливо наблюдается искусственная деформация.

Трасологический анализ определил технику создания посмертных ритуальных трепанаций для двух индивидов из м-ка Усть-Камышта-1. В целом подобный вид повреждений свода черепа можно охарактеризовать как рублено-вдавленный перелом, где последовательными рубящими ударами (врубам с повреждениями наружной компактной пластины и разрубам — сквозными повреждениями от наружной до внутренней компактной

пластины) оформлялся контур будущего отверстия с последующим выламыванием внутрь и наружу фрагмента кости черепа (Гиля и др. 2020: 148). В одном случае трепанация была сделана в затылочной кости с захватом обеих теменных костей (рис. 4, 1). Полученное отверстие имеет овальные очертания и крупные размеры — 86 × 66 мм. Для операции было использовано металлическое желобчатое лезвие с шириной (хордой окружности) 10–13 мм (рис. 4, 2). Инструмент ставился под прямым углом или под небольшим наклоном к поверхности головы. Удары были контролируемые (долото — молоток), на что указывает отсутствие следов скольжения. Таким образом, многочисленными ударами было прорублено трепанационное отверстие с продавливанием одного или нескольких фрагментов внутрь. Кость на момент операции сохраняла пластичность.

Для ребенка полный облик трепанации удалось реконструировать только после сборки черепной коробки из множества фрагментов. Операция была также сделана в затылочной кости, но со смещением на правую теменную кость (рис. 4, 3). Форма отверстия неровная, с более поздними фрагментациями, в связи с чем первоначальные размеры установить не удалось. Как и в первом случае, для изготовления использовался металлический инструмент с желобчатым лезвием (долото). Реконструируемая ширина лезвия (хорда окружности) — 12 мм. С одного края по поверхности наружной компактной пластины зафиксированы две перпендикулярные к отверстию насечки (рис. 4, 4), что указывает на процесс скальпирования участка головы перед проведением или на подрезание мягких тканей во время операции. Вполне возможно, что тонкая детская кость плохо поддавалась контролируемому расщеплению, что требовало дополнительных манипуляций с кожей головы. Вероятно, после трепанации головной мозг был изъят для дальнейших ритуальных действий. Явных следов удаления мозга нет, однако сам контур отверстий имеет незначительную, но наблюдаемую заглаженность кости.

Изображения на плитах

На длинных стенках ящика и одной из плит перекрытия мог. 2 кург. 10N обнаружены изображения, выполненные в техниках гравировки, шлифовки и выбивки. На торцевых стенках ящика прослеживались слабые следы охры (предположительно). Извлеченные из могилы плиты с петроглифами были расчищены от покрывавшей их тонкой пленки кальцита; изображения документированы методом макрофотосъемки небольшими фрагментами с естественным и искусственным боковым освещением (рис. 5; 6). Прорисовка изображений осуществляется в программе Photoshop отдельными слоями при сильном увеличении на основе фотомонтажа из снятых фрагментов (рис. 6, 2б).

Плита, служившая южной стенкой ящика, — прямоугольная (270 × 70 × 5 см), подработана по верхней и боковым узким граням. На наружной (относительно могилы) стороне плиты в верхней ее части сохранилась узкая (от 5 до 20 см) неровная полоса скальной корки, испещренная изображениями так называемых тощих окуневских быков, выполненных резными и шлифованными линиями, антропоморфных фигур с головами в профиль, выполненных шлифованными желобками, а также многочисленными пересекающимися тонкими резными линиями (рис. 5). Ниже этой полосы скальная корка полностью утрачена, а в нижней половине отсутствует и слой песчаника. На верхней грани выбивкой нанесены ямочные углубления, есть гравированные линии и неясная выбивка, на схождениях верхней и боковых граней с вертикальными — следы подтески.

Плита, служившая северной стенкой ящика, — прямоугольная (270 × 80 × 5 см), подработана по верхней и боковым узким граням. Изображения находятся на внутренней (относительно могилы) стороне. Скальная корка утрачена почти по всей площади плиты в еще большей степени, чем на южной стенке: сохранились лишь небольшие отдельные фрагменты в верхней части. На них также определяются изображения «тощих» коров, выполненных шлифованными и резными линиями, фрагменты других зооморфных образов, многочисленные пересекающиеся неясные тонкие резные линии (рис. 6, 1). Имеется

Рис. 5. Усть-Камышта-1, кург. 10N, мог. 2, изображения на вертикальной поверхности южной стенки ящика, фрагменты (1, 2)

Fig. 5. Ust-Kamyshta-1, barrow 10N, grave 2, depictions on the vertical surface of the southern wall of the box, fragments (1, 2)

фрагмент выполненной выбивкой личины и отдельные разрозненные выбоины (рис. 6, 2а, 2б). На верхней узкой грани хорошо видны следы подработки и пересекающие ее выбитые линии — простые вертикальные, наклонные в форме зигзага, наклонные крестообразно пересекающиеся (рис. 6, 3).

На перекрытии могилы среди других плит обнаружен небольшой обломок (19 × 38 × 5 см) с фрагментами резных и шлифованных изображений. Из них довольно четко определяются голова и часть корпуса «тощей» коровы и морда другого животного (лося?). Вероятно, это обломок точно такой же плиты, как те, что были использованы

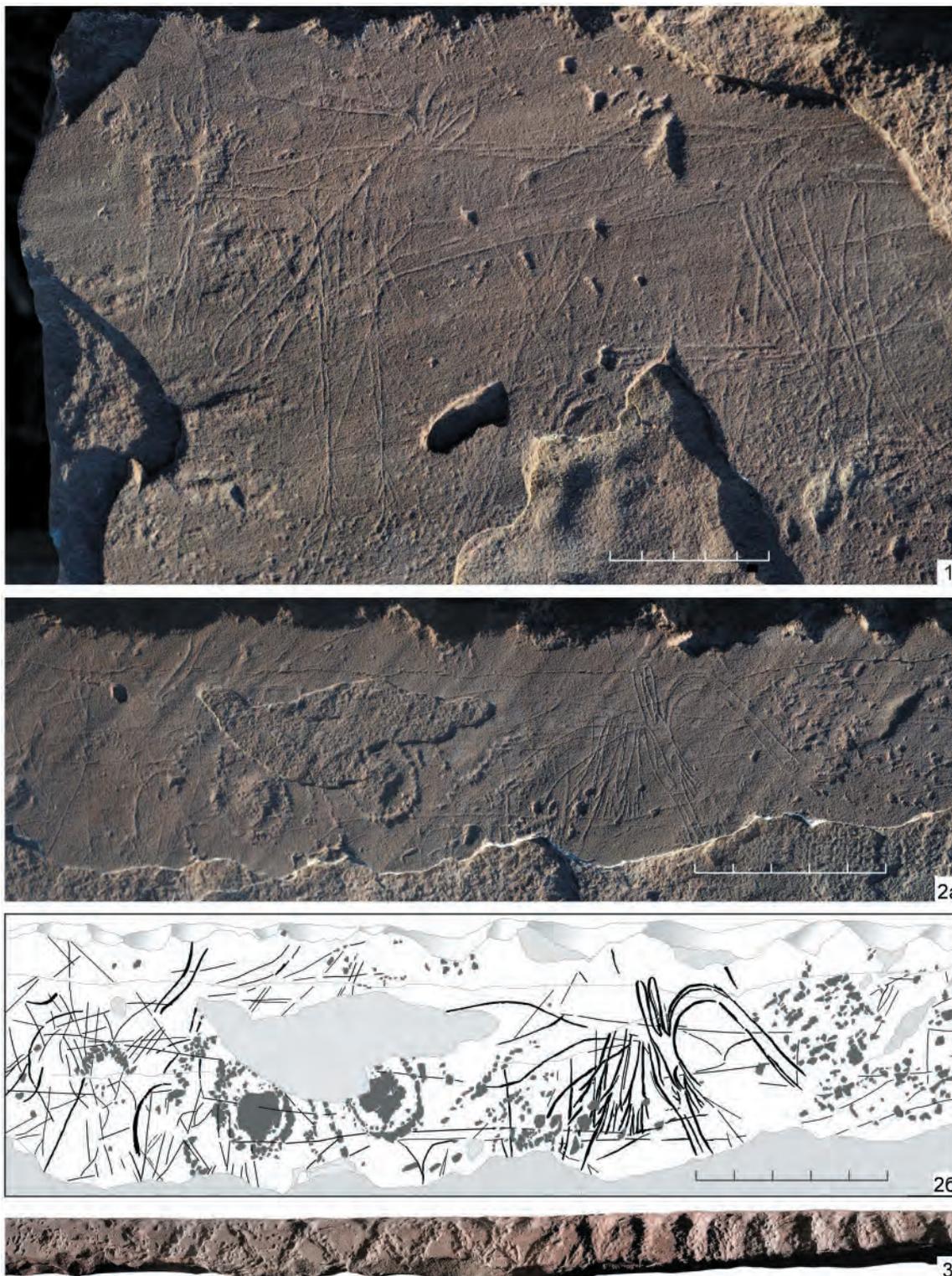

Рис. 6. Усть-Камышта-1, кург. 10N, мог. 2, изображения на плите северной стенки ящика, фрагменты (1, 2а, 2б — на вертикальной поверхности; 3 — на верхней торцевой поверхности)

Fig. 6. Ust-Kamyshta-1, barrow 10N, grave 2, depictions on the northern wall of the box, fragments (1, 2a, 2b — vertical surface; 3 — upper side surface)

для стенок ящика, на что указывают такая же толщина плиты и частично сохранившийся фрагмент верхнего торца с аналогичной подработкой.

Изображения на этих плитах (кроме личины) имеют характерные черты «разливского стиля», хорошо известного и без труда идентифицируемого благодаря многочисленным аналогиям в окуневском искусстве. Они встречаются на изваяниях, плитах из могил (из курганов разливского этапа окуневской культуры и переиспользованными в курганах последующих культур), а также на скалах (см., например: Леонтьев 1978; Савинов 2004; 2006: 163–165, рис. 5, 6). Культурно-хронологическая атрибуция изображений «тощих» быков и коров как одной из характерных особенностей «разливского хронологического горизонта» (Лазаретов 2019б: 43, 44, рис. 7) не вызывает сомнений благодаря наличию изображений этого стиля на плитах из курганов Разлив X (Пшеницына, Пяткин 2006) и Черновая XI (Леонтьев 2001). При этом они никогда не встречаются в более ранних окуневских погребениях, а, будучи добавлены на окуневские изваяния с более ранними изображениями, перекрывают их.

Таким образом, в мог. 2 кург. 10N, относящейся к разливскому хронологическому горизонту окуневской культуры, находились плиты с изображениями, также относящимися к этому времени. Однако нет сомнений, что эти плиты были переиспользованы, изображения не предназначались специально для погребения и вообще уже не интересовали его строителей. Это подтверждают следующие обстоятельства: 1) большая часть поверхности с изображениями была утрачена к моменту установки плит в могилу, так как в заполнении не было найдено ни одного отслоившегося фрагмента; 2) южная плита установлена стороной с остатками изображений к стенке могильной ямы, а северная — внутрь могилы; 3) в покрытии использован обломок аналогичной плиты тоже как строительный материал. Как и в некоторых других случаях, когда в погребениях находят плиты с изображениями того же периода, но во вторичном использовании, возникает вопрос: для чего предназначались эти плиты первоначально?

Даже по сохранившимся остаткам поверхности с изображениями можно с уверенностью судить о том, что гравировки наносились на плиты многократно. Изображения и линии перекрывают друг друга, при этом некоторые из них заметно сглажены, а какие-то почти совсем незаметны. Вероятно, предыдущие композиции заглаживали перед нанесением последующих. Видимые сейчас фигуры, скорее всего, последние. Так как остатки предыдущих резных линий мешали воспринимать новые образы, последующие изображения приходилось вырезать и вышлифовывать более глубоким желобком. Возможно также, что таким способом патинизировавшиеся со временем фигуры подновлялись. Образовавшиеся палимпсесты делают чрезвычайно трудным выявление изображений разных слоев. Тем не менее все фигуры или их фрагменты, которые удастся определить, демонстрируют все тот же «разливский» стиль.

Можно было бы предположить, что если не гравировки, то хотя бы выбивки по верхнему торцу были сделаны для погребения, но против этого говорит тот факт, что у обломка плиты, найденного лежащим в перекрытии, имеются такие же желобки на торце.

Судя по всему, плиты были установлены где-то под открытым небом или в какой-то постройке, их было несколько, примерно одного размера, одинаково обработанных, возможно, они образовывали длинный фриз, на них периодически наносили состоящие из миниатюрных гравированных изображений композиции, заглаживая предыдущий слой. Видимо, после того как плиты пришли в негодность в качестве носителя изображений (отслоилась ровная податливая скальная корка), в том же самом обществе их использовали просто как подходящий для сооружения погребальных ящиков строительный материал. Остается не совсем ясным, во-первых, как соотносится с «разливскими» гравировками выполненная выбивкой личина на северной плите, во-вторых, наличие на плитах хорошо сформировавшейся скальной корки, на которой выполнены изображения. Она образуется на поверхности камня только после достаточно долгого нахождения на открытом воздухе; у плит, выломанных из горизонтальных слоев массива девонского песчаника, такой корки на широкой грани нет. Возможно, плиты были заготовлены (и использовались?) на более ранних этапах окуневской культуры.

Заключение

Сама по себе находка первых захоронений разливского хронологического горизонта окуневской культуры на юго-западе Хакасии — явление вполне ожидаемое. В районе с. Аскиз ранее уже встречались плиты с рисунками, выполненными в стиле «тощих быков» (Савинов 2005: рис. 1, 11, 12). Удивляет другое: насколько эти захоронения оказались близки по своим характеристикам погребениям северной группы поздних окуневских памятников, удаленных от них более чем на 150–200 км. Детальные совпадения прослеживаются в погребальном обряде (жертвенные ящики в пределах оград, безынвентарность взрослых захоронений, увеличение количества погребенных в одной могиле, массовая посмертная трепанация черепов), художественном стиле «тощих быков», инвентаре (малые сосуды без орнаментации желобками). Все это указывает на высочайший уровень стабильности и стандартизации окуневской культуры в поздний период ее существования, накануне андроновского вторжения.

Становится очевидным, что такой необычный элемент погребального обряда, как посмертная трепанация черепов, представляет собой явление, широко распространенное в поздний период существования окуневской культуры. Его смысл и причины внезапного возникновения еще только предстоит установить. Возможно, это как-то связано с постепенным переходом к практике множественных последовательных захоронений в одной могиле.

Что касается вопроса верхнего предела бытования окуневской культуры на территории юга Минусинских котловин, то он пока остается открытым. Масштабные раскопки на могильнике Усть-Камышта-1 параллельно выявили и наличие в нем погребальных комплексов андроновской культуры (Лурье 2021). Тем самым заметно сократилась территория, где окуневская культура гипотетически могла бы продолжить свое существование в поздний период. Окончательный ответ на этот вопрос могут дать только масштабные раскопки в междуречье Абакана и Енисея.

Литература

- Алексеев 1966 — Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Гиря и др. 2020 — Гиря Е. Ю., Учанева Е. Н., Малютина А. А., Бусова В. С., Лазаретова Н. И. Трасологическое исследование следов трепанации на черепах из могильников Белый Яр-VI, Степновка-II, Большое Русло (тесинский этап тагарской культуры) // ПАЖМИ. 2020. № 1. С. 135–171.
- Лазаретов 2019а — Лазаретов И. П. Окуневско-чумурчекская общность: феномен эпохи бронзы и проблема синхронизации культур // Байтанаев Б. А. (гл. ред.). Маргулановские чтения-2019: Материалы Междунар. археол. НПК, посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева. Нур-Султан: Глобус, 2019. С. 132–144.
- Лазаретов 2019б — Лазаретов И. П. Хронология и периодизация окуневской культуры: современное состояние и перспективы // ТПАИ. 2019. Вып. 4 (28). С. 15–50.
- Лазаретова, Малютина 2022 — Лазаретова Н. И., Малютина А. А. Трепанации как особенность погребальной традиции в позднеокуневское время: трасологическое исследование антропологических материалов из могильника Итколь II // Молодин В. И. (отв. ред.). Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: Материалы МНК. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 132–135.
- Леонтьев 1978 — Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы антропологии и семантики) // Ларичев В. Е. (отв. ред.). Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла: Сб. ст. Новосибирск: Наука, 1978. С. 88–118.
- Леонтьев 2001 — Леонтьев С. Н. Памятник окуневской культуры курган Черновая XI // АЭАЕ. 2001. № 4 (8). С. 116–123.
- Лурье 2021 — Лурье В. М. Предварительные итоги исследования кургана андроновской культуры на юге Минусинских котловин // Бюллетень ИИМК РАН. 2021. № 11. С. 179–182.
- Пежемский 2011 — Пежемский Д. В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: Дис. ... канд. биол. наук. 326 с. М., 23.06.2011 // РГБ OD 61 11-3/1075.

- Поляков 2022 — Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Поляков и др. 2018 — Поляков А. В., Лазаретов И. П., Есин Ю. Н. Исследования Саянской экспедиции ИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 гг. // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. № 8. С. 123–139.
- Пшеницына, Пяткин 1993 — Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X // КСИА. 1993. Вып. 209. С. 58–67.
- Пшеницына, Пяткин 2006 — Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н. Курган Разлив X — памятник окуневской культуры // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (отв. ред.). Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 82–94.
- Савинов 2004 — Савинов Д. Г. О стиле «тощих быков» в окуневской изобразительной традиции // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Изобразительные памятники. Стиль, эпоха, композиции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 246–254.
- Савинов 2005 — Савинов Д. Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // ТПАИ. 2005. Вып. 1. С. 28–34.
- Савинов 2006 — Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (отв. ред.). Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 157–190.
- Хохлов, Григорьев 2020 — Хохлов А. А., Григорьев А. П. К методике оценки метрических данных по основным абсолютным признакам и указателям скелета человека (по антропологическим материалам некрополей г. Самары XVIII–XIX вв.) // Вестник МГУ. Серия 23. Антропология. 2020. № 3. С. 68–76.

BURIALS OF THE RAZLIV CHRONOLOGICAL HORIZON OF THE OKUNEVO CULTURE AT THE UST-KAMYSHTA-1 CEMETERY (BARROW 10N)

I. P. LAZARETOV, N. I. LAZARETOVA, V. M. LURIE, A. A. MALYUTINA,
E. A. MIKLASHEVICH

Keywords: *Minusinsk depressions, early Bronze Age, Okunevo culture, Razliv chronological horizon.*

The Razliv chronological horizon, the latest horizon of the Okunevo culture, is radiocarbon dated to the XIX–XVIII cc. BC. It was identified by D. G. Savinov by the presence of “complex-realistic” lichinas, extremely schematized representations of bulls, steatite figurines with dimensional torsos. Subsequently the number of characteristic elements of this horizon was expanded by adding such traits as burials of bull hides in stone boxes inside enclosures, the presence of burial goods in child graves only, postmortem trepanation of skulls. All the previously known sites of the Razliv stage (Razliv X barrow, Chernovaya XI barrow, barrow 1 of the Itkol II cemetery) were situated in the northern part of the Minusinsk depressions, which makes barrow 10N of the Ust-Kamyshta-1 cemetery in the southwest of Khakassia particularly interesting. The complex consists of two graves and two boxes with bull hides. These materials have numerous direct analogies in the burials of the northern group of Late Okunevo sites situated 150–200 km away. Close similarities can be seen in funeral rite (sacrificial boxes inside enclosures, inventory-free burials of adults, appearance of collective burials, frequent postmortem trepanation of skulls), artistic style of “skinny bulls”, inventory (small vessels without fluted ornamentation). All this points to a highest level of stability and standardization of the Okunevo culture during the late period of its existence, on the eve of the Andronovo intrusion.

ИЗУЧЕНИЕ КУРГАНОВ У Г. САЯНОГОРСКА НА ЮГЕ ХАКАСИИ¹

Н. А. БОКОВЕНКО²

Ключевые слова: Хакасия, Саяногорск, курганы, период поздней бронзы, тагарская культура, погребальный обряд, вооружение, бытовые предметы.

В статье впервые вводятся в научный оборот материалы могильников Колок и Маяк-1 у г. Саяногорска на юге Хакасии. Их анализ позволяет проследить непрерывное развитие погребальных конструкций и обрядности древнего населения на протяжении I тыс. до н. э. В период поздней бронзы (XI–IX вв. до н. э.; м-к Колок, кург. 10, мог. 1, 6–8) захоронения были индивидуальными, их совершали в неглубоких обширных могилах, куда ставили деревянные клетки, перекрытые деревянным накатом. В раннее тагарское время (подгорновский этап — VII–VI вв. до н. э.; м-к Колок, кург. 10, мог. 1) зарождалась традиция устройства коллективных захоронений (до 6 чел.) в склепах — в более глубоких прямоугольных могилах, куда устанавливали деревянный сруб. Погребенных укладывали на спине, головой в западном направлении, а сам сруб перекрывали бревенчатым накатом. Позднее (биджинский этап тагарской культуры — VI–V вв. до н. э.) (м-к Колок, кург. 9, мог. 1) стали распространяться коллективные захоронения (12 чел. и более), которые совершали в квадратных могилах с деревянным срубом. Погребенных укладывали на спине, головой в западном направлении, перекрытие могил — бревенчатое и деревянное. Также появляются специальные лазы для подзахоронений. На поздних этапах тагарской культуры (сарагашенском и лепешкинском — V–III вв. до н. э.) в срубе сооружали деревянный пол (м-к Маяк, кург. 10, мог. 1), а за срубом — тын из вертикальных бревен (м-к Колок, кург. 11, мог. 1). В тесинское время (II–I вв. до н. э.) во все тагарские курганы впущены захоронения взрослых и детей (м-к Колок, кург. 9, мог. 2, 3; кург. 10, мог. 2–5, 9–12; кург. 11, мог. 2).

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-107-131

В 1970–1980-х гг. новостроечные Бейская (под руководством М. Н. Пшеницыной) и Средне-Енисейская (которой последовательно руководили в эти годы М. Н. Пшеницына, Н. Ф. Лисицын и Д. Г. Савинов) экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) проводили большие археологические исследования в предгорьях Джойского хребта Западного Саяна (Пшеницына и др. 1980; Пшеницына, Поляков 1980; 1989; Бокоренко 1981; 1982; Лисицын 1983; Пшеницына 1992; Пшеницына, Николаев 1996; Массон, Пшеницына 1994; Бокоренко, Красниенко 1988; Кузьмин 1988). Многие материалы до сих пор не введены в научный оборот, хотя представляют большой научный интерес прежде всего для изучения тагарской культуры. В настоящей работе публикуются три кургана могильника Колок и один курган могильника Маяк-1. При анализе погребального обряда и материального комплекса используется периодизация тагарской культуры, предложенная М. П. Грязновым, а

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.
© Бокоренко Н. А., 2023

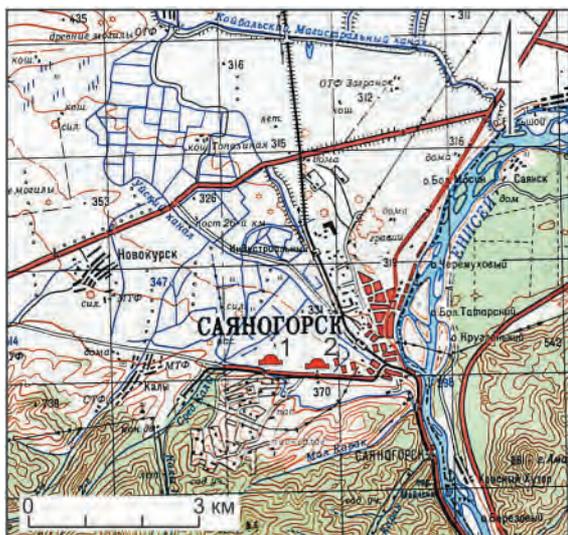

Рис. 1. Местоположение исследованных могильников: 1 — могильник Колок; 2 — могильник Маяк-1

Fig. 1. Location of the studied sites: 1 — Kolok cemetery; 2 — Mayak-1 cemetery

также учитываются работы Красноярской и Средне-Енисейской экспедиций и результаты современного радиоуглеродного датирования (Грязнов 1979: 4, 5; Алексеев и др. 2005; Поляков, Святко 2009).

Могильник Колок

Могильник Колок находится в 3 км западнее г. Саяногорска (Бейский р-н Республики Хакасия) на территории Означенской оросительной системы. Могильник состоял из 15 курганов, сконцентрированных в двух группах (северо-восточной и юго-западной) на длинном пологом увале, идущем от горы Камешок на СВ (рис. 1; 2). Северо-восточная группа, состоявшая из восьми больших курганов, была полностью изучена в 1979 г. (Пшеницына и др. 1980: 229). Юго-западная группа состояла из семи небольших курганов, три из которых были исследованы автором в 1980 г. Два кургана (9, 10) находились в непосредственной близости друг от друга, а еще один (11) — в 375 м к 3 от них.

Курган 9 представлял собой небольшое всхолмление (высота — 0,6 м, диаметр — около 10 м), которое образовалось в результате длительной распашки насыпи (рис. 3). Каменная ограда отсутствовала. Возможно, она была полностью разрушена при распашке или сооружена из дерева, что иногда встречается в этом регионе, и не сохранилась (Боковенко, Красниенко 1988).

Могила 1 находилась в центре кургана, в квадратной яме (3,33 × 3,50 м), на глубине до 0,7 м от верхнего уровня древней погребенной почвы. Выкид из ямы был сконцентрирован с двух сторон — к Ю и С. Перекрытие могилы представляло собой два ряда плохо сохранившегося бревенчатого наката (верхний ряд — 13 бревен, нижний — 17; диаметры бревен — 0,25–0,30 м, длина — до 3,5–4,0 м). Накат был уложен в долготном направлении и опирался на два поперечных бревна, находившихся на бортах могилы (рис. 4, 1). Выше деревянного настила зафиксировано дерновое перекрытие, остатки которого прослеживались в бровке.

В южном углу перекрытия часть бревен отсутствовала, при этом отверстие (0,6 × 0,8 м) было заложено большим камнем и несколькими небольшими поперечными бревнами. Возможно, в этом месте был сделан специальный лаз для последующих подзахоронений.

В могилу был поставлен сруб (2,3 × 2,3 м) высотой в четыре венца, сложенный из бревен диаметром до 0,25 м. Сруб придвинут к северо-восточной стенке могилы так, что с остальных сторон между стенками сруба и могилы оставалось свободное пространство шириной до 0,4 м (рис. 4, 2).

В северной части деревянное перекрытие было прорублено и могила частично потревожена, на месте образовавшегося отверстия впоследствии было совершено захоронение (мог. 3). В заполнении грабительской ямы были обнаружены небольшие обломки сосуда (рис. 5, 39, 41, 42), полусферические бронзовые бляшки (рис. 5, 16–19), конические и цилиндрические пронизки (рис. 5, 8–13, 29–32), обломок бронзового шила (рис. 5, 14), два костяных наконечника стрел (рис. 5, 5, 6), а также человеческие кости — две бедренные детей (1 г. и 4 л.)³, три нижние челюсти детей (3–6 л.), две челюсти взрослых людей (40–60 л.) и отдельные кости мужчины и женщины до 20 л.

³ Антропологические и палеозоологические определения М. П. Грязнова.

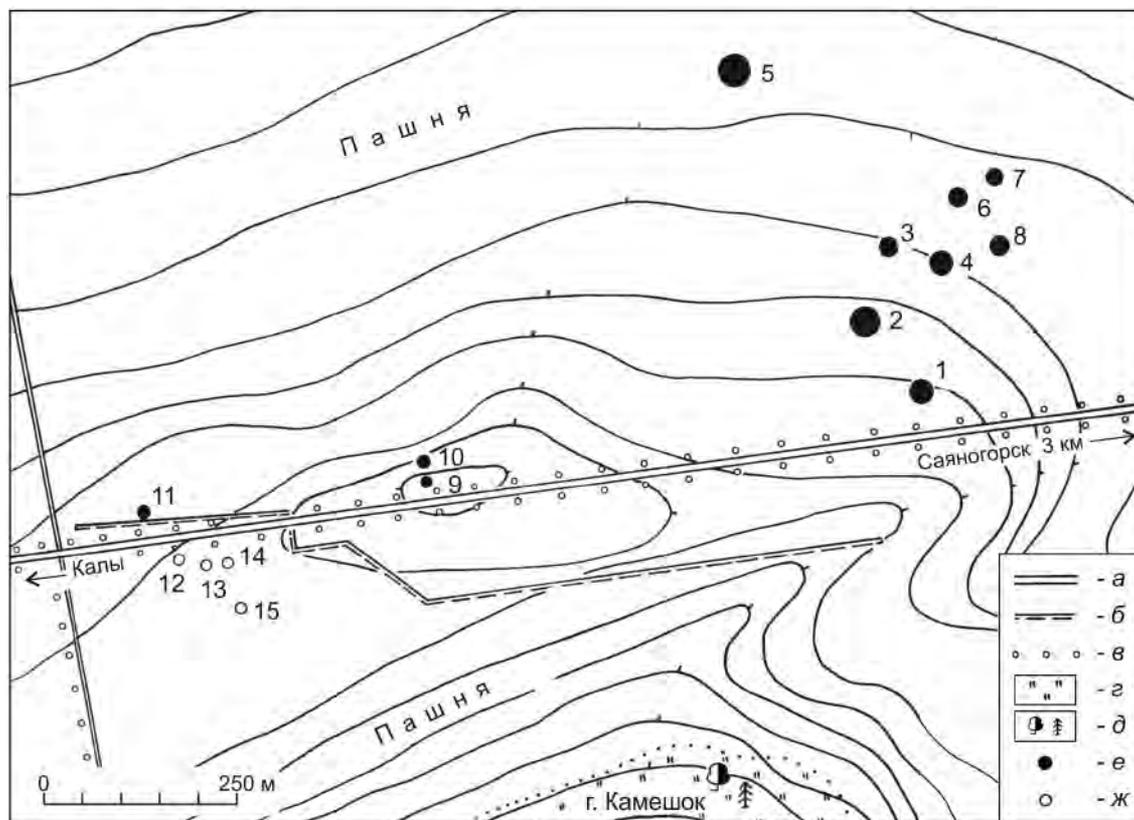

Рис. 2. Могильник Колок, план: а — шоссейная дорога; б — грунтовая дорога; в — лесополоса; з — луговая растительность; д — смешанный лес; е — раскопанные курганы; ж — нераскопанные курганы. 1–15 — номера курганов

Fig. 2. Kolok cemetery, plan: a — motorway; б — earth-road; в — wood line; з — meadow vegetation; д — mixed forest; е — excavated barrows; ж — unexcavated barrows. 1–15 — the numbers of the barrows

Рис. 3. Могильник Колок, кург. 9 и 10, общий вид с СВ

Fig. 3. Kolok cemetery, barrows 9 and 10, general view from NE

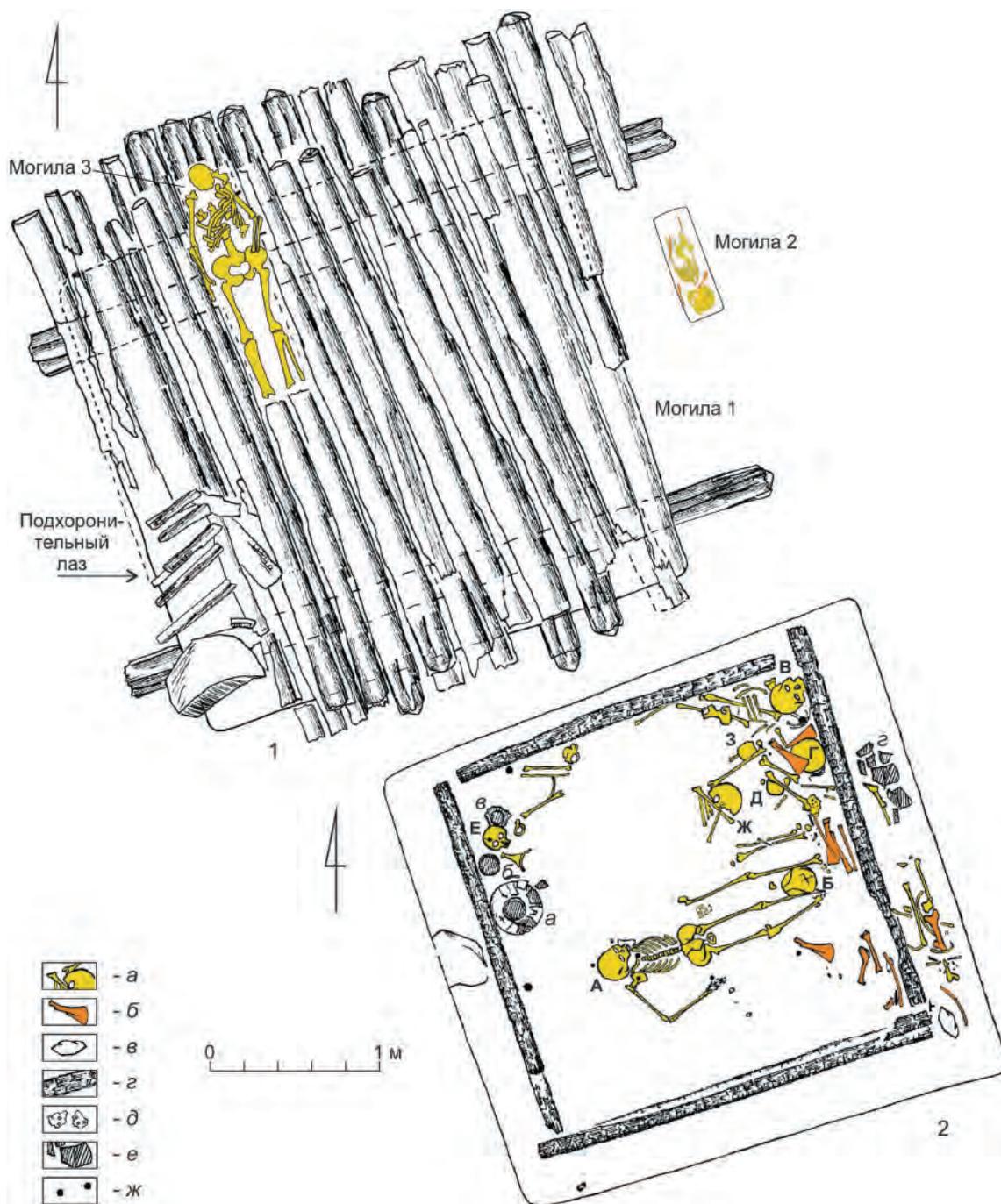

Рис. 4. Могильник Колок, кург. 9, мог. 1, планы: 1 — деревянное перекрытие; 2 — дно могильной ямы.

Условные обозначения (для рис. 4, 6, 8, 12, 16): а — кости человека; б — кости животного; в — камни; г — древесина; д — береста; е — керамика; ж — находки из бронзы и кости

Fig. 4. Kolok cemetery, barrow 9, grave 1, plans: 1 — wooden covering; 2 — grave pit bottom.

Legend for figs. 4, 6, 8, 12 and 16: а — human bones; б — animal bones; в — stones; г — wood; д — birch bark; е — ceramics; ж — bronze and bone objects

На дне могилы, параллельно юго-восточной стенке сруба, находился скелет «А» (подросток 15–16 л.). Погребенный был уложен на спине в вытянутом положении головой на ЮЗ. За черепом обнаружено бронзовое кольцо-обойма (рис. 5, 15) и рядом с ним — бронзовое зеркало. На груди у правой лопатки, а также между тазом и правой кистью найдены бронзовые полусферические бляшки (рис. 5, 25–28). У кисти правой руки — альчик барана. У правой голени находился набор погребальной пищи (лопатка, ребро и кости ног молодой особи КРС) с бронзовым ножом (рис. 5, 1).

Погребенный «Б» (мужчина 40–60 л.) был уложен севернее скелета «А» параллельно ему. От него сохранились непотревоженными только кости правой ноги, левая голень и правая кисть, которая лежала поверх левой кисти погребенного «А». В ногах находились остатки погребальной пищи (лопатка, ребро и кости ног КРС) с бронзовым шилом с двойной головкой (рис. 5, 3). В изголовье у погребенного «Б» стоял большой кувшин (сосуд «а») красноватого цвета с отогнутым венчиком и обломанной ручкой (рис. 5, 43) с глиняной крышкой, сделанной из стенки другого сосуда (рис. 5, 44), и бронзовая полусферическая бляшка (рис. 5, 24). К С от них находилась нижняя часть баночного сосуда «б» (рис. 5, 38), у стенки сруба стоял сосуд «в» — с расширением в верхней части тулова, орнаментированного смыкающимися арками, и цилиндрической нижней частью (рис. 5, 40). Между сосудами «б» и «в» лежал череп ребенка «Е» (4–6 л.), на котором находилась бронзовая полусферическая бляшка (рис. 5, 22) и кости взрослого человека. В северном углу зафиксировано бессистемное скопление костей нескольких людей и домашних животных. Кости определены как череп погребенного «Б» (мужчины 40–60 л.), череп «В» (женщины 25–40 л.), череп «Г» (женщины 40–50 л.), череп «Д» (ребенка до 2 л.), череп «Ж» (женщины 25–40 л.), череп «З» (ребенка до 7 л.), а также фрагмент таза женщины, бедренная и плечевые кости мужчины, длинные кости ног, плечевые и локтевые кости другого мужчины. Среди костей обнаружена бронзовая коническая пронизка (рис. 5, 11), а у северо-западной стенки сруба находились бронзовое зеркало (рис. 5, 33) и костяной головной «нож» с циркульным орнаментом (рис. 5, 4).

Между северо-восточной стенкой сруба и стенкой ямы были найдены обломки баночного сосуда «г» со скошенным наружу венчиком и параллельными желобками по верхней части тулова (рис. 5, 37), а ближе к восточному углу сруба — практически все кости взрослого мужчины (скелет «И», кроме черепа и мелких костей), левое предплечье женщины, лопатка барана, а у самого угла сруба — бронзовый чекан (рис. 5, 7).

Дно ямы желтого цвета с вкраплениями гальки и дресвы. Следы деревянного настила или пола не обнаружены.

Могилы 2 (впускная) находилась на восточном борту мог. 1 (рис. 4; 6, 1). Прямоугольная мог. 2 (0,25 × 0,50 м) была устроена в древней погребенной почве на глубине 0,05–0,10 м и ориентирована, как и основная могила, углами по сторонам света. При ее сооружении были прорезаны восточные бревна деревянного перекрытия мог. 1. По бортам мог. 2 зафиксированы плохо сохранившиеся фрагменты деревянных конструкций (от перекрытия могилы или от сруба). В могиле находились кости младенца (1–1,5 л.), который был уложен на спину головой на ЮВ, его ноги были согнуты в коленях и слегка поджаты. При погребенном никаких вещей не обнаружено. В северном и восточном углах мог. 2 найдены метаподии и мелкие кости дистальных концов конечностей ягненка, такие же кости обнаружены на груди ребенка и около бедра, возможно, погребенный был накрыт шкурой животного. Аналогичный обряд, видимо, был распространен в культуре плиточных могил Забайкалья, где встречаются фигурные каменные надмогильные покрытия, имитирующие шкуру коровы или быка, уложенную сверху над могилой, как, например, на могильнике Сосновая падь, мог. 113 (Гришин 1980: рис. 1) (рис. 6, 3).

Могилы 3 (1,6 × 0,6 м) находилась в северной части деревянного перекрытия мог. 1, на месте грабительского лаза (рис. 4; 6, 4) и была ориентирована вдоль бревен перекрытия. По ее периметру прослеживались остатки плохо сохранившихся деревянных конструкций

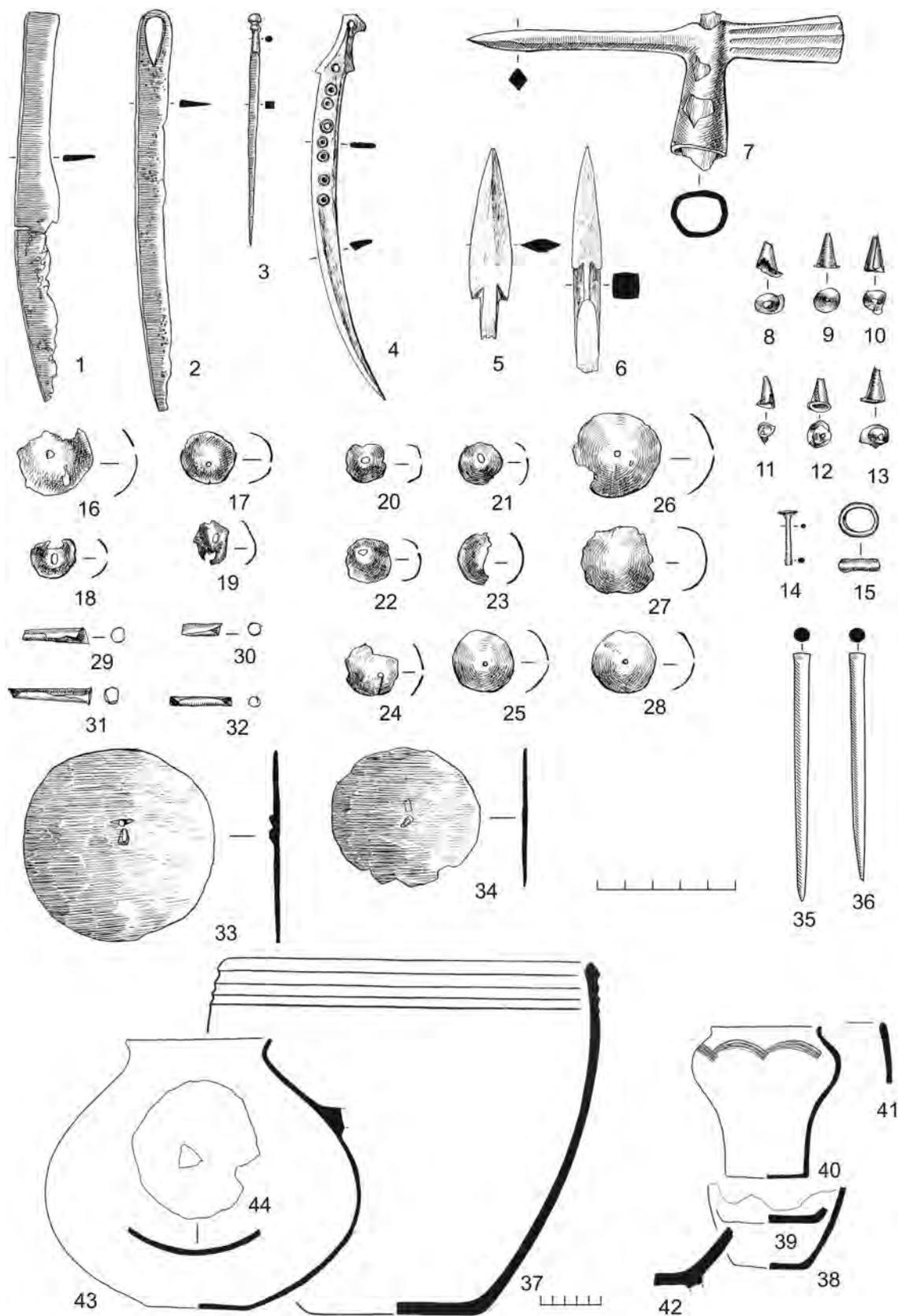

Рис. 5. Могильник Колок, кург. 9 (3, 39, 41, 42 — заполнение грабительской ямы; 35, 36 — мог. 3, остальное — мог. 1), находки: 1, 2 — ножи; 3 — шило; 4 — головной «нож»; 5, 6 — наконечники стрел; 7 — чекан; 8–13 — конические пронизки; 14 — обломок шила; 15 — кольцо-обойма; 16–28 — полусферические бляшки; 29–32 — цилиндрические пронизки; 33, 34 — зеркала; 35, 36 — стержневидные булавки; 37–44 — сосуды: 37 — за северо-восточной стенкой сруба; 38 — сосуд «б»; 40 — сосуд «в»; 43, 44 — сосуд «а» и его крышка.
1–3, 7–34 — бронза; 4–6 — кость; 35, 36 — рог; 37–44 — керамика

Fig. 5. Kolok cemetery, barrow 9 (3, 39, 41, 42 — plundering pit infill; 35, 36 — grave 3, the rest — grave 1), finds: 1, 2 — knives; 3 — awl; 4 — head “knife”; 5, 6 — points; 7 — pickaxe; 8–13 — conical pendants; 14 — awl fragment; 15 — ring; 16–28 — semispherical plaques; 29–32 — cylindrical pendants; 33, 34 — mirrors; 35, 36 — rod-shaped pins; 37–44 — vessels: 37 — behind the northwestern wall of the frame; 38 — vessel «б»; 40 — vessel “в”; 43 and 44 — vessel “а” and its lid.
1–3, 7–34 — bronze; 4–6 — bone; 35, 36 — antler; 37–44 — ceramics

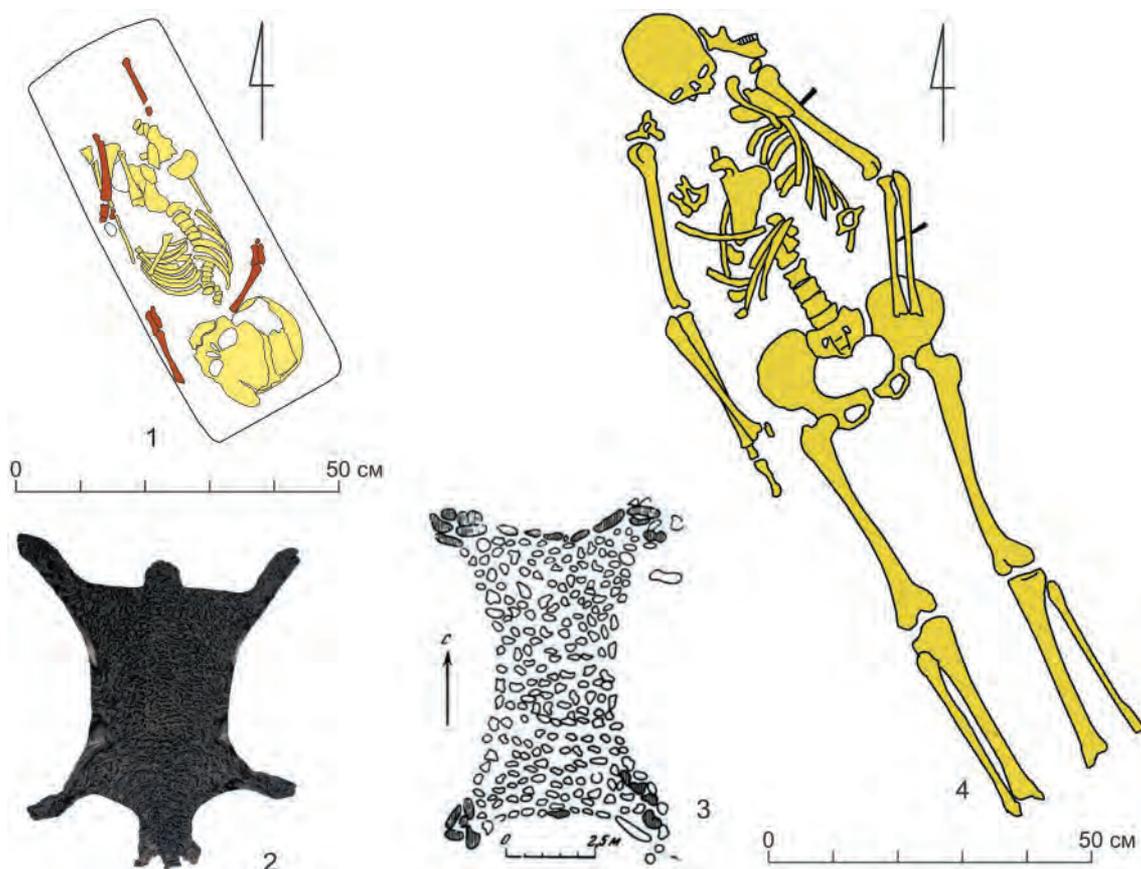

Рис. 6. Могильник Колок, кург. 9, мог. 2, 3: 1 — план дна мог. 2; 2 — шкура ягненка; 3 — каменное перекрытие плиточной мог. 113 могильника Сосновая падь в Забайкалье в виде имитации шкуры (Гришин 1980: рис. 1); 4 — план дна мог. 3

Fig. 6. Kolok cemetery, barrow 9, graves 2, 3: 1 — plan of the bottom of grave 2; 2 — lamb hide; 3 — stone cover of grave 113 from the Sosnovaya pad' cemetery in Transbaikalia imitating the shape of a hide (Гришин 1980: рис. 1); 4 — plan of the bottom of grave 3

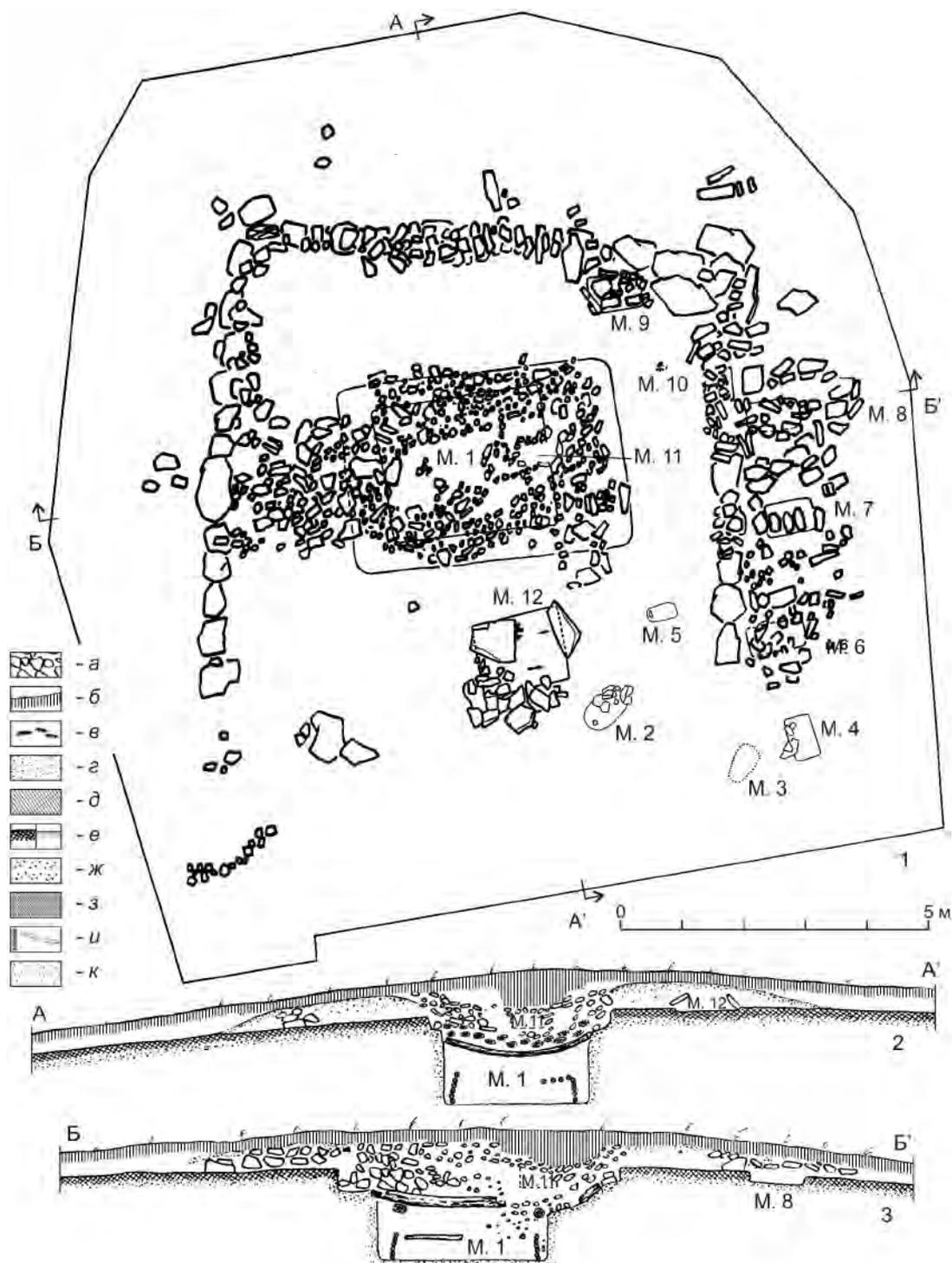

Рис. 7. Могильник Колок, кург. 10: 1 — план на уровне расчистки каменных оград и перекрытий могил; 2, 3 — разрезы А-А' и Б-Б'. Условные обозначения (для рис. 7, 11, 15, 16): а — камни; б — дерновый слой; в — дерновые пласты; г — светлая супесь; д — темная супесь; е — погребенная почва; ж — древесные угли; з — горелый слой; и — древесные бревна и плахи; к — светлый суглинок; М. — могила

Fig. 7. Kolok cemetery, barrow 10: 1 — plan on the level of exposed enclosures and graves coverings; 2, 3 — cross-sections А-А' and Б-Б'. Legend for figs. 7, 11, 15, 16: а — stones; б — turf layer; в — turf sheets; г — light sandy loam; д — dark sandy loam; е — buried soil; ж — charcoals; з — burnt layer; и — beams and blocks of wood; к — light loam; М. — the grave

(рама из бревен толщиной до 0,1 м). В мог. 3 захоронена женщина (40–60 л.), тело которой было уложено на спине, вытянуто, головой на ССЗ. Кости правой руки лежали вдоль туловища, кости левой — на тазу. Могила не ограблена, и смещение ряда костей можно объяснить деятельностью грызунов. Под левым предплечьем найдена роговая стержневидная булава, аналогичная булава находилась под левым локтем (рис. 5, 35, 36).

Совокупность археологического материала и особенностей погребального обряда позволяют отнести этот комплекс к подгорновскому этапу тагарской культуры. Наблюдения над погребальным обрядом дали возможность восстановить последовательность захоронений: сначала были захоронены трое мужчин (скелеты «А», «Б», «И») (подгорновский этап), позднее кости погребенного «И» были перемещены за восточную стенку сруба, туда же оказались сдвинуты сосуд «г» и чекан. Впоследствии в могилу были подхоронены три или четыре женщины (череп «В», «Г», «Ж») и четверо детей (череп «Д», «Е», «З» и нижняя челюсть ребенка трех лет) (биджинский этап); значительно позже, видимо, в тесинское время, могила была ограблена, и в верхней части грабительского лаза было совершено захоронение женщины (мог. 3), а на восточном борту ямы — захоронение ребенка (мог. 2).

Курган 10 находился в 15 м севернее кург. 9 и представлял собой распаханную возвышенность высотой 0,6–0,7 м и диаметром 15 м (рис. 2; 7). После снятия насыпи была зачищена квадратная каменная ограда (8,5 × 8,5 м), сооруженная из глыб и рваного камня. Ограда была ориентирована стенками по сторонам света, ее южный участок был полностью разрушен. В углах ограды были обнаружены забутовочные камни, вероятно, по углам стояли вертикальные камни. К восточной стенке с внешней стороны были пристроены еще три небольшие оградки, сложенные из более мелких камней. В кургане обнаружены 12 разновременных могил, относящихся к трем периодам: каменоложскому этапу поздней бронзы, подгорновскому и тесинскому этапам тагарской культуры.

Могила 1 (центральная) (рис. 7, 1; 8) располагалась в центре ограды и была ориентирована, как и ограда, по сторонам света. Могила (3,1 × 4,5 м) была устроена на глубине 1,5 м от уровня древней погребенной поверхности.

Перекрытие могилы было сложено из камней и бревен (рис. 8, 1). При ограблении камни оказались выброшены в основном к 3 от могилы и частично легли на ограду кургана. Среди камней в заполнении грабительской ямы обнаружены фрагменты венчика сосуда периода поздней бронзы (рис. 9, 1), а также человеческие кости: нижние челюсти взрослого мужчины «Б» и подростка «В» (9 л.), ребра двух взрослых людей, длинные кости, плечевая кость взрослого человека и лучевая — юноши, а также кости новорожденного. С западной и восточной сторон могила имела заплечики, на которые были уложены плиты. На эти плиты в свою очередь опиралось деревянное перекрытие из 18–20 бревен. Бревна (диаметром 0,3–0,4 м) были уложены по оси 3–В накатом в два уровня. Щели между бревнами были заложены камнями. В восточной части накат был прорублен грабителями во всю ширину перекрытия. В могильную яму размерами 2,2 × 2,8 м была поставлена деревянная клеть высотой в шесть венцов (из бревен диаметром до 0,2 м). В юго-западной части могилы прослежено перекрытие — потолок клетки.

На дне могилы находились останки пяти погребенных, уложенных головой на 3 (рис. 8, 2). От погребенных «А», «Б», «В» остались лишь череп, часть шейных позвонков в сочленении и несколько ребер. За черепом «А» (женщины 14–17 л.) лежали плечевая кость, лопатка, 10 ребер и три шейных позвонка взрослого мужчины «Б», а также лопатка подростка (12–15 л.). У черепа «А» находился небольшой бочонковидный низкий сосуд «а» без орнамента (рис. 10, 49) и две бронзовые конические пронизки (рис. 10, 13, 14). За черепом «Б» — бронзовая цилиндрическая пронизка (рис. 10, 9), между черепом «Б» (мужчины 40–60 л.) и черепом «В» (девочки 9 л.) находились ребра взрослого человека, на которых лежала низка бус, состоявшая из круглых пастовых бус (рис. 10, 1–8), бронзовых цилиндрических (рис. 10, 9–12, 15, 16) и конических пронизок (рис. 10, 18–21, 24–27). Здесь же обнаружены две полусферические бронзовые бляшки (рис. 10, 37, 38). У северной стенки

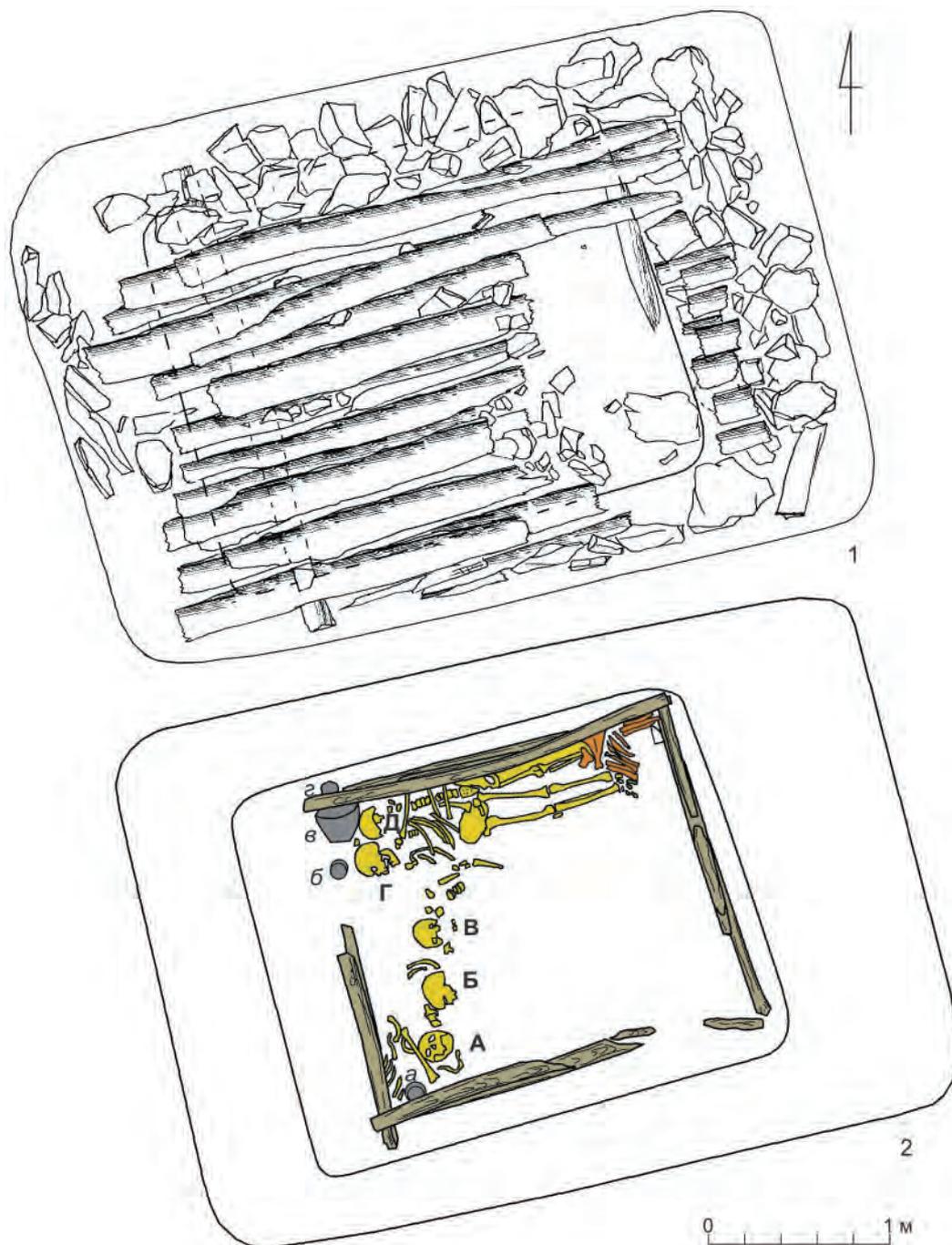

Рис. 8. Могильник Колок, кург. 10, мог. 1: 1 — план деревянного перекрытия; 2 — план на уровне дна (А-Д — скелеты погребенных; а-г — керамические сосуды)

Fig. 8. Kolok cemetery, barrow 10, grave 1, plans: 1 — wooden cover; 2 — grave bottom (A-D — skeletons; a-g — ceramic vessels)

найлены останки двух погребенных: мужчина «Г» (40–60 л.) был положен в вытянутом положении на правом боку и рядом — женщина «Д» (40–60 л.). В головах у погребенного «Г» находился небольшой баночный сосуд «б» (рис. 10, 50). В изголовье погребенной «Д» — крупный баночный сосуд «в» с желобками по верхнему краю (рис. 10, 53), сосуд «г» — донная часть тагарской банки (рис. 10, 51), бронзовый нож плохой сохранности и коническая пронизка (рис. 10, 30). Под ребрами обнаружены шесть костяных наконечников стрел (рис. 10, 42–47). В районе таза находилось круглое бронзовое зеркало (рис. 10, 48), на котором лежал костяной «нож» с циркульным орнаментом (рис. 10, 35). Под зеркалом были выявлены остатки кожи и низка бусин (конические бронзовые и круглые из белой пасты, сердолика и зеленоватого камня) (рис. 10, 22). Такая же низка бусин зафиксирована под левой плечевой костью (рис. 10, 23). В ногах у погребенных «Г» и «Д» найдены кости двух молодых коров (две ноги, две лопатки, пять ребер). Между восточной стенкой клетки и бортом ямы находились обломки сосуда «д», орнаментированного параллельными желобками под венчиком (рис. 10, 52), и две полусферические бронзовые бляшки (рис. 10, 39, 40), а в восточном углу — бронзовый топор с остатками деревянной рукояти (рис. 10, 36). В северо-западном углу в норе грызуна обнаружено бронзовое четырехгранное шило (рис. 10, 54).

Могила 2 находилась в юго-восточном углу ограды, по линии южной стенки, в насыпи (до уровня древней поверхности) (рис. 7, 1). Сохранившиеся остатки перекрытия из камней и плиток были смещены, под ними найдены разрозненные кости ребенка (около 1 г.). Вероятно, ограбление могилы произошло в древности. По местоположению костей были условно определены границы овальной ямы (0,6 × 0,9 м), ориентированной по оси ЮЗ–СВ. Погребального инвентаря в мог. 2 не обнаружено.

Могила 3 была расположена в 4 м к ЮВ от юго-восточного угла мог. 1, за пределами каменной ограды (рис. 7, 1). Овальная яма (0,4 × 0,7 м) была ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В мог. 3 находились останки новорожденного. Могила была потревожена грызунами; судя по оставшимся *in situ* фрагментам черепа и костям ног, погребенный был положен головой на СВ. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила 4 находилась в 0,5 м к В от мог. 3. Прямоугольная могильная яма (0,45 × 0,65 м, глубиной 0,08–0,10 м) была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Могила ограблена, каменное перекрытие из небольших плиток разбросано, в яме ничего не обнаружено.

Могила 5 была расположена в 1 м к ЮВ от юго-восточного угла мог. 1. Размеры могилы — около 0,15 × 0,35 м. У западной стенки были обнаружены череп новорожденного и остальные кости скелета, разбросанные грызунами.

За пределами ограды кургана с восточной стороны находились три округлые каменные пристройки (мог. 6–8).

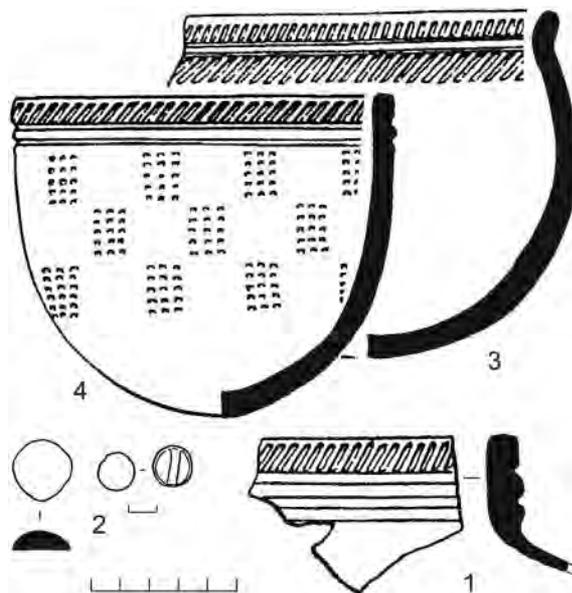
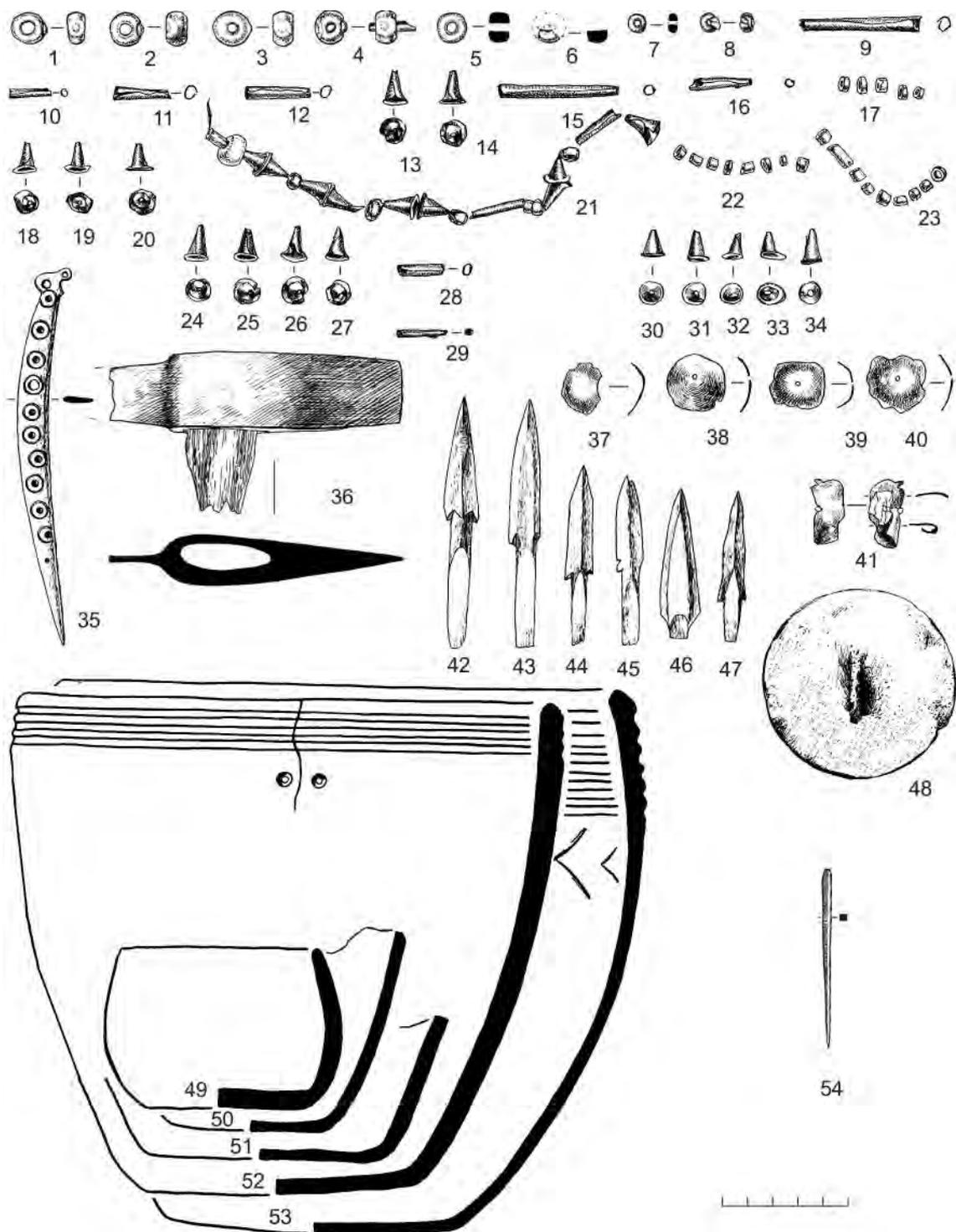

Рис. 9. Могильник Колок, кург. 10, находки: 1 — венчик (разрушенная центральная могила периода поздней бронзы); 2 — бляшки (мог. 6); 3 — сосуд (мог. 6); 4 — сосуд (мог. 7). 1, 3, 4 — керамика; 2 — бронза

Fig. 9. Kolok cemetery, barrow 10, finds: 1 — rim (destroyed central grave of the Late Bronze period); 2 — plaques (grave 6); 3 — vessel (grave 6); 4 — vessel (grave 7). 1, 3, 4 — ceramics; 2 — bronze

Рис. 10. Могильник Колок, кург. 10, мог. 1, находки: 1–8 — круглые бусины; 9–12, 15, 16, 28, 29 — цилиндрические пронизки; 13, 14, 18–20, 24–27, 30–34 — конические пронизки; 17, 21–23 — низки бусин; 35 — нож; 36 — топор с остатками рукояти; 37–40 — полусферические бляшки; 41 — обоймица (?); 42–47 — наконечники стрел; 48 — зеркало; 49–53 — сосуды (49 — «а»; 50 — «б»; 51 — «г»; 52 — «д»; 53 — «в»); 54 — шило. 1–8 — паста; 9–16, 18–20, 24–34, 37–40, 48, 54 — бронза; 35, 42–47 — кость; 36 — бронза, дерево; 49–53 — керамика

Fig. 10. Kolok cemetery, barrow 10, grave 1, finds: 1–8 — round beads; 9–12, 15, 16, 28, 29 — cylindrical pendants; 13, 14, 18–20, 24–27, 30–34 — conical pendants; 17, 21–23 — stretches of beads; 35 — knife; 36 — axe with handle remains; 37–40 — semispherical plaques; 41 — ferrule (?); 42–47 — arrowheads; 48 — mirror; 49 — vessel “a”; 50 — vessel “b”; 51 — vessel “g”; 52 — vessel “d”; 53 — vessel “v”; 54 — awl. 1–8 — paste; 9–16, 18–20, 24–34, 37–40, 48, 54 — bronze; 35, 42–47 — bone; 36 — bronze, wood; 49–53 — ceramics

Могила 6 (рис. 7, 1) — самая южная из трех могил, пристроенных к восточной стенке ограды кургана. Вокруг нее была сооружена небольшая квадратная каменная ограда (1,4 × 1,4 м). В центре ее находилась прямоугольная могила (0,5 × 0,9 м, глубиной 0,15 м), перекрытие которой было сделано из небольших плит. Могила разграблена. На дне в центре стоял круглодонный сосуд, орнаментированный под венчиком двумя горизонтальными полосами косых насечек и двумя желобками между ними (рис. 9, 3). К северо-востоку от сосуда были разбросаны кости новорожденного (фрагменты черепа, длинные кости, несколько ребер), среди которых обнаружены две бронзовые круглые бляшки с петельками на обратной стороне (рис. 9, 2). Судя по расположению костей, ребенок был захоронен головой на 3-ЮЗ.

Могила 7 располагалась на 0,4 м севернее мог. 6 (рис. 7, 1). Вокруг нее была сооружена ограда (0,6 × 1,6 м) из камней, аналогичная ограде мог. 6. В центре ограды находилась прямоугольная мог. 7 (0,45 × 0,60 м, глубиной 0,15 м). Могила потревожена, покрытие из плит сохранилось лишь в центральной части. На дне мог. 7 находилось скопление костей новорожденного ребенка и лопатка барана, а в юго-восточном углу — круглодонный сосуд, орнаментированный под венчиком горизонтальной полосой из косых насечек и двух параллельных желобков под ней (рис. 9, 4).

Могила 8 вплотную примыкала к ограде мог. 7 с севера (рис. 7, 1). Ограда (1,6 × 1,8 м) была сложена из крупных плит и камней. В центре ее находилась прямоугольная мог. 8 (0,5 × 0,8 м, глубиной 0,2 м), вытянутая по оси 3–В. Перекрытие из плит и камней было потревожено, на дне зафиксированы несколько фрагментов черепа и бедренная кость новорожденного. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Могила 9 находилась у северной стенки ограды кург. 10, с внутренней стороны (рис. 7, 1). Прямоугольное каменное перекрытие (0,8 × 1,0 м) производило впечатление нетронутого, так как камни достаточно плотно прилегали друг к другу. Под перекрытием находилась прямоугольная могила (0,5 × 0,7 м, глубиной 0,3 м), вытянутая по оси ЮЗЗ–СВВ. На дне в западной части могилы найден череп двухлетнего ребенка, восточнее — отдельные кости в беспорядке, видимо, перемещенные грызунами. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Могила 10 располагалась на выкиде из мог. 1, между ее северо-восточным углом и восточной стенкой каменной ограды (рис. 7, 1). В могиле найдено компактное скопление костей новорожденного (обломки черепа, ребра, бедренной, тазовой костей). По-видимому, они были захоронены в мешочке или коробе из органического материала.

Могила 11 находилась в грабительской яме мог. 1 среди камней перекрытия на глубине 1 м от уровня поверхности кургана (рис. 7, 1). Это было захоронение ребенка, уложенного головой на ЮВ. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Могила 12 располагалась в 1 м к Ю от мог. 1. Погребение совершено в прямоугольной яме (1,05 × 1,55 м, глубиной 0,16 м), вытянутой по оси ЮЗЗ–СВВ (рис. 7, 1). Перекрытие из больших глыб и плит было смещено в южную часть, под ним находилось деревянное

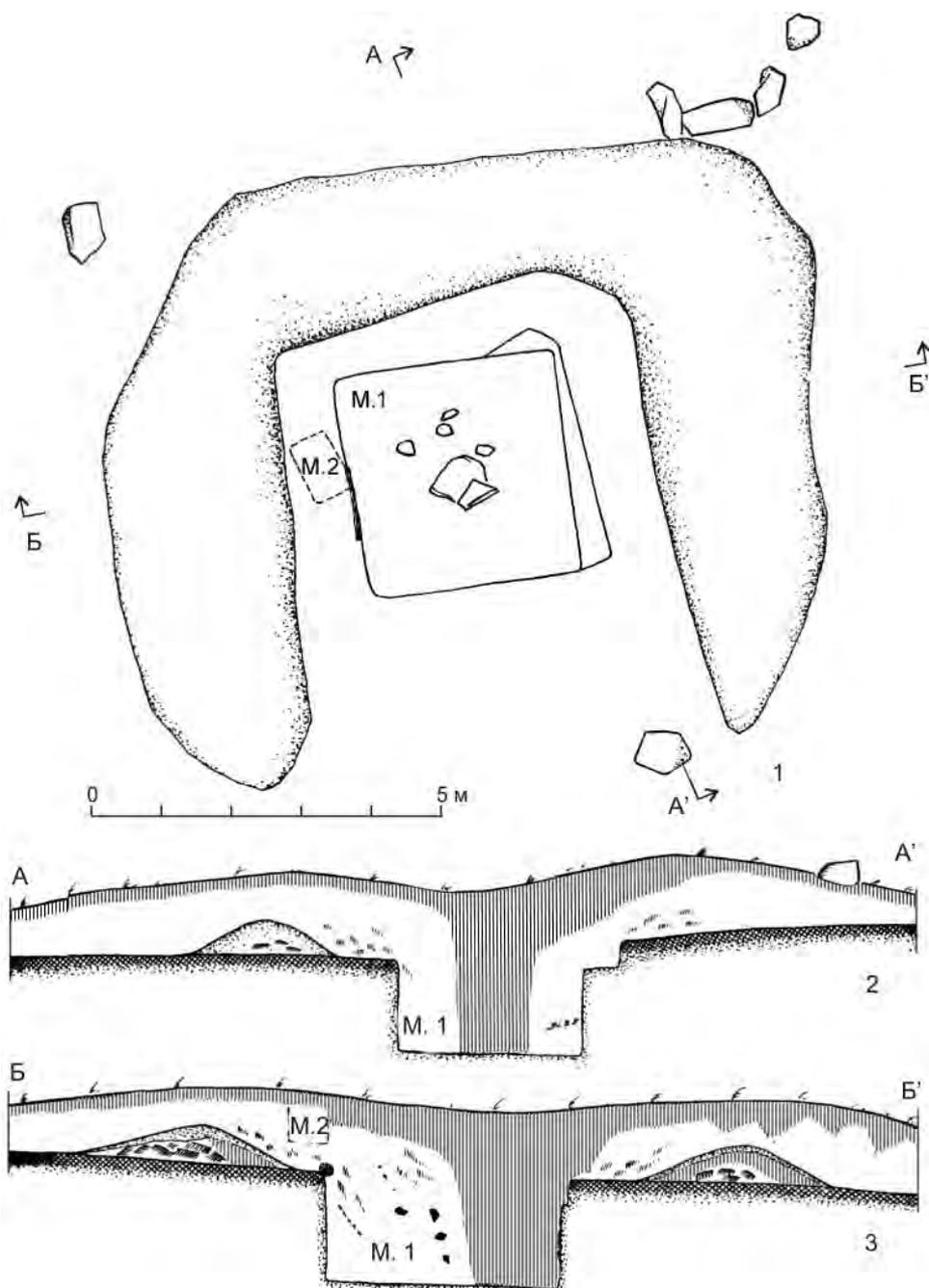

Рис. 11. Могильник Колок, кург. 11: 1 — план кургана; 2, 3 — разрезы А-А' и Б-Б'
 Fig. 11. Kolok cemetery, barrow 11: 1 — plan; 2, 3 — cross-sections A-A' and B-B'

перекрытие из тонких бревен, сохранившееся не полностью (в основном под большой плитой в западной части могилы). Бревна были уложены по оси ЮЗЗ-СВВ. На дне могилы была установлена деревянная рама (из бревен толщиной до 0,1 м). В могиле был захоронен ребенок (7-8 л.), который лежал на спине головой на ЮЗЗ, руки были раскинуты в стороны. Севернее погребенного найдены кости барана (кости ног, лопатка, несколько ребер), а в юго-западном углу могилы — донная часть баночного сосуда.

Анализ археологического материала и особенностей погребального обряда позволяют реконструировать следующую последовательность захоронений: первоначально была со-

оружена каменная ограда периода поздней бронзы (X–IX вв. до н. э.) с одной центральной могилой, затем к ней были пристроены детские могилы (мог. 6–8). Позднее, на раннем этапе тагарской культуры (подгорновский этап, VII–VI вв. до н. э.), центральная могила была ограблена, углублена и в ней установлен деревянный сруб. В срубе было совершено захоронение пяти человек с сопроводительным инвентарем. Затем было сделано перекрытие из бревен в два наката, а сверху его заложили дерном. Могилы 9 и 12, по-видимому, сооружены позднее, но в тагарское время. Еще позднее, в тесинское время (II–I вв. до н. э.)⁴, более ранние тагарские могилы были ограблены и произведено захоронение детей в разных частях кургана (мог. 2–5, 10, 11).

Курган 11 находился в 375 м к 3 от кург. 9 и 10. Курган был сильно распахан, поэтому его размеры условны: зафиксирована насыпь округлой формы диаметром около 20,0 м и высотой 1,5 м (рис. 11). В южной части насыпи кургана стоял камень. В центре находились остатки грабительского лаза.

Стратиграфия кургана (рис. 11, 2, 3): в верхней части представлен гумусный слой (толщиной 0,25–0,50 м), под ним в два-три ряда были уложены древние дерновые пласты (общей толщиной до 0,5 м), ниже находились остатки берестяного покрытия (в два слоя). На расстоянии 0,7 м от края ямы к 3 и В находился материковый выкид, внутри которого также прослеживались куски дерна. Это показывает, что сначала над предполагаемой могилой вырезался дерн, а затем выбирался материковый грунт, который выбрасывали на борта могилы с трех сторон. В кургане обнаружено две могилы.

Могила 1 находилась в центре кургана. Квадратная яма (3,3 × 3,3 м, глубиной 1,5 м) была ориентирована стенками по сторонам света. Перекрытие могилы, судя по сохранившимся участкам, было деревянным, в два наката, бревна были уложены перпендикулярно друг к другу. Над накатом сохранились обрывки бересты (рис. 12). Могила ограблена в древности. В заполнении могильной ямы зафиксированы небольшое количество камней, фрагменты деревянного перекрытия, а также клык кабарги с отверстием, бронзовые шило и два ножа (рис. 13, 3–6), кости людей (14 бедренных, семь больших берцовых, 10 плечевых, шесть локтевых и одна лучевая) и животных (астрал лошади, фрагмент челюсти и голень крупного парнокопытного).

На дне могилы сохранились незначительные фрагменты деревянного сруба в два венца (2,6 × 2,6 м, толщина бревен — 0,15–0,20 м). Между срубом и стенками грунтовой ямы были зафиксированы вертикальные деревянные столбики тына (диаметром до 0,10–0,15 и высотой до 0,50 м). Деревянный пол могилы сохранился только в ее южной части и представлял собой уложенные рядами в направлении С–Ю плахи или доски (толщиной до 0,03 м). В северо-восточном и северо-западном углах, между западной стенкой и срубом, а также вдоль южной стенки сруба были обнаружены скопления человеческих костей. Вдоль южной стенки лежали в сочленении кости двух стоп, обломок лучевой

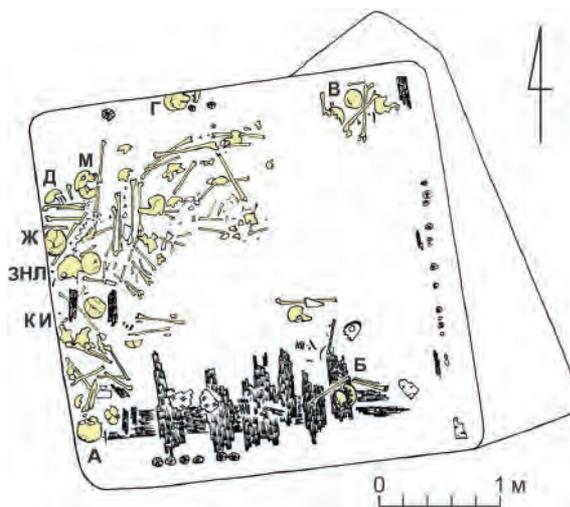

Рис. 12. Могильник Колок, кург. 11, мог. 1, план дна

Fig. 12. Kolok cemetery, barrow 11, grave 1, plan of the bottom

⁴ Н. Ю. Кузьмин в своей монографии памятники этого периода по совокупности всех источников объединяет в единую тесинскую культуру и датирует ее концом III в. до н. э. — началом III в. н. э. (Кузьмин 2011). Эта точка зрения пока не принята всеми специалистами, поэтому в настоящей статье используются традиционные датировки тесинского этапа.

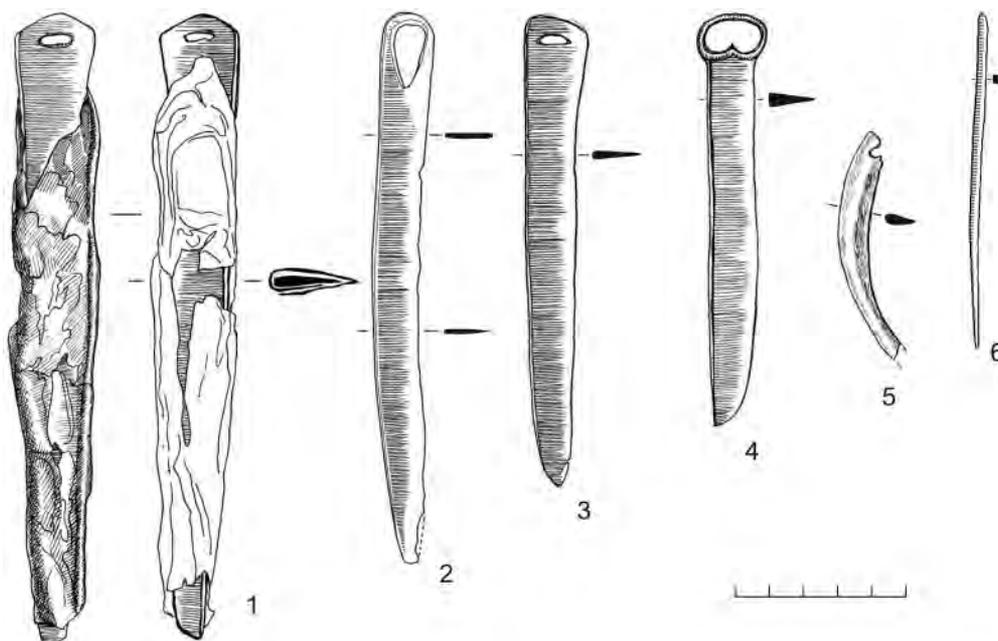

Рис. 13. Могильник Колок, кург. 11, мог. 1, находки: 1–4 — ножи; 5 — клык кабарги с отверстием; 6 — шило. 1–4, 6 — бронза; 5 — кость

Fig. 13. Kolok cemetery, barrow 11, grave 1, finds: 1–4 — knives; 5 — musk deer canine with perforation; 6 — awl. 1–4, 6 — bronze; 5 — bone

и малой берцовой погребенного «А» (взрослый мужчина?). Восточнее находилось скопление костей погребенного «Б» (женщины 20–25 л.). В северо-восточном углу в беспорядке — кости погребенного «В» (женщины 15–16 л.) и кости ног и рук двух взрослых мужчин. Между северной стенкой ямы и тыном лежал череп погребенного «Г» (мужчины старше 60 л.). В северо-западном углу находилось большое скопление костей нескольких погребенных. Некоторые кости находились в сочленении; вероятно, ограбление происходило в тот момент, когда мягкие ткани и сухожилия еще не полностью разложились. Среди костей в разных местах найдены фрагменты проволочной гривны и бронзовый нож (рис. 13, 2).

Между западной стенкой ямы и срубом были уложены несколько погребенных. Поверх всех лежали кости скелета «Д» (мужчины старше 60 л.), ориентированного головой на С. Под ним находились кости погребенного «Е» (женщины 25–40 л.). Севернее от них — кости погребенного «Ж» (женщины 25–40 л.), положение которых позволяет сделать вывод о первоначально сидячей позе умершей. Под костями скелета «Ж» находились кости погребенного «З» (женщины 25–40 л.), а под ними — кости погребенного «Н». Севернее этого скопления костей находился череп (женщины 25–40 л.) с заросшим рубцом от хирургической операции на лбу (желоб 0,25 × 0,45 м и глубиной до середины кости). Южнее костей погребенных «Н» и «З» был обнаружен череп скелета «Л» (мужчины 40–60 л.). Здесь же находились останки погребенного «К» (женщины 25–40 л.), которая была уложена на спину головой на Ю. Между черепом погребенной и срубом были обнаружены череп и несколько ребер погребенного «И» (ребенка около 1 г.). Такие же детские кости были найдены в северо-восточном углу сруба в районе черепа погребенного «В».

В могиле также находились кости животных: между грудной клеткой погребенного «К» и стенкой ямы — метаподий мелкого парнокопытного; среди северо-восточного скопления костей — плечевая кость коровы и бедренная кость МРС. У погребенного «К» был найден бронзовый нож в кожаном меховом чехле (рис. 13, 1).

Таким образом, в мог. 1 было захоронено не менее 15 взрослых и двое детей. Вероятно, могила была ограблена дважды. Первый раз — вскоре после ее устройства, а во второй — когда мягкие ткани уже разложились. По погребальному обряду и инвентарю эта могила относится к сарагашенскому этапу тагарской культуры IV–III вв. до н. э.

Могила 2 была устроена между выкидом и западным краем ямы мог. 1. Прямоугольная могильная яма (0,6 × 1,0 м, глубиной 0,8 м от уровня современной поверхности) была впущена в насыпь кургана в более позднее время. На дне находились останки взрослого мужчины, который был уложен на живот со слегка поджатыми ногами, согнутыми в локте и заведенными за спину руками (которые, видимо, были связаны). Отсутствовали мелкие кости кистей и стоп, ребра и правая половина скелета. Время захоронения определить не удалось, так как никаких предметов не обнаружено.

* * *

Изученные курганы могильника Колок необходимо рассматривать как три комплекса, различившихся между собой как по топографии (кург. 9 и 10 стояли выше по склону, кург. 11 — в стороне), так и в культурно-хронологическом отношении. В совокупности материалы трех курганов отражают хронологический период длиной почти в тысячелетие: в X–IX вв. до н. э. (конец периода поздней бронзы — каменноложский этап карасукской культуры) был сооружен кург. 10 и мог. 1, 6–8; в VII–VI вв. до н. э. (подгорновский этап тагарской культуры) мог. 1 была разграблена и на ее месте сооружена другая могила, в которой были захоронены пять человек; в VI–V вв. до н. э. (биджинский этап тагарской культуры) был построен кург. 9, где в деревянном срубе мог. 1 поэтапно было захоронено восемь взрослых и четыре ребенка; в IV–III вв. до н. э. в отдалении была сооружена мог. 1 в кург. 11 (лепешкинский этап тагарской культуры) с массовым захоронением (15 взрослых и двое детей). Анализ сопроводительного инвентаря не противоречит предложенной очередности сооружения курганов и могил, но в то же время свидетельствует о не очень большом хронологическом разрыве между ними. Также не исключено, что некоторые склепы какое-то время функционировали одновременно. Однако если материалы кург. 9 и 10 демонстрируют достаточно типичный для подгорновского и сарагашенского этапов погребальный обряд, конструкции могил и инвентарь (бронзовые изделия, посуду, украшения), то кург. 11 имеет признаки, характерные для более позднего таштыкского времени (тын из вертикальных столбов между стенками сруба и ямы), что омолаживает этот комплекс.

Во II–I вв. до н. э. (тесинское время) во все курганы были впущены захоронения, в основном детей (кург. 9, мог. 2, 3; кург. 10, мог. 2–5, 9–12; кург. 11, мог. 2).

Могильник Маяк-1

Могильник Маяк-1 впервые начала исследовать Средне-Енисейская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР в 1979 г., когда был раскопан небольшой кург. 6 (Пшеницына, Поляков 1980). Этот курганный могильник расположен в 600 м юго-западнее Саяногорска, на распахиваемом поле, севернее дороги Саяногорск — Калы — Бея. С севера могильник ограничен промышленной застройкой, с востока и запада — лесополосой и дачными постройками, с юга — автотрассой (рис. 14).

Могильник Маяк-1 состоит из 11 курганов, которые представляют собой земляные насыпи высотой от 0,4–0,7 до 3,0–4,0 м, диаметром от 20 до 45–50 м. Основная цепочка курганов вытянута по оси С–Ю. Кург. 10 находился в южной части могильника, между большими кург. 5 и 8, в 115 м к С от дороги Саяногорск — Калы. Могильник интенсивно распахивался, от распашки особенно пострадали малые курганы. Затем эта территория была засажена лесополосами и впоследствии отдана под приусадебные участки местным жителям. Поэтому у больших курганов распахивались их полы, а у курганов меньшего размера — вся насыпь.

Кург. 10 раскопан в 2010 г., так как через его насыпь проходила проселочная дорога, что обусловило необходимость его скорейшего изучения (рис. 15).

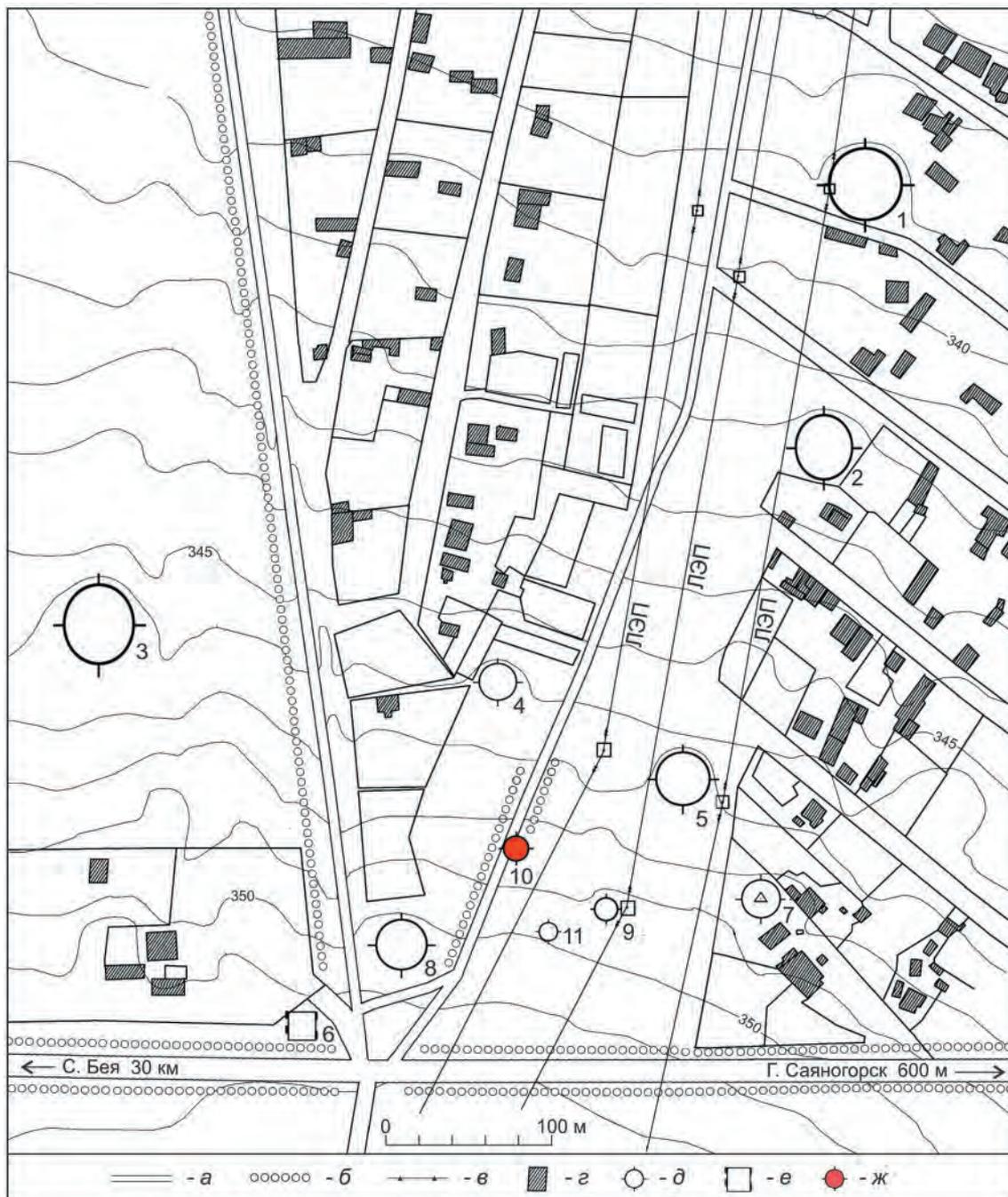

Рис. 14. Могильник Маяк-1, план: 1-11 — номера курганов (а — дорога с асфальтовым покрытием; б — лесополоса; в — линия электропередачи; г — дачные строения; д — курганы; е — курган, раскопанный в 1979 г.; ж — курган, раскопанный в 2010 г.)

Fig. 14. Mayak-1 cemetery, plan: 1-11 — the numbers of the barrows (a — asphalt road; б — wood line; в — power line; г — summer houses; д — barrows; е — barrow excavated in 1979; ж — barrow excavated in 2010)

Курган 10 до начала работ имел невысокую округлую насыпь диаметром 19–20 м и высотой 0,4 м (рис. 15). Поскольку он интенсивно распахивался и через него проходила искусственная лесополоса (впоследствии частично вырубленная), скорее всего высота кургана в древности была не менее 1 м. В насыпи кургана не прослеживались камни ограды, что иногда встречается в районе предгорий Джойского хребта. Не исключено, что ограда была сделана из дерна или дерева, но в связи с интенсивной распашкой ее следы не сохранились. Например, камни ограды практически отсутствовали на могильнике Медведка II и других могильниках, также расположенных у подножья Джойского хребта, ближе к д. Калы (Бокоренко, Красниенко 1988).

Подквадратная *могила 1* (4,0 × 4,0 м, глубиной 0,90–1,23 м от верхнего уровня древней погребенной поверхности) была ориентирована стенками по сторонам света. Перекрытие

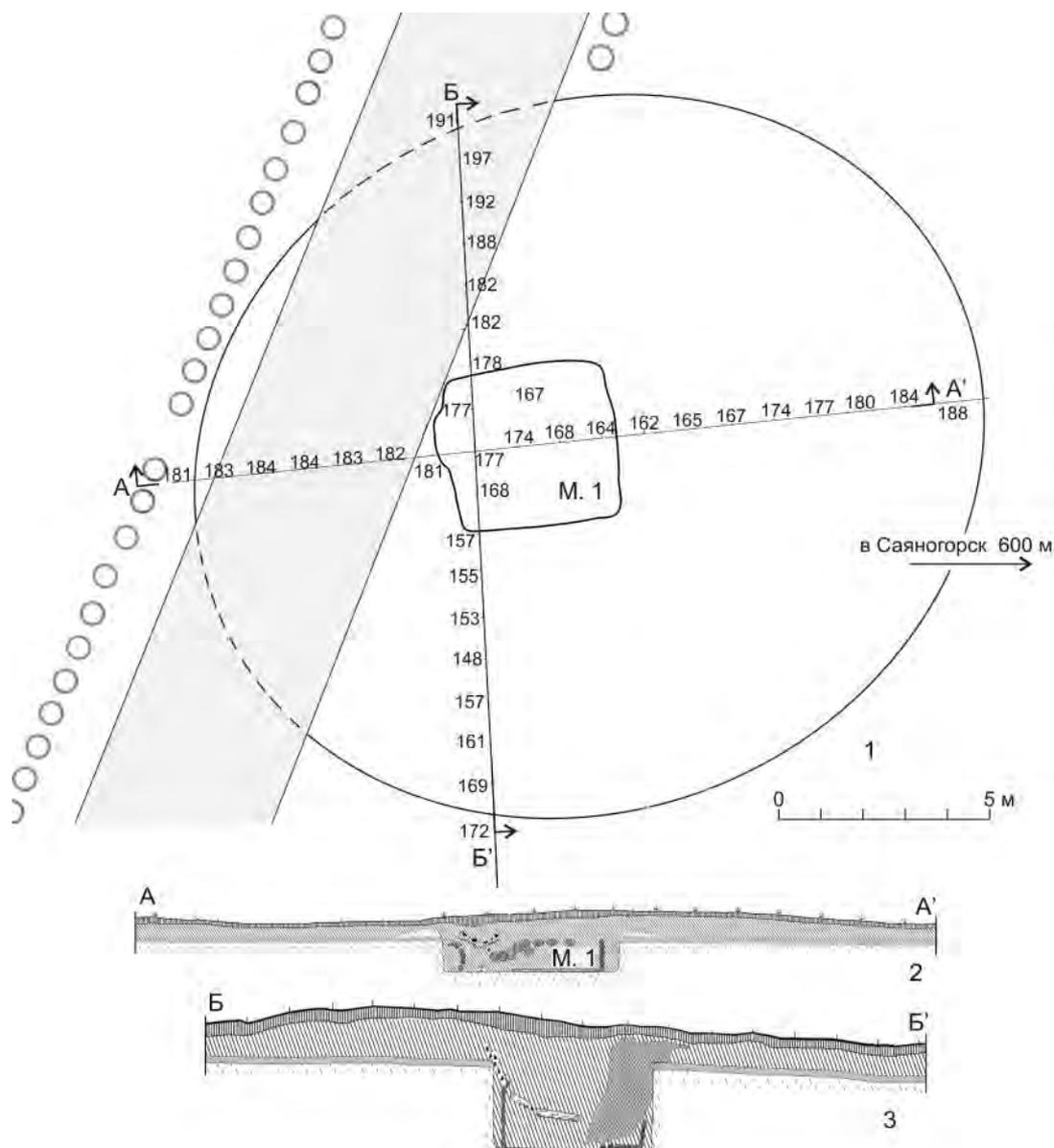

Рис. 15. Могильник Маяк-1, кург. 10: 1 — план кургана; 2, 3 — разрезы А-А' и Б-Б' (М. — могила)

Fig. 15. Mayak-1 cemetery, barrow 10: 1 — plan; 2, 3 — cross-sections A-A' and B-B' (M. — grave)

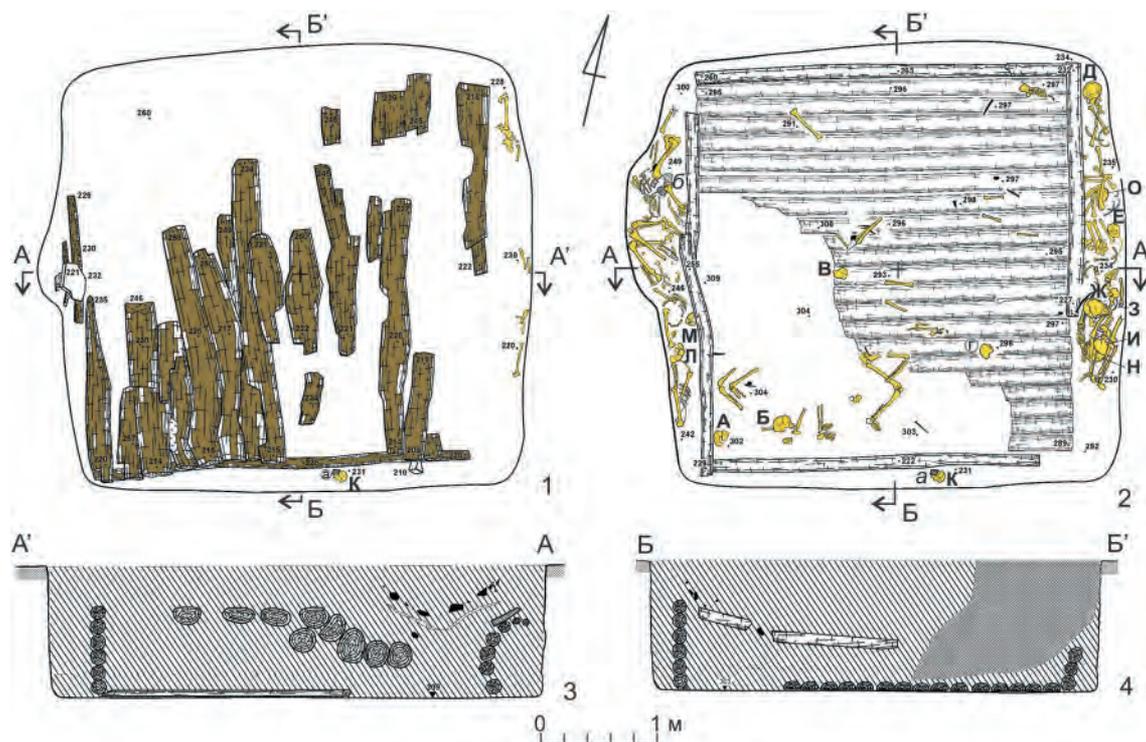

Рис. 16. Могильник Маяк-1, кург. 10, планы: 1 — деревянное перекрытие; 2 — дно могилы (А–О — черепа; а–б — керамические сосуды); 3, 4 — разрезы

Fig. 16. Mayak-1 cemetery, barrow 10, plans: 1 — wooden cover; 2 — grave bottom (A–O — skulls; a–b — ceramic vessels); 3, 4 — cross-sections

могила состояло из бревен толщиной до 0,2–0,3 м в диаметре и длиной до 2,0–3,0 м, уложенных по оси С–Ю. Перекрытие сохранилось в основном в южной части могилы (рис. 16).

На дне ямы был сооружен деревянный пол из 20 круглых бревен (в диаметре до 0,10–0,15 м), уложенных по оси З–В (рис. 16). На них был поставлен сруб (3,5 × 3,5 м, высотой 0,84–0,90 м, из шести венцов) из толстых лиственничных бревен (до 0,3 м в диаметре). Врубка бревен по углам сруба была сделана в полбревна. Деревянное перекрытие и сруб имели следы сильного огня: на северной и западной стенках ямы прослеживались ярко-красные пятна прокала грунта, а верхние венцы сруба выгорели. Могила ограблена в древности. Грабительская яма зафиксирована в северной части могилы. В ее заполнении на разных уровнях (0,25–0,68 м от уровня погребенной поверхности) были найдены фрагменты деревянного перекрытия, разрозненные кости (рук, ног, ребра, позвонки и т. п.) половозрелых людей и различные вещи: бронзовые пружинные пронизки и одна полусферическая бляшка (рис. 17, 27).

В южной и западной частях могилы на дне в сочленениях сохранились *in situ* кости ног трех взрослых погребенных («А», «Б», «В») и фрагмент черепа четвертого погребенного «Г» (рис. 16). Расположение костей позволяет установить позу погребенных. Погребенный «А» был уложен вдоль западной стенки сруба с согнутыми в коленях ногами, головой на С. Правее от него погребенный «Б» (центральный) и погребенный «В» (восточный) также были уложены головой на С. В юго-западном углу лежали два черепа от скелетов «А» и «Б», второй был обожжен. У ног погребенного «А» были обнаружены бронзовые круглое зеркало (рис. 17, 31), шило с круглой шляпкой (рис. 17, 22) и нож (рис. 17, 3). У западной стенки сруба — бронзовый нож (рис. 17, 8). В районе таза скелета «В» найден бронзовый нож с остатками деревянных ножен (рис. 17, 12, 13), у колена — шило плохой сохранности.

В центральной части могилы обнаружены в сочленении кости правой руки взрослого человека. Рядом лежали бронзовые нож (рис. 17, 1), шило (рис. 17, 21), круглое зеркало (рис. 17, 32) и фрагмент подвески-амулета плохой сохранности (рис. 17, 18). По всему полу были зафиксированы отдельные кости рук и ног без сочленений. В северо-восточном углу была обнаружена стопа взрослого человека, в 0,25 м юго-западнее от нее на полу — бронзовый нож (рис. 17, 7), под бревном пола — бронзовые нож (рис. 17, 17) и шило с кольцевидным навершием (рис. 17, 11). В самом углу, под бревнами, был обнаружен бронзовый кельт с ушками (рис. 17, 19). У восточной стенки сруба на полу находились бронзовые нож (рис. 17, 2), шило (рис. 17, 20) и вток (рис. 17, 23). Под восточной стенкой сруба, впритык к ней, ближе к юго-восточному углу — вток от чекана с остатками деревянной рукояти (рис. 17, 10), здесь же под полом — бронзовый чекан с навершием в виде козлика (рис. 17, 9). Южнее втока на 0,4 м в щели между бревнами была обнаружена бронзовая бляха в виде лежащего оленя (рис. 17, 33). В 0,5 м к 3 от восточной стенки сруба находился фрагмент черепа погребенного «Г», рядом с ним — костяной гребень с циркульным орнаментом (рис. 17, 34). В юго-восточном углу в норе грызуна при выборке заполнения были обнаружены костяная ворворка (рис. 17, 26) и бараний альчик с отверстием в центре (рис. 17, 24).

За восточной стенкой сруба находились кости не менее семи погребенных («Д», «Е», «Ж», «З», «И», «Н», «О»), отдельные части которых были зафиксированы в сочленениях (руки, ноги, части позвоночных столбов), что позволяет говорить, что они были помещены туда, когда мягкие ткани и сухожилия еще полностью не разложились. Останки были уложены до самого верха сруба таким образом, что кости заполняли все пространство между стенкой сруба и бортом ямы. У черепа погребенного «Ж» находился бронзовый пластинчатый нож с кольцевым навершием на рукояти (рис. 17, 15). В нижней части скопления были обнаружены различные ножи (рис. 17, 4, 16, 17).

Аналогичная ситуация была прослежена за западной стенкой сруба, куда также были помещены останки погребенных. Здесь были зафиксированы как части скелетов в сочленении, так и отдельные разрозненные кости от не менее чем девяти погребенных («Л», «М», «П», «Р», «С», «Ц», «У», «Ф», «Х»). В северо-западной части среди костей были обнаружены бронзовые нож (рис. 17, 14) и круглое зеркало (рис. 17, 30), у черепа погребенного «Л» — бронзовая круглая ворворка (рис. 17, 25), в ногах погребенного «М» — обломки темно-коричневого сосуда «б» с небольшим поддоном (рис. 18, 1а, 1б). Череп взрослого погребенного «Ц» был пробит металлическим оружием (чеканом, кельтом или топором). Отверстие не заросло, что позволяет предположить смерть погребенного от нанесенной раны. Некоторые черепа («М», «Р») были сильно обожжены и приобрели темный цвет. За южной стенкой сруба были обнаружены отдельные кости двух погребенных — взрослого «Щ» и ребенка «К». Здесь же находился обломок стенки красноглиняного сосуда «а» (рис. 18, 2).

Расположение костей в могиле позволяет реконструировать погребальный обряд и ситуацию с перемещением погребенных за сруб. Первоначально в могиле было захоронено не менее 18 человек. Их положение зафиксировать не удалось, но традиционно в тагарской культуре для этого времени погребенных укладывали на спине в вытянутом положении. Спустя какое-то время, когда сухожилия еще не полностью разложились, пространство внутри могилы было очищено для нового погребения: кости были перемещены за восточную, западную и южную стенки сруба. Часть костей и отдельные вещи от прежних погребенных при этом остались на деревянном полу. Новых погребенных («А», «Б», «В») уложили у южной стенки головой на С с согнутыми в коленях ногами. Спустя некоторое время могила была ограблена и, видимо, подожжена (не исключено, что случайно), о чем свидетельствуют сильно обожженные кости людей.

По внешним признакам данный археологический памятник относится к сарагашенскому этапу тагарской культуры (V–IV вв. до н. э.). Аналогичные погребальные сооружения встречены на могильниках Медведка II (Бокоренко, Красниенко 1988), Дальний и других,

Рис. 17. Могильник Маяк-1, кург. 10, находки: 1-8, 13-17 — ножи; 9 — чекан; 10 — вток с остатками рукояти; 11, 20-22 — шилья; 23 — вток; 12 — ножны; 18 — подвеска-амулет; 19 — кельт; 24 — альчик; 25, 26 — ворворки; 27, 28 — пружинные пронизки; 29 — полусферическая бляшка; 30-32 — зеркала; 33 — бляха; 34 — гребень. 1-9, 11, 13-23, 25, 27-33 — бронза; 10 — бронза, дерево; 12 — дерево; 24, 26, 34 — кость

Fig. 17. Mayak-1 cemetery, barrow 10, finds: 1-8, 13-17 — knives; 9 — pickaxe; 10 — socket with handle remains; 11, 20-22 — awl; 23 — socket; 12 — sheath; 18 — pendant-amulet; 19 — celt; 24 — shagai (astragalus); 25, 26 — vorvorkas; 27, 28 — spring pendants; 29 — semispherical plaque; 30-32 — mirrors; 33 — plaque; 34 — comb. 1-9, 11, 13-23, 25, 27-33 — bronze; 10 — bronze, wood; 12 — wood; 24, 26, 34 — bone

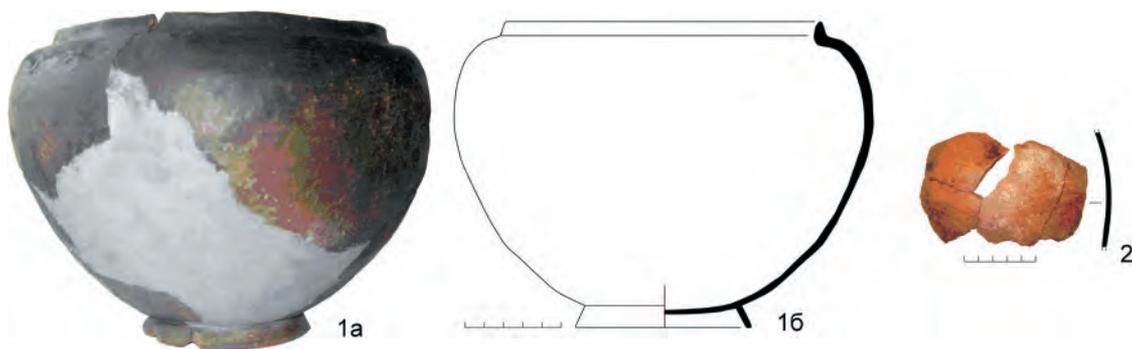

Рис. 18. Могильник Маяк-1, кург. 10, керамика: 1а, 1б — фото и прорисовка сосуда «б»; 2 — обломки сосуда «а»

Fig. 18. Mayak-1 cemetery, barrow 10, pottery: 1a, 1b — photo and drawing of vessel “б”; 2 — vessel “а”

расположенных к 3 от могильника Маяк-1. Все они также датируются одним временем. Достаточно типичен для этого этапа и погребальный инвентарь: ножи, шилья, бляшки и бляха в виде оленя, типы сосудов. Особенно выделяются вещи, украшенные звериными образами: прежде всего нагрудная бляха в виде изящно исполненного лежащего оленя и чекан с фигуркой козла. Аналогичные изображения оленей можно встретить во многих археологических комплексах Среднего Енисея (Завитухина 1983: рис. 95 и сл.; Боковенко, Красниенко 1988: рис. 7).

Абсолютные и калиброванные датировки памятника, полученные в лаборатории ИИМК РАН с помощью радиоуглеродного метода (табл.), вполне согласуются с археологическими датами (Алексеев и др. 2005; Поляков, Святко 2009).

Таблица. Радиоуглеродные даты могильников Колок и Маяк-1

Индекс лаборатории	Место взятия образца	Материал образца	Абсолютная дата, лет назад	Калиброванная дата, гг. ВС (2σ, с вероятностью 92,2 %)
Могильник Колок				
Ле-1863	Кург. 9, мог. 1	Дерево сруба	2400 ± 50	760–390
Ле-2095	Кург. 9, мог. 1	Дерево сруба	2380 ± 40	740–380
Ле-2096	Кург. 10, мог. 1	Дерево перекрытия	2430 ± 20	740–400
Ле-1862	Кург. 10, мог. 1	Дерево сруба	2830 ± 50	1130–830
Могильник Маяк-1				
Ле-9292	Кург. 10, мог. 1	Уголь деревянного перекрытия	2375 ± 25	520–380

Заключение

Таким образом, материалы, полученные при раскопках могильников Колок и Маяк-1, являются важным археологическим источником новых сведений о развитии погребальной обрядности скифской эпохи южной части Хакасско-Минусинской котловины. В этом микрорайоне прослеживается последовательность развития погребальных конструкций и обряда на протяжении нескольких сотен лет.

1. Эпоха поздней бронзы (XI–IX вв. до н. э.) (Колок, кург. 10, мог. 1, 6–8). Индивидуальные захоронения совершали в каменных квадратных оградах из горизонтально уложенных плит, в неглубоких обширных могилах, куда ставили деревянные клетки, перекрытые деревянным накатом (см. также: Боковенко, Сорокин 1995). Детские могилы пристраивали с востока, с внешней стороны ограды.

2. Подгорновский этап тагарской культуры (VII–VI вв. до н. э.) (Колок, кург. 10, мог. 1). Коллективные захоронения (до 6 чел.) совершали в более глубоких прямоугольных могилах,

куда устанавливали деревянный сруб (высотой в шесть и более венцов), погребенных укладывали на спине головой в западном направлении, перекрытие могил бревенчатое, в 2–3 наката, сверху — перекрытие из плит.

3. Биджинский этап тагарской культуры (VI–V вв. до н. э.) (Колок, кург. 9, мог. 1). Коллективные захоронения (12 чел. и более) совершались в квадратных могилах, куда устанавливался деревянный сруб, погребенных укладывали на спине головой в западном направлении, перекрытие могил бревенчатое и дерновое. В юго-западной части деревянного перекрытия прослеживается специальный лаз для подзахоронений.

4. Сарагашенский этап тагарской культуры (V–IV вв. до н. э.) (Маяк-1, кург. 10, мог. 1). Коллективные захоронения (до 18 чел.) совершались в квадратных могилах, куда устанавливали деревянный сруб с деревянным полом и потолком, погребенных укладывали на спину головой в западном направлении, а при поздних подзахоронениях — и на боку. Останки первоначальных погребенных перемещали в пространство между деревянным срубом и стенкой ямы, а новых усопших укладывали в различных положениях в освободившееся пространство. Перекрытие могил бревенчатое и дерновое.

5. Лепешкинский этап тагарской культуры (IV–III вв. до н. э.) (Колок, кург. 11, мог. 1). Коллективные захоронения (до 17–20 чел.) совершались в квадратных могилах, куда устанавливали деревянный сруб с деревянным полом и потолком, а за срубом сооружался тын из вертикальных бревен. Погребенных укладывали на спину головой в западном направлении, при поздних подзахоронениях первоначальных погребенных могли перемещать в какой-нибудь угол. Перекрытие могил бревенчатое и дерновое.

6. Тесинское время (II–I вв. до н. э.) (Колок, кург. 9, мог. 2, 3; кург. 10, мог. 2–5, 9–12; кург. 11, мог. 2). Во все курганы совершают впускные захоронения, в основном детей.

По материалам раскопок четко прослеживается развитие погребальной обрядности древнего населения I тыс. до н. э. в одном конкретном регионе. В развитии погребальных конструкций тагарской культуры сохраняется преемственность, что свидетельствует об автохтонности населения и передаче этих традиций между поколениями.

Литература

- Алексеев и др. 2005 — Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачёв В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Поснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Боковенко 1981 — Боковенко Н. А. Исследование могильника Колок // АО 1980 года. 1981. С. 167–168.
- Боковенко 1982 — Боковенко Н. А. Исследование курганов в Хакасии // АО 1981 года. 1982. С. 187–188.
- Боковенко, Красиенко 1988 — Боковенко Н. А., Красиенко С. В. Могильник Медведка II // Массон В. М. (отв. ред.). Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири: Сб. ст. Л.: Наука, 1988. С. 23–45.
- Боковенко, Сорокин 1995 — Боковенко Н. А., Сорокин П. И. Новые погребальные памятники начала I тысячелетия до н. э. на юге Хакасии // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Южная Сибирь в древности: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 76–84 (АИ. Вып. 24).
- Гришин 1980 — Гришин Ю. С. О «фигурных» плиточных могилах Забайкалья и Монголии // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 12–15.
- Грязнов 1979 — Грязнов М. П. Введение // Грязнов М. П. (ред.). Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 3–6.
- Завитухина 1983 — Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
- Кузьмин 1988 — Кузьмин Н. Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Массон В. М. (отв. ред.). Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л.: Наука, 1988. С. 55–82.

- Кузьмин 2011 — *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбинского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Лисицын 1983 — *Лисицын Н. Ф.* Краткие итоги работ Среднеенисейской экспедиции // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры евразийских степей: Сб. ст. Л.: Наука, 1983. С. 66–70.
- Массон, Пшеницына 1994 — *Массон В. М., Пшеницына М. Н.* Древности Саяногорска. СПб.: ИИМК РАН, 1994. 24 с.
- Поляков, Святко 2009 — *Поляков А. В., Святко С. В.* Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит — начало железного века) // ТПАИ. 2009. Вып. 5. С. 20–56.
- Пшеницына 1992 — *Пшеницына М. Н.* Комплекс археологических памятников у города Саяногорска на юге Хакасии // Массон В. М., Бочкарёв В. С. (отв. ред.). Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: ТДК. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 21–25 (АИ. Вып. 4).
- Пшеницына, Николаев 1996 — *Пшеницына М. Н., Николаев Н. Н.* Новые памятники скифского времени на юге Хакасии // Массон В. М. (отв. ред.). Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 32–34 (АИ. Вып. 31).
- Пшеницына, Поляков 1980 — *Пшеницына М. Н., Поляков А. С.* Работы в Саяногорске // Там же. С. 229–230.
- Пшеницына, Поляков 1989 — *Пшеницына М. Н., Поляков А. С.* Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 58–66.
- Пшеницына и др. 1980 — *Пшеницына М. Н., Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Поляков А. С.* Работы Среднеенисейской экспедиции // АО 1979 года. 1980. С. 229.

BARROWS NEAR SAYANOGORSK IN THE SOUTH OF KHAKASSIA

N. A. BOKOVENKO

Keywords: *Khakassia, Sayanogorsk, barrows, Late Bronze period, Tagar culture, funeral rite, weaponry, household items.*

The paper introduces the materials of the Kolok and Mayak-1 cemeteries near Sayanogorsk in the south of Khakassia. Their analysis allows to trace a continuous development of burial constructions and funeral rites during the I mil. BC. During the Late Bronze period (XI–IX cc. BC, Kolok cemetery, barrow 10, graves 1, 6–8) burials were individual, made in shallow spacious graves with wooden frames covered with planks. The early Tagar time (Podgornovo stage, VII–VI cc. BC, Kolok cemetery, barrow 10, grave 1) witnessed the birth of the tradition of collective burials (up to 6 persons) in vaults — deeper rectangular graves with a frame of timber placed inside. The buried were placed on their back, with the head directed to the west. The frames were covered with beams. The Bidzha stage (VI–V cc. BC, Kolok cemetery, barrow 9, grave 1) is characterized by the spread of bigger collective burials (12 and more persons) in quadrangular graves with timber frames inside. The buried were placed on their back, with the head directed to the west. The graves were covered with beams and turf. Special access tunnels for additional interments appear at this stage too. Some of the timber frames of the Late Tagar culture (Saragash and Lepeshki stages, V–III cc. BC) have wooden floors (Mayak cemetery, barrow 10, grave 1) and palisades of vertical beams (Kolok cemetery, barrow 11, grave 1). All the Tagar burials of the Tes' stage (II–I cc. BC) contain inlet burials of adults and children (Kolok cemetery, barrow 9, graves 2 and 3; barrow 10, graves 2–5, 9–12; barrow 11, grave 2).

КУРГАН 29 БЕРЁЗОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (РАСКОПКИ М. Н. ПШЕНИЦЫНОЙ 1981 ГОДА): К АТРИБУЦИИ ПОЗДНЕТАГАРСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ В ЛЕСОСТЕПНОМ РАЙОНЕ¹

П. В. GERMAN, А. В. СУББОТИН, Л. Ю. БОБРОВА²

Ключевые слова: Южная Сибирь, Назаровская котловина, Берёзовский курганный могильник, склеп, тагарская культура, лепёшкинский комплекс.

В 1981 г. М. Н. Пшеницына исследовала кург. 29 Берёзовского м-ка на северной границе Назаровской котловины, что завершило исследования одного из крупнейших некрополей тагарской культуры. Под насыпью были вскрыты два погребальных сооружения (рис. 1). Оба склепа содержали значительное количество погребенных: в мог. 1 — останки около 50 человек, в мог. 2 — более 160 скелетов (рис. 2–4). Богатый погребальный инвентарь представлен 66 сосудами и не менее 353 предметами из бронзы, кости, камня и пасты (рис. 5–7). Особенности погребального сооружения и обряда — мощные бревенчатые накаты, тын, береста, несколько слоев погребенных, сожжение склепа — убедительно свидетельствуют о позднеатагарском времени сооружения и функционирования объектов. Характерен для этого времени и погребальный инвентарь, включавший и уменьшенные (вотивные) предметы. Склепы кург. 29 Берёзовского м-ка относятся к лепёшкинской группе памятников позднего этапа тагарской культуры и датируются III–I вв. до н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-132-146

Введение

В марте 2023 г. на симпозиуме № 1 «Полевая археология Южной Сибири», посвященном памяти недавно ушедшей коллеги М. Н. Пшеницыной, авторами настоящей статьи был сделан доклад о раскопках исследовательницы позднеатагарского кургана на м-ке Берёзовский (Шарыповский р-н Красноярского края). Могильник в основном был исследован в 1977–1979 гг. совместными усилиями археологов Ленинграда и Кемерово. В 1981 г. М. Н. Пшеницына (в то время начальник отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского ГУ) завершила археологические работы на памятнике. Могильник

¹ Работа выполнена в рамках выполнения государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН №АААА-А21-121012090006-0, проект «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири» (исполнители — П. В. Герман, Л. Ю. Боброва), и в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014) (А. В. Субботин).

² П. В. Герман, Л. Ю. Боброва — Институт экологии человека, ФИЦ угля и углехимии СО РАН; г. Кемерово, 650065, Россия; Л. Ю. Боброва — Кемеровский государственный университет; г. Кемерово, 650000, Россия; А. В. Субботин — Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Герман П. В., Субботин А. В., Боброва Л. Ю., 2023

состоял из 29 курганов, содержащих 43 могилы. И поныне этот памятник остается самым крупным из полностью раскопанных тагарских могильников.

Могильник располагался в устье руч. Берёзового на краю его второй надпойменной правобережной террасы, в 0,5 км к СВ от места его впадения в р. Береш (приток р. Урюп). Памятник занимал площадь около 50 га и состоял из нескольких групп земляных насыпей, большая часть которых была распахана и плохо различима на современной поверхности. Занятое курганами поле оказалось в зоне строительства очистных и других сооружений, а также дорог 1-го Берёзовского угольного разреза. Судя по расположению курганов, вероятно, часть насыпей была уничтожена технологической дорогой на угольный разрез.

В полном объеме материалы Берёзовского м-ка не изданы. Примерно в десяти работах затрагиваются некоторые аспекты его функционирования и даются краткие характеристики массового погребального инвентаря (Вадецкая 1983; Субботин 2014). Непосредственно о кург. 29³, исследованном М. Н. Пшеницыной, опубликована лишь предварительная информация (Мартынов, Пшеницына 1982). Цель настоящей статьи — введение в научный оборот материалов кург. 29 и характеристика особенностей позднетагарской группы комплексов Берёзовского курганного могильника.

Описание материалов

Курган 29 находился на северо-восточном краю могильника, примерно в 250–300 м от основной группы памятника. Под довольно крупной насыпью (высота — 0,7 м, диаметр — около 25 м) находились две могилы (рис. 1). Могила 1 была расположена в месте максимального возвышения насыпи, мог. 2 обнаружена в 6 м к ЮЗ от первой погребальной камеры. Следов ограды из камня, дерна или дерева вблизи могил и далее к полям насыпи не обнаружено.

Архитектура погребальных комплексов различна. Над мог. 1 было расчищено два деревянных наката из бревен значительного диаметра, лежавших перпендикулярно друг другу и закрытых сверху панцирем из песчаниковых плит. Поверх этой конструкции зафиксировано сооружение из нарезанного кусками дерна. Стенки погребальной ямы (3,5 × 3,6 м) были укреплены крупными плитами девонского песчаника и известняка (рис. 2). Вход-дромос в могилу не выявлен.

³ По отчету курган имеет номер 26, однако объект под данным номером был исследован в 1979 г. А. И. Мартыновым. Исходя из последовательности нумерации, кургану, раскопанному М. Н. Пшеницыной в 1981 г., авторы настоящей статьи присвоили номер 29.

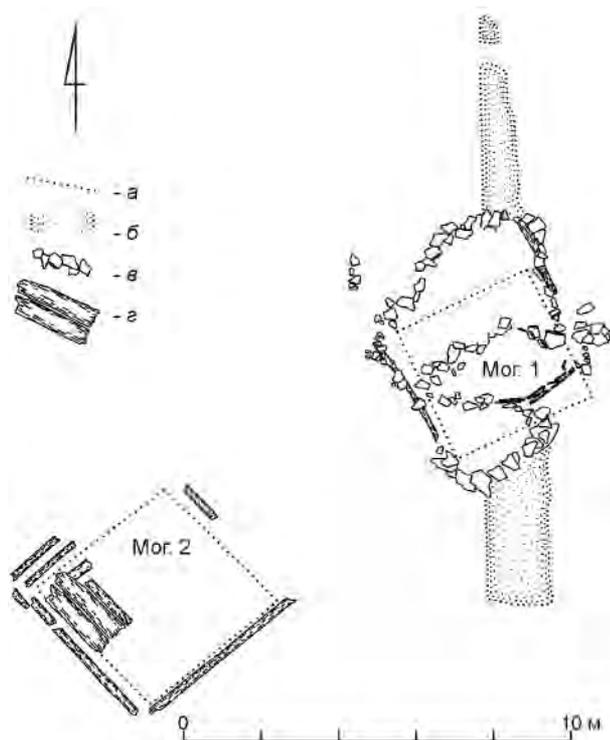

Рис. 1. Берёзовский м-к, кург. 29, общий план (а — границы погребений по М. Н. Пшеницыной; б — материковый выкид из мог. 1; в — камни; г — древесные бревна и плахи)

Fig. 1. Berezovsky cemetery, barrow 29, master plan (а — boundaries of burials after M. N. Pshenitsyna; б — native ground backdirt from grave 1; в — stones; г — beams and blocks of wood)

Рис. 2. Берёзовский м-к, кург. 29, мог. 1: 1 — план дна; 2 — разрез. Условные обозначения (для рис. 2–4): *а* — кости человека на разных уровнях расчистки, темные — на нижнем; *б* — находки; *в* — керамика; *г* — каменные плитки; *д* — древесные плахи и бревна; *е* — береста; *ж* — погребенная почва; *з* — материк

Fig. 2. Berezovsky cemetery, barrow 29, grave 1: 1 — plan of the bottom; 2 — cross-section. Legend for figs. 2–4: *a* — human bones occurring at different levels, the dark ones are on the lower level; *b* — finds; *v* — pottery; *g* — stone slabs; *d* — beams and blocks of wood; *e* — birch bark; *zh* — buried soil; *z* — solid ground

Могила 2 (рис. 3; 4), судя по стратиграфии, сооруженная позднее, чем мог. 1, не имела каменного покрытия и была перекрыта одним накатом бревен значительного диаметра. В яме находился сруб в два венца из бревен диаметром 0,2 м. Снаружи сруб был укреплен тыном из горбыля (диаметр бревен — 0,1 м), сохранившимся на высоту до 0,4 м (рис. 4). Дно застлано листьями бересты. Вход-дромос не выявлен.

Обе могилы содержали значительное количество погребенных: в мог. 1 — около 50 человек, а в мог. 2 — более 160 скелетов. Встречались как анатомически целые скелеты (меньшинство), так и фрагменты погребенных (большинство), особенно в мог. 2.

Могила 1 была потревожена. В центральной части камеры был обнаружен лаз, а человеческие кости в полном беспорядке находились как на дне, так и в заполнении, в связи с чем определить ориентацию скелетов было невозможно (рис. 2).

Могила 2, по полевым наблюдениям М. Н. Пшеницыной, не подверглась ограблению. Возможно, это связано с тем, что могила была сожжена в древности. Горение происходило под землей при недостатке кислорода. Наиболее пострадала от пожара ее восточная половина, где кости умерших из верхнего горизонта кальцинировались. Бревна наката над этой частью погребальной камеры, вероятно, полностью сгорели: их следы не зафиксированы. Береста, застилавшая земляной пол склепа, все бревна сруба и тына, а также скелеты погребенных в западной половине склепа и бревна наката над ними обуглены.

Погребенные (особенно верхние) лежали такой плотной массой, что не всегда можно было установить принадлежность черепа тому или иному скелету. Поэтому подсчет погребенных был сделан по количеству найденных черепов. Расчистка останков отображалась на чертежах по трем условным горизонтам (планы А–В) (рис. 3; 4).

Самый нижний горизонт (рис. 4, 1) содержал останки 21 погребенного, причем часть из них была представлена лишь черепами. На чертеже этого горизонта отчетливо видно, что скелеты лежали только вдоль трех стенок могильной ямы (северо-восточной, северо-западной и юго-западной), вплотную к срубам. Судя по расположению костных останков, можно считать, что погребенные были сдвинуты к бортам камеры еще до начала тафономических процессов — разложения связок и мышечной массы погребенных. Поэтому можно считать, что произошло освобождение центральной части склепа для следующих погребенных.

Расчистка среднего горизонта (рис. 3, 2) показала, что преобладающее количество погребенных (всего 79) было представлено только черепами. Другие части скелетов практически не обнаружены. Черепа были сгруппированы в несколько скоплений. Наибольшее из них зафиксировано вдоль северо-западной части склепа. Еще одна группа черепов лежала практически в середине могилы полосой, вытянутой от северо-западной до юго-восточной стенки склепа.

На верхнем горизонте зачистки (рис. 3, 1) находились останки 68 погребенных. Костные останки были также представлены черепами и некоторым количеством антропологически целых скелетов, ориентированных в основном головой на ЮЗ.

Поскольку скелеты в могиле лежали очень плотной массой, то невозможно было связать предметы с определенным погребением. Вещи и сосуды обнаружены преимущественно в углах склепа, а частично — на дне и в заполнении.

Особенностью склепов кург. 29, отмеченной еще М. Н. Пшеницыной, является преобладание среди костных останков отдельных черепов. Данная специфика отмечалась и другими исследователями Берёзовского м-ка. Количественное несоответствие найденных в некоторых могилах черепов, длинных и, особенно, мелких костей человеческих скелетов позволяет предполагать, что в них хоронили не только трупы, но и части трупов или одни головы либо черепа.

Погребальный инвентарь

Предметный комплекс кург. 29 представлен в отчете выборочно и лишь в виде фотографий (рис. 5). В мог. 1 было обнаружено не менее 189 предметов, в мог. 2 — не менее 164.

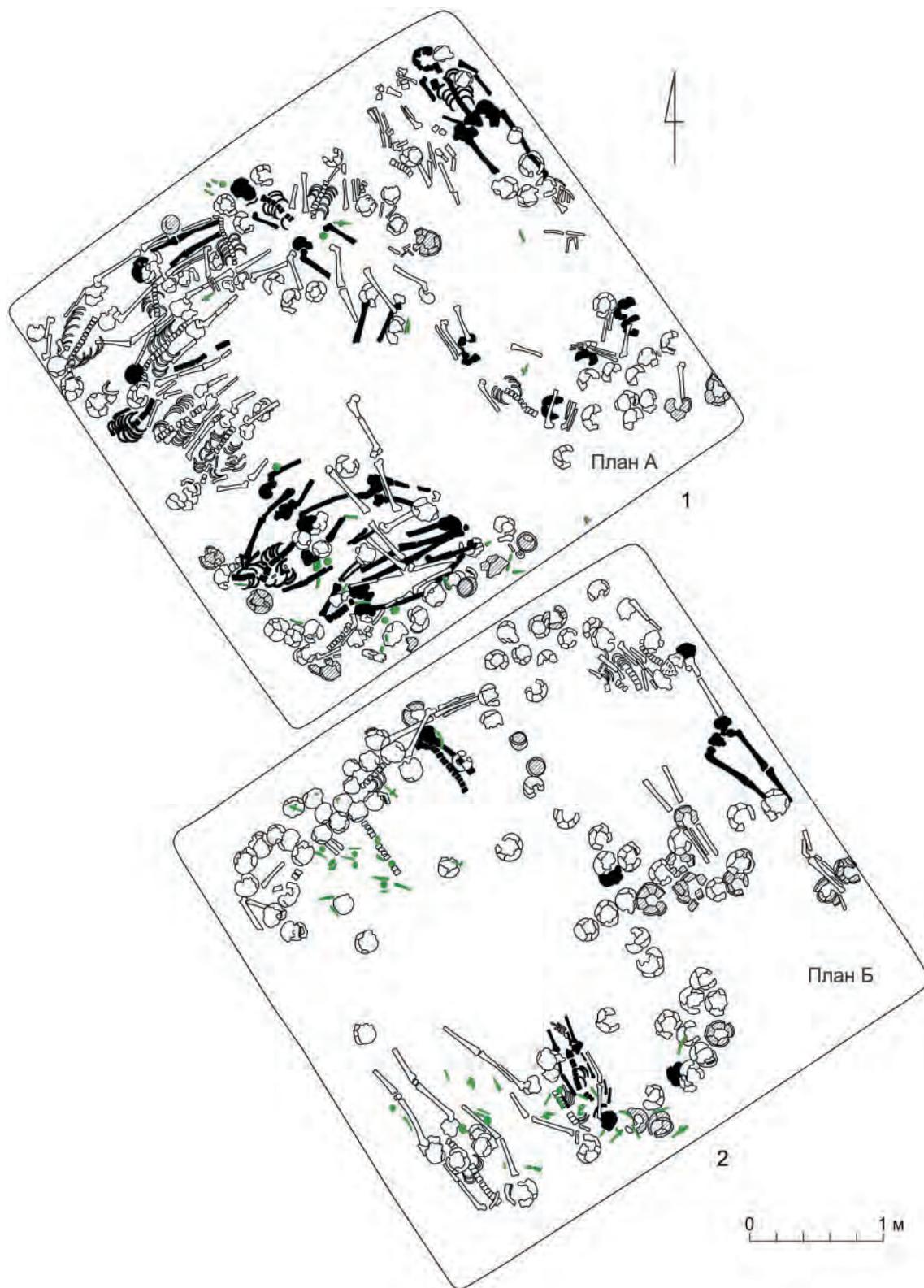

Рис. 3. Берёзовский м-к, кург. 29, мог. 2, горизонты фиксации скелетов: 1 — верхний (план А); 2 — средний (план Б)

Fig. 3. Berezovsky cemetery, barrow 29, grave 2, horizons at which skeletons were recorded: 1 — upper (plan A); 2 — middle (plan B)

Рис. 4. Берёзовский м-к, кург. 29, мог. 2, нижний горизонт фиксации скелетов:
1 — (план В); 2 — разрез

Fig. 4. Berezovsky cemetery, barrow 29, grave 2, lower horizon at which skeletons were recorded:
1 — (plan B); 2 — cross-section

Часть указанных предметов в 1984 г. была сдана автором раскопок в музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского ГУ (КМАЭЭ ОФ 294/1–129). Большая часть предметов фрагментирована, но, несмотря на плохую сохранность коллекции, она дает представление о некоторых категориях погребального инвентаря, не представленного на фотографиях и упомянутых только в тексте отчета (украшения, наконечники стрел). Еще 24 предмета в 1987 г. были переданы М. Н. Пшеницыной в Музей истории КАТЭК (ныне — Краеведческий музей г. Шарыпово) и хранятся там по сей день. Все изделия из Музея в г. Шарыпово, которые удалось связать с кург. 29, представлены на фотографиях в отчете (рис. 5). Учитывая типологическое сходство основных категорий погребального инвентаря из склепов кург. 29, ниже приводим их обобщенную характеристику.

Бронзовые чеканы (23 экз.) — длиной в основном 10,0–15,5 см, втульчатые, с четырехгранным (в том числе с ребром жесткости) или круглым сечением бойка. Не менее 8 экз. имеют плоский рубчатый обух (рис. 5, 1–3, 5, 6). У двух изделий обух оформлен зооморфными изображениями: из мог. 1 — двумя фигурками козликов, обращенных в противоположные стороны, над которыми расположена трапециевидная рубчатая фигура (рис. 5, 7); из мог. 2 — фигуркой стоящего оленя (рис. 5, 8). Несколько чеканов из мог. 2, длиной 7,0–11,5 см, имеют короткую симметричную втулку (рис. 5, 9–11).

В мог. 1 количество найденных *бронзовых втоков* (8 экз.) соответствует количеству чеканов, в мог. 2 втоков (5 экз.) в три раза меньше. Длина втоков — 3–5 см. Не менее семи изделий имеют секировидное окончание (рис. 5, 12, 14–16), один — четырехгранное заостренное (рис. 5, 17), остальные — конусовидные.

В мог. 2 был обнаружен плоский миниатюрный *кинжал* длиной 9 см с овальным навершием и широким скругленным перекрестием (рис. 5, 36).

Самую массовую категорию составляют бронзовые пластинчатые *ножи* (76 экз.). Большинство представленных в отчете и музейных коллекциях ножей — змейчатообушковые, с трапециевидной рукоятью, длиной 11,5–16,5 см (рис. 5, 23–28). Также в мог. 1 обнаружен нож с фигурным кольчатым навершием (рис. 5, 29), а в мог. 2 — не менее восьми прямообушковых ножей (рис. 5, 30–33) длиной 9–11 см.

Бронзовые *шилья* (17 экз.) — четырехгранные с одноярусными грибовидными навершиями (рис. 5, 34, 35). В мог. 1 найдена одна бронзовая *игла*.

Бронзовые *зеркала* (29 экз.) — дисковидные, диаметром 4,5–6,0 см, с круглой (в одном случае — треугольной) петелькой или следом от основания ее дужек (рис. 5, 18–22).

Бронзовые *оленные бляшки* (16 экз.) с петелькой на обороте представлены целыми экземплярами (все — в Музее г. Шарыпово) и фрагментами (рис. 5, 37–43). Как минимум два изделия из мог. 2 были отлиты по одной форме (рис. 5, 40, 43).

Бронзовые *коромыслообразные предметы* (ПНН) представлены во фрагментах (4 экз.). В музее Кемеровского ГУ сохранились фрагменты от двух ПНН с головками лосей из мог. 1 (рис. 6, 10, 11).

Среди украшений в двух склепах присутствуют миниатюрные полусферические (рис. 6, 1) и многоярусные *бляшки* из бронзы (рис. 5, 44, 45), *бисер* из пасты (рис. 6, 4, 5). В мог. 1 также найдены 10 *трубочек-пронизок* и две литые биконические *бусины* (рис. 6, 2, 6) из бронзы, цилиндрическая *пронизка* из зеленого камня (рис. 6, 3). Только в мог. 2 обнаружены два бронзовых «*тройника*» (три полусферы, соединенные перемычками в форме треугольника, — рис. 5, 46), *биконическая* каменная *бусина* (рис. 6, 8), а также четыре *гривны* (рис. 6, 13).

По тексту отчета в двух могилах отмечено наличие бронзовых *диадем*, однако на приведенном снимке (Пшеницына 1982: рис. 41) и в музейной коллекции (рис. 6, 12) представлены только фрагменты «*ножных браслетов*» — тонких пластин шириной 1,5–2,0 см с отверстиями для крепления на концах.

Найдены также костяные *наконечники стрел* (7 экз.). Единственный втульчатый наконечник, видимо, утрачен: в отчете изображение отсутствует. Черешковые наконечники

Рис. 5. Берёзовский м-к, кург. 29, погребальный инвентарь: 1-11 — чеканы; 12-17 — втоки; 18-22 — зеркала; 23-33 — ножи; 34, 35 — шилья; 36 — кинжал; 37-43 — оленные бляхи; 44, 45 — многоярусные бляшки; 46 — бляшка-«тройник». 1, 2, 7, 13-16, 18-20, 23, 25, 26, 28, 29, 34, 35, 37, 44, 45 — мог. 1; 3-6, 8-12, 17, 21, 22, 24, 27, 30-33, 36, 38-43, 46 — мог. 2. Бронза (по: Пшеницына 1982: рис. 26-40)

Fig. 5. Berezovsky cemetery, barrow 29, burial goods: 1-11 — pickaxes; 12-17 — sockets; 18-22 — mirrors; 23-33 — knives; 34, 35 — awls; 36 — daggers; 37-43 — deer plaques; 44, 45 — many-tier plaques; 46 — “triplet” plaque. 1, 2, 7, 13-16, 18-20, 23, 25, 26, 28, 29, 34, 35, 37, 44, 45 — grave 1; 3-6, 8-12, 17, 21, 22, 24, 27, 30-33, 36, 38-43, 46 — grave 2. Bronze (after Пшеницына 1982: рис. 26-40)

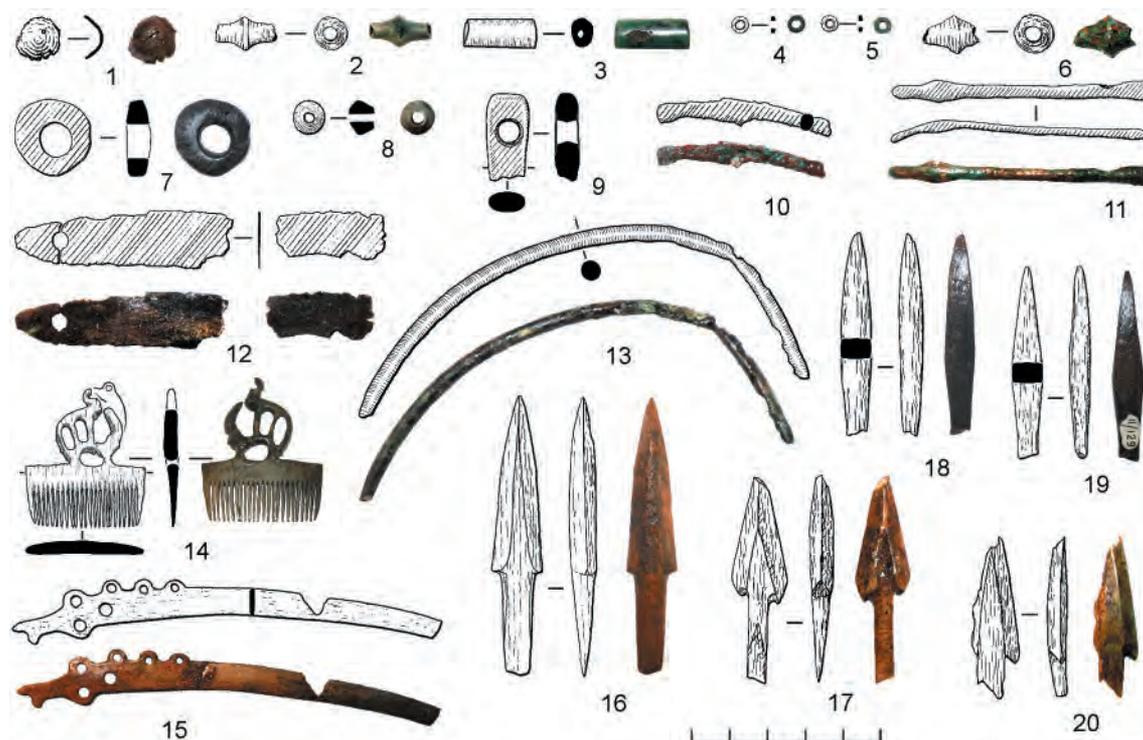

Рис. 6. Берёзовский м-к, кург. 29, погребальный инвентарь: 1 — полусферическая бляшка; 2, 6, 8 — биконические бусины; 3 — пронизка; 4, 5 — бисер; 7 — кольцо; 9 — концевой фрагмент заполированного прямоугольного изделия с круглым отверстием; 10, 11 — ПНН с головками лосей; 12 — «ножной браслет»; 13 — гривна; 14 — гребень с навершием в виде фигуры птицы; 15 — нож с головой лося; 16–20 — наконечники. 1, 4–6, 10, 11, 14, 15, 17, 20 — мог. 1; 2, 3, 7–9, 12, 13, 16, 18, 19 — мог. 2. 1, 2, 6, 10–13 — бронза; 3–5, 8 — камень; 7, 9, 14–20 — кость (по коллекциям из фондов музея «Археология, этнография, экология Сибири» Кемеровского ГУ; фотографии авторов, рисунки С. Н. Леонтьева)

Fig. 6. Berezovsky cemetery, barrow 29, burial goods: 1 — semispherical plaque; 2, 6, 8 — biconical beads; 3 — pendant; 4, 5 — glass beads; 7 — ring; 9 — terminal fragment of a polished rectangular object with a round orifice; 10, 11 — item of unknown purpose with elk heads; 12 — “leglet”; 13 — torc; 14 — comb with a finial in the form of a bird; 15 — elk-headed knife; 16–20 — points. 1, 4–6, 10, 11, 14, 15, 17, 20 — grave 1; 2, 3, 7–9, 12, 13, 16, 18, 19 — grave 2. 1, 2, 6, 10–13 — bronze; 3–5, 8 — stone; 7, 9, 14–20 — bone (collections of the Kemerovo University Museum of Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia; photos by the authors, drawings by S. N. Leontiev)

представлены двумя типами: с выделенным шестиугольным в сечении треугольным пером (рис. 6, 16, 17, 20) и с прямоугольным в сечении пером со слабовыраженным переходом к черешку (рис. 6, 18, 19).

В мог. 1 найден *головной нож* с головкой лося (рис. 6, 15) и миниатюрный *гребень* с навершием в виде фигуры птицы (рис. 6, 14), выполненные из кости или рога. В мог. 2 обнаружены костяные *кольцо* (рис. 6, 7), концевой фрагмент заполированного прямоугольного изделия с круглым отверстием (рис. 6, 9) и *подвеска* из клыка животного.

Керамическая посуда из склепов (66 экз.) представлена преимущественно неорнаментированными плоскодонными «банками» простой слабопрофилированной закрытой формы с максимальным расширением в верхней трети высоты корпуса и диаметром венчика, превышающим высоту стенок (рис. 7, 2–8). В обоих склепах обнаружены *баночные сосуды со сливом* (10 экз.) (рис. 7, 14–16), один из них — на поддоне (рис. 7, 16). В мог. 2 находились две «банки» с выделенным дном (рис. 7, 1, 9), одна из которых — на низком кольцевом поддоне. Не менее пяти сосудов из мог. 2 имели сложнопрофилированную

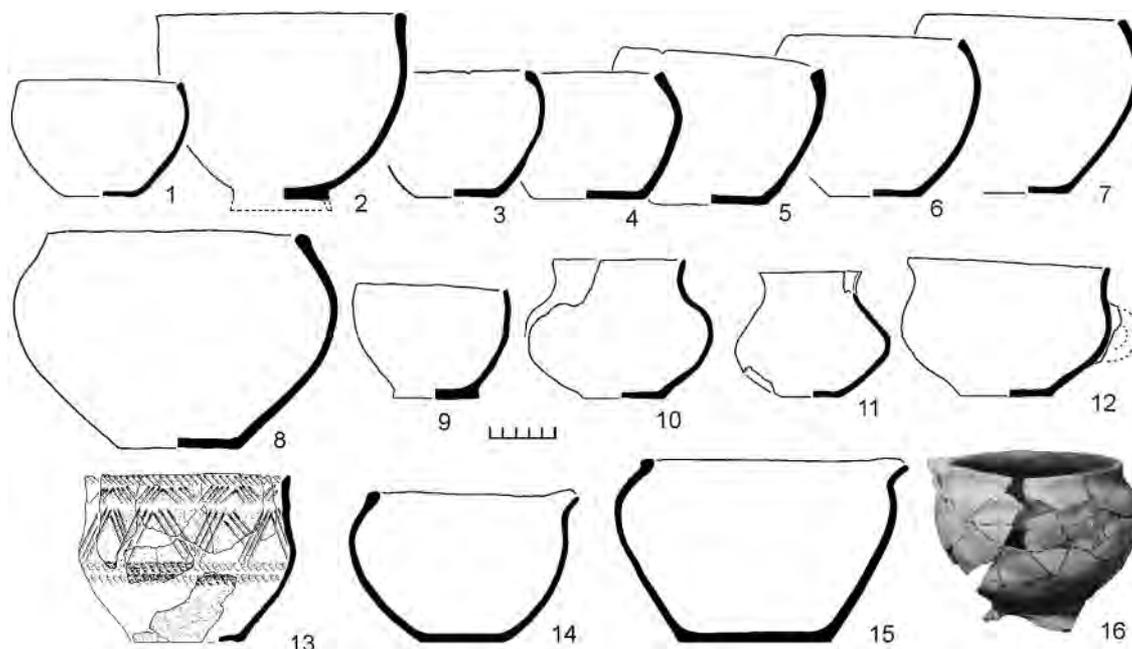

Рис. 7. Берёзовский м-к, кург. 29, сосуды: 1, 8, 15, 16 — мог. 1; 2-7, 9-14 — мог. 2. Керамика (рисунки С. Н. Леонтьева; фото по: Пшеницына 1982: рис. 42)

Fig. 7. Berezovsky cemetery, barrow 29, ceramic vessels: 1, 8, 15, 16 — grave 1; 2-7, 9-14 — grave 2 (drawings by S. N. Leontiev; photograph from Пшеницына 1982: рис. 42)

форму с округлыми плечиками, вогнутой шейкой и отогнутым наружу венчиком (рис. 7, 10, 11), один из них — с наклепной кольцевидной ручкой (рис. 7, 12). Отдельно следует выделить обнаруженный в мог. 2 керамический сосуд с орнаментом (рис. 7, 13). Сосуд профилированный, горшковидный, с высокой слабовогнутой шейкой, скошенным наружу венчиком и слабовогнутым дном, обрамленным низкорельефным валиком. Орнамент его составляют фризы треугольных фестонов, выполненные тремя или четырьмя прочерченными линиями, и горизонтальные ряды наклонных оттисков короткого, гладкого и гусеничного штампов.

Сходство вещевого комплекса двух могил свидетельствует об их хронологической близости, несмотря на отличия в над- и внутримогильной архитектуре. Несколько удивляет значительная диспропорция количества сопроводительного инвентаря и числа погребенных в двух могилах. В склепах найден примерно одинаковый инвентарь, как по числу сосудов, так и бронзовых предметов, притом что в мог. 1 захоронено около 50 человек, а в мог. 2 — более 160.

Склепы кург. 29 были отнесены автором раскопок к сарагашенскому этапу тагарской культуры и датированы IV–III вв. до н. э. (Пшеницына 1982: 18; Мартынов, Пшеницына 1982: 215).

Обсуждение

В систематике тагарских древностей Ачинско-Мариинского лесостепного района склепы кург. 29 однозначно находят место среди погребальных комплексов заключительного (назаровского) этапа (Мартынов 1979: 81–85, табл. 35). По А. И. Мартынову, основные инновации в погребальной практике этого этапа следующие: 1) усложнение конструкции перекрытия, в том числе с использованием бересты; 2) традиция сожжения склепов; 3) увеличение количества погребенных (до 40–50), многорядное размещение покойников; 4) увеличение количества и доли в склепах ножей с трапециевидной ручкой, прямообушковых ножей; 5) распространение медалевидных зеркал; 6) появление профилированных сосудов

с выделенной шейкой, в том числе с боковыми ручками (Там же: 82–84). Особенно следует обратить внимание на распространение именно в таких комплексах бронзовых орнаментированных зеркал, многоярусных бляшек и «тройников», гривен и диадем, чеканов с зооморфными навершиями на обухе (Там же: табл. 35). В комплексе керамики важное место занимают сосуды со сливом, встречающиеся только в склепах этой группы памятников (Там же). Датировка назаровских комплексов — III в. до н. э. (Там же: 81).

Согласно расширенной периодизации М. П. Грязнова, III в. до н. э. датируются комплексы лепёшкинского этапа тагарской культуры (Грязнов 1979: 4), названные так по раскопанному С. А. Теплоуховым в 1924 г. кургану у д. Лепёшки. Характеристика лепёшкинских склепов представлена в работе Н. Ю. Кузьмина (2011: 31–33, 38, 40, 43–45, 55–58) в контексте разделения сарагашенских и ранних тесинских комплексов. «Устойчивым комплексом признаков» склепов «лепёшкинского типа» являются: 1) отсутствие сплошных каменных оград (наличие только угловых и простеночных стел или отсутствие ограды вовсе), использование дерева в конструкции ограды; 2) в кургане, как правило, одна большая могила со срубом и тыном, наличие входа-лаза, смещенного к углу; 3) от 30 до 60 погребенных в склепе; 4) традиция сожжения склепов; 5) появление так называемых прямоугольных склепов (например: Медведка II, кург. 1 (Боковенко, Красниенко 1988)); 6) наличие уменьшенных предметов и миниатюр в одном комплексе; 7) профилированные сосуды, сосуды на поддоне; 8) деревянные и берестяные емкости (Там же). В отличие от раннетесинских склепов в лепёшкинских обнаружены оленные бляхи, ПНН, штандарты, чеканы с зооморфными навершиями на обухе. Датировка памятников лепёшкинского типа, по Н. Ю. Кузьмину, совпадает с хронологией раннетесинских комплексов — III–I вв. до н. э. (Кузьмин 2011: 219). В целом характеристика лепёшкинских комплексов по Н. Ю. Кузьмину обнаруживает многочисленные соответствия с индикаторами назаровских склепов по А. И. Мартынову.

Н. Ю. Кузьмин отметил два основных типа «позднейших сарагашенских — лепёшкинских комплексов»: впущенные в сарагашенские ограды и отдельные курганы (Там же: 58). В первом случае, как правило, склепы располагаются не по магистральной линии СЗ (ССЗ) — ЮВ (ЮЮВ), общепринятой при размещении могил внутри кургана (ограды) начиная с раннетагарского времени, а по линии СВ (ВСВ) — ЮЗ (ЗЮЗ). Эта же особенность проявляется и в кург. 29, а также еще в ряде объектов Берёзовского м-ка: 1) в кург. 4 поздние мог. 2 и 4 расположены по линии З–В (Вадецкая 1999: рис. 66); 2) в кург. 5 мог. 3 располагалась внутри каменной ограды к З от сарагашенских мог. 1 и 2; 3) аналогичной была ситуация с расположением мог. 3 в кург. 28, частично перекрывшей расположенную к В сарагашенскую мог. 1 (Там же); 4) кург. 8 содержал два склепа, расположенных по линии З–В.

Перечисленные погребальные комплексы с атипичной планировкой в составе кургана обнаруживают близкие соответствия по ряду признаков: 1) отсутствие каменной ограды, признаков перестройки ограды для устройства еще одной могилы; 2) мощные деревянные перекрытия с берестяными покрытиями над могилой, позволявшие обеспечивать долговременность сооружений; 3) сожжение склепов; 4) подзахоронения; 5) наличие бронзовых оленных блях, ножей с трапецевидной ручкой, чеканов с рубчатым обухом, чеканов с фигурками козчиков, гривны и диадемы; 6) керамические профилированные сосуды, сосуды со сливом. К менее частым признакам относятся: 1) сруб с тыном; 2) бронзовые чеканы с симметричной укороченной втулкой, миниатюрные кинжалы, многоярусные бляшки и «тройники», медалевидные и орнаментированные зеркала, обоюдоострые проколки; 3) деревянные сосуды, изделия из бересты; 4) сосуды с боковой наклепной ручкой.

Большинство перечисленных признаков тождественны известным индикаторам лепёшкинских или назаровских⁴ склепов (Мартынов 1979: 81–85, табл. 35; Кузьмин 2011: 31–33,

⁴ Отметим, что название, предложенное А. И. Мартыновым для данного этапа/группы памятников, не совсем удачно. Эпонимный Назаровский курган, раскопанный Д. А. Клеменцом в 1888 г., является шестаковским (по А. И. Мартынову) или тесинским (по М. П. Грязнову), что нашло отражение и в работах автора периодизации лесостепного варианта тагарской культуры: предметный

38, 40, 43–45, 55–58; Герман 2017: 23). Этим характеристикам полностью или частично соответствуют 13 склепов из девяти курганов Берёзовского м-ка, то есть около трети всех объектов некрополя.

Лепёшкинские комплексы хорошо известны по материалам и другим памятникам лесостепного района. Ближайшими из таких исследованных объектов являются: м-к Ашпыл, кург. 26, мог. 1 (Вадецкая и др. 2018: 97, 98); курган в г. Шарыпово (Кириллов 1983), м-к Саргожик, кург. 1, мог. 2, и кург. 2, мог. 2 (раскопки С. В. Красниенко); м-к Кадатское Поле, кург. 3 (Вадецкая 1983: 49, 51) и др. На территории к западу от р. Урюп в Кемеровской обл. такие комплексы известны в составе всех крупных могильников — Некрасово II, Серебряково I, Ягуня, Тисульский (Кондрашка), Шестаково I и др.

Как правило, лепёшкинские склепы располагаются в составе биджинских и сарагашенских могильников, при этом часто нарушая комплексы предшествующих курганов. Также известны и отдельные могильники, насчитывающие до пяти курганов (например: Большой Барандат III, Тисуль III), и одиночные курганы — на оз. Большой Берчикуль (Бобров 1980), Кадат I (раскопки Р. В. Николаева).

Отсутствие следов ограды в кург. 29, вероятнее всего, объясняется ее сооружением из дерева. Остатки подобной деревянной ограды были зафиксированы в кург. 8 Берёзовского м-ка, где также были исследованы два лепёшкинских склепа, расположенных по линии З–В. Для тагарских курганов лесостепной зоны подобное конструктивное решение в оформлении сакрального пространства известно и на других памятниках, хотя остается малоизученным феноменом и практически не освещено в литературе. Ближайшими из таких исследованных объектов являются: м-к Ашпыл, кург. 26, мог. 1; м-к Саргожик, кург. 2, мог. 2; м-к Ионов мыс, кург. 3 (раскопки В. Н. Добжанского), кург. Кадат I и др. За единственным исключением (тесинский одиночный кург. Кадат — раскопки С. В. Красниенко), все известные нам курганы с деревянными оградями относятся к лепёшкинской группе. Данное наблюдение подтверждается многочисленными примерами в южной части Минусинской котловины — лепёшкинскими склепами в районе г. Саяногорска (Боковенко и др. 1983; Боковенко, Красниенко 1988; Седых 2003).

Как было указано выше, хронология лепёшкинских комплексов изначально определялась III в. до н. э. (Мартынов 1979: 81; Грязнов 1979: 4). Аналогичная дата неоднократно указывалась и позднее для степных лепёшкинских памятников (Курочкин 1993: 33; Савинов 2011: 215; и др.), а также была предложена для лепёшкинских (позднесарагашенских) склепов кург. 4 и 28 Берёзовского м-ка (Вадецкая 1983: 51). Позднее, на основании находок в лепёшкинских склепах мелкоцилиндрического бисера из голубого фаянса, хронологический диапазон бытования этих комплексов был определен II–I вв. до н. э. (Вадецкая 1999: 153; Вадецкая и др. 2018: 73).

В вопросе датировки лепёшкинских комплексов следует обратить внимание на появление в них ряда предметов, характерных для так называемых культовых мест и кладов северной лесостепи (Айдашинской пещеры, Лысой горы, Степановки, Берёзового острова I и др.). Это орнаментированные зеркала (бляшки) с петелькой, фигурки птиц с повернутой головой, подвески-бубенцы. Территория распространения таких памятников совпадает с ареалами тагарской, большереченской (каменной) и кижировской (шеломокской) культур.

В частности, случайные находки бронзовых фигурок птиц с повернутой головой (Мартынов 1979: табл. 47, 5, 10, 64, 66, 70–73), аналогичных птице на гребне из кург. 29 Берёзовского м-ка (рис. 6, 14), А. И. Мартынов датировал II–I вв. до н. э. (Там же: 35). Подобные изображения птиц в тагарских комплексах единичны и связаны только с лепёшкинскими

комплекс Назаровского кургана фигурирует в качестве эталонного шестаковского комплекса (Мартынов 1979: 87). Далее по тексту мы будем называть назаровские (по А. И. Мартынову) лесостепные комплексы лепёшкинскими.

захоронениями: м-к Толстый мыс V, кург. 1, мог. 2 (Курочкин 1988: рис. 13–26), и м-к Туран II, кург. 2, мог. 1 (раскопки Д. А. Грача) (Завитухина 1983: 80, № 225). На сопредельной территории Томского Приобья подобные изображения птиц известны в захоронениях кижировской (шеломокской) культуры, датированных V–III вв. до н. э. (Плетнева 1994: 33, рис. 3, 5; 8, 4).

Преимущественно с культовыми местами связаны находки орнаментированных зеркал (Мартынов 1979: табл. 53), известных в ряде лепёшкинских склепов лесостепного района, в том числе на Берёзовском м-ке (кург. 4, мог. 4; кург. 8, мог. 2). Аналогии орнаментированным зеркалам с петелькой представлены в погребениях берёзовского этапа большереченской культуры (IV–I вв. до н. э.) (Троицкая, Бородовский 1994: табл. XXIII, 6), в составе керамического комплекса которых также известны сосуды со сливом (Там же: табл. XXIV, 22; XXIX, 5, 8; XLI, 17; Шульга и др. 2009: рис. 66, 5; 75, 2; 81, 6).

Отмечая сосуществование лепёшкинских и раннетесинских склепов в Минусинской котловине с конца III в. до н. э. до первой половины I в. до н. э., Н. Ю. Кузьмин указывал, что метод датирования по аналогиям позволяет определить только верхнюю границу сооружения лепёшкинских комплексов, время их появления «определить сложно» (Кузьмин 2011: 218). Добавим, что и нижняя граница для комплексов этой группы также представляется довольно условной. В целом совокупность предлагаемых ранее датировок лепёшкинских комплексов укладывается в диапазон III–I вв. до н. э., как и было предложено Н. Ю. Кузьминым. Имеющиеся радиоуглеродные данные пока не позволяют подтвердить или опровергнуть предлагаемую датировку.

Заключение

Среди погребальных комплексов Берёзовского м-ка выделяется группа склепов с характерными признаками, которые принято называть позднеатагарскими. Ранее эти особенности подробно были представлены в характеристиках назаровских (Мартынов 1979: 81–85, табл. 35) и лепёшкинских (Кузьмин 2011: 31–33, 38, 40, 43–45, 55–58) комплексов, обладающих рядом устойчивых признаков, не свойственных для сарагашенских и/или тесинских комплексов. Диагностирующими для этой группы позднеатагарских памятников являются: нарушение традиционной атагарской схемы расположения могил в составе кургана; отсутствие каменной и наличие деревянной ограды; усложнение конструкций склепов и их сожжение на завершающей стадии функционирования; многоактность в размещении большого числа покойников и практика парциальных захоронений. Эти признаки, а также особенности основных категорий погребального инвентаря (чеканы с рубчатым обухом и зооморфными фигурками на обухе, ножи с трапециевидной рукоятью и т. д.) характерны для лепёшкинских склепов как лесостепной, так и степной зоны.

К лепёшкинской группе относятся 13 из 43 склепов Берёзовского м-ка, в том числе оба комплекса кург. 29, исследованного в 1981 г. М. Н. Пшеницыной. Датированы лепёшкинские склепы III–I вв. до н. э.

Следует отметить типологическую неоднородность комплексов в составе выделяемой лепёшкинской группы. Она проявляется как в специфике размещения склепов или отдельных захоронений в структуре курганного могильника (отдельный курган или объекты в составе предшествующих курганов или впускные погребения в более ранние склепы), так и в отдельных компонентах погребений — конструкциях склепов, наличии или отсутствии многослойных захоронений, категориях и типах инвентаря. Более подробная систематизация склепов лепёшкинской группы — задача специальной работы.

Литература и источники

- Бобров 1980 — *Бобров В. В.* Курган на озере Большой Берчикуль // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1980. Вып. 11. С. 86–94.
- Боковенко, Красниенко 1988 — *Боковенко Н. А., Красниенко С. В.* Могильник Медведка II // Массон В. М. (отв. ред.). Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л.: Наука, 1988. С. 23–45.
- Боковенко и др. 1983 — *Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниенко С. В.* Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 75–81.
- Вадецкая 1983 — *Вадецкая Э. Б.* Первые итоги работы на КАТЭКе // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 47–56.
- Вадецкая 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с. (Archaeologica Petropolitana. Вып. 7).
- Вадецкая и др. 2018 — *Вадецкая Э. Б., Субботин А. В., Красниенко С. В.* Ашпыл — некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 296 с.
- Герман 2017 — *Герман П. В.* К проблеме периодизации тагарской культуры: этап и тип // Тр. V (XXI) ВАС в Барнауле — Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. Т. 2. С. 19–25.
- Грязнов 1979 — *Грязнов М. П.* Введение / Грязнов М. П. (отв. ред.). Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 3–6.
- Завитухина 1983 — *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
- Кириллов 1983 — *Кириллов Е. Л.* Раскопки тагарского кургана в г. Шарыпово // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 61–64.
- Кузьмин 2011 — *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб: Айсинг, 2011. 456 с.
- Курочкин 1988 — *Курочкин Г. Н.* Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Массон В. М. (отв. ред.). Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л.: Наука, 1988. С. 5–22.
- Курочкин 1993 — *Курочкин Г. Н.* Раскопки скифского «царского» кургана на юге Сибири // АВ. 1993. Вып. 2. С. 31–43.
- Мартынов 1979 — *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
- Мартынов, Пшеницына 1982 — *Мартынов А. И., Пшеницына М. Н.* Исследования в зоне строительства Берёзовского угольного разреза I КАТЭКа // АО 1981 года. 1982. С. 214–215.
- Плетнева 1994 — *Плетнева Л. М.* Савинский курганный могильник — памятник раннего железного века // Плетнева Л. М., Бардина П. Е., Рудая И. М. (отв. ред.). Северск. История и современность. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1994. С. 22–34.
- Пшеницына 1982 — *Пшеницына М. Н.* Отчет о раскопках на территории строительства Берёзовского угольного разреза I КАТЭКа в 1981 году. Кемерово, 1982 // НОА ИА РАН. Р-1. № 8850. 46 л.
- Савинов 2011 — *Савинов Д. Г.* Проблема хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 208–217.
- Седых 2003 — *Седых В. Н.* О вариантах устройства оград тагарских курганов на юге Хакасии // Пиотровский Ю. Ю. (отв. ред.). Степи Евразии в древности и средневековье: ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Кн. 2. С. 131–134.
- Субботин 2014 — *Субботин А. В.* Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 154 с.
- Троицкая, Бородовский 1994 — *Троицкая Т. Н., Бородовский А. П.* Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.
- Шульга и др. 2009 — *Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2009. 329 с.

**BARROW 29 OF THE BEREZOVSKY CEMETERY
(M. N. PSHENITSYNA'S EXCAVATIONS OF 1981):
ATTRIBUTIONS OF THE LATE TAGAR BURIAL COMPLEXES
IN A FOREST-STEPPE AREA**

P. V. GERMAN, A. V. SUBBOTIN, L. YU. BOBROVA

Keywords: *South Siberia, Nazarovo depression, Berezovsky barrow cemetery, vault, Tagar culture, Lepeshki complex.*

In 1981 M. N. Pshenitsyna excavated barrow 29 of the Berezovsky cemetery at the northern boundary of the Nazarovo depression. This excavation completed the study of one of the biggest necropolises of the Tagar culture. Two burial structures were uncovered beneath the mound (Fig. 1). Both contained considerable numbers of buried persons: about 50 in grave 1 and over 160 in grave 2 (Fig. 2–4). Rich burial goods included 66 vessels and not less than 353 objects of bronze, bone, stone and paste (Fig. 5–7). The characteristics of the burial structure and rite (thick coverings made of logs, palisade, birch bark, several layers of the buried, burning of the vault) are all strong indicators of the Late Tagar age of the objects in question. Characteristic of the burial inventory of the period are also diminished (votive) objects. The vaults of barrow 29 of the Berezovsky cemetery belong to the Lepeshki group of sites of the Late Tagar time and can be dated to the III–I cc. BC.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ М. Н. ПШЕНИЦЫНОЙ НА ТЕПСЕЕ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

О. С. СОВЕТОВА, О. О. ШИШКИНА²

Ключевые слова: петроглифы, наскальное искусство, Тепсей, М. Н. Пшеницына, склеп, курганы, документирование, тесинский этап тагарской культуры.

В статье описаны исследования Маргариты Николаевны Пшеницыной в Тепсейском археологическом микрорайоне в Южной Сибири. Под ее руководством проходили раскопки на тесинских грунтовом могильнике Тепсей VII и кургане-склепе Тепсей XVI, разновременном памятнике Тепсей III и др. В ходе работ на кургане-склепе Тепсей XVI на семи плитах были зафиксированы наскальные рисунки. В настоящее время их целенаправленным изучением занимаются кемеровские археологи. Всего выявлено 16 плит с рисунками (восемь из них ранее не были известны). В статье дано описание петроглифов, для некоторых изображений предложено уточнение возможных датировок.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-147-155

Археологические работы М. Н. Пшеницыной в Тепсейском археологическом микрорайоне

Маргарита Николаевна Пшеницына — ученый-археолог, специализировавшийся на изучении археологических культур Южной Сибири. Несколько лет она работала в составе Красноярской экспедиции ЛОИА СССР под руководством М. П. Грязнова, ее учителя и наставника. С 1964 г. Красноярской экспедицией проводились археологические раскопки на Тепсее, одном из важных микрорайонов Минусинской котловины, в связи с его затоплением водохранилищем (Грязнов 1979а). М. Н. Пшеницына в разное время возглавляла несколько отрядов, в том числе Позднетагарский, а с 1971 г. была заместителем начальника Красноярской экспедиции. По материалам работ ею была подготовлена и успешно защищена кандидатская диссертация (Пшеницына 1975).

В 1970 г. под руководством М. Н. Пшеницыной были произведены раскопки тагарского кургана Тепсей XV (Пшеницына 1971: 201). Интерпретация материалов кургана была сопряжена с трудностями разделения биджинского и сарагашенского этапов. В 1973 г. на Тепсее III около раскопанных ранее М. П. Грязновым таштыкских склепов во время весеннего спада уровня воды в водохранилище было обнаружено пять детских могил того же времени, расположенных вокруг трех исследованных склепов. М. Н. Пшеницыной были раскопаны две таштыкские и одна грунтовая могила подгорновского времени с захоронением мужчины, у пояса которого находились клык кабарги и бронзовый «вкладышевый» нож с головкой грифона в основании клинка (Пшеницына 1974: 220). Устройство детских могил в непосредственной близости от склепа на тот момент было новым признаком

¹ Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00974, <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>.

² Кемеровский государственный университет; г. Кемерово, 650000, Россия.
© Советова О. С., Шишкина О. О., 2023

Рис. 1. Тепсей XVI, общий вид кургана с востока после разборки развала каменной конструкции (по: Пшеницына 1978: рис. 1)

Fig. 1. Tepsei XVI, general view of the barrow from the east after remains of the stone construction were removed (after Пшеницына 1978: рис. 1)

таштыкского погребального обряда. Детей клали в отдельную могилу, но их не мумифицировали, не снабжали масками, а в качестве сопроводительного инвентаря погребенным клали горшки, как правило, малых форм (Грязнов 1979б: 128).

В 1976–1977 гг., в заключительные годы работ в Тепсейском археологическом микро-районе, М. Н. Пшеницына руководила раскопками в пунктах Тепсей VII и XVI (Пшеницына и др. 1978: 274). Могильник Тепсей VII располагался на небольшом участке надпойменной террасы (около 70 × 30 м) в виде дюнной гряды, вытянутой в направлении СВ–ЮЗ. Раскопки могильника велись в течение шести полевых сезонов (1968–1970, 1975–1977), но под руководством М. Н. Пшеницыной — лишь два последних года (Пшеницына 1978: 29). Всего на площади около 650 м² было открыто более сотни могил: 1 — афанасьевской культуры, 3 — подгорновского этапа тагарской культуры и 102 — тесинского времени.

Особый интерес представляют раскопки тесинского кургана-склепа Тепсей XVI (Там же: 2), изучение которого было начато еще в 1970 г., когда в северо-восточной части кургана была заложена траншея 5,0 × 1,1 м и был зачищен участок стены каменной ограды кургана, скрытый под насыпью. У самой стены в подобию каменного ящика находилось одиночное захоронение женщины, относящееся к тесинскому этапу тагарской культуры (Там же: 3). В 1976 г. работы по исследованию склепа были продолжены М. Н. Пшеницыной. С кургана сняли слой дерна и произвели детальную расчистку стен его ограды и каменных конструкций внутри нее (рис. 1). Разборка погребальной камеры была осуществлена уже в 1977 г. (Там же: 3). Под остатками конструкций были обнаружены два кургана подгорновского этапа тагарской культуры и два кургана карасукской культуры (Там же: 4, 5). Кроме того, под стенами ограды были изучены 24 грунтовые могилы тесинского времени (Там же: 5).

Сам курган имел земляную насыпь шириной 24,0 и высотой около 1,3 м (Пшеницына и др. 1978: 274). В основании насыпи обнаружено 20 массивных столбообразных плит, дополненных сверху кладкой из плитняка и образующих квадратную ограду 18,0 × 19,0 м и высотой 1,2 м. Вход в ограду располагался с ЮЗ. Северо-восточная стена ограды была

высотой примерно 1,2 м, остальные — до 1,0 м. Многие из вертикально врытых плит ограды с наружной стороны служили контрфорсами. К моменту раскопок на своих местах сохранились лишь 10 плит в основании насыпи. Вход в ограду был заложен массивной столбообразной плитой, которая отступала от юго-западной стенки на 2 м. Склеп был сожжен и ограблен еще в древности. В его восточной половине обнаружено два яруса дощатых «полатей», на которых размещали умерших. На полу и на «полатях», по предварительным данным, было погребено 42 человека (Пшеницына 1978: 3, 9). При раскопках обнаружены «глиняные» головы погребенных, изготовленные из бронзы и железа ножи и зеркала, керамические сосуды и др. (Пшеницына и др. 1978: 275).

Среди археологов до сих пор продолжается дискуссия по поводу датировки подобных курганов-склепов. М. П. Грязнов, а затем и М. Н. Пшеницына относили курганы-склепы такой конструкции к переходному от тагарской культуры к таштыкскому этапу (то есть к тесинскому времени) и датировали склеп Тепсей XVI II–I вв. до н. э., генетически связывая тагарцев с тесинцами (Пшеницына 1979: 88; 1992: 224). Э. Б. Вадецкая полагала, что тесинские могильники оставлены инокультурным населением, а склепы сооружали уже в III–IV вв. н. э. (Вадецкая 1986: 99). Н. Ю. Кузьмин же выделил отдельную тесинскую культуру, отнеся склеп Тепсей XVI ко второму (среднетесинскому) периоду — середине I в. до н. э. — середине II в. н. э. (Кузьмин 2011: 59). По данным радиоуглеродного анализа склеп датируется серединой I в. н. э. — серединой III в. н. э. (Там же: 220).

По результатам работ в Тепсейском археологическом микрорайоне авторами раскопок была издана коллективная монография (Комплекс... 1979), где были освещены основные результаты многолетних полевых исследований Красноярской экспедиции. В этом издании М. Н. Пшеницыной написано два раздела, один был посвящен результатам раскопок восьмикаменного кургана на Тепсее XV, второй — памятникам тесинского этапа тагарской культуры. Проведенные комплексные исследования позволили М. Н. Пшеницыной во многом реконструировать погребальный обряд и традиции тесинского времени. Она отмечала, что «исследования на Среднем Енисее погребальных памятников, проведенные за последние 18 лет главным образом Красноярской экспедицией, дали возможность внести важные дополнения, а порой и существенные изменения в представления об этапе, переходном к таштыкской культуре, получившем название тесинского» (Пшеницына 1979: 70). Ею, в том числе на основе тепсейских материалов³, было выделено три типа погребальных памятников тесинского периода, которые «отражают сложность социальной структуры общества того времени и его этническую неоднородность» (Там же), — традиционные большие курганы-склепы, грунтовые могильники, содержавшие от 8 до 100 и более захоронений, и значительные группы небрежно сделанных могил рядом со склепом или на более древних кладбищах («впускные захоронения»). Впервые именно здесь, на Тепсее, был обнаружен новый вид памятников, относящихся к тесинскому этапу, — поминальнички (пункт Тепсей I) (Там же: 71).

Изучение рисунков на камнях кургана-склепа Тепсей XVI

Помимо самих находок и возможностей реконструкции погребального обряда курган-склеп Тепсей XVI интересен наскальными изображениями, нанесенными на плиты его ограды. В целом в Тепсейском могильнике зафиксированы сотни рисунков на камнях тагарских курганов, что свидетельствует об особом месте петроглифов в погребальной практике.

Еще при раскопках Тепсея XVI участники отряда М. Н. Пшеницыной зафиксировали петроглифы на семи плитах курганной конструкции. Особый интерес представляет плита, маркировавшая вход в склеп: она была сфотографирована и описана в отчете (Пшеницына 1978: рис. 20–22). Хотя М. Н. Пшеницына указала количество выявленных

³ В Тепсейском археологическом микрорайоне на тот момент было исследовано около трети всех раскопанных тесинских могил на Среднем Енисее.

рисунков, описания изображений у нее относительно лаконичны, и далеко не все фотографии обнаруженных плит включены в полевой отчет — отдельного внимания петроглифам в то время не уделялось. В отчете отмечено, что на всех плитах изображены человеческие фигуры в технике выбивки, а на одной из вертикально поставленных плит северо-западной стены изображена фигура хищной птицы в технике прочерчивания (Пшеницына 1978: 6).

В конце 1970-х — 1980-е гг. заметно возрос интерес археологов к памятникам наскального искусства Сибири в целом и к рисункам на камнях тагарских курганов в частности. В 1981 г. наскальные изображения в конструкции склепа Тепсей XVI исследовали Б. Н. Пяткин и Т. В. Николаева, зафиксировавшие уже восемь камней с рисунками (Николаева 1983: 217–224). К сожалению, полученные материалы в свое время не были введены в научный оборот. В настоящее время некоторые из их прорисовок и микалентных копий хранятся в музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского ГУ (Пяткин 1982). В 1983 г. на Тепсее XVI работал Петроглифический отряд Среднеенисейской экспедиции ЛОИА АН СССР совместно с Минусинским краеведческим музеем им. Н. М. Мартьянова (Боковенко, Леонтьев 1985). В состав отряда входил Н. А. Боковенко, ранее принимавший участие в раскопках склепа. В его отчете были описаны те же рисунки, которые отметила и М. Н. Пшеницына: плита с изображениями двух перевернутых лошадей подгорновского времени, а также гравированный рисунок на большой простеночной плите в западной части склепа — изображение орла с распростертыми крыльями (Боковенко 1984: 18).

В 2013 г. Тепсейский отряд кафедры археологии Кемеровского ГУ приступил к полному документированию рисунков курганного могильника под горой Тепсей, в том числе и изображений на плитах кургана-склепа. В настоящее время место раскопок заросло травой и плотным кустарником, в образовавшейся западине выросли березы⁴, многие плиты накренились, некоторые упали. Поэтому осмотр предпочтительней проводить весной, поскольку в летний сезон многие плиты из сохранившейся ограды закрыты кустарником. В целом и сегодня конструкция ограды хорошо видна (рис. 2). Некоторые особенно большие плиты северо-западной, северо-восточной и юго-восточной стен накренились. Юго-западная стенка, в которой находился вход в ограду, на данный момент практически полностью разрушена. Помимо сохранившихся стенок ограды кургана видны многочисленные горизонтально лежащие или накренившиеся плиты. Рядом с оградой сосредоточено большое количество плитняка (рис. 3).

В результате проведенных работ нами было выявлено 16 камней с петроглифами: восемь уже известных ранее, а также восемь новых, упоминания о которых не встречаются в литературе или отчетной документации. Одна из плит, маркирующая вход в склеп, раскололась надвое, часть ее упала и лежала здесь же. На обеих ее частях выбиты изображения (рис. 4). Именно фотография этой плиты приводится в отчете М. Н. Пшеницыной (1978: рис. 20–22). Две другие массивные плиты юго-западной стены с петроглифами в настоящее время лежат горизонтально. На одной из них изображены «отмеченные» кони, или, как принято формулировать в последнее время, кони в «оглахтинской манере» (Советова 2005: рис. 12–15, табл. 8; Миклашевич 2016). В годы раскопок плита еще находилась в вертикальном положении⁵, при этом кони на плите были перевернуты, что указывает на ее переиспользование. Т. В. Николаева, как и М. Н. Пшеницына, отмечала, что плита находилась в конструкции, но рисунки были расположены вверх ногами (Николаева 1983: 144). Это важно для определения времени создания коней и изобразительной традиции. Факт ее переиспользования косвенно может указывать, что рисунки были нанесены на плиту еще

⁴ После завершения раскопок рекультивация не проводилась, поскольку предполагалось, что в скором времени эта территория будет затоплена.

⁵ По сведениям Н. А. Боковенко, плита с изображениями коней в 1983 г. уже упала и лежала горизонтально (Боковенко 1984: рис. 59).

Рис. 2. Современное состояние конструкции кургана-склепа Тепсей XVI, вид на юго-западную стенку ограды, 2022 г.

Fig. 2. Current state of the barrow-vault Tepsei XVI, SW view of the enclosure, 2022

Рис. 3. Общий вид на конструкцию кургана-склепа Тепсей XVI, съемка с квадрокоптера, 2022 г.

Fig. 3. General view of the barrow-vault Tepsei XVI, photo taken from a quadrocopter, 2022

Рис. 4. Плита, маркирующая вход в склеп: 1 — в 1970-х гг. (по: Пшеницына 1978: рис. 20); 2 — в 2015 г.
 Fig. 4. Slab marking the entrance to the vault: 1 — in 1970s (after Пшеницына 1978: рис. 20); 2 — in 2015

до времени создания кургана-склепа. Поверхность лицевой стороны этой плиты в настоящее время неровная, с повреждениями, часть наиболее древних изображений утрачена (рис. 5). На боковой грани имеются изображения антропоморфных фигур. Скорее всего, они были созданы в одно время с конями, так как тоже оказались перевернутыми. Другая массивная плита упала уже к 1980-м гг. На фотографии Б. Н. Пяткина 1980-х гг. она лежала горизонтально, впоследствии плита неоднократно сдвигалась посетителями, в настоящее время находится под наклоном, хотя во время раскопок еще находилась в конструкции ограды (Пшеницына 1978: рис. 9). В юго-западной части ограды в настоящее время лежит еще одна небольшая плита с изображениями нескольких антропоморфных персонажей. Очевидно, она была перенесена сюда Б. Н. Пяткиным и Т. В. Николаевой для удобства копирования. Нам удалось обнаружить эту плиту лишь весной 2015 г. при отсутствии травы: она была перевернута рисунками вниз и задернована.

Из всех рисунков северо-восточной и северо-западной стенок ограды наиболее выразительны антропоморфные, а также гравированные фигуры. На юго-восточной стенке наибольший интерес представляет изображение коня, выбитое на наклонившейся плите и скрытое плитой-контрфорсом. Конь расположен мордой вниз, у него четыре прямые ноги, грива прорисована шестью вертикальными гравированными черточками. Другие изображения зафиксированы на отдельных плитах, которые, очевидно, были выброшены в отвал при раскопках.

Хронологическая принадлежность петроглифов Тепсей XVI

Курган-склеп Тепсей XVI относится к тесинскому времени, что позволяет предположить датировку изображений на камнях его ограды тем же временем. Однако установленные факты переиспользования отдельных плит допускают и более раннее время их создания. Случаи вторичного применения камней с рисунками были обычной практикой при создании курганов. Например, в Барсучьем логу большая часть облицовки ограды также состояла из таких плит, о чем свидетельствуют их характерная форма, сглаженная поверхность, заветренность торцов и наличие на некоторых из них неправильно ориентированных изображений людей и животных (Ковалева 2013: 92, 95). Такая практика может предполагать намеренное разрушение строителями кургана более ранних захоронений. Памятники подвергались ограблению и частичному разрушению, все пригодные материалы,

в число которых легко могли попасть и плиты с рисунками, вторично использовали при возведении новой погребальной конструкции. Повторное использование плит, по мнению Н. Ю. Кузьмина, вряд ли было случайным и, видимо, являлось актом включения событий и образов прошлого (мифологических? эпических?) в текущее время, а дополнение композиции своими образами, возможно, усиливало такое восприятие (Кузьмин 2011: 204).

Случаи переиспользования камней с рисунками, как уже отмечалось, имели место и при создании Тепсейского склепа, поскольку при его сооружении были разрушены соседние курганы подгорновского этапа тагарской культуры (Пшеницына и др. 1978: 275), отчего часть изображений в конструкции находилась в перевернутом виде. Вопрос о том, была ли плита с конями привезена с соседнего памятника Оглахты для строительства кургана-склепа или стояла на соседнем подгорновском кургане, вряд ли будет когда-либо выяснен. Изображения «отмеченных» коней в «оглахтинской манере» датируются Я. А. Шером ранним этапом звериного стиля (Шер 1980: 243–249), Н. Л. Членовой — V–IV вв. до н. э. (Членова 1981: 86, 87), а по мнению Е. А. Миклашевич они могли «доживать» до тесинского времени (Миклашевич 2016: 331). Следует отметить и две плитки с фрагментами изображений, обнаруженные в отвалах. Судя по их форме и фрагментарности рисунков, скорее всего они были выломаны из какой-то писаницы. Известно, что девонский песчаник залегает горизонтальными пластами и при попытках отделения скальных блоков с изображениями от массива распадается на мелкие плиты с фрагментами изображений на их узких гранях (Миклашевич, Ожередов 2008: 176). Обнаруженные на Тепсее XVI плитки с фрагментами выбивки покрыты скальным «загаром», кардинально отличающимся от цвета камня. От изображений остались лишь дугообразные линии и, возможно, перекрещивающиеся ноги какого-то животного (?). Естественно, в связи с фрагментарностью изображений датировать их невозможно, но, учитывая «загар» камня, можно предположить их ранний возраст.

Видимо, не позднее времени сооружения кургана на одну из боковых плит северо-западной стены ограды было нанесено реалистичное изображение птицы (орла?), помимо которого нами была выявлена фигура животного, вероятно, коня, рядом с вертикальной линией (конь у коновязи?), также выполненная гравировкой⁶. Н. А. Боковенко относит это

Рис. 5. Плита с изображениями коней, 3D-модель, 2017 г.

Fig. 5. Slab with horse images, 3D-model, 2017

⁶ Если изображение птицы было неплохо видно на камне при хорошем естественном освещении, то изображение второй фигуры удалось обнаружить только при использовании искусственного освещения и лабораторной обработки цифровых фотографий плоскости.

изображение к тесинскому времени и отмечает, что плита с изображением птицы на момент раскопок была закрыта земляной насыпью (Боковенко 1984).

Отдельно стоит сказать о серии изображений антропоморфных персонажей, наиболее часто встречающихся на плитах ограды Тепсея XVI. Изображения антропоморфных фигур представлены на девяти плитах из шестнадцати. Рисунки выполнены различными техническими приемами: от мелкой изящной выбивки и шлифовки до грубой неряшливой выбивки. Практически всегда на камне представлено несколько человеческих фигур, порой вместе с другими изображениями. Все они довольно схематичны и показаны без каких-либо определенных датирующих признаков. Несколько антропоморфных персонажей выбито с «султанами» на головах, являющимися маркерами тагарских петроглифов. Среди рисунков встречаются антропоморфные персонажи в особых позах: с присогнутыми в коленях ногами, в фертообразной позе; некоторые изображения перевернуты. Особый интерес вызывает изображение на одной из разделительных плит склепа: антропоморфный персонаж с гипертрофированными растопыренными пальцами рук, округлой головой и повернутыми вправо ступнями, с предметом (зеркалом?) в руках.

Заключение

Даже спустя десятки лет после полевых исследований М. Н. Пшеницыной на территории Тепсейского археологического микрорайона сохраняется огромный информационный потенциал по изучению раскопанных объектов, в частности, наскальных изображений. Тщательно выполненные Маргаритой Николаевной отчеты, научные публикации и ее кандидатская диссертация являются востребованными уже не одним поколением археологов и позволяют продолжить исследования петроглифов. Дальнейшее усовершенствование методов их документирования позволит «прочитать» многие до сих пор непонятные сцены, «распутать» гравированные линии, нанесенные на плиты, а также изучить очень заветренные, заметные только при определенном освещении шлифованные фигуры.

Тепсейский археологический микрорайон до настоящего времени открывает новые, неизвестные страницы истории народов, обитавших на этих землях с глубокой древности до современности. Свою значительную лепту в изучение этой истории внесла Маргарита Николаевна Пшеницына.

Литература и источники

- Боковенко 1984 — *Боковенко Н. А.* Отчет об обследовании петроглифов в Новоселовском, Красно-туранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году // НОА ИА РАН. 1984. Ф. 1. Р-1. № 18036. 192 л.
- Боковенко, Леонтьев 1985 — *Боковенко Н. А., Леонтьев Н. В.* Обследование петроглифов на юге Красноярского края // АО 1983 года. 1985. С. 192.
- Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Грязнов 1979а — *Грязнов М. П.* Пункты раскопок // Грязнов М. П. (отв. ред.). Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 7–19.
- Грязнов 1979б — *Грязнов М. П.* Таштыкская культура // Там же. С. 89–146.
- Ковалева 2013 — *Ковалева О. В.* Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий лог // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. Вып. 1 (5). С. 91–111.
- Комплекс... 1979 — Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Грязнов М. П. (отв. ред.). Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.
- Кузьмин 2011 — *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 465 с.
- Миклашевич 2016 — *Миклашевич Е. А.* Исследование памятников наскального искусства хребта Оглахты в 2016 году // ПАЭАСиСТ. 2016. Т. 22. С. 328–332.

- Миклашевич, Ожередов 2008 — Миклашевич Е. А., Ожередов Ю. И. Фотографии сибирских писаниц в наследии А. В. Адрианова // Савинов Д. Г., Советова О. С. (отв. ред.). Тропой тысячелетий: к юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 156–188 (Тр. САИПИ. Вып. 4).
- Николаева 1983 — Николаева Т. В. Изображения на плитах оград тагарской культуры (методика и хронология): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 241 с.
- Пшеницына 1971 — Пшеницына М. Н. Раскопки могил тагарской культуры на Енисее // АО 1970 года. 1971. С. 201–202.
- Пшеницына 1974 — Пшеницына М. Н. Курганы и могилы на дне Красноярского водохранилища // АО 1973 года. 1974. С. 218–220.
- Пшеницына 1975 — Пшеницына М. Н. Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. 27 с.
- Пшеницына 1978 — Пшеницына М. Н. Отчет о работах Тепсейского отряда в 1977 году // НОА ИА РАН. 1978. Р-1. № 6712. 48 л.
- Пшеницына 1979 — Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Грязнов М. П. (отв. ред.). Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70–88.
- Пшеницына 1992 — Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Мошкова М. Г. (отв. ред.). Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 224–236.
- Пшеницына и др. 1978 — Пшеницына М. Н., Немировская Е. Л., Ефимов В. Г. Раскопки памятников тесинского этапа у горы Тепсей на Енисее // АО 1977 года. 1978. С. 274–275.
- Пяткин 1982 — Пяткин Б. Н. Копии с каменных плит оград тагарских курганов Хакасии // Коллекции петроглифов музея «Археология, этнография, экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1982. ОФ 45. 76 ед. хр.
- Советова 2005 — Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Ин-т автоматики и электрометрии СО РАН, 2005. 140 с.
- Членова 1981 — Членова Н. Л. Тагарские лошади (о связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Литвинский Б. А. (ред.). Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 80–94.
- Шер 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

M. N. PSHENITSYNA'S WORKS AT TEPSEI: SCIENTIFIC HERITAGE AND MODERNITY

O. S. SOVETOVA, O. O. SHISHKINA

Keywords: *petroglyphs, rock art, Tepsei, M. N. Pshenitsyna, barrows, recording, Tes' stage of the Tagar culture.*

The paper describes M. N. Pshenitsyna's works in the Tepsei archaeological microregion of South Siberia. She led excavations at the flat cemetery Tepsei VII and barrow-vault Tepsei XVI (both dated to the Tes' stage), at the site of Tepsei III that yielded materials dating from different periods, etc. In the course of works at Tepsei XVI rock drawings were found on seven slabs. Now they are being studied by Kemerovo archaeologists. Altogether 16 slabs with drawings have been revealed. The paper provides a description of the petroglyphs and discusses the question of their dating.

ПАЗЫРЫКСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР ИЗ МОГИЛЬНИКА УСТЬ-ТЁПЛАЯ (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)¹

С. П. ГРУШИН, Е. В. СТЕПАНОВА, А. В. ФРИБУС²

Ключевые слова: Алтай, ранний железный век, пазырыкская культура, звериный стиль, реконструкция, головной убор.

В статье дана характеристика пазырыкского комплекса из кург. 22 м-ка Усть-Тёплая, а также предпринята попытка реконструкции головного убора из этого погребения. Захоронение мужчины 25–30 лет было совершено по классическому пазырыкскому обряду в сопровождении коня. Погребальный инвентарь представлен типичным набором предметов: керамическая посуда, гривна, votивный бронзовый кинжал, железный нож. Также были обнаружены элементы декора головного убора: деревянная фигурка копытного и восемь бронзовых бляшек в виде орлов, покрытых золотой фольгой. Многочисленные аналогии и полностью сохранившиеся образцы (Ак-Алаха-1, кург. 1; Верх-Кальджин-2, кург. 3; Олон-Курин-Гол-10, кург. 1) позволяют реконструировать этот головной убор. По-видимому, он имел войлочное навершие без деревянной детали и два ряда бляшек в виде орлов в лобной части; боковая бляха с приставной головкой могла помещаться на нем или располагаться рядом. Находка такого головного убора на северо-западном форпосте пазырыкской культуры представляет несомненный интерес для понимания территориальной, социальной и этнической структуры пазырыкского общества.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-156-165

Введение

Изучение памятников археологии в районах смены природно-географических, ландшафтных зон, являвшихся также районами контакта различных этнокультурных ареалов, позволяет проследить многие аспекты взаимодействия древнего населения этих территорий. К подобным районам относится Северо-Западный Алтай, расположенный на периферии огромной горной системы, переходящей в равнинные лесостепные и степные ландшафты. В этой зоне проходили границы многих «степных» и «горных» этнокультурных образований древности и Средневековья, включая афанасьевскую, майэмирскую, бийкенскую, пазырыкскую и древнетюркскую культуры. Среди перспективных для исследования

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002) (С. П. Грушин) и в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014) (А. В. Фрибус). Полевые исследования в 2020 г. проводились совместной экспедицией Алтайского ГУ, Кемеровского ГУ и ИИМК РАН при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

² С. П. Грушин — Алтайский государственный университет; Барнаул, 656049, Россия. Е. В. Степанова — Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербург, 191181, Россия. А. В. Фрибус — Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Грушин С. П., Степанова Е. В., Фрибус А. В., 2023

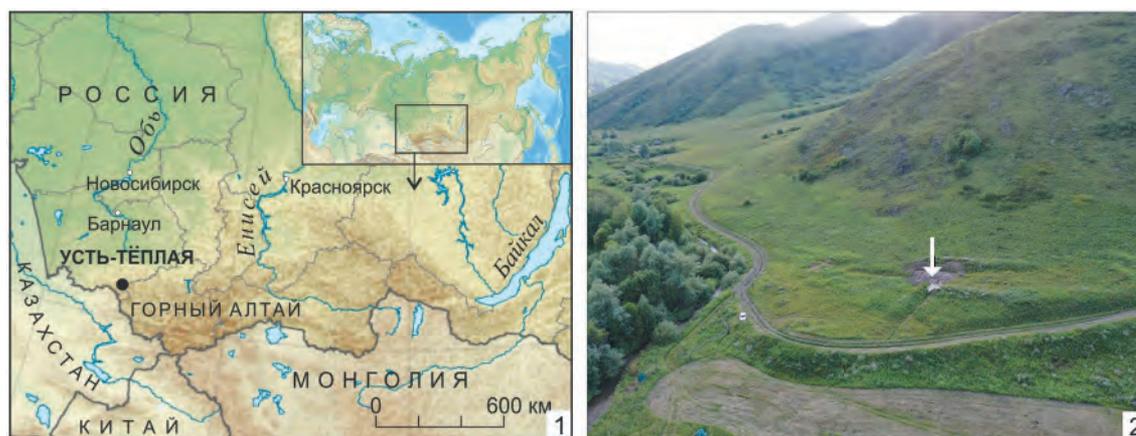

Рис. 1. Местоположение памятника Усть-Тёплая: 1 — карта; 2 — общий вид

Fig. 1. The location of the Ust-Teplaya site: 1 — map; 2 — general view

разновременных памятников Северо-Западного Алтая — курганный могильник Усть-Тёплая. Он расположен в Чарышском р-не Алтайского края, между селами Берёзовка и Сентелек, на левом берегу р. Чарыш, в месте впадения в нее р. Тёплой (рис. 1).

Памятник был случайно открыт в 1996 г. при строительстве дороги. В 1999 г. он был обследован П. И. Шульгой, который в 2000 г. провел аварийные работы, исследовав шесть каменных курганов (6–11) в трех раскопах. Позднее археологический отряд лаборатории археологии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН и Алтайского ГУ исследовал на памятнике еще несколько объектов. В 2020–2022 гг. изучение памятника продолжила совместная Чарышская археологическая экспедиция Алтайского ГУ, Кемеровского ГУ и ИИМК РАН. Общая вскрытая площадь в результате составила около 450 м². Всего было исследовано 10 сооружений: курганы 3, 4, 22, 25–29 и выкладки 23 и 24. Таким образом, к настоящему времени на памятнике Усть-Тёплая изучено несколько десятков курганов, выкладок, оград, относящихся к различным историко-культурным периодам (Грушин и др. 2022). Наиболее ранними из этих объектов являются ограды 7, 16, 20, 21 (Шульга 2002; 2010) и кург. 25, 27, 28. Погребальный обряд и керамические сосуды из погребений позволяют уверенно датировать эти объекты эпохой энеолита и связать их с афанасьевской культурой (XXXI–XXVII вв. до н. э.).

Следующий культурно-хронологический период представлен материалами раннескифского времени. Курган 7 относится к майэмирской культуре, ареал которой охватывает предгорья Алтая в Алтайском крае и Восточном Казахстане. Погребение датировано VII — первой половиной VI в. до н. э. Рядом с кург. 6 были расчищены несколько сооружений из камня, часть которых по обнаруженному там керамическому сосуду можно отнести к эпохе Средневековья (Шульга П. И., Шульга Н. Ф. 2001: 88, 89). Однако наиболее представительный из исследованных комплексов связан с одним из периодов раннего железного века (V–III вв. до н. э.). К нему относятся кург. 3, 4, 22, 26, 29. Зафиксированные конструкции и особенности обряда, а также обнаруженные находки позволили уверенно связать их с пазырыкской культурой. Наиболее представительными можно считать материалы кург. 22, где погребение было совершено по классическим канонам пазырыкской погребальной обрядности, а в составе сопроводительного инвентаря обнаружены остатки головного убора и украшения в скифском зверином стиле. Эта статья посвящена общей характеристике пазырыкского комплекса из кург. 22 и реконструкции головного убора.

Общая характеристика комплекса

Курган 22 занимает центральное место в пазырыкской цепочке, которая вытянута по линии З–В с отклонением к линии ЮЗ–СВ. Округлая насыпь диаметром 6,5 м была выложена галечником. Камни укладывали на погребенную почву в 2–3 слоя. Восточная пола

кургана была разрушена бульдозером при строительстве дороги. Насыпь сооружалась в два приема. Первоначально крупные камни были уложены по периметру, образуя крепиду, а оставшимися было заполнено пространство 1/3 северной полы. На втором этапе более мелким галечником были заполнены центр и южная половина насыпи, мелкие камни которой сползли вниз по склону, нарушив ее конфигурацию. Подпрямоугольная могильная яма была смещена к С относительно центра курганной насыпи. Размеры ямы, вытянутой длинной осью по линии СЗ–ЮВ, — 2,86 × 2,10 м, глубина от уровня древней погребенной почвы — 1,49–1,95 м. Заполнение ямы — крупные речные валуны.

Погребение в кург. 22 было совершено по классическому пазырыкскому обряду (рис. 2, 1). В северной части могильной ямы находились останки коня, втиснутого между стенкой ямы и срубом. Сруб практически не сохранился. Туша животного, как и тело погребенного, была ориентирована головой на ЮВ. Между челюстями найдены железные удила.

На дне, в центре могильной ямы, находился скелет человека *in situ*. Умерший, мужчина 25–30 лет³, был уложен в вытянутом положении на спине, головой на ЮВ. Часть костей была смещена, отдельные кости отсутствовали из-за активности грызунов. На многих костях фиксировался тлен от деревянного перекрытия. Кости лежали на деревянной подстилке, от которой сохранился органический тлен.

Сопроводительный инвентарь. В восточном углу могилы находился развал кувшина и нижняя часть второго керамического сосуда. Развал еще одного сосуда баночной формы был обнаружен в заполнении могильной ямы. Под нижней челюстью, которая была смещена и перевернута, обнаружена половина гривны в виде обруча из бронзовой трубочки, обернутой золотой фольгой. У правой бедренной кости найден вотивный бронзовый кинжал в деревянных ножнах. Недалеко от него обнаружена вторая половина гривны. Рядом располагался железный нож с остатками древесной органики, возможно, от столика, рукояти или ножен.

В районе черепа обнаружены *остатки головного убора* — органический тлен, фигурка копытного и восемь бляшек в виде орлов, изготовленных из бронзы и покрытых золотой фольгой. Сохранилась преимущественно фольга, от дерева — тлен, от бронзы — окислы. При расчистке погребения в районе черепа фиксировались также мелкие фрагменты золотой фольги (рис. 2, 2–4).

Реконструкция головного убора и его аналогии

Судя по остаткам бронзовой основы, бляхи были выполнены из бронзового листка в технике металлопластики⁴. Деревянная фигурка копытного была плоской, но, вероятно, с приставной головкой (на что указывает положение уха и сложенный вдвое листочек фольги на шее) с двумя козлиными рогами.

Все орлы повернуты в одну сторону и обращены бронзовой основой вверх. В остатках головного убора зафиксированы щепки перекрытия. Головной убор был смят и перевернут на лицевую сторону. При этом в момент деформации, видимо, еще сохранялась связь блях с текстильной основой: в их расположении довольно отчетливо прослеживаются два ряда, только один орел оказался смещен в сторону приблизительно на 40 см.

По набору украшений можно предположить, что головной убор из кург. 22 Усть-Тёплой относится к группе пазырыкских мужских шлемовидных головных уборов с гребневидным птичеголовым навершием. Шлемовидные головные уборы носили и причерноморские скифы, и азиатские саки, и сибирские кочевники скифского времени. Однако форма верха и детали оформления таких головных уборов имели выраженную этническую специфику, различаясь у отдельных групп кочевого населения в разные периоды.

³ Антропологическое определение сделано В. Е. Алексеевой (Алтайский ГУ).

⁴ Множество выполненных в этой технике блях различной формы было найдено в Пазырыке, в кург. 2. Их использовали для декора одежды (Руденко 1948: 53). В Туэкте, в кург. 2, бляхи из бронзового листка, покрытые золотой фольгой, украшали не только одежду, но и покрывало одного из сидел (Руденко 1960). Сохранность бронзовой основы таких блях часто плохая.

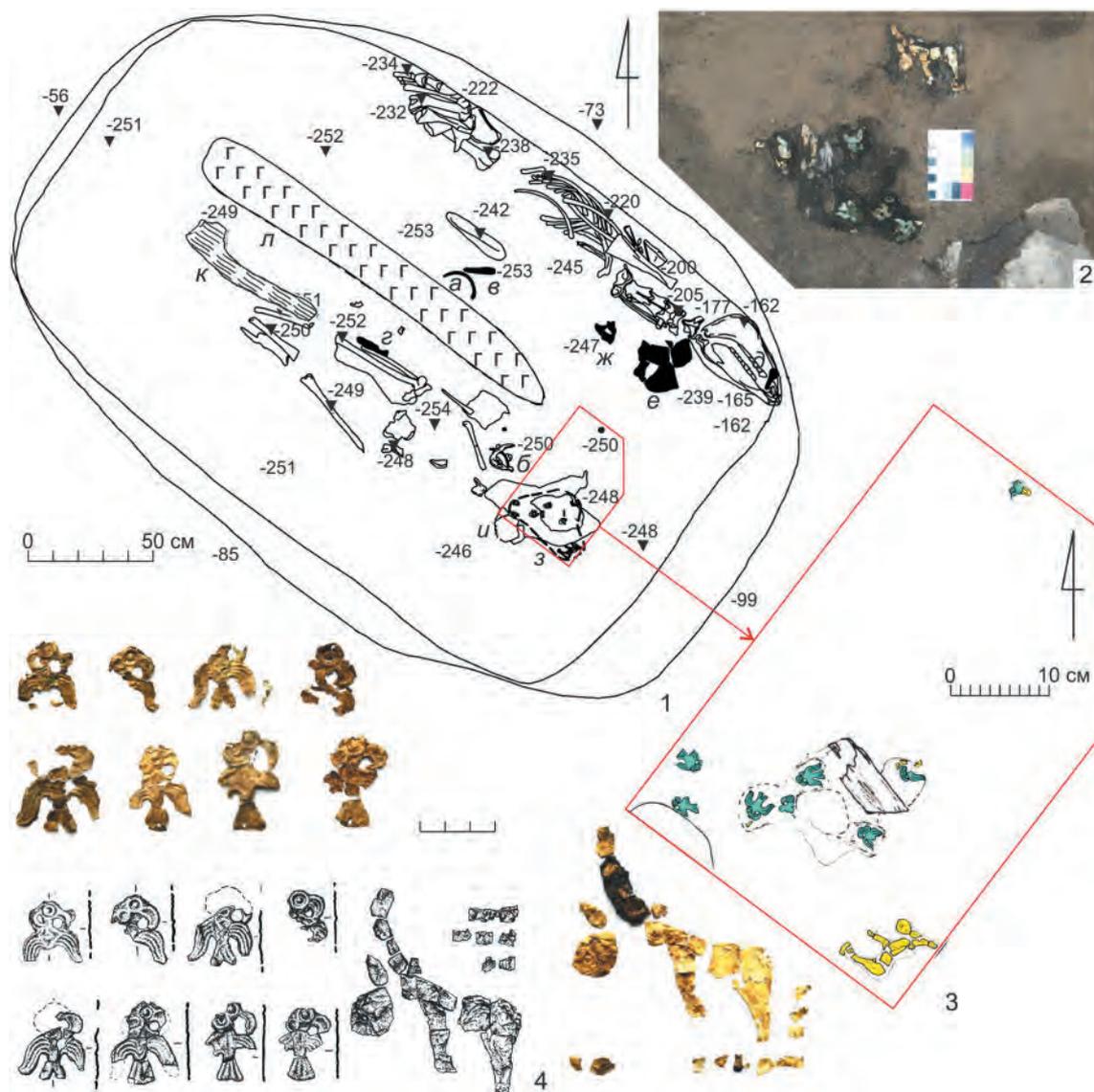

Рис. 2. Могилище Усть-Тёпая, кург. 22: 1 — план погребения (а, б — гривны; в — нож; г — кинжал; д — удила; е — сосуд 1; ж — сосуд 2; з — остатки головного убора; и — череп; к — древесный тлен; л — черный гумусированный грунт); 2, 3 — фрагменты головного убора *in situ* (фото, вид с СЗ, план); 4 — фото и прорисовки фигурок орлов (золотая фольга, бронза) и животного (золотая фольга, дерево)

Fig. 2. Ust-Teplya burial ground, barrow 22: 1 — plan of the burial (а, б — torcs; в — knife; г — dagger; д — bits; е — vessel 1; ж — vessel 2; з — headgear remains; и — skull; к — wooden decay; л — black humus); 2, 3 — headgear fragments *in situ* (photo, NW view, and a plan); 4 — photos and drawings of eagle (gold foil, bronze) and animal (gold foil, wood) figurines

Все ранее известные пазырыкские мужские головные уборы с наверхшиями сосредоточены в юго-восточной части Алтая (рис. 3) и относятся к довольно узкому временному промежутку: IV — началу III в. до н. э. Все погребения, в которых обнаружены эти уборы, совершены по классическому пазырыкскому обряду. В более ранних и более поздних погребениях, а также совершенных с отклонениями от обряда (другая ориентировка, каменные ящики, отсутствие лошадей) подобные головные уборы не фиксируются (Руденко 1953; 1960; Кубарев 1987; 1991; 1992; Полосьмак 1994; 2001; Молодин 2000; Молодин и др.

Рис. 3. Карта: *a* — могильники пазырыкской культуры с находками мужских головных уборов с гребневидным навершием; *б* — могильники пазырыкской культуры

Fig. 3. Map: *a* — burial ground of the Pazyryk culture with the finds of men's headgears with a comb-like pommel; *b* — burial ground of the Pazyryk culture

2012; Самашев 2011). Очевидно, парадные головные уборы с навершиями отражают этническую (родовую, племенную) принадлежность их владельцев.

Аналогичную локализацию и датировку имеют и женские головные уборы-парики, подобные найденному в Ак-Алахе-3, кург. 1 (Полосьмак 2001; Кубарев 1987; 1991; 1992). В последние годы было обнаружено два подобных женских головных убора и на северо-западной окраине пазырыкского ареала: в кург. 15 м-ка Ханкаринский Дол (Дашковский, Усова 2011) и в кург. 34 м-ка Чинета II (Дашковский 2022). Все они также найдены только в погребениях, совершенных по классическому пазырыкскому обряду. Благодаря находке из Усть-Тёплой эта северо-западная серия пополнилась и мужским головным убором.

Сохранились три целых мужских головных убора с гребневидными птицеголовыми навершиями (Ак-Алаха-1, кург. 1; Верх-Кальджин-2, кург. 3; Олон-Курин-Гол-10, кург. 1), на примере которых видно, что навершия могли быть из дерева, целиком из войлока или комбинированными: гребень из войлока, а верхняя деталь («головка») — из дерева. Все головные уборы капорообразные, с ушками, сшиты из двух парных деталей из войлока, окрашенного в красный цвет (Полосьмак 2001: рис. 105; Молодин 2000: рис. 125; Молодин и др. 2012: рис. 85) (рис. 4). Головные уборы с гребневидными навершиями имеют стандартный набор украшавших их фигурок — это фантастические копытные и орлы, что позволяет достоверно

Рис. 4. Пазырыкские мужские головные уборы с гребневидным навершием: 1 — Верх-Кальджин-2, кург. 3 (по: Молодин 2000: рис. 125); 2 — Олон-Курин-Гол-10, кург. 1 (по: Молодин и др. 2012: рис. 85); 3 — Ак-Алаха-1, кург. 1 (по: Полосьмак 2001: рис. 105)

Fig. 4. Pazyryk men's headgears with comb-like pommel: 1 — Verkh-Kaldzhin-2, barrow 3 (after Молодин 2000: рис. 125); 2 — Olon-Kurin-Gol-10, barrow 1 (after Молодин и др. 2012: рис. 85); 3 — Ak-Alakha-1, barrow 1 (after Полосьмак 2001: рис. 105)

фиксировать такие головные уборы, даже если их войлочная основа утрачена, как, например, в кург. 22 из Усть-Тёплой. Для оформления пазырыкских женских головных уборов рассматриваемого времени использовали тот же набор персонажей, но так как конструкция женских головных уборов была иная, то и набор деталей отличался. Нужно отметить, что изображения хищников для украшения пазырыкских головных уборов не использовались⁵.

Наиболее часто встречаемый вариант оформления уборов с гребневидными навершиями включает набор из трех фигурок копытных — двух объемных и одной барельефной с приставной головкой. Одна объемная фигурка размещалась на вершине гребня, вторая — по центру убора в лобной части. Плоская непарная фигурка располагалась слева, причем часто она имела характерные подвески снизу. Иногда фигурку копытного на гребне заменяла объемная фигурка орла. Когда такой не было, фигурки копытных сопровождалась плоскими стилизованными изображениями орлов с расправленными крыльями из кожи или бронзы, которые покрывались золотой фольгой (рис. 5), — только фольга в большинстве случаев от них и остается. Все блестящие в виде орлов имеют отверстия для пришивания.

Копытные персонажи телами напоминают стилизованных лошадей, оленей и барашков, при этом они снабжены не соответствующими их телу приставными рогами (обычно

⁵ Для сравнения: декор головного убора вождя из кург. Иссык, наряду с изображениями копытных и птиц, включал и парные изображения «тигров» (варианты реконструкции: Акишев 1978: 47, рис. 62, 63; Алтынбеков 2014: рис. на с. 165) — другая культура, иная этническая принадлежность внутри скифской общности.

Рис. 5. Декоративные элементы пазырыкских мужских головных уборов с гребневидным навершием в виде фантастических орлов: 1 — Уландрык-4, кург. 2; 2–4, 8 — Юстыд-12 (2 — кург. 8; 3 — кург. 25; 4 — кург. 18; 8 — кург. 19); 5 — Барбугазы-1, кург. 26; 6, 7, 9 — Ак-Алаха-1, кург. 1 (по: 1 — Мыльников 2011: рис. 63; 2–4, 8 — Кубарев 1991: табл. XXVII, 33; LV, 14; XLIII, 6; XLV, 14; 5 — Кубарев 1992: табл. XXXI, 9–12; 6 — фото Е. В. Степановой; 7, 9 — Полосьмак 2001: рис. 16, б; 157, реконструкция IV). 9 — без масштаба. 1–3 — дерево; 4, 5, 7 — золото; 6 — кожа; 8 — войлок, бронза, золото

Fig. 5. Decorative elements of Pazyryk men's headgears with a comb-like pommel in the form of fantastic eagles: 1 — Ulandryk-4, barrow 2; 2–4, 8 — Yustyd-12 (2 — barrow 8; 3 — barrow 25; 4 — barrow 18; 8 — barrow 19); 5 — Barbugazy-1, barrow 26; 6, 7, 9 — Ak-Alakha-1, barrow 1 (after 1 — Мыльников 2011: рис. 63; 2–4, 8 — Кубарев 1991: табл. XXVII, 33; LV, 14; XLIII, 6; XLV, 14; 5 — Кубарев 1992: табл. XXXI, 9–12; 6 — photo by E. V. Stepanova; 7, 9 — Полосьмак 2001: рис. 16, б; 157, реконструкция IV). 9 — without scale. 1–3 — wood; 4, 5, 7 — gold; 6 — leather; 8 — felt, bronze, gold

козлиными), длинными хвостами и стилизованными «птичьими» мордочками. Возможно, все они являются вариантами копытного грифона, наиболее полные изображения которого представлены на татуировках пазырыкцев. На телах барельефных «олений» могут быть изображены головы барана (на крупе) и сайги или козлика (на плече). Такие же профильные головки встречаются и на эгретах женских головных уборов в виде раздвоенного оленеподобного персонажа, а также, например, они показаны на некоторых поясных пластинах с изображением копытного грифона из Сибирской коллекции Петра I.

Если верхняя фигурка всегда имеет тот или иной вариант крепежных элементов и определенно связана с навершием, то непарные — центральная и боковая — скорее всего, являются элементами погребального декора. Например, для полностью сохранившегося головного убора из Верх-Кальджина-2 специально отмечено, что никаких следов фиксации этих фигурок на головном уборе не выявлено (Молодин 2000: 105). В большинстве погребений усопшего клали на правый бок — соответственно, непарную фигурку помещали слева на головной убор или клали рядом.

Несимметричный декор для пазырыкской культуры в целом нехарактерен. В более богатых погребениях мы имеем наборы парных фигурок. Например, в м-ке Уландрык-4, в кург. 1 и 2, головные уборы украшали по три пары фигурок, помимо фигурки

на навершии (Кубарев 1987: табл. LXIX, LXXIV, LXXV). Непарные барельефные фигурки в этих памятниках также имелись, но разместить их на головных уборах затруднительно.

Головной убор вождя из кург. 2 Пазырыка помимо деревянного резного навершия также был украшен двумя парными декоративными композициями (Степанова 2017: рис. 1, 2). Причем тело копытных на этих парных деталях трактовано так же, как и на барельефных непарных бляхах в рядовых погребениях: с двумя профильными головками — барана (на крупе) и козлика (на плече). Все деревянные и кожаные элементы декора были покрыты золотой фольгой и раскрашены красной краской. Сам головной убор был сшит из красного войлока и сверху покрыт красной импортной тканью, треугольные ушки завязывались ремешками под подбородком (Степанова 2019: 88–90, рис. 8). Хотя по форме и схеме декора головной убор вождя аналогичен головным уборам рядовых пазырыкцев, его гребень в два раза выше, а художественный уровень и производимое впечатление гораздо внушительнее. Сцена терзания повторена на нем пять раз, тогда как на головных уборах простых пазырыкцев она только подразумевается.

Возвращаясь к непарным фигуркам (объемной и барельефной), нужно отметить, что в ряде памятников они определенно не связаны с головным убором. Во многих периферийных могильниках пазырыкской культуры часть погребений, иногда весьма значительная, совершена не по классическому пазырыкскому обряду, что указывает на этническую неоднородность пазырыкского общества (при наличии мировоззренческой, социальной и экономической общности). При этом вещи в погребениях — совершенно однотипные, зачастую сделанные одними мастерами. Фигурки персонажей, которые мы видим на головных уборах, тоже имели сакральное значение и использовались как погребальный инвентарь. Например, в м-ке Уландрык-1 в кург. 4 и 6 с детскими погребениями в колодах с СЗ ориентировкой две фигурки, включая плоскую с приставной головкой, были положены в одном случае справа от тела, а другом — в деревянную мисочку (Кубарев 1987: 157–159, табл. IX, XIII–XIV). В кург. 5 м-ка Уландрык-2 в погребении молодой женщины по пазырыкскому обряду две барельефные бляхи с приставными головками были найдены зажатыми в правой кисти руки, возможно, в сумочке, вместе с пятью молочными зубами (Там же: 171, табл. XLII, 4, 5). Сложный женский головной убор покойной, видимо, еще не полагался по статусу.

В двух мужских погребениях (в кург. 18 и 25) м-ка Барбугазы-1, с восточной ориентировкой, но в каменных ящиках, стандартный для головных уборов набор фигурок копытных персонажей имел однотипную оригинальную локализацию, более нигде не повторяющуюся (Кубарев 1992: табл. XXIII, XXIX, XXX). Одна объемная фигурка располагалась в районе пояса, вторая — на деревянном блюде, а плоская с приставной головкой в одном случае лежала в изголовье, в другом — тоже в изголовье, но на блюде. Таким образом, плоские барельефные бляхи с приставными головками могли использовать как для дополнительного погребального декора головных уборов с птицеголовыми навершиями, так и в качестве самостоятельного погребального инвентаря.

Что касается блях в виде орлов, то их расположение в виде вертикального ряда на фрагменте головного убора из темно-красного войлока зафиксировано в кург. 19 м-ка Юстыд-12 (Кубарев 1991: рис. 31, табл. XLIV, 14). Пять блях имели бронзовую основу, покрытую золотой фольгой. Все головки орлов, как и в Усть-Тёплой, повернуты в одну сторону (рис. 2; 5, 8). Также вертикальный ряд из трех более крупных блях в виде орлов из толстой кожи, покрытой золотой фольгой, зафиксирован в кург. 1 в Ак-Алахе-1 (Полосьмак 2001: 157, реконструкция IV)⁶. Орлы располагались по центру в лобной части головного убора. Аналогичное расположение орлов можно предположить и для головного убора из кург. 22 Усть-Тёплой, но там орлы, вероятно, располагались в два ряда. Наиболее близок набору

⁶ При таком расположении орлов крепление фигурки копытного по центру лобной части затруднительно.

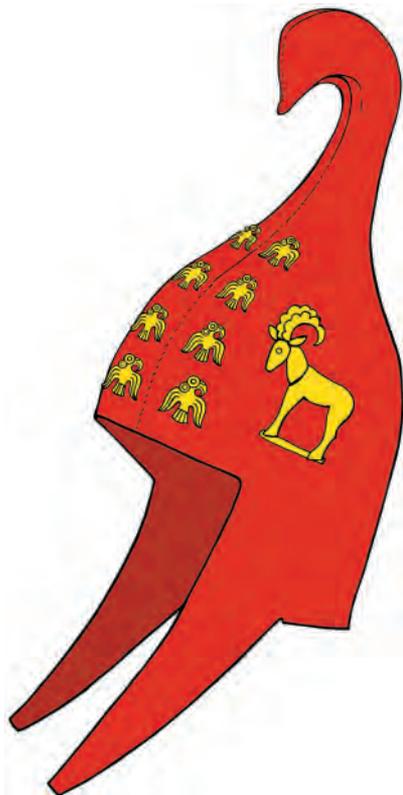

Рис. 6. Могильник Усть-Тёплая, кург. 22, реконструкция головного убора

Fig. 6. Reconstruction of the headgear from the barrow 22 of the Ust-Teplaya burial ground

из Усть-Тёплой комплект блях из м-ка Барбугазы-1, кург. 26: четыре мелкие бляхи в виде орлов с расправленными крыльями, покрытые золотой фольгой (основа не сохранилась), барельефная бляха, от которой осталась деревянная подвеска, и золотая фольга от козлиного рога и другой подвески (Кубарев 1992: табл. XXXI, 9–15).

Заключение

Таким образом, головной убор из кург. 22 Усть-Тёплой, по-видимому, имел войлочное навершие без деревянной детали и два ряда бляшек в виде орлов в лобной части (рис. 6). Боковая бляха с приставной головкой могла помещаться на головном уборе или располагаться рядом. Судя по тому, что погребенный мужчина лежал на спине, более вероятно последнее.

Находка этого головного убора на северо-западном форпосте пазырыкской культуры представляет несомненный интерес для понимания территориальной, социальной и этнической структуры пазырыкского общества. Наличие социально престижных предметов сопроводительного инвентаря (головного убора с предметами, выполненными в зверином стиле; гривны; использование золота для оформления декоративных элементов), а также особенности погребального обряда (сопроводительное захоронение лошади) подчеркивают относительно высокий социальный статус мужчины, погребенного в кург. 22 м-ка Усть-Тёплая. Необходимо отметить, что на этом памятнике кроме классических пазырыкских курганов исследованы также захоронения в каменных ящиках, курганы, отличающиеся особенностями сооружения каменной насыпи, погребения с раз-

личной ориентацией умерших, что свидетельствует об этнокультурной неоднородности коллектива, оставившего данный некрополь.

Литература

- Акишев 1978 — Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Алтынбеков 2014 — Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации. Алматы: Остров Крым, 2014. 360 с.
- Грушин и др. 2022 — Грушин С. П., Шульга П. И., Фрибус А. В. Некоторые итоги и перспективы исследования памятника Усть-Тёплая в Северном Алтае // Молодин В. И. (отв. ред.). Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: Тез. МНК, посвящ. 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 173–175.
- Дашковский 2022 — Дашковский П. К. Реконструкция женского головного убора из кургана пазырыкской культуры могильника Чинета II (Алтай) // Полевые исследования в верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022. № 17. С. 96–102.
- Дашковский, Усова 2011 — Дашковский П. К., Усова И. А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай) // АЭАЕ. 2011. № 3 (47). С. 78–84.
- Кубарев 1987 — Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
- Кубарев 1991 — Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 194 с.
- Кубарев 1992 — Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 224 с.

- Молодин 2000 — Молодин В. И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Молодин В. И., Деревянко А. П. (отв. ред.). Феномен алтайских мумий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 86–119.
- Молодин и др. 2012 — Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М.: Триумф принт, 2012. 566 с.
- Мыльников 2011 — Мыльников В. П. Резьба по дереву в скифское время (Северная Азия). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. 188 с.
- Полосьмак 1994 — Полосьмак Н. В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 124 с.
- Полосьмак 2001 — Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Руденко 1948 — Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. 64 с., XXIX табл.
- Руденко 1953 — Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Руденко 1960 — Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
- Самашев 2011 — Самашев З. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Степанова 2017 — Степанова Е. В. Реконструкция головного убора вождя из 2-го Пазырыкского кургана // Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). Тр. V (XXI) ВАС в Барнауле — Белокурихе: Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. С. 986–987.
- Степанова 2019 — Степанова Е. В. Войлочная одежда из курганов пазырыкской культуры Алтая // Ёлкина И. И., Вагнер М., Тарасов П. Е. (ред.). Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция: Материалы Российско-Германского семинара (Москва, 11–13 марта 2018). М.; Оппенхайм-на-Рейне: ИА РАН; Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, 2019. С. 75–93.
- Шульга 2002 — Шульга П. И. Новые материалы по афанасьевской культуре в бассейне реки Чарыш // Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. (отв. ред.). Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2002. С. 150–154.
- Шульга 2010 — Шульга П. И. Захоронения эпохи энеолита-бронзы из могильников Щучий Лог-I и Усть-Теплая // Степанова Н. Ф., Поляков А. В. (отв. ред.). Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 189–199.
- Шульга П. И., Шульга Н. Ф. 2001 — Шульга П. И., Шульга Н. Ф. Аварийные раскопки в 2000 г. на могильниках Усть-Теплая и Гилево-10 // Тишкин А. А. (гл. ред.). Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2001. Вып. 27. С. 85–92.

THE PAZYRYK HEADGEAR FROM UST-TEPLAYA BURIAL GROUND (NORTHERN ALTAI)

S. P. GRUSHIN, E. V. STEPANOVA, A. V. FRIBUS

Keywords: *Altai, Early Iron Age, Pazyryk culture, animal style, reconstruction, headgear.*

The paper provides a description of the Pazyryk complex from burial mound No. 22 of the Ust-Teplaya burial ground, and an attempt is made to reconstruct the headdress from this burial. The burial of a 25–30-year-old man was arranged according to the classical Pazyryk rite, accompanied by a horse; the grave goods are represented by a typical set of items: ceramic dishes, a torc, a votive bronze dagger, and an iron knife. Decor elements of the headgear were also found: a wooden figurine of an ungulate and 8 bronze plaques in the form of eagles covered with gold foil. Numerous analogies and fully preserved samples (Ak-Alakha-1, barrow 1, Verkh-Kaldzhin-2, barrow 3, and Olon-Kurin-Gol-10, barrow 1) allow to reconstruct this headgear. Apparently, it had a felt pommel without a wooden detail and two rows of plaques in the form of eagles in the frontal part; a side plate with an attached head could fit on it or be located nearby. The discovery of this headgear at the northwestern outpost of the Pazyryk culture is of undoubted interest for understanding the territorial, social and ethnic structure of the Pazyryk society.

КОЖАНЫЕ И МЕХОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КУРГАНОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ: СЫРЬЕ И ТЕХНОЛОГИИ ЕГО ОБРАБОТКИ¹

Е. В. СТЕПАНОВА, С. БРАУН, Т. Э. КАМПЕР, В. С. БУСОВА²

Ключевые слова: протеомный анализ, ZooMS, дубление, ранний железный век, Алтай, скифское время, пазырыкская культура, археологическая кожа, археологический мех, сырье.

В статье рассмотрены источники сырья и особенности его обработки для кожаных и меховых изделий из «царских» курганов пазырыкской культуры Алтая конца VI — III в. до н. э. В исследовании использованы материалы из курганов Шибе; Пазырык, кург. 1 (раскопки М. П. Грязнова 1927, 1929 гг.); Пазырык, кург. 2 и 5, Башадар, кург. 2, Туэкта, кург. 1 (раскопки С. И. Руденко 1948–1950, 1954 гг.), хранящиеся в Государственном Эрмитаже (рис. 1, 2). Перспективным методом для определения источников кожевенного производства является протеомный анализ, позволяющий на основе последовательности белков-пептидов установить видовую принадлежность животных по мельчайшим фрагментам кожи или костей. Протеомные исследования показали, что для подавляющего большинства пазырыкских изделий из кожи и меха (основы изделия и отделки) использовали шкуры домашних животных (КРС, лошадей, овец и коз). Мех диких животных (пушных, копытных и хищников) использовался эпизодически. На этой же группе предметов методы экспериментальной археологии позволили определить различные технологии дубления, которые применялись в пазырыкской культуре. Полученные результаты (табл.) дают новую информацию о традициях кожевенного производства в конце VI — III в. до н. э. и позволяют оценить роль домашних и диких животных в хозяйстве кочевников скифского времени.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-166-174

Введение

Пазырыкская культура Алтая (конец VI — III в. до н. э.) знаменита уникальной сохранностью предметов из органических материалов (дерева, кости, кожи, меха, тканей и войлока), позволяющей воочию увидеть жизнь племен скифского времени. Большинство вещей были найдены в курганах вождей благодаря линзам мерзлоты, образовавшимся под мощными каменными насыпями. Вещи из могил знати и «царей» отличаются качественным и высокохудожественным уровнем исполнения. Зачастую сохраняется не только форма, но и цвет изделий.

¹ Исследования начаты в 2019–2020 гг. при поддержке Society of Antiquaries of London (Jane Arnold Award). В. С. Бусовой работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014). Коллектив авторов выражает благодарность П. Хоммелю.

² Е. В. Степанова — Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербург, 191181, Россия. С. Браун — Университет Тюбингена; Тюбинген, 72074, Германия. Т. Э. Кампер — Университет Эксетера; Эксетер, EX4 4QE, Великобритания. В. С. Бусова — Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Степанова Е. В., Браун С., Кампер Т. Э., Бусова В. С., 2023

Природные условия и скотоводческий полукочевой характер хозяйства носителей пазырыкской культуры предопределили широкое использование ими предметов из кожи и меха. Это одежда (шубы, штаны, головные уборы, пояса), обувь, конское снаряжение (седла, узды, путы и др.), оружие (щиты, колчаны, ножны), емкости для хранения и переноски (разнообразные сумки, фляги, амулетницы, чехлы), предметы интерьера (ковры, подушки), крепежные ремни (для соединения деталей повозок, сборных жилищ и т. п.), украшения предметов из других материалов (сосудов, погребальных колод) и др.

Особенностью кожаных и меховых изделий из курганов пазырыкской культуры является частое использование нескольких видов сырья в одной вещи, что определяется как функциональной особенностью отдельных элементов изделий (дно и стенки колчана, подошва, головка и голенище сапога), так и их сложной отделкой (аппликации, подвески), и традицией набирать элементы кроя из мелких кусочков (шубы, штаны, покрышки седел, голенища сапог, стенки колчанов и т. п.).

При введении в научный оборот этого громадного массива артефактов до настоящего времени основное внимание уделялось конструктивным особенностям предметов и их отделке, тогда как источники сырья и способы его обработки оказались изучены недостаточно. То же касается выявления характерных решений древних кочевников по выбору сырья и способу обработки для разных функциональных групп предметов. При этом выбор сырья может диктоваться не только функциональными, но и мировоззренческими соображениями. Наша статья призвана отчасти восполнить этот пробел.

Современные способы определения мехового и кожевенного сырья можно разделить на визуальные (включая микроскопические — по строению поверхности и слоев волос на поперечных и продольных срезах, а также по мерею) и качественные (протеомные, генетические) исследования.

Сохранность некоторых меховых изделий из курганов пазырыкской культуры такова, что видовую принадлежность животных, шкуры которых использованы для пошива одежды и других предметов, можно определить визуально. Например, парадные мужские и женские шубы из кург. 2 Пазырыка сшиты из меха белки и соболя, а в Большом Катандинском кургане («кафтан» и «фрак») — из соболя и горностая (Руденко 1953: 109; Полосьмак, Баркова 2005: 45). Данные определения сомнений не вызывают.

Однако даже при хорошей сохранности часть видовых определений остается дискуссионной. Это касается, например, изделий из пятнистого меха, источником которого М. П. Грязнов считал гепарда (Грязнов 1950: 40), а С. И. Руденко — леопарда (Руденко 1953: 54, 93). К настоящему времени выявлено еще большее число предметов с использованием пятнистого меха, чем считали авторы раскопок (не менее 13) (4 — в Башадаре, кург. 2; 9 — в Пазырыке, кург. 1, 2).

Сложности визуального определения связаны также с тем, что во многих случаях материал представлен мелкими фрагментами шкур — аппликациями или наборными кусочками элементов кроя. Существенно затруднены визуальные определения, включая микроскопические, стриженного и крашеного меха (рис. 1). К сожалению, для подавляющего числа предметов визуальные методы не могут быть использованы вследствие значительной деградации всех слоев кожи и утраты структуры волос. Поэтому в этих случаях перспективным способом определения мехового и кожевенного сырья является протеомный анализ как сравнительно малозатратный и неразрушающий.

Для исследований протеомным анализом были отобраны 19 предметов из курганов Шибе; Пазырык, кург. 1 (раскопки М. П. Грязнова 1927, 1929 гг.), Пазырык, кург. 2 и 5, Башадар, кург. 2, Туэкта, кург. 1 (раскопки С. И. Руденко 1948–1950, 1954 гг.), хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Они относятся к различным функциональным группам предметов — конскому снаряжению, одежде, предметам быта, элементам вооружения, деталям декора (табл., рис. 1; 2). По составу сырья девять предметов были сложносоставными, поэтому всего было отобрано 34 образца. Также из этой группы на 10 предметах с наилучшей

Рис. 1. Изделия из меха и кожи: 1 — штанина, инв. № 2179/973 (Туэкта, кург. 1); 2 — сапог, инв. № 1973/15 (Башадар, кург. 2); 3 — фрагмент сумки для сыра, инв. № 1684/340 (Пазырык, кург. 2); 4 — фрагмент шубы, инв. № 1684/200 (Пазырык, кург. 2). Мех, кожа, сухожильные нити

Fig. 1. Leather and fur articles: 1 — pant leg, inv. No. 2179/973 (Tuekta, barrow 1); 2 — high boot, inv. No. 1973/15 (Bashalar, barrow 2); 3 — cheese bag fragment, inv. No. 1684/340 (Pazyryk, barrow 2); 4 — fur coat fragment, inv. No. 1684/200 (Pazyryk, barrow 2). Fur, leather, sinew threads

сохранностью методами экспериментальной археологии были изучены способы обработки кожи. Лабораторная часть исследований проведена в 2019–2020 гг.

Методы

Протеомный (пептидный) анализ — метод зоо-масс-спектрометрии (ZooMS — Zooarchaeology by Mass Spectrometry; анализ цепочек белков-пептидов), позволяющий быстро определить по мельчайшим фрагментам кожи или кости видовую принадлежность животных.

Белки содержатся во всех тканях любого живого организма, в том числе и в коже животного. Для протеомного анализа основным методом является так называемое взвешивание белков и пептидов в масс-спектрометре и получение спектра, который сугубо индивидуален для каждого вида. Для анализа результатов требуется база данных белковых последовательностей. Этот метод не подходит для тех меховых изделий, у которых не сохранилась кожаная основа, а следовательно, и коллаген. Для его применения необходимо использование специального оборудования (масс-спектрометра), но сам процесс дешевый, быстрый, не требующий дорогих расходных материалов и почти неразрушающий, так как проводится на основе микроскопического образца.

Образцы кожи из курганов пазырыкской культуры были проанализированы на базе Института Макса Планка в соответствии с ранее опубликованными протоколами

Рис. 2. Изделия из кожи: 1 — седло (правая подушка), инв. № 2179/950 (Туэкта, кург. 1); 2 — мешочек из-под краски, инв. № 1684/99 (Пазырык, кург. 2); 3 — аппликация с петухами, инв. № 1295/49 (Пазырык, кург. 1). Кожа, сухожильные нити

Fig. 2. Leather articles: 1 — saddle (right half), inv. No. 2179/950 (Tuekta, barrow 1); 2 — pouch for pigments, inv. No. 1684/99 (Pazyryk, barrow 2); 3 — application with roosters, inv. No. 1295/49 (Pazyryk, barrow 1). Leather, sinew threads

(Ebsen et al. 2019). 1–2 мг кожи обрабатывали 0,1 М раствором гидроксида натрия в течение пяти минут при комнатной температуре, кратковременно центрифугировали, а затем убирали надосадочную жидкость (иначе — супернатант). Образцы трижды промывали 50 мМ бикарбонатом аммония (AmBic), после чего супернатант снова удаляли. К образцу добавляли 100 мкл 50 мМ AmBic и инкубировали при 65 °С в течение одного часа, а затем кратковременно центрифугировали. 50 мкл супернатанта удаляли и обрабатывали 1 мкл 0,4 мкг/мкл трипсина (трипсиновая протеаза Thermo Scientific Pierce™) и оставляли инкубироваться 18 часов при температуре 37 °С. После этого образцы концентрировали и обессоливали с помощью наконечников C18 ZipTip (наконечники Thermo Scientific Pierce™ C18) и элюировали конечным раствором 50 мкл 50%-ного ацетонитрила и 0,1%-ного ТФА.

0,5 мкл полученного раствора смешивали с 0,5 мкл раствора α -циано-4-гидроксикоричной кислоты (10 мг/мл в 50%-ном ацетонитриле и 0,1%-ной трифторуксусной кислоте) и давали кристаллизоваться. Образцы анализировали с использованием масс-спектрометра Bruker Autoflex Speed LRF MALDI TOF (времяпролетная лазерная десорбция/ионизация с матрицей).

Определение способа обработки археологических кож оказалось затруднено. Пока точных способов получить эту информацию с абсолютно достоверным результатом не существует по ряду причин:

— нахождение кожаного предмета в почве сильно влияет на его первоначальный состав: грунтовые воды вымывают многие химические компоненты;

— не все способы обработки и выделки кожи оставляют в ней химические «следы», которые можно фиксировать с помощью физико-химических способов, например, жировое дубление и сыромятная кожа не поддаются такому анализу;

— со временем, находясь в почве, воде или болоте, археологические кожа и мех впитывают некоторые химические элементы из окружающей природной среды; таким образом, кожа, которая первоначально была сыромятной, может иметь следы дубления из-за продолжительного контакта с растительными остатками во влажном погребении.

Основополагающий принцип методологии, разработанной для идентификации способов обработки сырой кожи, заключается в том, что различные техники обработки надевают готовый продукт (изделие из кожи или меха) индивидуальными характеристиками. Эти характеристики были известны древним кожевникам, и для разных типов изделий использовались различные варианты обработки кожи.

Дубление — это специальная обработка шкур животных для того, чтобы обеспечить их сохранность (остановить естественный процесс разложения) и создать новый материал, который будет отвечать тем или иным требованиям в зависимости от его назначения (Kamper 2020: 21). Дубление не применяется, когда обработка кожи ограничивается только разрыхлением структуры кожи с фиксацией этого состояния жирующими веществами (в таком случае процесс называется сыромятным). К древнейшим и одновременно самым традиционным способам можно отнести жировое, растительное дубление и частично обработанную сыромять.

В процессе работы с образцами фиксируют следующие характеристики: цвет кожи, пропускает ли она видимый свет, реакцию на УФ-лучи, состояние краев в местах отверстий, структуру волокон и их сечение. Результаты микроскопии сравниваются с эталонной коллекцией. Определение методов обработки сырья изделий было выполнено специалистом по экспериментальной археологии доктором Терезой Эммерих Кампер из Университета Эксетера.

Анализ результатов (табл.)

Для большинства образцов источниками являются сельскохозяйственные животные: КРС, лошади, МРС (30 из 34 образцов). При этом кожи и шкуры домашних животных использовали как для основы, так и для отделки изделий. О наличии домашних животных в стадах носителей пазырыкской культуры можно судить и по другим находкам в курганах: мумии и скелеты лошадей, конское снаряжение, сопроводительная пища (кости овец и лошадей), овечьи и козьи шкуры, стержни рогов и кости конечностей КРС (использовались для рыхания земли при строительстве погребальных сооружений), грузовые телеги с А-образными дышлами и ярмами для быков.

Интересно, что женская беличья шуба из Пазырыка, кург. 2, снаружи оказалась отделана кожей и мехом домашних животных — овцы и лошади (табл., № 4; рис. 1, 4).

Более половины образцов, принадлежащих домашним животным, приходится на МРС (16 из 30), лидирует овца — 11 образцов (коза — 3 образца, еще 2 образца не уточнены — овца/коза). Из кожи овец изготавливали преимущественно мелкие изделия (мешочки) и аппликации, единственное сравнительно крупное изделие — покрывало седла, причем из цельной кожи. Также выделанную шкуру овцы использовали, видимо, в качестве коврика.

Таблица. Результаты протеомного анализа и способы обработки сырья по материалам курганов пазырыкской культуры (составители: Е. В. Степанова, В. С. Бусова)

№ п.п.	Наименование предмета, инв. № (памятник). Локализация образца	Предварительная атрибуция	Результат протеомного анализа*	Обработка/дублирование
1	Колчан, 2179/937 (Туэкта, кург. 1). а — дно, b — стенка	—	a — бык/КРС (bos/bison), b — лошадь (equus)	Обработанная сыромять
2	Колчан, 2179/948 (Туэкта, кург. 1). а — дно, b — стенка	—	a — бык/КРС (bos/bison), b — лошадь (equus)	—
3	Сумка для сыра, 1684/340 (Пазырык, кург. 2). а — основа, b — аппликация (синий мех), c — аппликация (пятнистый мех), d — аппликация (белый мех)	—	a — овца (ovis), b — оленивые (cervidae), c — куньи, гиеновые или кошачьи / mustelidae, crocuta (пятнистая гиена), Panthera, d — овца/коза (ovis/capra)	Сыромять + частично обработанная сыромять. а — желудок овцы
4	Аппликации и детали отделки женской шубы, 1684/199-200 (Пазырык, кург. 2). а — кожаные полосы — «подложка» под аппликации, b — кожаные аппликации, c — черный мех, d — синий стриженный мех	c — жеребенок (Руденко 1953: 115)	a — овца (ovis), b — овца/коза (ovis/capra), c — лошадь (equus), d — овца (ovis)	Жировое
5	Сапог, 1793/15 (Башадар, кург. 2). а — головка, b — подошва, c — голенище	—	a — коза (capra), b — бык/КРС (bos/bison), c — лошадь (equus)	—
6	Штанина, 2179/973 (Туэкта, кург. 1). а — кожаная основа штанов, b — аппликация, c — полоса черного меха	c — жеребенок (Руденко 1960: 204)	a — лошадь (equus), b — овца (ovis), c — лошадь (equus)	—
7	Шкура барана, 1687/86 (Пазырык, кург. 5)	—	Овца (ovis)	—
8	Аппликация с петухами, 1295/49 (Пазырык, кург. 1)	—	Овца (ovis)	Сыромять
9	Мешочек, сшитый шерстяными нитями, 1684/98 (Пазырык, кург. 2)	—	Овца (ovis)	Жировое
10	Мешочек из-под краски, 1684/99 (Пазырык, кург. 2)	—	Овца (ovis)	—
11	Мешочек из-под ногтей, 1684/101 (Пазырык, кург. 2)	—	Овца (ovis)	—
12	Штаны (?), фрагмент, 4888/286 (Шибе)	—	Пятнистая гиена/кошачьи/куньи (crocuta/panthera/mustelidae)	—
13	Пояс с ромбическим узором, 1684/232 (Пазырык, кург. 2)	—	Коза (capra)	—
14	Седелная покрышка (?), 2179/939 (Туэкта, кург. 1)	—	Овца (ovis)	Жировое

№ п.п.	Наименование предмета, инв. № (памятник). Локализация образца	Предварительная атрибуция	Результат протеомного анализа*	Обработка/дублирование
15	Подпруга, 2179/956 (Туэкта, кург. 1)	—	Бык (bos/bison)	Усложненное сыромятное
16	Седло, № 2179/949 (Туэкта, кург. 1)	—	Бык/КРС (bos/bison)	—
17	Седло, № 2179/950 (Туэкта, кург. 1). а — основа, b — ремешок стежки	—	а — коза (capra), b — коза (capra)	Обработанная сыромять
18	Маска конская с бронзовыми гвоздиками, 2179/935 (Туэкта, кург. 1). а — кожа лопастей, b — кожа основы	а — теленок, b — КРС (Бусова 2015)	а — овца (ovis), b — лошадь (equus)	—
19	Маска конская, фрагмент с ухом 2179/957 (Туэкта, кург. 1). а — кожа средней толщины, b — толстая кожа основы, c — замша (?)	—	а — лошадь (equus), b — бык/КРС (bos/bison), c — куньи/пятнистая гиена/кошачьи (mustelidae/crocuta/panthera)	—
20	Рукав 2179/972 (Туэкта, кург. 1)	—	—	Обработанная сыромять
21	Щит из палочек и кожи, 1295/232 (Пазырык, кург. 1)	—	—	Частично обработанная сыромять

* Все спектры ZooMS для идентифицированных образцов доступны на Mendeley Data и расположены в базе данных. DOI: 10.17632/b93grjzbz3w.1

Из кожи козы сделаны головка сапога из Башадара, кург. 2, и пояс из Пазырыка, кург. 2 (табл., № 5, 13). Неожиданными оказались результаты определений козы как источника сырья для седла из Туэкты, кург. 1 (инв. № 2179/950) (табл., № 17; рис. 2, 1). Традиционно считалось, что седельные подушки делали из кожи КРС. При этом визуально кожа данного седла не отличается от кожи КРС другого седла из этого же кургана (инв. № 2179/949) (табл., № 16).

Из толстой и прочной кожи КРС (6 образцов) выполнены донца колчанов, подошва сапога, основа конской маски, подпруга и седельные подушки, причем на седле кожа наименее толстая (табл., № 1, 2, 5, 15, 16, 19).

Лошадь по количеству образцов занимает второе место после овцы (8 из 30), при этом анализ показал использование как кожи, так и шкуры. Из лошадиной кожи выполнены части двух конских масок (инв. № 2179/935, 2179/957) и основа штанов из Туэкты, кург. 1 (инв. № 2179/973) (табл., № 6, 18, 19; рис. 1, 2). Из конских шкур сшиты стенки колчанов из Туэкты, кург. 1, и голенища сапога из Башадара, кург. 2, а также выполнена отделка штанов из Туэкты, кург. 1, и беличьей шубки из Пазырыка, кург. 2. При этом и кожаные штаны, и меховые голенища, и стенки колчанов сшивались из небольших прямоугольных и квадратных кусочков кожи и меха.

На диких животных приходится всего четыре образца (3 — хищники; 1 — оленевые).

Вопрос с носителем пятнистого меха на аппликации на сумке для сыра из Пазырыка, кург. 2 (инв. № 1684/340) (табл., № 3; рис. 1, 3) остался нерешенным. Точность определения хищников (куньи, гиеновые или кошачьи) данным методом оказалась низкой.

При этом два образца, не имеющие видимого меха (фрагмент штанов (?) из Шиббе, инв. № 4888/286, и часть конской маски из Туэкты, кург. 1, инв. № 2179/957), получили определение с предположительным указанием тех же самых трех семейств хищников

(табл., № 12, 19). Возможно, для изготовления этих изделий (для маски — частично) использовался мех, а не кожа. Штаны из Шиббе, так же как из Туэкты, кург. 1, сшиты из кусочков.

Помимо сырьевых определений получены данные по способам обработки кожевенного сырья. Результаты оказались ожидаемыми: сыромять, обработанная сыромять и жировое дубление. По этнографическим данным в кочевых культурах чаще всего использовали именно сыромять и жировое дубление, поскольку эти технологии позволяют получить необходимый результат за минимальный промежуток времени, в то время как полное растительное дубление требует длительного времени выдержки шкур в больших емкостях.

Исследование показало, что для изготовления изделий ритуального, военного и бытового назначения, а также одежды, аксессуаров и конской упряжи использовали кожу разных животных. При этом установлена взаимосвязь вида кожи и функционального назначения предмета и его размера. Жировое дубление применялось чаще там, где требуется пластичность и есть контакт с человеческим телом (шуба, седло, подушка) — предмету нужно «принять» форму владельца. Сыромять — там, где требуется жесткость изделия. Кожаные аппликации, дно колчана, подпруга — все это не требовало большой пластичности, поэтому применялась сыромятная кожа.

Заключение

В курганах с мерзлотой оказались достаточно благоприятные условия для сохранности коллагена, который поддается протеомному анализу. Этот анализ позволяет получить определения кожевенного и мехового сырья почти для всех предметов и поэтому перспективен для использования в работе с археологическими коллекциями. Протеомный анализ показал, что для изготовления большинства исследованных изделий были использованы шкуры и кожи сельскохозяйственных животных (КРС, лошадей, овец и коз). Роль диких животных как источника мехового и кожевенного сырья оказалась незначительна. Анализ меха хищников указанным методом оказался недостаточно информативен, необходимы другие подходы для его исследования. Изучение способов обработки кожевенного и мехового сырья позволяет получить более полное представление о древних технологиях и уровне развития этого вида ремесла у кочевников скифского времени.

Литература

- Бусова 2015 — Бусова В. С. Опыт реконструкции конской маски раннего этапа пазырыкской культуры // ТПАИ. 2015. Т. 11, № 1. С. 153–168.
- Грязнов 1950 — Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 92 с.
- Полосьмак, Баркова 2005 — Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: Инфолио, 2005. 232 с.
- Руденко 1953 — Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с., 120 табл.
- Руденко 1960 — Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с., 128 табл.
- Ebsen et al. 2019 — Ebsen J. A., Haase K., Larsen R., Sommer D. V. P., Brandt L. Ø. Identifying archaeological leather — discussing the potential of grain pattern analysis and zooarchaeology by mass spectrometry (ZooMS) through a case study involving medieval shoe parts from Denmark // Journal of Cultural Heritage. 2019. No. 39. P. 21–31.
- Kamper 2020 — Kamper T. E. Determining Prehistoric Skin Processing Technologies: The Macro and Microscopic Characteristics of Experimental Samples. Leiden: Sidestone Press, 2020. 206 p.

**LEATHER AND FUR OBJECTS
FROM THE PAZYRYK CULTURE BARROWS OF ALTAI:
RAW MATERIALS AND PROCESSING TECHNOLOGIES**

E. V. STEPANOVA, S. BROWN, T. E. KAMPER, V. S. BUSOVA

Keywords: *proteomic analysis, ZooMS, tanning, Early Iron Age, Altai, Scythian time, Pazyryk culture, archaeological leather, archaeological fur, raw materials.*

The paper considers the sources of raw materials and processing technologies of the leather and fur objects from the Pazyryk culture “king’s” barrows of Altai (late VI–III cc. BC). The study is based on the materials from Shibe, Pazyryk, barrow 1 (M. P. Gryaznov’s excavations of 1927 and 1929), Pazyryk, barrows 2 and 5, Bashalar, barrow 2, Tuekta, barrow 1 (S. I. Rudenko’s excavations of 1948–1950 and 1954), stored in the State Hermitage Museum (Fig. 1, 2). A promising method for determining the sources of leather and fur is the proteomic analysis allowing species identification from peptide sequences that can be extracted from tiny pieces of skin or bones. The proteomic studies have shown that the overwhelming majority of Pazyryk leather and fur objects were made from domestic animals’ skin (cattle, horses, sheep, goats). Using the methods of experimental archaeology, it became possible to identify various tanning technologies employed by the Pazyryk culture craftsmen. The obtained results (table) provide new information about the traditions of leatherworking in the late VI–III cc. BC and shed a light on the role of domestic and wild animals in the economy of the Scythian time nomads.

ТЕСИНСКИЙ ФЕНОМЕН: ОТ ЭТАПА К КУЛЬТУРЕ¹

С. В. КРАСНИЕНКО²

Ключевые слова: археологическая культура, Минусинская котловина, тесинский этап, тесинская культура.

Статья посвящена обзору мнений о периоде истории ранних кочевников Южной Сибири, известном по археологическим данным и определяемом исследователями как тесинский этап тагарской культуры, или тесинская культура. К настоящему времени выявлен значительный массив данных, позволяющий отчетливо представить культурные особенности этого явления. Однако основной круг вопросов, не имеющих общего решения, концентрируется вокруг хронологических границ тесинского этапа/культуры. Различие точек зрения определяет позиции в полемике «тесинский этап или тесинская культура». Кроме того, к проблемам «практической археологии» примыкают проблемы «теоретической археологии». В данном случае речь идет о различных представлениях о понятии «археологическая культура».

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-175-179

Вышедшая в 1929 г. работа С. А. Теплоухова «Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края» подвела итог весьма длительному предшествующему периоду исследования археологии Минусинской котловины (синонимы — Средний Енисей, Южная Сибирь). По периодизации Н. Ю. Кузьмина этой работой завершился первый этап (XVII в. — конец 1920-х гг.) изучения тесинских погребальных памятников (Кузьмин 2011: 18, 19) или, вернее, всей сибирской археологии. Помимо общепризнанной хронологии памятников «ранних кочевников» был предложен «общий язык», который сделал возможной простоту коммуникации специалистов. После этого оставалось только договориться о том, к какому хронологическому горизонту относится тот или иной памятник. Конечно, это была лишь основа. «Язык» стал дополняться и развиваться практически сразу после публикации С. А. Теплоухова. Так, «минусинская курганная культура» была переименована С. В. Киселевым в «тагарскую» (Киселев 1929), и термин закрепился в таком виде.

Э. Б. Вадецкая считала, что «состояние источников не позволило С. А. Теплоухову строго выдержать одинаковый принцип при выделении культур и их названий, что внесло нечеткость в такие его определения как „археологическая культура“, „период“ или „эпоха“» (Вадецкая 1999: 8, 9). Кроме того, исследовательница отмечала, что, выделяя культуры, С. А. Теплоухов не придерживался одного принципа. В разных случаях за основу при определении периода брался один или несколько могильников, или даже отдельные курганы, выбирались эталонные образцы, не использовались переходные формы.

Действительно, понятие «культура» С. А. Теплоуховым не разъяснялось. Смысл раскрывался содержательно, то есть на основе признаков, характеризующих культуры. При этом

---

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.
© Красниенко С. В., 2023

предполагается, что пространственная составляющая археологической культуры (далее — АК) сама собой укладывается в рамки степных пространств Среднего Енисея, то есть географический фактор обозначен в названии работы. Я не говорю об общегеографическом анализе в тексте. «Мощная, во многом оригинальная минусинская курганная культура» (Теплоухов 1929б: 45), эволюционно развиваясь, делится на четыре «этапа». Характерными чертами последнего этапа «минусинской курганной культуры» были названы: большие курганы с монументальными оградами, появление в погребальном инвентаре железных изделий, «маски гипса на лицах некоторых погребенных», при этом указывалось, что изученность таких памятников недостаточная (Там же: 49). К 1929 г., а точнее уже к 1923 г., когда С. А. Теплоухов впервые выступил с докладом о своей периодизации, было известно о раскопках всего семи памятников.

Интересно отметить, что таштыкская эпоха названа «переходным этапом», а памятники этого этапа могут быть синхронны памятникам 4-го этапа минусинской курганной культуры. Впрочем, в другой работе — «Древнеметаллические культуры Минусинского края» — С. А. Теплоухов говорит о таштыкской культуре или эпохе (Теплоухов 1929а: 547). В статье для «Сибирской советской энциклопедии» опять возвращается определение «этап» (Теплоухов 1932: 408). Можно сделать вывод, что окончательное представление о некоторых периодах у С. А. Теплоухова не сложилось из-за нехватки данных в то время. Кстати, у Э. Б. Вадецкой особые возражения вызывала его периодизация таштыкской культуры (Вадецкая 1999: 9).

Продолжая описание и переходя к более поздним периодам, С. А. Теплоухов раздвигает географические границы, указанные в заглавии для поздних периодов, привлекая данные соседних территорий.

В результате полевых исследований, проводившихся с конца 1920-х гг. до начала работ Красноярской экспедиции (условно — 1961 г.; 2-й этап по Н. Ю. Кузьмину), добавилось восемь памятников, которые в принципе не изменили схему С. А. Теплоухова, но позволили четче обозначить границы распространения памятников, в том числе и на последнем этапе тагарской культуры. Кроме того, в это время был выявлен и изучен новый тип тесинских памятников: грунтовые тесинские могилы, либо впущенные в более ранние курганы, либо составлявшие отдельные могильники.

Важнейшими работами этого времени стали «Древняя история Южной Сибири» (Киселев 1949; 1951) и «Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины» (Кызласов 1960). Значительное место в них авторы посвятили периоду между завершением существования тагарской культуры и началом таштыкской. С. В. Киселев объяснял появление таштыкской культуры процессами социальной дифференциации в тагарской среде (Киселев 1949: 165, 166). В этой схеме 3-й этап тагарской культуры, то есть тесинский, самостоятельного значения не имеет.

Напротив, Л. Р. Кызласов предложил гипотезу, связанную с изменением этнической картины Минусинской котловины. По его мнению, проникновение нового населения (гяньгуней) привело к тому, что европеоидные носители тагарской культуры и строители ее курганов (динлины) были частично вытеснены на север, сохранив там курганную традицию с коллективными захоронениями и миниатюрным бронзовым инвентарем. Часть автохтонного населения смешалась с пришельцами и оставила курганы переходного тага-таштыкского этапа (Кызласов 1960: 161, 162).

1960–1970-е гг., когда работала Красноярская экспедиция, — время подлинного прорыва в археологии Минусинской котловины. Количество исследованных памятников значительно возросло, а благодаря более совершенной методике раскопок были выявлены новые существенные данные о погребальном обряде разных периодов. Это отразилось и на степени осмысления прошлого Минусинской котловины. Достаточно сказать об открытии окуневской культуры. Что касается тесинского этапа, получившего это название именно в ходе работ Красноярской экспедиции (Грязнов 1968: 191), когда возникло

понимание самостоятельного значения тесинского этапа и его роли как не просто переходного, а как самостоятельного периода, имеющего особые черты. В кандидатской диссертации М. Н. Пшеницыной (1975) были использованы (за небольшим исключением) данные всех имевшихся на тот момент памятников, в том числе и собственных раскопок автора диссертации на могильнике Барсучиха 1, кургане под Афанасьевой горой, кургане Тепсей XVI и могильнике Разлив. М. Н. Пшеницына детально исследовала все три типа известных к тому времени тесинских погребальных памятников: большие курганы-склепы, грунтовые могилы и впущенные в более ранние насыпи погребения в ящиках, а также материалы поселений и кладов. Однако по-прежнему не подвергался сомнению статус тесинского этапа как завершающей фазы тагарской культуры и длительный переход от тагарской культуры к таштыкской. М. Н. Пшеницына вслед за М. П. Грязновым и Л. Р. Кызласовым датировала тесинский этап II–I вв. до н. э., подчеркивая, что в погребальном обряде тесинского этапа сохраняются традиции тагарской культуры и появляются новые, получившие развитие в таштыкскую эпоху.

Э. Б. Вадецкая упоминала, что в ходе интерпретации в это время слабоизученных грунтовых могильников, отнесенных позднее к тесинскому этапу, была попытка признать их принадлежащими к особой «каменной» (по самому большому из известных в то время могильнику) культуре (Вадецкая 1999: 161). Э. Б. Вадецкая поставила себе целью подробно исследовать погребальный обряд таштыкской культуры, и тесинский этап ей представлялся источником возникновения новой обрядности в недрах тагарской культуры.

Однако Н. Ю. Кузьмин обосновал и подробно аргументировал свою точку зрения на право тесинской АК быть именно культурой (2011: 28–37): появление одиночных (отдельно от сарагашенских) могильников; курганов, имеющих высокую земляную насыпь в форме усеченной пирамиды, каменную ограду с большим числом простеночных плит, обширную погребальную камеру со сложной деревянной конструкцией и числом погребенных до 200 и более человек; операции с телами умерших. Характерен миниатюрный бронзовый инвентарь, количественно меньший, чем число погребенных; небольшие кубковидные и котловидные сосуды; бронзовые медалевидные зеркала; сосуды с орнаментом в виде треугольников, заполненных ямками; вещи, обернутые золотой фольгой; датирующие стеклянные бусы и золотые серьги. Курганы сооружали во II — середине I в. до н. э. Кроме того, обосновывая «самодостаточность» тесинской культуры, Н. Ю. Кузьмин выявил и подробно исследовал семь типов погребальных обрядов и происхождение всех свойственных тесинскому времени погребальных сооружений. Переходная форма от сарагаша — лепёшкинский этап. В то же время некоторые позднеатагарские (сарагашенские) памятники Н. Ю. Кузьмин интерпретировал как раннетесинские. Пример определения «тесинскости» памятника: Г. Н. Курочкин считал мог. 3 кург. 1 могильника Толстый Мыс сарагашенской (Курочкин 1992: 33), Н. Ю. Кузьмин — раннетесинской (Кузьмин 2011: 307). Впрочем, и Э. Б. Вадецкой по результатам новых данных приходилось «передатировать» памятники. Так, Ташебинский дворец в Абакане вместо тесинского, как считала и М. Н. Пшеницына (1975: 26), а сначала и сама Э. Б. Вадецкая (1986: 100), стал датироваться временем таштыкской культуры (Вадецкая 1999: 195).

Н. Ю. Кузьмин (2011: 110, 111) согласился с предположением Э. Б. Вадецкой о возможном сосуществовании нескольких культур на территории Минусинской котловины, тем самым продлевая тагарское время до III в. н. э. включительно, также он разделял мнение кемеровских исследователей об особом характере синхронной тесинской шестаковской культуры (Мартынов и др. 1979: 33–35).

Н. Ю. Кузьмин, расширяя границы тесинского времени, видимо, полагал, что этим придает данному периоду больше качеств АК. Напротив, Э. Б. Вадецкая через тесинский этап продлевала тагарское время и обосновывала плавность формирования таштыкской культуры.

Л. С. Клейн в поисках дефиниции, отражающей «внутреннее единство культуры и ее многосторонность, разнообразие ее проявлений, а значит, структуру» (Клейн 1991: 154),

пришел к выводу, что существующее представление об археологической культуре архаично, и «на месте понятия „археологическая культура“ должна вырасти целая система взаимно координированных понятий» (Там же: 155). Здесь же автор перечислил разнообразие подходов к понятию «культура» (археологическая), когда в основу кладутся совокупность типов, памятников, находок, территория, неопределенная общность и т. д.³

Если попытаться вкратце суммировать предложение Л. С. Клейна, то оно сводится к следующему: «для методологического анализа... желательно выделить общее во всех типах и их культуруобразующих функциях» и назвать это явление словом „архема“» (Клейн 1991: 157). «Система взаимосвязанных типов архем... и вправе претендовать на то, чтобы ее рассматривали как *археологическую культуру*» (Там же: 169).

Все определения предполагают достаточную степень субъективности. Они не дают рекомендаций по определению границ перехода «уже культура — еще не культура», уязвимы для критики. Подводя итог сделанному обзору, надо признать, что при всех возможных и обоснованных признаках археологической культуры ключевым фактором в ее выделении, особенно для большого отрезка времени, когда происходят эволюционные изменения, является субъективный взгляд исследователя.

Автор также не удержался от соблазна дать свое определение археологической культуры, не претендуя при этом на категоричность. Справедливости ради отметим, это даже не определение, а попытка краткого описания и констатации того, что в стандартном исследовании понимается под археологической культурой. Археологическая культура — это совокупность памятников, отличающихся от близких по времени и географически соседних АК.

Эта формулировка, как и приведенные выше, не дает ответа на вопрос о различии понятий «культура — этап». Кстати, и определение, точнее *пожелание* или *цель*, сформулированная Л. С. Клейном, — скорее, направление или рекомендация для обоснования АК. Необходимо отметить, что для вхождения той или иной АК в понятийный контекст необходимо хотя бы минимальный консенсус в профессиональной среде. В отсутствие этого консенсуса определение той или иной совокупности археологических памятников как археологической культуры остается мнением исследователя, так же как и возможностью, и желанием согласиться с этим мнением со стороны его коллег.

Литература

- Вадецкая 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с. (Archaeologica Petropolitana. Вып. 7.)
- Грязнов 1968 — Грязнов М. П. Тагарская культура // Окладников А. П. (гл. ред.). История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т. 1: Древняя Сибирь. Гл. 4: Сибирь в бронзовом веке. Подраздел 5. Л.: Наука, 1968. С. 187–195.
- Киселев 1929 — Киселев С. В. Тагарская культура // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1928. Т. 4. С. 257–267.
- Киселев 1949, 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА. № 9); 2-е изд. — 1951. 644 с.
- Клейн 1991 — Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: Ленингр. филиал Центра науч.-техн. деятельности, исслед. и социал. инициатив; Ленингр. науч.-исслед. археол. объединение, 1991. 448 с.
- Колпаков 2013 — Классификация в археологии. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 251 с.
- Кузьмин 2011 — Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с. + CD.

³ Анализу комплексов археологических находок и их группировок (археологических культур) посвящена специальная глава в книге Е. М. Колпакова «Классификация в археологии» (2013). В ней представлена и палитра существующих определений археологической культуры.

- Курочкин 1992 — Курочкин Г. Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб.: ИИМК РАН, 1992 [на обложке — 1993]. 94 с. (АИ. Вып. 7).
- Кызласов 1960 — Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н. э. — V в. н. э.). М.: Изд-во МГУ, 1960. 198 с.
- Мартынов и др. 1979 — Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Конец скифской эпохи в Южной Сибири. Шестаковская культура // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: ТД Всесоюз. археол. конф. Кемерово: б. и., 1979. С. 33–35.
- Пшеницына 1975 — Пшеницына М. Н. Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. 27 с.
- Теплоухов 1929а — Теплоухов С. А. Древнеметаллические культуры Минусинского края // Природа. 1929. № 6. С. 539–552.
- Теплоухов 1929б — Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Теплоухов 1932 — Теплоухов С. А. Металлический период // Шумяцкий Б. З. (гл. ред.). Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: ОГИЗ; Сибирское краевое изд-во, 1932. Т. 3. Стб. 400–415 (с прил., стб. 415–416).

TES' PHENOMENON: FROM A STAGE TO A CULTURE

S. V. KRASNIENKO

Keywords: *archaeological culture, Minusinsk depression, Tes' stage, Tes' culture.*

The paper gives an overview of opinions about the period in the early history of nomads of South Siberia known as the Tes' stage of the Tagar culture or as the Tes' culture. Thanks to the availability of rich data, it is possible now to delineate the main characteristics of this phenomenon. Still, the questions concerning the chronological limits of the Tes' stage/culture remain debatable. The choice between "Tes' stage" and "Tes' culture" depends on how one answers these questions. In addition to the problems of "practical archaeology" there are problems of "theoretical archaeology", especially different views regarding the definition of "archaeological culture".

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ТЕСИНСКИХ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНА ХЫЗЫЛ САЛДА 9)¹

В. Б. ТРУБНИКОВА, Н. И. ЛАЗАРЕТОВА²

Ключевые слова: тесинская культура, грунтовый могильник, антропологические определения, гендерные особенности погребального обряда.

В 2022 г. в Алтайском р-не Республики Хакасия на территории средневекового поселения Хызыл Салда 9 исследован одиночный курган, оказавшийся грунтовым могильником тесинской культуры. Погребения были практически не граблены, в результате получена большая антропологическая коллекция, для которой сделаны половозрастные определения. Всего в 34 могилах были обнаружены останки 86 погребенных по обряду труположения и восемь — по обряду парциальных захоронений. Для 71 индивида *in situ* была установлена корреляция пола погребенного с положением рук и комплексом инвентаря. Для мужских погребений характерны руки, вытянутые вдоль тела, а в инвентаре зафиксированы железные пряжки на костях ступней (элементы обуви), а также костяные наконечники ремней и набор лука со стрелами. Для женских погребений характерны руки, сложенные на груди или на тазу, в инвентаре встречены бронзовые ажурные пряжки и фигурные пластины, костяные шпильки и бусины. Эти особенности погребального обряда и дифференциации инвентаря по половому признаку находят отражение в материалах улуг-хемской культуры Тувы и позволяют наметить новый подход к решению проблемы происхождения тесинской культуры.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-180-191

Введение

Вопрос разделения по гендерному принципу погребального обряда и комплекса инвентаря грунтовых могильников тесинской культуры никогда ранее не становился предметом отдельного исследования, хотя сама постановка проблемы не нова. На основе материалов тесинского грунтового могильника Тепсей VII М. Н. Пшеницына выделила характерные для мужских и женских погребений находки: помимо сосудов с сопроводительной пищей и поясных наборов, обычно железных, встречающихся во всех могилах, только в женских были зафиксированы берестяные коробочки с туалетными принадлежностями и роговые булавки и гребни, а в мужских — железные и роговые наконечники стрел (Пшеницына 1979: 84). Одним из первых исследователей, кто обратил внимание на корреляцию между позой погребенного и его полом, был Н. Ю. Кузьмин, указав, что у мужчин «руки вытянуты вдоль тела, у женщин — согнуты в локтях, а кисти обеих рук (либо одной) лежат на тазо-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.
© Трубникова В. Б., Лазаретова Н. И., 2023

вых костях» (Кузьмин 1983: 72). Такое положение рук в женских погребениях связывалось им с «идеей воспроизводства рода и с деторождением» (Кузьмин 1988: 61). Новое обсуждение гендерных особенностей погребального обряда тесинских грунтовых могильников стало возможно в связи с обнаружением новых памятников и их комплексным изучением, в том числе с привлечением антропологических методов.

Курган Хызыл Салда 9

В 2022 г. в Алтайском р-не Республики Хакасия на территории средневекового поселения Хызыл Салда 9 был обнаружен и исследован одиночный курган³ тесинской культуры. Курган представлял собой округлую песчаную насыпь высотой до 1 м от уровня древней поверхности. Форма насыпи была уплощенной и деформированной вследствие естественных процессов выветривания или влияния антропогенного фактора, и каменные конструкции на поверхности не прослеживались. По мере исследования кургана оказалось, что он состоял из пристроенных друг к другу каменных оград («ящички-ограды»), составленных из вертикально вкопанных массивных плит на уровне древней поверхности (рис. 1). В центре кургана выделялась квадратная каменная ограда — мог. 25 (1,75 × 2,10 м), единственная из всех, ограниченная со всех четырех сторон стенками из массивных плит, подпираемых контрфорсами. К этой ограде были пристроены другие ограды, от большей части которых сохранились только 1–2 стенки или отдельно стоящие контрфорсы. Несмотря на плохую сохранность прослеживалась планиграфия памятника из четырех рядов конструкций, вытянутых по линии СВ–ЮЗ и занимавших площадь 9,20 × 8,62 м. Все конструкции были ориентированы углами по сторонам света. Отдельные могилы имели на уровне древней поверхности каменные перекрытия, сложенные из камней в 1–2 яруса.

В ходе исследования кургана оказалось, что, во-первых, площадь памятника больше, чем изначально определенные конструкции: за их пределами, особенно в северо-западном секторе, находились грунтовые могилы без надмогильных сооружений. В тесинской культуре подобные памятники обычно классифицируют как грунтовые могильники, однако также Хызыл Салды 9 можно называть «курганом-кладбищем», где каждое последующее погребение пристраивалось к следующему, начиная с центрального. Всего в кургане было выявлено и исследовано 34 могилы, а также три объекта, находящихся на уровне древней поверхности, без следов захоронений человека. Во-вторых, оказалось, что памятник почти не потревожен, в связи с чем были получены новые данные о погребальном обряде, а также большая антропологическая коллекция.

Особенностью кургана является комбинирование разных типов погребального обряда. Четыре могилы находились на уровне древней поверхности и, вероятно, были впущены в насыпь кургана; 30 могил устроены в грунтовых ямах глубиной до 1,2 м почти без внутримогильных конструкций (в отдельных случаях зафиксирована обкладка камнями; органика в кургане не сохранилась из-за песчаного грунта).

В 12 могилах находились одиночные погребения; в четырех могилах — двойные; в трех — парциальные; в тринадцати находилось больше двух погребений; две могилы не имели следов захоронений (либо вследствие ограбления, либо потому что являлись кенотафами).

Из числа могил с более чем двумя погребениями одиннадцать — многоярусные (две могилы — двухъярусные с двойными погребениями; пять могил — двух- и трехъярусные с одиночными погребениями на каждом ярусе; три могилы — двух- и трехъярусные с одиночными погребениями на каждом ярусе и с парциальным погребением на нижнем ярусе; одна могила — более семи ярусов с 15 скелетами); две могилы — групповые (коллективные — 4 и 10 скелетов).

³ Здесь и далее одиночный курган Хызыл Салда 9 именуется как курганом, так и грунтовым могильником. Планиграфия памятника является классической для грунтовых тесинских могильников. В какой-то момент надмогильные сооружения были засыпаны, а под насыпью фиксируется уровень погребенной почвы.

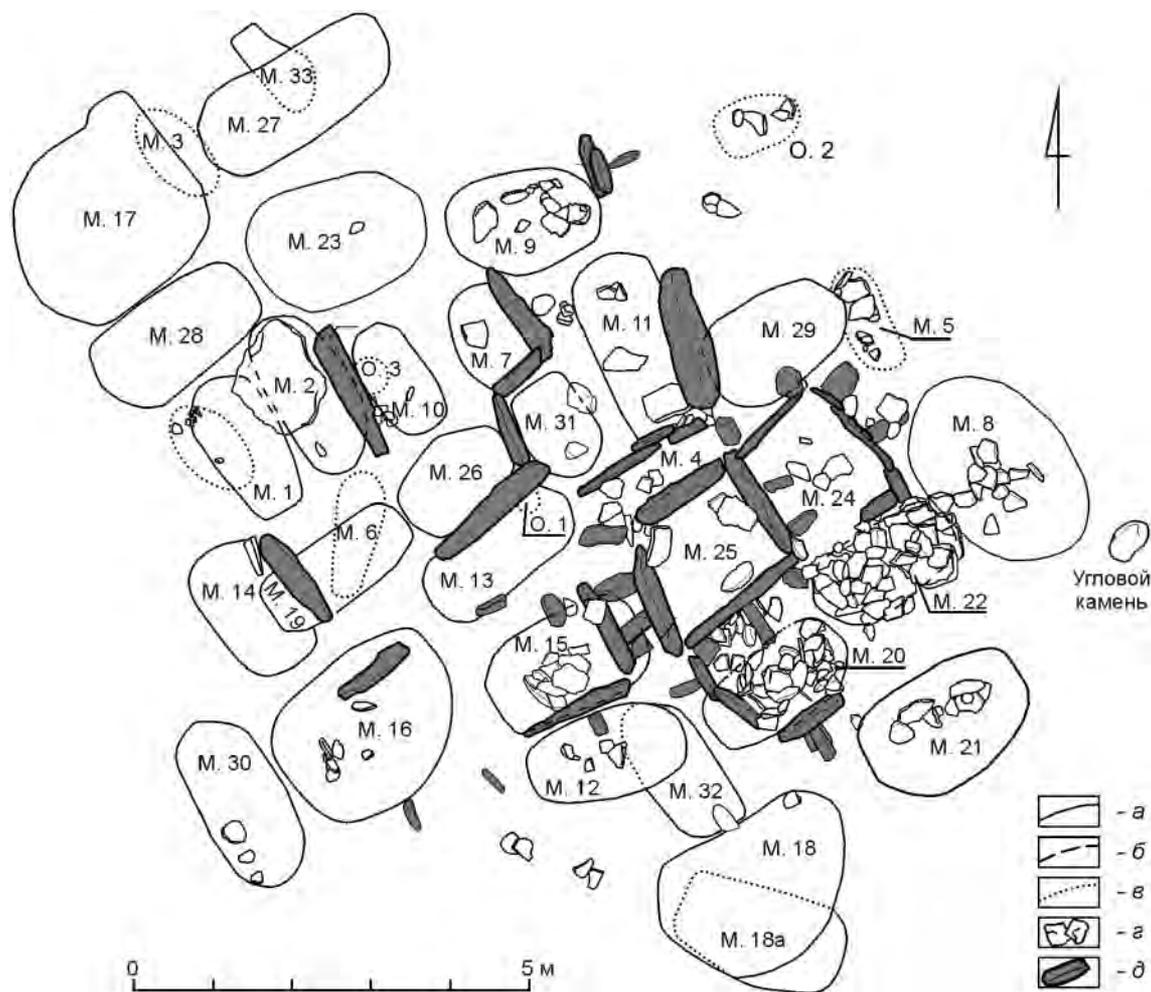

Рис. 1. Курган Хызыл Салда 9, общий план (а-в — контуры погребальных сооружений: а — видимые; б — невидимые; в — реконструируемые; з — камни перекрытия; д — камни ограды могил; М. — могила, О. — объект)

Fig. 1. Khyzyl Salda 9 barrow, master plan (a-v — contours of burial constructions: a — visible; b — invisible; v — estimated; z — cover stones; d — stones from enclosures; M. — grave, O. — object)

Всего по обряду труположения было погребено 86 человек и не менее восьми человек — по обряду парциальных захоронений. Большинство погребений по обряду труположения было устроено на спине. Исключение составили несколько захоронений: во-первых, мог. 3, где погребенный лежал на правом боку с согнутыми коленями и сложенными на тазу руками; во-вторых, мог. 33 — на правом боку, позвоночный столб сильно изогнут, руки и ноги прижаты к телу: неестественная поза погребенного и небольшой размер ямы, не рассчитанной на погребение на спине, позволяют предположить, что погребенный был уложен в мешок или его конечности были зафиксированы (примотаны к туловищу?).

Единая для всех могил ориентировка не соблюдалась: в одной многоярусной могиле погребенные вне зависимости от пола могли быть ориентированы в противоположные стороны. Основные направления — СЗ и ЮВ. Внутри погребений устанавливали 1-2 керамических сосуда, преимущественно в изголовье, клали шкуры МРС (в могилах находят черепа животных и кости конечностей) — ими покрывали тела умерших или клали в ногах, а в отдельных случаях укладывали целые туши. Количество артефактов и их сочетание сильно варьировались: могилы могли быть как с большим количеством сопроводительного инвентаря, так и безынвентарными.

Антропологический анализ⁴ состава кургана

Анализ погребального обряда позволяет сделать предварительные выводы о сложной социальной структуре строителей могильника, а также проследить гендерные особенности, которые стало возможным зафиксировать благодаря антропологическому анализу.

Непосредственно в полевых условиях была проведена первичная обработка антропологического материала, которая включала в себя описание погребенных, идентификацию остеологического материала по индивидам для потревоженных погребений, определение половой принадлежности и возраста погребенных, опись полученного антропологического материала.

Определение пола и возраста, фиксация травм и патологий проводились по стандартным антропологическим и криминалистическим методикам с учетом всех костей посткраниального скелета и черепа (признаки развития рельефа черепа, угол большой седалищной вырезки и лобковый угол, морфологические особенности лобкового симфиза, степень стертости зубов и состояние основно-затылочного шва черепа и т. д.) (Добряк 1960; Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966; Рохлин 1965). Определение пола детских и подростковых скелетов не проводилось. Также для некоторых молодых индивидов половая принадлежность не установлена окончательно в силу возможной несформированности морфологических особенностей строения скелета. Специфика парциальных захоронений также не всегда позволяет сделать половозрастные определения костных останков, несмотря на хорошую сохранность антропологического материала. Скелетный возраст взрослых погребенных определялся как временной интервал, чаще кратный 10. Возраст детских индивидов в основном устанавливался с более дробными интервалами, в младших возрастных когортах — с точностью до одного года с опорой на признаки зубной системы и степень сформированности костей скелета.

Несмотря на то что антропологические определения были проведены для всех погребенных в кургане, в том числе для части парциальных захоронений, для сопоставления половозрастных данных с погребальным обрядом и инвентарным комплексом была сделана выборка из непогребенных могил, в которых скелеты сохранились *in situ* и только в положении на спине. Таким образом, в исследовании рассматривался 71 индивид из 27 могил (таб.): 33 мужских погребения, 25 женских и 13 детских.

Таблица. Курган Хызыл Салда 9, соотношение половозрастных определений, погребального обряда и инвентарного комплекса

№ могилы	№ скелета	Возраст, лет	Ключевой признак: положение рук	Инвентарный комплекс				
				Шпильки	Фигурные бронзы	Бусины	Железные пряжки на ногах	Костяные наконечники ремня
Мужские погребения								
1	1	35–45	? (перемещены)	-	-	-	-	-
1	2	18–20	Руки вытянуты вдоль тела	-	-	-	-	-
1	3	Ст.* 55	Руки вдоль тела	-	-	-	+	-
4	2	Ст. 55	? (перемещены)	-	-	-	-	+
11	1	25–30	Руки вдоль тела	-	-	-	+	-

⁴ Анализ антропологического материала выполнен Н. И. Лазаретовой.

Таблица, продолжение

№ мотилы	№ скелета	Возраст, лет	Ключевой признак: положение рук	Инвентарный комплекс				
				Шпильки	Фигурные бронзы	Бусины	Железные пряжки на ногах	Костяные наконечники ремня
14	2	18–20	Руки вдоль тела	-	-	-	+	-
15	1	18–20	? (перемещены)	-	-	-	-	-
15	3	15–18	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
15	4	30–40	? (перемещены)	-	-	-	-	-
15	8	Ок. 18	? левая согнута	-	-	-	-	-
15	9	30–40	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
15	10	Ок. 25	Руки вдоль тела	-	-	-	-	+
15	11	Ок. 25	Руки вдоль тела	-	-	-	-	+
15	12	15–18	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
15	14	Ст. 55	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
16	1	Ст. 55	Левая рука вдоль тела; правой руки нет	-	-	-	-	-
17	1	Ст. 55	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
17	2	Ст. 55	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
17	4	35–50	? (сохранились только плечевые кости)	-	-	-	-	-
17	5	35–40	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
17	6	30–35	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
17	8	Ст. 55	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
19	1	45–55	Руки вдоль тела	-	-	-	-	+
20	2	Ок. 25	Руки вдоль тела	-	-	-	+	-
22	1	Ст. 55	Руки вдоль тела	-	-	-	+	-
23	2	35–45	Руки вдоль тела	-	-	-	+	-
23	3	30–40	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
23	4	30–40	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
24	1	Ст. 55	Руки вдоль тела	-	-	-	+	-
27	1	Ок. 30	Руки вдоль тела				+	
28	2	35–45	Руки вдоль тела	-	+	-	+	-
28	4	Ст. 50	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
30	1	Ок. 30	Левая рука вдоль тела; правая рука — на тазу	-	-	-	-	-
Женские погребения								
2	1	18–20	Правая рука согнута, кисть на груди; левая рука вдоль тела	+	+	-	-	-
6	1	35–45	Руки согнуты, на тазу	-	-	-	-	-
8	1	Ок. 25	Руки согнуты, на тазу	+	+	+	-	-
9	1	Ст. 55	Правая рука вдоль тела, кисть на тазу; левая рука согнута, кисть на груди	+	+	+	-	-
12	1	Ок. 25	Левая рука согнута, кисть на тазу; правая?	+	-	-	-	-
12	2	Ст. 55	Левая рука согнута, кисть на тазу; правая?	-	-	-	-	-

№ могилы	№ скелета	Возраст, лет	Ключевой признак: положение рук	Инвентарный комплекс				
				Шпильки	Фигурные бронзы	Бусины	Железные пряжки на ногах	Костяные наконечники ремня
13	1	Ок. 25	Руки согнуты, на тазу	+	+	+	-	-
14	1	35–45	Руки согнуты, на тазу	+	+**	-	-	-
15	2	40–50	? (перемещены)	+?	+	-	-	-
15	6	45–55	Правая рука вдоль тела, кисть на тазу; левая рука согнута, кисть на груди	-	-	+	-	-
15	13	Ст. 55	Правая рука вдоль тела; левая рука согнута, кисть на тазу	-	-	-	-	-
16	2	Ст. 45	? (перемещены)	-	-	-	-	-
17	3	35–50	Руки согнуты, кисти на тазу	-	-	-	-	-
17	7	Ст. 55	Левая рука вдоль тела; правая?	-	-	-	-	-
17	9	Ок. 20	Правая рука согнута, кисть на груди; левая?	-	-	-	-	-
17	10	25–30	Левая рука согнута, кисть на груди; правая?	-	-	-	-	-
18	1	30–40	Правая рука согнута, кисть на груди; левая рука вдоль тела, кисть на тазу	+	-	-	-	-
20	1	18–20	Правая рука согнута, кисть на тазу; левая рука согнута, кисть на груди	+	-	-	-	-
20	3	Ст. 55	Руки согнуты, кисти на тазу	-	-	-	-	-
21	1	30–40	Руки согнуты, кисти на груди	+	-	-	-	-
22	2	Ок. 20	Левая рука согнута, кисть на тазу; правая?	-	-	+	-	-
23	1	Ок. 30	Руки согнуты, на тазу	-	-	-	-	-
28	1	Ок. 25	Правая рука согнута, кисть на груди; левая рука вдоль тела	-	-	+	-	-
28	3	40–50	Правая рука согнута, кисть на груди; левая?	-	-	-	-	-
29	1	35–40	Руки согнуты, кисти на тазу	+	-	-	-	-
Детские (подростковые) погребения								
3	1	12–13	Правая рука вдоль тела; левая рука согнута, кисть на тазу	-	-	+	-	-
5	1	Ок. 8	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
9	2	Ок. 7	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
11	2	12–13	Руки вдоль тела	-	-	-	+	-
15	5	4–5	? (перемещены)	-	-	-	-	-
15	7	2–3	? (перемещены)	-	-	-	-	-
16	3	10–11	? (перемещены)	-	+	-	-	-
16	4	Ок. 7	Руки вдоль тела	-	-	-	-	-
19	2	Ок. 5	Правая рука вдоль тела; левая?	-	-	-	-	-
24	2	Ок. 8	Руки согнуты, кисти на тазу	+	+	+	-	-
27	2	Ок. 8	? (перемещены)	-	-	-	-	-
27	3	Ок. 3	? (перемещены)	-	-	-	-	-
32	1	15–18	Руки согнуты, кисти на тазу	-	-	-	-	-

* ст. — старше; ** — гагатовая пряжка.

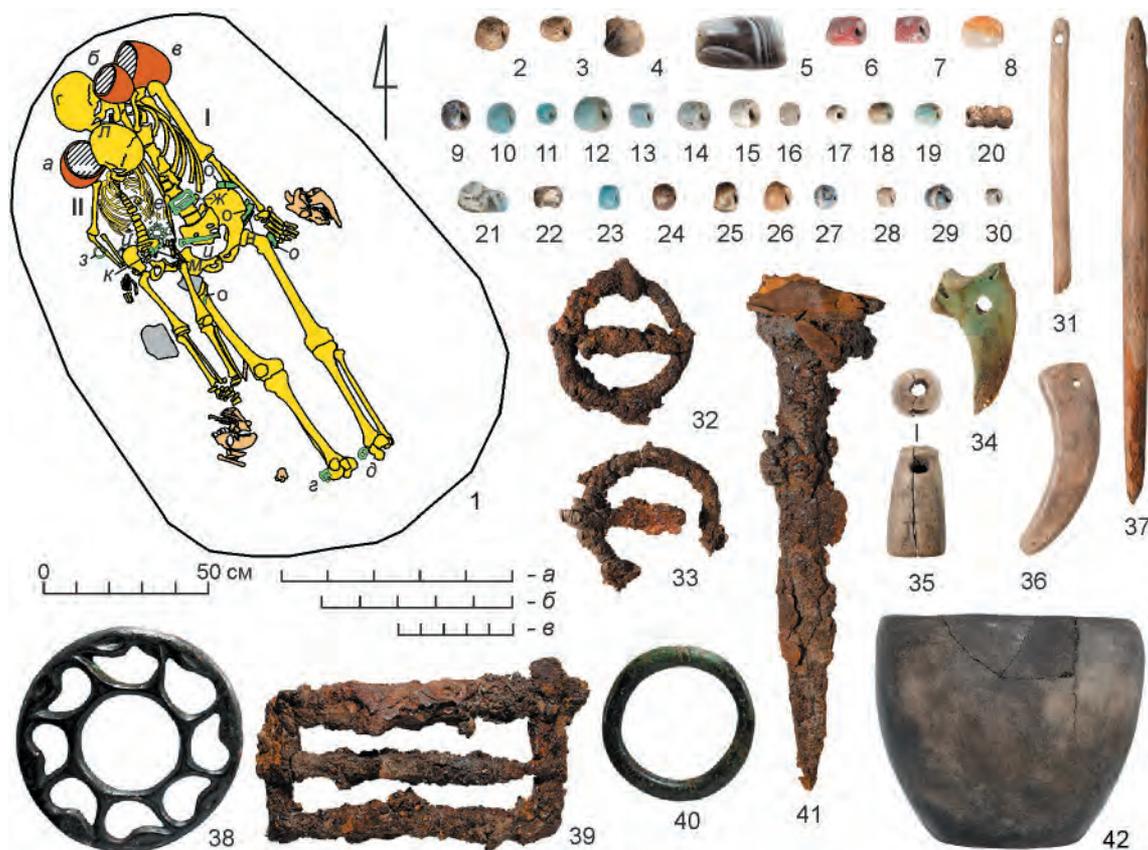

Рис. 3. Курган Хызыл Салда 9, мог. 24 (парное погребение, мужчина (I) и ребенок (II)): 1 — план (а-в — сосуды; г, д, ж — пряжки; е — ажурное кольцо; з — поясное кольцо; и — нож; к, л — подвески; м — шпилька; н — шило (?); о — фрагменты железных предметов); 2-30 — бусины; 31 — шпилька; 32, 33, 39 — пряжки; 34-36 — подвески; 37 — шило (?); 38 — ажурное кольцо; 40 — поясное кольцо; 41 — нож; 42 — сосуд. 2-4 — аргиллит; 5-8 — камень; 9-30 — стекло; 31, 34-37 — кость; 32, 33, 39, 41 — железо; 38, 40 — бронза; 42 — керамика. Масштаб: а — для 2-30; б — для 31-41; в — для 42

Fig. 3. Khyzyl Salda 9 barrow, grave 24 (paired burial, a man (I) and a child (II)): 1 — plan (a-v — vessels; g, d, zh — buckles; e — openwork ring; z — belt ring; i — knife; k, l — pendants; m — hairpin; n — awl (?); o — fragments of iron objects); 2-30 — beads; 31 — hairpin; 32, 33, 39 — buckles; 34-36 — pendants; 37 — awl (?); 38 — openwork ring; 40 — belt ring; 41 — knife; 42 — vessel. 2-4 — argillite; 5-8 — stone; 9-30 — glass; 31, 34-37 — bone; 32, 33, 39, 41 — iron; 38, 40 — bronze; 42 — ceramics. Scale: a — for 2-30; b — for 31-41; v — for 42

(рис. 2, 2). Также может присутствовать костяное шило (рис. 3, 37). При этом ряд особенностей состава инвентарного комплекса характерен только для мужских погребений. Во-первых, только в захоронениях мужчин встречаются костяные наконечники ремня со скошенным окончанием. Впрочем, на 33 могилы приходится только четыре находки таких наконечников, что не может являться достаточным основанием для уверенного вывода. Любопытно также, что в могильнике Хызыл Салда 9 не была обнаружено ни одного бронзового ложечковидного наконечника ремня.

Во-вторых, на ногах в районе эпифизов большой и малой берцовых костей или выше них на 0,1 м зафиксированы железные язычковые пряжки (рис. 2, 6, 7; 3, 32, 33): пряжки обнаружены у восьми половозрелых погребенных. Большинство пряжек — парные круглые, однако встречается вариант сочетания одной круглой и одной прямоугольной пряжек (мог. 22), в двух случаях сохранилось только по одной круглой пряжке (мог. 14, 20). Вероятно, пряжки были элементом мужской обуви. Характерно, что большинство

пряжек на ногах обнаружено в одиночных или двойных могилах. При этом они почти не встречаются (только один случай — мог. 15) в групповых и многоярусных могилах, вмещавших более четырех человек. Вероятно, такая обувь была парадной, и ее использовали в более богатых погребениях.

В-третьих, несмотря на отсутствие предметов вооружения в тесинских могилах (кроме ножа, являющегося частью поясного набора и в мужских, и в женских захоронениях), в мог. 11 у погребенного мужчины были обнаружены четыре концевые накладки на лук хуннского типа (рис. 2, 10, 12–14), а также два костяных наконечника стрел (рис. 2, 8, 9). Эти находки не только свидетельствуют о распространении устойчивой военной традиции, сложившейся при хунну, но также могут косвенно указывать на ранний возраст могильника.

В-четвертых, характерной чертой погребений мужчин является отсутствие в поясном наборе хуннских ажурных бронз.

Женские погребения

Всего было проанализировано 25 женских погребений: одиночные, двойные (в том числе в составе парных) и в составе групповых погребений. При анализе данных погребений было выявлено, что в парных погребениях останки женщин всегда были уложены с правой стороны относительно другого. Также в целом фиксируется меньшее количество женских погребений относительно мужских в групповых могилах: в мог. 15 на девять скелетов половозрелых мужчин приходилось три женских; в мог. 17 на шесть мужских — четыре женских. Для большинства погребенных характерно положение на спине, руки были либо согнуты в локтях, а кисти уложены на таз или на грудь вместе, либо правая рука согнута в локте и лежала на груди, а левая рука была вытянута вдоль туловища (рис. 3, 1; 4, 1) (табл.).

Помимо стандартного для всех погребений поясного набора (железный нож, железные пряжки, бронзовые кольца) (рис. 4, 21, 25, 26) и керамических сосудов (рис. 4, 29, 30) в женских погребениях также наблюдается гендерная дифференциация инвентарного комплекса. Во-первых, только в них встречаются костяные шпильки — преимущественно их находят за черепом (11 случаев) (рис. 4, 23, 24). Шпильки могут быть одиночными или парными, вероятно, они являлись частью сложного головного убора или прически.

Во-вторых, на женских скелетах (шесть случаев) найдены бусины (рис. 4, 2–20), вероятно, элементы расшитой одежды. Преимущественно они лежат в районе груди, кистей или таза.

В-третьих, только в женских погребениях в составе поясного набора представлены фигурные бронзы хуннского типа (шесть случаев; рис. 4, 22, 27, 28). «Хуннские бронзы», получившие распространение в тесинских грунтовых могильниках, всегда привлекали внимание исследователей, однако ранее общее заключение касательно них сводилось к утверждению об их наличии в более престижных захоронениях (Пшеницына 1979: 84; Савинов 2009: 67). Пряжки представляют собой различные геометрические фигуры, ажурные кольца, также в эту категорию были отнесены накладки. В одном случае (мог. 2) в захоронении женщины находился пояс с пластинами с зооморфным сюжетом — сценой борьбы грифона с кошачьим хищником (рис. 4, 27, 28), которые можно считать оригинальными хуннскими импортами, а не местным производством: для строителей кургана они продолжали являться ценностью, несмотря на их поломку.

Детские погребения

Анализ захоронений детей в рамках изучения гендерных различий погребального обряда является дополнительным ввиду отсутствия возможности определить антропологическим способом пол погребенных. Однако ряд сделанных наблюдений можно перенести и на детские погребения. Всего было проанализировано 13 захоронений детей, из них погребальную позу удалось установить для восьми (табл.). Четверо были уложены на спине, руки вытянуты вдоль тела, при этом в трех случаях погребения не сопровождалось погребальным инвентарем, а в одном (погребенный 12–13 л.) — инвентарь присутствовал

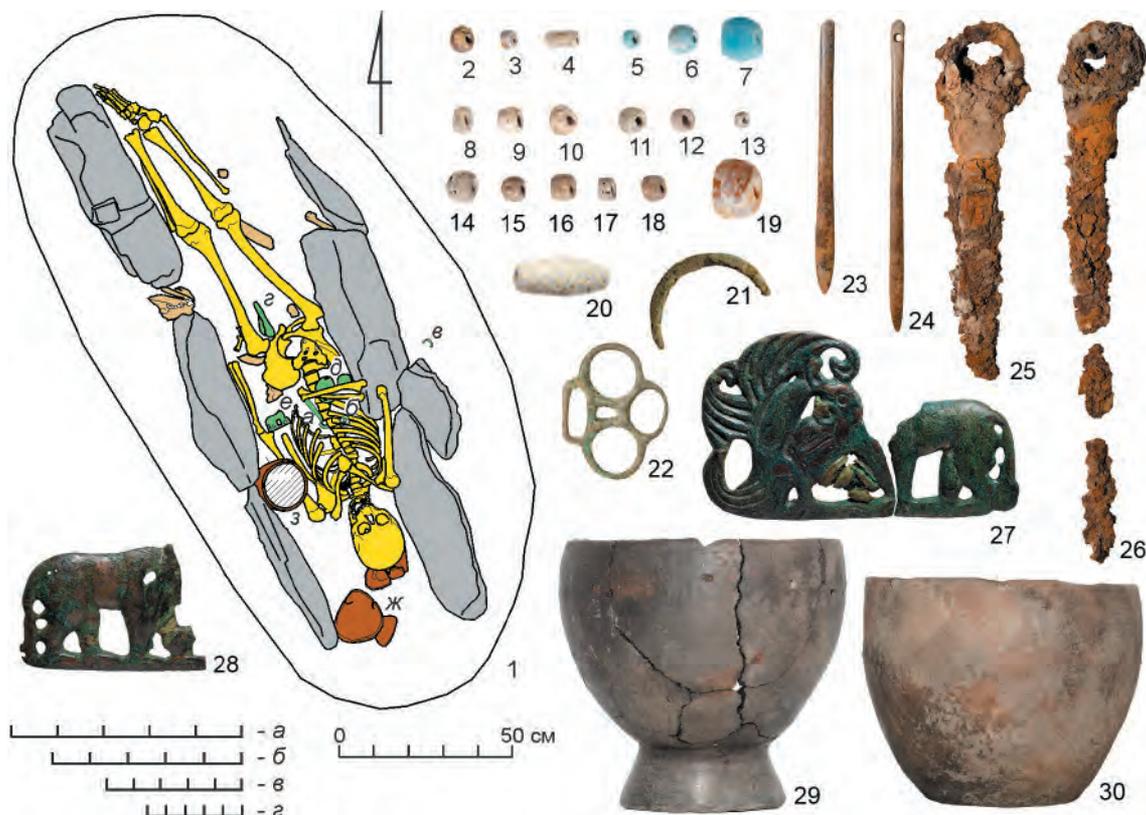

Рис. 4. Курган Хызыл Салда 9, мог. 2 (женское погребение): 1 — план 1-го яруса (а, з — ножи; б — ажурная пряжка; в — фрагмент поясного кольца; д, е — фигурные пластины; ж, з — сосуды); 2–20 — бусины; 21 — фрагмент кольца; 22 — ажурная пряжка; 23, 24 — шпильки; 25, 26 — ножи; 27, 28 — фигурные пластины; 29, 30 — сосуды. 2–7, 19, 20 — стекло; 8–18 — аргиллит; 21, 22, 27, 28 — бронза; 23, 24 — кость; 25, 26 — железо; 29, 30 — керамика. Масштаб: а — для 2–20; б — для 21, 22; в — для 23–28; з — для 29, 30

Fig. 4. Khyzyl Salda 9 barrow, grave 2 (woman's burial): 1 — plan of the 1st tier (a, z — knives; б — openwork buckle; в — belt ring fragment; д, е — figured plaques; ж, з — vessels); 2–20 — beads; 21 — ring fragment; 22 — openwork buckle; 23, 24 — hairpins; 25, 26 — knives; 27, 28 — figured plaques; 29, 30 — vessels. 2–7, 19, 20 — glass; 8–18 — argillite; 21, 22, 27, 28 — bronze; 23, 24 — bone; 25, 26 — iron; 29, 30 — ceramics. Scale: a — for 2–20; б — for 21, 22; в — for 23–28; з — for 29, 30

(в частности, имелись парные пряжки на ногах). Сочетание положения рук и наличия пряжек позволяет определить погребение как мужское. Еще в четырех случаях руки (или одна из рук) были согнуты в локтях и лежали на тазу. В двух случаях в инвентаре представлены бусины. Так, в мог. 24 бусинами был расшит пояс (рис. 3, 2–30), который украшали также подвески из кости и клыка (рис. 3, 34–36) и ажурное кольцо хуннского типа (рис. 3, 38). За черепом обнаружена шпилька (рис. 3, 31). По положению рук и инвентарному комплексу предварительно можно определить погребение как захоронение девочки.

Хотя количество инвентаря в детских погребениях тесинской культуры в целом значительно меньше (из-за их низкого в силу возраста положения в обществе?), анализ погребальной позы и инвентарного комплекса позволяет с большой долей вероятности определять их пол.

Культурная и хронологическая атрибуция

Полученные данные о погребальном обряде тесинских грунтовых могильников в аспекте гендерного разделения позволяют не только обогатить представление о тесинской культуре и приблизиться к ее реконструкции, но и посмотреть на проблему ее

происхождения в новом свете. Удивительное сходство погребального обряда обнаруживается в материалах улуг-хемской культуры Тувы (II–I вв. до н. э.), особенно в могильнике Ала-Тей I, где также фиксируется ситуация, когда у мужчин руки лежали вытянуто вдоль тела, а у женщин были сложены на поясе или перед грудью (Килуновская, Леус 2017: 73; 2018: 130). Было выявлено и разделение инвентаря для мужских и женских захоронений. Преимущественно в женских находят бронзовые пряжки с изображением животных, а также другие бронзовые изделия хуннского типа и зеркала (Килуновская, Леус 2017: 73, 74). Особенности мужских погребений можно считать пряжки для обуви, бронзовые ложечковидные наконечники ремней и костяные пластины на сложносоставной лук хуннского времени (Там же: 74). Отметим и то, что единственная обнаруженная пластина с зооморфным сюжетом в кургане Хызыл Салда 9 имеет ближайšie аналогии в тувинском памятнике Урбюн III (Савинов 1969: рис. 51), который также относят к улуг-хемской культуре (Килуновская, Леус 2018: 126, 148) или датируют временем ее распространения — II–I вв. до н. э. (Длужневская, Савинов 2007: 67).

Тем любопытнее, что исследования антропологических тесинских коллекций показали определенные различия мужских и женских серий грунтовых могильников (Громов 2009; Громов, Учанева 2013: 37). При этом серии грунтовых могильников находят наибольшее сходство как с сарагашенской серией, так и с материалами «скифского» могильника Аймырлыг в Туве (Там же), что косвенно подтверждает предположение о связи тесинской культуры (грунтовые могильники) с Тувой, которое неоднократно высказывалось исследователями (Савинов 2009: 103; Кузьмин 2011: 224), но в свете новых данных это заключение приобретает большие основания.

Исходя из тувинских параллелей тесинский курган Хызыл Салда 9 можно считать относительно ранним в ряду других похожих памятников на территории Минусинских котловин и датировать I в. до н. э. — I в. н. э.

Литература

- Алексеев 1966 — Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.
- Алексеев, Дебец 1964 — Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Громов 2009 — Громов А. В. К антропологии тесинского населения Минусинской котловины // Вестник Томского ГУ. Серия: История. 2009. № 3 (7). С. 143–147.
- Громов, Учанева 2013 — Громов А. В., Учанева Е. Н. Раннетесинское население Минусинской котловины по данным краниологии (опыт сопоставления двух систем признаков) // Ю. К. Чистов (отв. ред.). Радловский сб.: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 32–38.
- Длужневская, Савинов 2007 — Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2007. 198 с.
- Добряк 1960 — Добряк В. И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Здоров'я, 1960. 192 с.
- Килуновская, Леус 2017 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Могильник Ала-Тей и памятники Хунну в Туве // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 72–75.
- Килуновская, Леус 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Кузьмин 1983 — Кузьмин Н. Ю. Тесинские погребальные памятники на юге Хакасии у г. Саяногорска // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 72–75.

- Кузьмин 1988 — Кузьмин Н. Ю. Тесинский могильник у деревни Калы // Массон В. М. (отв. ред.). Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 55–82.
- Кузьмин 2011 — Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.
- Пшеницына 1979 — Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70–89.
- Рохлин 1965 — Рохлин Д. Г. Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Савинов 1969 — Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 104–108.
- Савинов 2009 — Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 248 с.

GENDER SPECIFICITIES OF THE TES' FUNERAL RITE AS EVIDENCED BY THE KHYZYL SALDA 9 BARROW

V. B. TRUBNIKOVA, N. I. LAZARETOVA

Keywords: *Tes' culture, burial ground, sex and age definitions, gender specificities, funeral rite.*

A solitary barrow excavated in 2022 within the area of the Khyzyl Salda 9 medieval settlement (Altai district of the Republic of Khakassia) proved to be a Tes' culture cemetery. The burials were almost entirely unlooted and yielded a rich paleoanthropological collection. Altogether, 34 graves contained remains of 86 inhumations and 8 partial interments. For 71 buried persons occurring *in situ* it was possible to establish a correlation between their sex, on one hand, and the position of arms and composition of burial goods, on the other. Characteristic of men's burials are arms stretched along the body, while the inventory includes iron buckles lying on the foot bones (elements of footwear), bone belt-ends, bows and arrows. Women were buried with their arms placed on the chest or pelvis, the accompanying inventory contains bronze openwork buckles and figured plaques, as well as bone hairpins and beads. The above-listed characteristics of the funeral rite and sexual differentiation of burial goods find analogies in the materials of the Ulug-Khem culture of Tuva, which allows to outline a new approach to the problem of the Tes' culture origin.

КОМПЛЕКСНАЯ АРХЕОЛОГО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ ВОДОХРАНИЛИЩА САЯНО-ШУШЕНСКОЙ ГЭС В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, П. М. ЛЕУС, ВЛ. А. СЕМЕНОВ, А. В. СЕМЕНОВ²

Ключевые слова: Тува, Саяно-Шушенская ГЭС, водохранилище, зона затопления, эпоха бронзы, скифское время, хунну, Средневековье, курганы, могильники, поселения, петроглифы.

С 2017 г. Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН (далее — ТАЭ) при поддержке Русского географического общества проводит разведки для выявления новых объектов древней истории и культуры, мониторинг уже известных и раскопки археологических памятников, разрушаемых Саяно-Шушенским водохранилищем. Эти исследования являются продолжением деятельности ТАЭ в зоне водохранилища, начатой еще в 2005 г. Обнаруженные поселения, стоянки, городища, грунтовые и курганные могильники, ритуальные сооружения и петроглифы относятся к разным историческим периодам — от каменного века до Средневековья. Из наиболее значимых — могильники Ала-Тей 1 и 2, Терезин, Чирик-Даш, стоянки Каравей, Хая-Ужу, поселение Бай-Булун 5, городище Бажын-Алаак, многочисленные наскальные изображения в Саянском каньоне. Перед экспедицией стоят задачи получить представление о размерах разрушений и разработать стратегии спасения памятников; воссоздать историко-культурный ландшафт ключевого региона Тувы — района Верхнего Енисея. Одной из важнейших задач является также обработка архивных и музейных коллекций — результатов многолетних раскопок Саяно-Тувинской экспедиции. В статье впервые вводятся в научный оборот материалы некоторых не опубликованных ранее памятников.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-192-201

Самой яркой страницей в археологии Тувы является деятельность Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР (далее — СТЭАН), созданной на базе ЛО ИА АН СССР для исследования зоны затопления водохранилища строящейся Саяно-Шушенской ГЭС. По проекту большие пространства по берегам Улуг-Хема (Верхнего Енисея), г. Шагонар, села Чаа-Холь, Урбюн, Эйлиг-Хем и весь Саянский каньон попадали в зону затопления. Экспедиция работала 20 лет — с 1965 по 1984 г. — и исследовала разнообразные памятники: стоянки эпох палеолита и неолита, многослойную стоянку Тоора-Даш, в которой было зафиксировано 13 культурных слоев, позволивших построить четкую стратиграфическую колонку от неолита вплоть до Средневековья (Семенов 2018), сотни погребальных памятников от эпохи бронзы до Средневековья, местонахождения наскальных изображений с тысячами

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.
© Килуновская М. Е., Леус П. М., Семенов Вл. А., Семенов А. В., 2023

рисунков различных исторических эпох, среди которых наиболее известны святилища Мугур-Саргол и Алды-Мозага (правый берег р. Чинге), каменные изваяния и памятники рунической письменности (Длужневская, Савинов 2007). Тем не менее было исследовано лишь около 15 % памятников, оказавшихся в зоне затопления. Водохранилище имеет сезонный характер, предусматривающий его «срабатывание» зимой и в первые весенние месяцы и наполнение с конца мая, с достижением максимального уровня обычно к июлю–августу. Поэтому в мае–июне значительные пространства затопленной в остальное время года территории оказываются доступны для исследований. Характер воздействия отступающих и набираемых вновь объемов воды в резервуаре оказывает катастрофическое влияние на береговую линию и само ложе водохранилища, которые подвергаются систематическому разрушению вместе с находящимися там памятниками археологии (Килуновская и др. 2010).

В 2005 г. по просьбе Комитета по охране памятников историко-культурного наследия Республики Тыва ТАЭ ИИМК РАН была проведена разведка в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища. В Комитет поступили сведения сотрудников Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, проводивших осмотр береговой абразии, о том, что на левом берегу Енисея были отмечены сильные разрушения погребальных памятников — размытые погребения, древние вещи, кости людей и животных, разбросанные по всей береговой линии (Килуновская 2012). Постоянно «гуляющая» вода смывает толщу земли, в результате чего обнажаются древние захоронения, а площадь дна оказывается усеяна древними костями, фрагментами керамики и разнообразными артефактами. С этого времени ТАЭ ИИМК РАН ежегодно осуществляет мониторинг и раскопки наиболее разрушающихся объектов (рис. 1).

В 2005–2008 гг. ТАЭ проводила работы в Саянском каньоне на правом берегу р. Чинге. В 1970-е гг. исследования в долине р. Чинге предпринимались И. У. Самбу, обнаружившим здесь неграбленные комплексы скифского времени с большим количеством инвентаря (м-ки Чинге I и II) (Самбу 1973; 1975; 1976; 1980; Самбу, Шевенко 1972). Нами было раскопано три кургана м-ка Чинге (правый берег) (Килуновская, Семенов 2007; 2010; Килуновская 2011). В кург. 1 было устроено три погребения. Центральное, окруженное оградой диаметром 4,0 м из валунов, находилось в яме глубиной 2,2 м, в квадратном (1,8 × 1,8 м) срубе высотой в два венца, ориентированном углами по сторонам света. Пол и перекрытие из тонких плах лежали в направлении СЗ–ЮВ. На дне находились останки трех человек, уложенных на левом боку, головой на СЗ. У одного из погребенных на ногах был бронзовый обруч (гривна?). Два сопроводительных захоронения, находившихся с З и ЮЗ от центрального погребения, были устроены в грунтовой яме (кенотафе) и в деревянной колоде. В колоде с каменной обкладкой лежали останки двух детей, в скорченном положении, головами на СЗ и ЮВ. В изголовье одного из них с СЗ стоял керамический сосуд. Курган можно отнести к уюско-саглынской культуре. Курганы 15 и 16 примыкали друг к другу, образуя «восьмерку». В кург. 15 обнаружено шесть могил: пять из них относились ко времени сооружения кургана (две взрослые и три детские) и одна — впускная периода Средневековья. В центральной мог. 6, устроенной в каменном ящике, была похоронена женщина. Могила ограблена, из сопроводительного инвентаря обнаружены три клыка марала и сердоликовая бусина. Любопытно, что выкид из этой могилы перекрывал ограду соседнего кург. 16, что может свидетельствовать о более раннем времени сооружения последнего. В мог. 5 в яме на глубине 1,2 м была установлена деревянная рама, на дне которой находились разрозненные кости мужчины и бронзовое шило с грибовидной шляпкой. Череп мужчины деформирован — затылочная часть скошена под прямым углом. Другие захоронения были совершены в неглубоких каменных ящиках и также были потревожены в древности.

В кург. 16 выявлено 10 могил. В центральной мог. 1 в каменном ящике находился сильно потревоженный мужской скелет. Кости принадлежали ярко выраженному европеоидному мужчине, ростом около 1,8 м, среднего возраста (до 45 л.), крепкого телосложения.

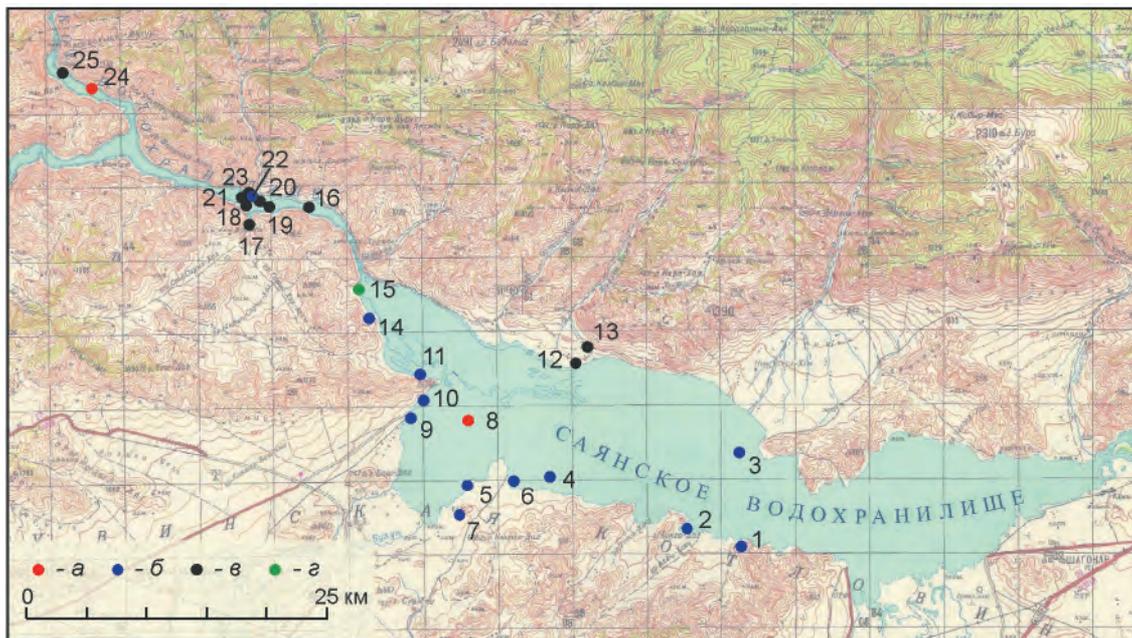

Рис. 1. Памятники, исследованные ТАЭ ИИМК РАН в зоне Саяно-Шушенского водохранилища (а — стоянка, городище; б — могильник; в — местонахождение петроглифов; з — подъемный материал): 1, 4, 6, 7, 9 — группа могильников: 1 — у горы Аргалыкты, 4 — у горы Ала-Тей, 6 — у горы Ыттыг-Аттыг-Ала-Тей, 7 — у горы Кара-Даг, 9 — в урочище Аймырлыг; 2, 3, 5, 10, 11, 14 — могильники: 2 — Чинге-Даг, 3 — Хая-Ужу, 5 — Терезин, 10 — Суме-Беш 1 и 2; 11 — Урбюн III, 14 — Чирик-Даш; 22 — Чинге (правый берег); 8 — городище Бажын-Алаак; 24 — стоянка Тоора-Даш; 15 — Каравей; 12, 13, 16–21, 23, 25 — петроглифы: 12 — Шолде-Тей, 13 — Ийме, 16 — Мозага-Хомужап, 17 — Устю-Саргол (Козья скала), 18 — Мугур-Саргол, 19 — Устю-Мозага, 20 — «Каменный компас», 21 — Алды-Мозага, 23 — Алага, 25 — Бижиктиг-Хая

Fig. 1. Sites studied by the Tuva expedition of IHMC RAS in the zone of the Sayan-Shushenskoye reservoir (a — occupation site, hillfort; б — cemetery; в — petroglyphs; з — surface finds): 1, 4, 6, 7, 9 — group of cemeteries: 1 — Argalakty, 4 — Ala-Tei, 6 — Yttyg-Attyg-Ala-Tei, 7 — Kara-Dag, 9 — Aimyrlyg; 2, 3, 5, 10, 11, 14 — cemeteries: 2 — Chinge-Dag, 3 — Khaya-Uzhu, 5 — Terezin, 10 — Sume-Besh 1 and 2, 11 — Urbyun III, 14 — Chirik-Dash; 22 — Chinge (right bank); 8 — Bazhyn-Alaak hillforts; 24 — Toora-Dash occupation site; 15 — Karavei; 12, 13, 16–21, 23, 25 — petroglyphs: 12 — Sholde-Tei, 13 — Iyeme, 16 — Mozaga-Khomuzhap, 17 — Ustyus-Sargo (Goat's cliff), 18 — Mugur-Sargol, 19 — Ustyus-Mozaga, 20 — Stone compass, 21 — Aldy-Mozaga, 23 — Alaga, 25 — Bidjiktig-Naya

Мощные наплывы на костях свидетельствуют о том, что он большую часть жизни провел на коне. Из инвентаря был обнаружен наконечник наборного пояса и фрагменты бронзовых поясных обоем с S-образным орнаментом, аналогии которым представлены в кургане Аржан-2 (рис. 2, 15, 16). Могила 2 находилась к ЮЗ от центрального погребения в грунтовой яме с установленной на дно рамой. Эта могила также была разграблена, сохранившиеся останки принадлежали мужчине (20–25 л.). В остальных могилах (в деревянной колоде, каменных ящиках и деревянной раме) были погребены дети возрастом от 1 до 12 л. Могила также была ограблена в древности, но при этом перекрытия ящиков в обоих курганах установлены на место, кости вынуты частично, когда мягкие ткани еще не разложились, и положены на перекрытия или рядом, ямы тщательно забутованы камнями и землей. Вероятно, данные действия были связаны с постпогребальным ритуалом. В северной части ограды кург. 16 было найдено два «клада» конского снаряжения: два комплекса в СВ углу

состояли из подпружной пряжки, блока, двух стремечковидных удил и псалиев У-видных и с грибовидным шпеньком (рис. 2, 1–8), а в СЗ углу находились стремечковидные удила, У-видные псалии, пряжка, блок и кольцо (рис. 2, 9–14). Подобный набор удил и У-видных псалиев найден И. У. Самбу на могильнике Ортаа-Хем (Самбу 1970). По обряду и инвентарю комплексы кург. 15 и 16 являются «классическими» памятниками алды-бельской культуры.

Основным районом исследований ТАЭ с 2005 г. была территория по берегам Чаа-Хольского залива водохранилища около горы Сюме и затопленного поселка Урбюн. Ранее здесь в 1967 г. Д. Г. Савинов исследовал могильник Урбюн III, где было раскопано шесть курганов скифского времени (Савинов 1966; 1969; 1980). На нижних отрогах горы Сюме, обращенных на юг, около кочевой тропы, ведущей на переправу в урочище Каравей, находится знаменитая буддийская ниша XIII в. с барельефным изображением Будды с бодхисаттвами и стражниками, описанная многими путешественниками XIX в. и исследованная в 1950–1960-х гг. Л. Р. Кызласовым (Семенов 2006). От ниши горы Сюме к югу на 5 км простирается урочище Сюме-Беш, в котором в 2006–2010 г. ТАЭ на могильниках Суме-Беш 1 и 2 было исследовано 20 объектов скифского времени, а также уникальное захоронение эпохи бронзы (Семенов 2012; Семенов, Килуновская 2013). Особенность погребений — отсутствие наземных сооружений: вода смыла не только почвенный слой, но и разрушила насыпи курганов. Каменные ящики фиксировались практически на уровне современной поверхности, а три сруба — на уровне деревянных перекрытий. Все срубы были частично потревожены в древности. Особенно интересен сруб в объекте 3, который находился между двумя каменными ящиками (объекты 2 и 4). На дне сруба высотой в три венца (перекрытие и пол были уложены в одном направлении, СЗ–ЮВ) лежали один мужской и четыре детских скелета. Останки двух других взрослых погребенных были потревожены — на дне сруба лежали длинные кости ног, а остальные части скелетов были положены в сочленении на перекрытии. У мужчины был полный комплект вооружения — чекан на деревянной рукояти, акинак и нож, лежавшие в ножнах, украшенных бусами из стеклянной пасты. В районе таза обнаружены фрагменты железных изделий и бронзовые бусы (по-видимому, детали пояса), а за головой, около северо-западной стенки сруба, — костяные и бронзовые наконечники стрел, а также большое количество древков стрел. Рядом с погребенным зафиксирован глен от деревянного лука и следы от четырех округлых деревянных сосудов. Кроме того, в урочище Суме-Беш было раскопано 15 захоронений в каменных ящиках. В одном из них (на м-ке Суме-Беш 1) на каменном полу очень компактно лежали два скелета — мужской и женский, возможно, уложенные в специальные мешки. Погребенные были перезахоронены, когда кости находились еще в сочленении. Черепа поставлены отдельно. На костях следы многочисленных погрызов хищных животных. Около черепов стояли два глиняных сосуда. Погребения в срубках и каменных ящиках относятся к скифскому времени (V–III вв. до н. э.), к уюкско-саглынской культуре.

От урочища Сюме-Беш до горы Бош-Даг и за ней находится могильное поле Аймырлыг, где долгие годы работал А. М. Мандельштам, исследовавший здесь около 30 могильных групп, включающих несколько сотен захоронений от эпохи бронзы до первых веков нашей эры (Мандельштам, Стамбульник 1980: 48; Мандельштам 1983а; 1983б; 1992; Стамбульник 1983).

В 2010 г. ТАЭ здесь было раскопано сильно разрушенное погребение в срубке, размытом водой практически до нижнего венца. На дне лежали разрозненные человеческие кости и фрагменты керамических сосудов, характерные для позднего этапа уюкско-саглынской культуры скифского времени.

В 2007–2008 гг. отдельным отрядом экспедиции под руководством П. М. Леуса проводились первые работы на восточном берегу Чаа-Хольского залива, на м-ке Терезин, где было исследовано 12 разрушенных и сохранившихся погребений эпохи хунну, а также собрана коллекция подъемного материала: бронзовые ажурные пряжки, ложечковидные подвески,

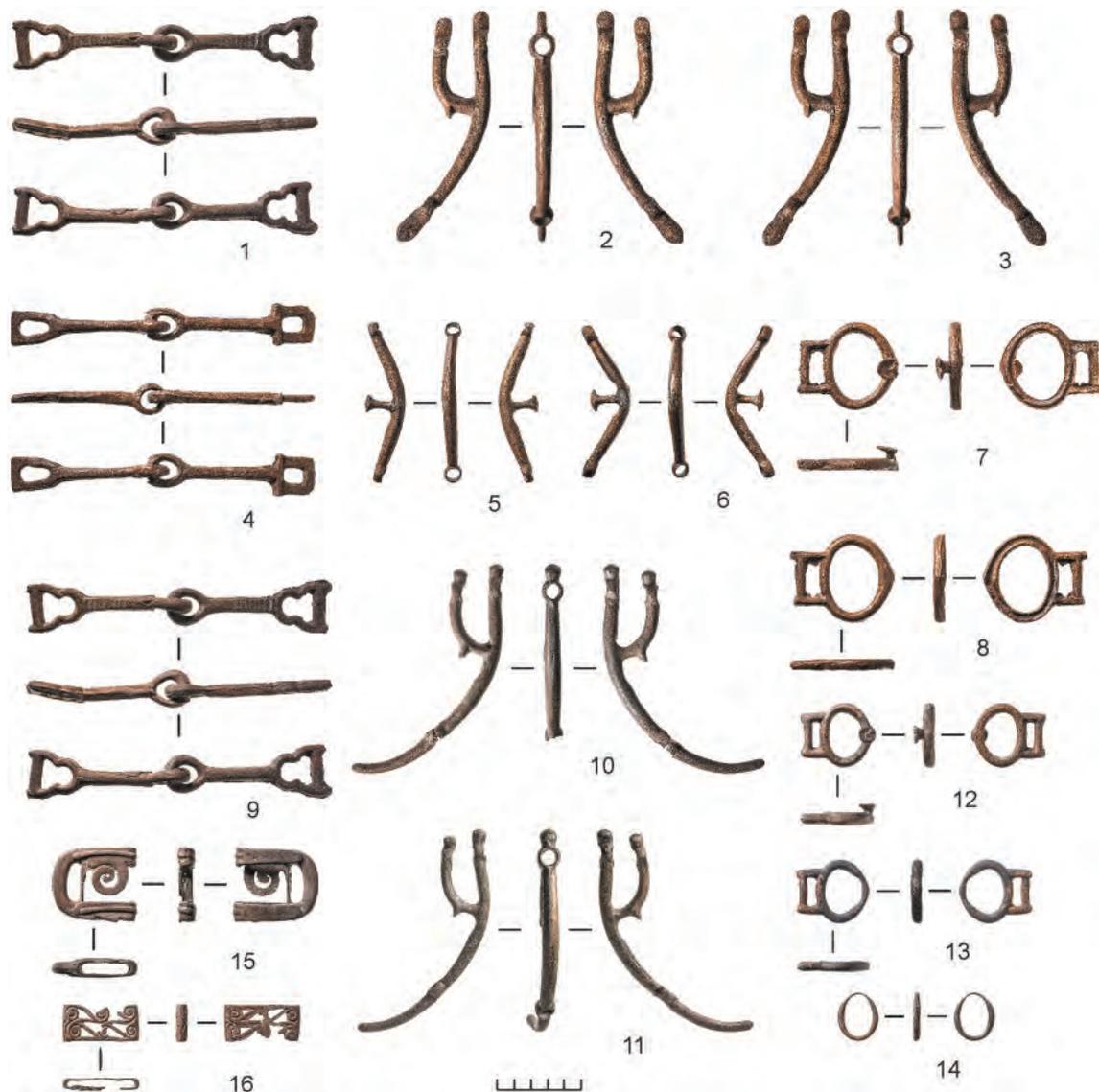

Рис. 2. Могильник Чинге (правый берег), кург. 16, предметы конского снаряжения и поясные украшения: 1, 4, 9 — стремечковидные удила; 2, 3, 10, 11 — У-видные псалии; 5, 6 — псалии с грибовидным шпеньком; 7, 12 — пряжки; 8, 13 — блоки; 14 — кольцо; 15, 16 — фрагменты поясных обойм с S-образным орнаментом. Бронза

Fig. 2. Chinge cemetery (right bank), barrow 16, horse harness objects and belt decorations: 1, 4, 9 — stirrup-shaped bits; 2, 3, 10, 11 — Y-shaped cheekpieces; 5, 6 — cheekpieces with a mushroom-shaped prong; 7, 12 — buckles; 8, 13 — blocks; 14 — ring; 15, 16 — fragments of belt retainers with S-shaped designs. Bronze

китайские бронзовые зеркала, костяные накладки на лук, наконечники стрел, керамика и другие предметы (Леус 2008; Леус, Бельский 2016). Эти находки в очередной раз доказали необходимость и эффективность проведения исследований по берегам и на дне ложа водохранилища до начала набора воды. Наконец, в 2015 г. на дне водохранилища были обнаружены два могильника у небольшой отдельно стоящей горы Ала-Тей: Ала-Тей 1, датирующийся II–I вв. до н. э., и Ала-Тей 2 — X–XI вв. Чуть в стороне от них были найдены разрушающиеся погребения могильника Ыт-Атыг-Тей 1, относящиеся к различным этапам скифского времени.

В результате разведки 1962 г., проведенной А. Д. Грачом на протяжении 7 км в зоне будущего водохранилища от Шагонара до входа в Саянский каньон, было зафиксировано 834 видимых объекта, большая часть из которых была отнесена к алды-бельской культуре. 192 памятника не поддавались предварительной датировке (Длужневская, Савинов 2007: 30). В дальнейшем исследования вел Ю. И. Трифонов, которым были открыты памятники эпохи бронзы, скифского, гунно-сарматского и древнетюркского времени (Грач и др. 1971; Трифонов 1966; 1968; 1969; 1970; 1971; 1972; 2000). В 1990 г. ТАЭ под руководством Вл. А. Семенова было раскопано два кургана монгун-тайгинской и алды-бельской культур. Однако большинство зафиксированных в 1962 г. курганов так и не были исследованы, кроме того, ряд объектов, например могильники у горы Ала-Тей, вообще не были обнаружены.

В 2017 г. при поддержке Русского географического общества была создана Комплексная археолого-географическая экспедиция, главной целью которой является спасение памятников в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Республике Тыва. В экспедиции под руководством сотрудников ТАЭ принимают участие волонтеры РГО и студенты Тувинского университета. Поддержка проекта осуществлялась также швейцарским Обществом по изучению Евразии (*Gesellschaft zur Erforschung EurAsiens*). Основными объектами работ экспедиции являются грунтовые могильники Ала-Тей 1 и Терезин. Первый большую часть года находится под 17-метровой толщей воды, а второй — на высоком обрывистом разрушающемся песчаном берегу. К настоящему времени на Ала-Тее 1 исследовано 118 могил, а на Терезине — 43. Получена значительная коллекция находок, относящихся к культуре хунну, предметов экспорта как из ханьского Китая, так и западных, эллинистических центров. Серия радиоуглеродных дат подтверждает время существования этих памятников — II–I вв. до н. э. (Килуновская, Леус 2018; 2020а; 2020б; 2021а; 2021б; 2022а; 2022б; Леус 2017; 2018; Kilunovskaya, Leus 2018; 2022; Leus 2011).

Комплекс археологических памятников у горы Ала-Тей состоит из нескольких курганных групп. Могильник Ала-Тей 2 представляет собой цепочку небольших каменных набросок, протянувшуюся вдоль восточного подножия горы (Килуновская и др. 2018; 2020: 490). ТАЭ исследовала пять курганов. Погребения были устроены в установленных в неглубокие ямы узких трапециевидных гробах, на спине, в вытянутом положении. В двух мужских захоронениях найдены железные стремяна, удила, наконечники стрел, пряжки, кресало и др., в трех женских — стеклянные и сердоликовые бусы, железные и бронзовые детали пояса. В женском погр. 4 на шелковую ткань были нашиты три китайские монеты, выпущенные во времена династии Северная Сун (Бусова и др. 2019). Они позволяют датировать захоронение концом XI в. Памятники этого времени в Тыве очень редки. Ближайшая аналогия — богатое мужское захоронение в кург. 11 на м-ке Аргалыкты I, исследованное Ю. И. Трифоновым (Трифонов 2013).

В западной части Шагонарского плеса водохранилища отдельным отрядом ТАЭ под руководством А. В. Семенова исследуется могильник Чирик-Даш. Он состоит из 20 объектов — небольших курганов с западинами без видимых наземных сооружений. Терраса, на которой расположен могильник, постоянно разрушается, через объекты проходят глубокие трещины, и погребения буквально сползают вниз на песчаный берег. Пока здесь исследовано шесть объектов, находившихся на линии обрыва (Семенов 2019). Особенно интересным оказался объект 7 — захоронение в срубе, перекрытом двухслойным накатом из бревен. В срубе было похоронено семь человек — четыре мужчины, один подросток и двое детей. Несмотря на сильную разграбленность, сохранившийся инвентарь позволяет уверенно отнести его к саглыньскому варианту уюкско-саглыньской культуры IV–III вв. до н. э., что подтверждено и радиоуглеродными датами. Перед экспедицией поставлена задача продолжить исследования на Чирик-Даше, так как его разрушение продолжается, и бесценные свидетельства прошлого исчезают.

Помимо археологических раскопок важной задачей экспедиции являются и разведки, в ходе которых проводится мониторинг уже известных памятников, съемка их планов и

поиск новых объектов (так, были сняты планы могильников у гор Ыттыг-Аттыг-Ала-Тей, Кара-Даг, Чинге-Даг, городища Бажын-Алаак и др.). Главная цель этих исследований — разработать стратегию сохранения объектов культурного наследия, как в долгосрочной перспективе, так и на каждый конкретный год работы. В ходе этих работ перед экспедицией встала довольно сложная проблема — отсутствие подробных планов памятников с точными привязками к географическим координатам. На старых чертежах сохранились направления и расстояния до населенных пунктов, большая часть которых в настоящее время не существует. Почти все памятники были раскопаны лишь частично (кроме некоторых могильников в урочище Аймырлыг). Сотрудник ТАЭ Т. Р. Садыков разработал методику сопоставления схем могильников из отчетов СТЭАН с современными снимками с квадрокоптера, на которых бывают видны пятна раскопанных объектов. В результате им было определено расположение ряда могильников в урочище Чааты, около затопленного села Кара-Тал (Садыков 2020б) и в урочище Аймырлыг (Садыков 2020а).

В зоне затопления на обоих берегах Улуг-Хема находятся уникальные местонахождения наскальных изображений (Устю-Мозага с «Каменным компасом», Алды-Мозага, Алага, Бижиктиг-Хая, Мозага-Хомужап, Устю-Саргол, Шолде-Тей, Йиме и др.) (Килуновская 2006). Самое богатое скопление было обнаружено в урочище Мугур-Саргол. Здесь сосредоточено несколько памятников, на которых представлены изображения различных исторических эпох. Практически все они полностью затапливаются. Вероятно, в древности это урочище было своеобразным ритуальным центром (Килуновская, Чадамба 2007). Все эти памятники были тщательно скопированы и монографически опубликованы М. А. Дэвлет. Задачей наших исследований является мониторинг состояния этих уникальных объектов всемирного наследия, копирование рисунков с помощью новых методов (создание 3D-моделей), а также составление точных планов их местонахождений.

Опыт работы ТАЭ ИИМК РАН доказал необходимость проведения регулярного мониторинга зоны затопления Саяно-Шушенского водохранилища с фиксацией открывающихся в процессе абразии и выветривания древних поселений и погребальных памятников, а также памятников наскального искусства. На последних происходит необратимый процесс разрушения скальной поверхности и исчезновение петроглифов. На вновь выявленных разрушающихся объектах следует проводить спасательные археологические работы. Безусловно, все эти мероприятия помогут сохранить исчезающее историко-культурное наследие нашей страны.

Литература

- Бусова и др. 2019 — Бусова В. С., Килуновская М. Е., Леус П. М., Орфинская О. В. Шелк в контексте погребального обряда могильника Ала-Тей 2 в Туве // Ёлкина И. И., Вагнер М., Тарасов П. Е. (отв. ред.). Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция: Материалы Российско-Германского семинара (Москва, 11–13 марта 2018 г.). М.; Оппенхайм-на-Рейне: ИА РАН; Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, 2019. С. 155–170 (Archaeology in China and East Asia. Т. 7).
- Грач и др. 1971 — Грач А. Д., Трифонов Ю. И., Длужневская Г. В., Самбу И. У. Работы Саяно-Тувинской экспедиции // АО 1970 года. 1971. С. 180–182.
- Длужневская, Савинов 2007 — Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2007. 198 с.
- Килуновская 2006 — Килуновская М. Е. Наскальные изображения в зоне затопления Саянской ГЭС — проблемы изучения и мониторинга // Деревянко А. П., Молодин В. И. (отв. ред.). Современные проблемы археологии России: Материалы ВАС (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 300–302.
- Килуновская 2011 — Килуновская М. Е. Исследования в Республике Тыва // АО 2008. 2011. С. 441–443.
- Килуновская 2012 — Килуновская М. Е. Мониторинг археологических памятников Республики Тыва // Субботин А. В. (отв. ред.). Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). СПб.: Инфо Ол, 2012. С. 102–176.

- Килуновская, Леус 2018 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Килуновская, Леус 2020а — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 97–125.
- Килуновская, Леус 2020б — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв. до н. э. в Туве // АВ. 2020. Вып. 30. С. 223–253.
- Килуновская, Леус 2021а — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Датировка памятников эпохи хунну Ала-Тей 1 и Терезин в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 1 (29). С. 79–92.
- Килуновская, Леус 2021б — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Костяные пластины-пряжки эпохи хунну в Туве // Смирнов Н. Ю. (отв. ред.). Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 430–448.
- Килуновская, Леус 2022а — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Изображение яка в искусстве хунну // АВ. 2022. Вып. 34. С. 235–241.
- Килуновская, Леус 2022б — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Женское погребение с коралловыми се-режками из могильника хунну Ала-Тей 1 в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2022. № 1 (33). С. 110–120.
- Килуновская, Семенов 2007 — *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А.* Раскопки в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС и грота на реке Куйлуг-Хем // АО 2005. 2007. С. 469–470.
- Килуновская, Семенов 2010 — *Килуновская М. Е., Семенов Вл. А.* Работы Тувинской экспедиции // АО 2007. 2010. С. 465–467.
- Килуновская, Чадамба 2007 — *Килуновская М. Е., Чадамба Л. Д.* Памятники наскального искусства Тувы // Невинский В. В., Тишкин А. А. (отв. ред.). Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: Сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2007. С. 10–18.
- Килуновская и др. 2010 — *Килуновская М. Е., Аюнова О. Д., Кальная О. И., Семёнов Вл. А.* Влияние разрушения береговой линии Саяно-Шушенского водохранилища на состояние памятников истории и культуры в районе Чаа-Хольского залива // Лебедев В. И. (отв. ред.). Состояние и освоение природных ресурсов Тувы и сопредельных регионов Центральной Азии. Кызыл: Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, 2010. С. 189–198 (Гео-экология природной среды и общества. Вып. 10, 11).
- Килуновская и др. 2018 — *Килуновская М. Е., Леус П. М., Лазаревская Н. А.* Памятники XI–XII веков на правом берегу Верхнего Енисея // Базаров Б. В., Крадин Н. Н. (отв. ред.). Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы IX МНК. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского НЦ СО РАН, 2018. Т. 2. С. 45–49.
- Килуновская и др. 2020 — *Килуновская М. Е., Бусова В. С., Жогова Н. А., Лазаревская Н. А., Леус П. М., Семенов А. В., Семенов В. А.* Исследования Тувинской археологической экспедиции // АО 2018. 2020. С. 488–493.
- Леус 2008 — *Леус П. М.* Терезин — новый памятник гунно-сарматского времени в Центральной Туве (предварительное сообщение) // Деревянко А. П., Макаров Н. А. (отв. ред.). Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. 2. С. 42–44.
- Леус 2017 — *Леус П. М.* Радиоуглеродные даты из хуннских могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Вдовин А. С., Макаров Н. П. (отв. ред.). Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: ММНК, посвящ. 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Н. К. Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2017. С. 181–183.
- Леус 2018 — *Леус П. М.* Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Тез. второй Всерос. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А. Д. Грача. Санкт-Петербург, 10–14 декабря 2018 г. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 117–123.
- Леус, Бельский 2016 — *Леус П. М., Бельский С. В.* Терезин I — могильник эпохи хунну в Центральной Туве // АВ. 2016. Вып. 22. С. 93–104.
- Мандельштам 1983а — *Мандельштам А. М.* Исследования на могильном поле Аймырлыг // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 25–33.

- Мандельштам 1983б — *Мандельштам А. М.* О некоторых результатах новых археологических исследований в Центральной Туве // Информационный бюллетень МАИКЦА. 1983. Вып. 4. С. 5–14.
- Мандельштам 1992 — *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Мошкова М. Г. (отв. ред.). Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 178–196 (Археология СССР).
- Мандельштам, Стамбульник 1980 — *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* О некоторых проблемах истории ранних кочевников Тувы // Окладников А. П. (отв. ред.). Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 43–59.
- Савинов 1966 — *Савинов Д. Г.* Раскопки могильника Урбюн // АО 1965 года. 1966. С. 28.
- Савинов 1969 — *Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 104–108.
- Савинов 1980 — *Савинов Д. Г.* Могильник Урбюн III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. Кемерово: Изд-во Кемеровского ГУ, 1980. С. 107–119 (Известия ЛАИ. Вып. 11).
- Садыков 2020а — *Садыков Т. Р.* Внутренняя номенклатура (деление на группы) могильного поля Аймырлыг // Громов А. В., Чистов Ю. К. (ред.). Население раннего железного века и Средневековья Северной Евразии по материалам музейных коллекций. СПб.: МАЭ РАН, 2020. С. 12–25 (Сб. МАЭ. Т. 67).
- Садыков 2020б — *Садыков Т. Р.* Возможности получения дополнительной информации из давно исследованных памятников на дне Тувинского моря // АВ. 2020. Вып. 26. С. 248–259.
- Самбу 1970 — *Самбу И. У.* Исследования в долине р. Ортаа-Хем // АО 1969 года. 1970. С. 182–183.
- Самбу 1973 — *Самбу И. У.* Исследования могильника Чинге // АО 1972 года. 1973. С. 237.
- Самбу 1975 — *Самбу И. У.* Исследования могильника Чинге // АО 1974 года. 1975. С. 231–232.
- Самбу 1976 — *Самбу И. У.* Новые исследования могильника Чинге II // АО 1975 года. 1976. С. 276–277.
- Самбу 1980 — *Самбу И. У.* Могильник скифского времени в Енисейском каньоне // Окладников А. П. (отв. ред.). Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1980. С. 65–70.
- Самбу, Шевенко 1972 — *Самбу И. У., Шевенко Б. Г.* Исследования могильников Чинге I, II // АО 1971 года. 1972. С. 241–242.
- Семенов 2006 — *Семенов Вл. А.* Будда горы Сюме // Тарунов А. М. (гл. ред.). Сокровища культуры Тувы. М.: Науч.-информ. изд. центр, 2006. С. 95 (Наследие народов РФ. Вып. 7).
- Семенов 2012 — *Семенов Вл. А.* Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Алёшкин В. А., Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. и др. (редкол.). Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: ММНК, посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 432–435.
- Семенов 2018 — *Семенов Вл. А.* Тоора-Даш. Многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: Невская Книжная Тип., 2018. 340 с.
- Семенов 2019 — *Семенов А. В.* Памятник скифского времени при входе в Саянский каньон Енисея — могильник Чирик-Даш // Тамдын А. К. (отв. ред.). Ермолаевские чтения: Материалы III НПК с междунар. участием (23–25 мая 2019 г.), посвящ. 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Кызыл: Тип. «Аныяк», 2019. С. 60–65.
- Семенов, Килуновская 2013 — *Семенов Вл. А., Килуновская М. Е.* Итоги работ Тувинской экспедиции // АО 2009 года. 2013. С. 332–335.
- Стамбульник 1983 — *Стамбульник Э. У.* Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (Некоторые итоги работ) // Массон В. М. (отв. ред.). Древние культуры евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 34–41.
- Трифонов 1966 — *Трифонов Ю. И.* Работы на могильнике Аргалыкты // АО 1965 года. 1966. С. 25–27.
- Трифонов 1968 — *Трифонов Ю. И.* Новые памятники у подножия хребта Аргалыкты // АО 1967 года. 1968. С. 174–176.

- Трифонов 1969 — Трифонов Ю. И. Дальнейшие исследования могильников Аргалыкты I и Кара-Тал IV // АО 1968 года. 1969. С. 192–194.
- Трифонов 1970 — Трифонов Ю. И. Исследования в Центральной Туве (могильники Аргалыкты I и VIII) // АО 1969 года. 1970. С. 184–185.
- Трифонов 1971 — Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.
- Трифонов 1972 — Трифонов Ю. И. Исследования в Хакасии и Центральной Туве // АО 1971 года. 1972. С. 239–240.
- Трифонов 2000 — Трифонов Ю. И. Погребение Х в. н. э. на могильнике Аргалыкты I // Молодин В. И., Худяков Ю. С., Скобелев С. Г. (ред.). Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии: Сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ГУ, 2000. С. 143–156.
- Трифонов 2013 — Трифонов Ю. И. Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. С. 113–114.
- Kilunovskaya, Leus 2018 — *Kilunovskaya M., Leus P.* Archaeological discoveries in Tuva: excavations of the Ala-Tei and Terezin cemeteries of the Xiongnu period in 2015–2016 // *Asian Archaeology*. 2018. No. 1. P. 45–62.
- Kilunovskaya, Leus 2022 — *Kilunovskaya M. E., Leus P. M.* Burials with Openwork Belt Plaques of the Xiongnu Period from Tuva // Baumer C., Novak M., Rutishauser S. (eds.). *Culture in Contact. Central Asia as Focus of Trade, Cultural Exchange and Knowledge Transmission*. Wiesbaden; Harrassowitz Verlag, 2022. P. 567–586.
- Leus 2011 — *Leus P.* New finds from the Xiongnu period in Central Tuva // Brosseder U., Miller B. K. (eds.). *Xiongnu Archaeology — Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 515–536 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).

COMPLEX ARCHAEOLOGICAL-GEOGRAPHICAL EXPEDITION IN THE INUNDATION ZONE OF THE SAYAN-SHUSHENSKOE HYDRAULIC POWER STATION IN THE REPUBLIC OF TUVA: MAIN RESULTS, PROBLEMS AND PROSPECTS

М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, П. М. ЛЕУС, ВЛ. А. СЕМЕНОВ, А. В. СЕМЕНОВ

Keywords: *Tuva, Sayan-Shushenskoe hydraulic power station, inundation zone, Bronze Period, Scythian time, Xiongnu, Middle Ages, barrows, cemeteries, settlements, petroglyphs.*

Since 2017 the Tuva expedition of IHMC RAS with the support of the Russian Geographical Society has carried out reconnaissance works aimed at the discovery of new objects of ancient history and culture, as well as monitoring and excavations of the earlier discovered sites that are being destroyed by the Sayan-Shushenskoe reservoir. These works continue the Tuva Expedition activity started in the inundation zone as early as 2005. The discovered settlements, camp sites, hillforts, flat and barrow cemeteries, ritual constructions, and petroglyphs date from different periods from the Stone Age through to the Middle Ages. The most important sites are the Ala-Tei 1 and 2, Terezin and Chirik-Dash cemeteries, Bai-Bulun 5 settlement, Karavei and Khaya-Jzhu camp sites, Bazhyn-Alaak hillfort, and numerous rock drawings in the Sayan canyon. The Expedition is faced with the tasks of assessing the scale of destructions suffered by archaeological sites and developing the strategies of their salvation in order to recreate the historical-cultural landscape of the Upper Yenisei region. In addition, one of the most important tasks is the study of the archive and museum collections that have accumulated as a result of many years of excavations carried out by the Sayan-Tuva Expedition. The paper presents some earlier unpublished materials.

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ В КОКЭЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Т. Р. САДЫКОВ²

Ключевые слова: Тува, сюнну, сянъби, кокэльская культура, Туннуг, конское снаряжение, псалии, S-видные псалии со скобой.

В статье впервые специально исследовано конское снаряжение кокэльской культуры. Кокэльских погребений с элементами конской узды немного, причем последние во всех случаях представлены специально изготовленными копиями. Псалии разделяются на отдельные типы (хотя типология на основе моделей и является до некоторой степени условной): тип 1 — костяные или роговые двудырчатые псалии, тип 2 — кольчатые (рис. 1, 2), тип 3 — плоские (рис. 1, 3), тип 4 — S-видные со скобой (рис. 1, 4). Конская узда кокэльской культуры разнообразна: часть вариантов наследует «сюннуской» традиции, другая часть получает наибольшее распространение уже позднее, в раннем Средневековье. Впервые выявлены в кокэльских погребениях S-видные псалии со скобой, подробно рассмотрен контекст их расположения и сопутствующие предметы конского оголовья. Эти данные должны учитываться при общих реконструкциях эволюции конской узды на евразийском пространстве в постсюннуское время.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-202-211

Введение: состояние источников

Конское снаряжение кокэльской археологической культуры ранее не становилось предметом отдельного исследования. До недавнего времени эта тема и не могла быть подробно рассмотрена из-за относительной редкости и непредставительности источников. К тому же конское снаряжение не является необходимой частью погребального инвентаря кокэльской культуры, а если используется в этом качестве, то представлено не реальными предметами, а специально изготовленными для погребения копиями. Это создает дополнительную сложность: копии (как правило, уменьшенные) предметов могут не отражать всех технических характеристик реальных прототипов, поскольку производятся и используются как модели, символы. Для корректного изучения конского снаряжения по моделям необходимо совершить обратный переход от символа к предмету или, по меньшей мере, учитывать необходимость такого перехода.

Во многих случаях этот переход неоднозначен. Модели конского снаряжения могут быть выполнены в предельно абстрактном виде, например, в виде проволочных удил без псалиев, — на этой основе никакая реконструкция невозможна. Но даже если уровень этой абстракции окажется достаточным для каких-либо предположений, они все равно

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.
© Садыков Т. Р., 2023

останутся недоказуемыми в полной мере. Это, вероятно, справедливо для так называемых пропеллеровидных моделей псалиев, неоднократно зафиксированных в кокэльских памятниках. Точных функциональных аналогов таким псалиям нет, и отнесение этих моделей к известным полноразмерным типам во многом условно. В литературе встречается информация и о полноразмерных удилах, но во всех известных на сегодня случаях их атрибуция как кокэльских ненадежна. Удила из «курганов на горе Бай-Даг», исследованных С. А. Теплоуховым (Кызласов 1979: рис. 82), зафиксированы в смешанных комплексах, как и удила из кургана БТ-59-5, раскопанного А. Д. Грачом, которые Л. Р. Кызласов также атрибутирует как кокэльские (Там же: 118). В археологическом памятнике Даг-Аразы удила найдены не в погребениях, а в «поминальном» объекте ДА-II-11 (Памятники... 2010: 139) и среди камней насыпи ДА-IV-11 (Там же: 144) и также могут относиться к более позднему времени.

Из 15 удил (или их моделей), обнаруженных на м-ке Кокэль, иллюстрации даны только для двух экземпляров (рис. 1, 1, 2), еще для трех описан тип — и во всех случаях это модели. Для остальных комплексов приведен только сам факт наличия фрагментов удил (не всегда отмечено, что это модели), и нет никакой дополнительной информации о псалиях. Можно допустить, что при ревизии материалов м-ка Кокэль найдется что-то неожиданное, но гораздо более вероятно, что все типологически выраженные находки уже были опубликованы. Абсолютное большинство «фрагментов удил» в м-ке Кокэль выявлены в погребениях, содержащих другие «вотивные» находки, и вероятность помещения в эти погребения полнофункциональных удил представляется довольно низкой. Так или иначе, ни одной бесспорно кокэльской полноразмерной конской узды пока не опубликовано.

Всего в кокэльских памятниках надежно зафиксирована как минимум 31 модель удил (табл.). Общее количество изученных кокэльских погребений на 59 археологических памятниках (57 памятников из недавнего списка (Садыков 2018: 103) дополнены работами последних лет) можно оценить как около 700, более 400 из них — на м-ке Кокэль. В ходе работ в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС в Центральной Туве исследовано 255 «сооружений» (Памятники... 2010: 231), из которых не менее половины представлены ритуальными, а не погребальными памятниками. В публикациях упоминается шесть удил из этих памятников, причем в одном случае (м-к Темир-Суг 1, кург. 2) «витые вотивные удила» можно интерпретировать как два звена цепочки, не относящейся к конскому снаряжению, а в двух случаях (м-к Аргалыкты 1, кург. 10; м-к Шугур, кург. 2) вместе с моделями удил с «пропеллеровидными» псалиями зафиксированы вторые (сломанные) того же типа. На южной периферии кургана Туннуг 1 обработаны материалы 97 кокэльских погребений (Sadykov et al. 2021), в которых обнаружено шесть моделей удил. По результатам иных экспедиций исследовано около 120 кокэльских объектов, из которых беспогребальные насыпи составляют не менее трети, а удила встречены только в трех погребениях. Таким образом, модели удил выявлены чуть более чем в 4 % исследованных погребений.

Эта статистика может быть несколько дополнена результатами половозрастных определений, проведенных на отдельных кокэльских памятниках, поскольку модели удил в абсолютном большинстве случаев входят в «мужской» набор инвентаря (табл.). Примерно 2/3 погребенных как на могильнике Кокэль, так и в «кургане-кладбище»³ на южной периферии кургана Туннуг 1 — мужские (Там же: 11). Эта диспропорция — отдельный вопрос, сейчас же можно только отметить, что есть отдельные примеры несовпадения антропологического определения пола и характера погребального инвентаря (который определенно разделяется на «мужской» и «женский»), причем в обе стороны, но заметного искажения эти несовпадения в статистику не вносят. Очень приблизительно оценив общее количество «мужских» погребений в 450 (из 700), мы получим наличие моделей удил почти в 7 % «мужских» погребений.

³ Термин «курган-кладбище», несмотря на некоторую неблагозвучность, отражает выделяющийся в действительности тип памятников кокэльской археологической культуры. С момента первой публикации материалов «курганов-кладбищ» в м-ке Кокэль (Вайнштейн, Дьяконова 1966) этот термин устоялся и в дальнейшем употребляется как единственный и общепринятый.

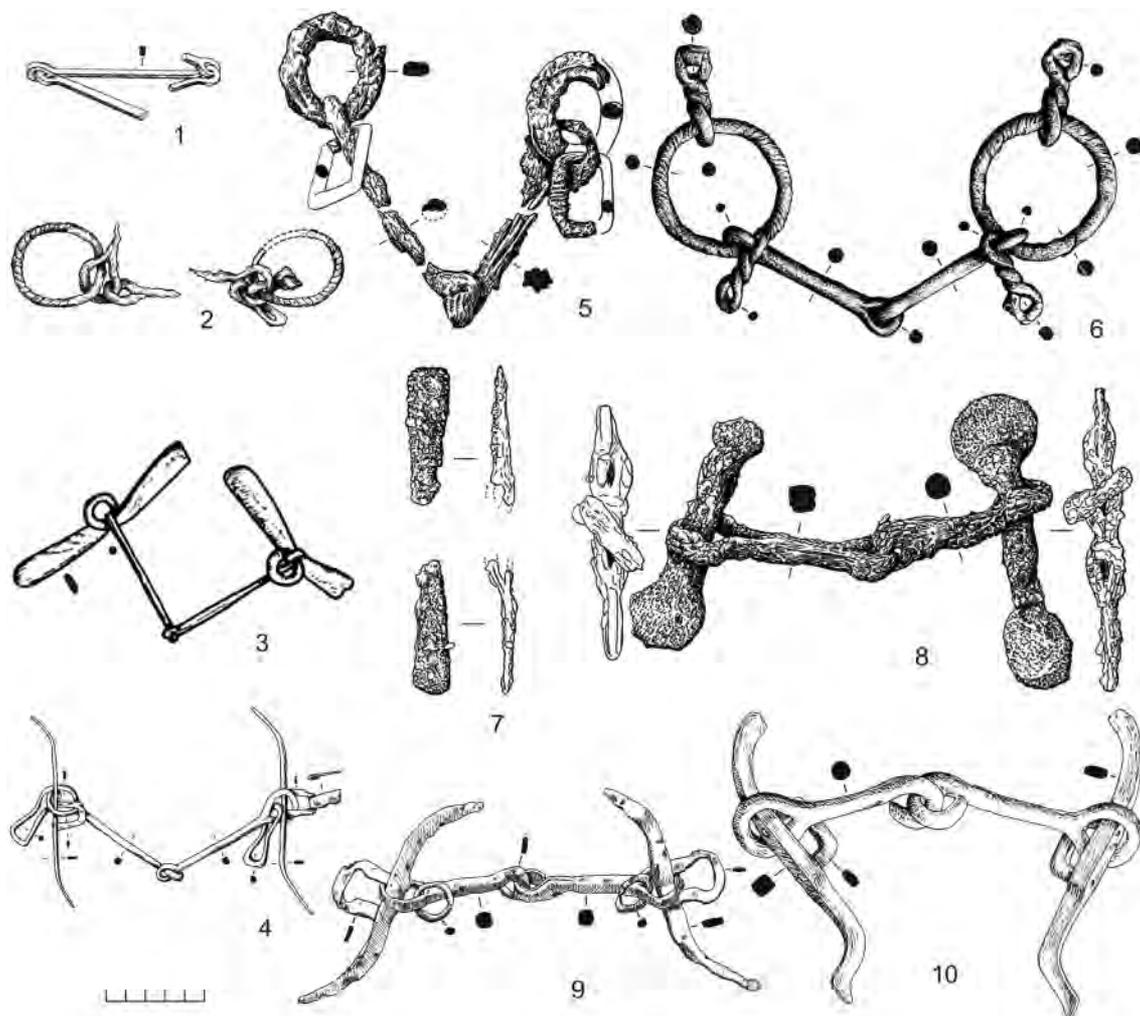

Рис. 1. Модели узды в памятниках кокельской культуры (1–4) и их вероятные полнофункциональные прототипы (5–10): 1, 2, 10 — Тува, м-к Кокэль (по: 1 — Вайнштейн, Дьяконова 1966: рис. 47; 2 — Вайнштейн 1970: рис. 51; 10 — Вайнштейн 1966: табл. 8, 5); 3 — Тува, м-к Шугур (по: Длужневская 1982: рис. 4); 4 — Тува, Туннуг 1 (по: Садыков и др. 2024: рис. 187); 5, 7, 8 — Алтай, м-к Яломан 2 (по: Матренин 2018: рис. 1); 6 — Алтай, м-к Чобурак 1 (Серегин и др. 2019: рис. 4); 9 — Тува, Туннуг 1 (по: Chan et al. 2022: fig. 4, 45)

Fig. 1. Models of horse harness in the burials of the Kokel culture (1–4) and their probable fully functional prototypes (5–10): 1, 2, 10 — Tuva, Kokel (after 1 — Вайнштейн, Дьяконова 1966: рис. 47; 2 — Вайнштейн 1970: рис. 51; 10 — Вайнштейн 1966: табл. 8, 5); 3 — Tuva, Shugur (after Длужневская 1982: рис. 4); 4 — Tuva, Tunnug 1 (after Садыков и др. 2024: рис. 187); 5, 7, 8 — Altai, Yaloman 2 (after Матренин 2018: рис. 1); 6 — Altai, Choburak 1 (after Серегин и др. 2019: рис. 4); 9 — Tuva, Tunnug 1 (after Chan et al. 2022: fig. 4, 45)

Таблица. Конское снаряжение в погребениях кокзельской археологической культуры

№ п.п.	Памятник	Погребение	Псалли	Наличие оружия	Наличие «вотивов»	Положение	Публикация
1		Кург. КЭ-28, мог. 1	?	Да	Да	Над головой, сломанные	Вайнштейн, Дьяконова 1966: 219-222
2		Кург. КЭ-26, мог. 8	?	Да	Да	В ногах?	Вайнштейн 1970: 17
3		Кург. КЭ-26, мог. 21	?	Да	Да	Между бедрами	Там же: 31-34
4		Кург. КЭ-26, мог. 26	Кольчатые	Да	Да	Над головой, сломанные	Там же: 37
5		Кург. КЭ-11, мог. 1	?	Да	Да	Над головой	Дьяконова 1970: 84-85
6		Кург. КЭ-11, мог. 9	?	Да	Да	На животе	Там же: 91
7		Кург. КЭ-11, мог. 15	?	Да	Да	У лица	Там же: 95, 96
8	Кокзель	Кург. КЭ-11, мог. 23	Костяные	Да	Да	В ногах	Там же: 97
9		Кург. КЭ-11, мог. 65	?	Да	Да	Под локтем левой руки	Там же: 122
10		Кург. КЭ-11, мог. 87, погр. 2	?	Да	Да	У правой ключицы, двое удил	Там же: 131
11		Кург. КЭ-11, мог. 122, погр. 1	?	Да	Да	У локтя правой руки	Там же: 146, 147
12		Кург. КЭ-11, мог. 133	?	Да	Да	У правой ступни	Там же: 152
13		Кург. КЭ-11, мог. 134	Плоские?	Да	Да	У локтя левой руки	Там же: 152
14		Кург. КЭ-11, мог. 140, погр. 1	Плоские?	Да	Да	У локтя левой руки	Там же: 155
15		Кург. КЭ-11, мог. 141-2	?	Да	Да	У правой ноги	Там же: 156
16	Шугур	Кург. 2	Плоские	Только стрела	?	У локтя левой руки, есть вторые сломанные	Длужневская 1982: 111-113
17	Аргалыкты 1	Кург. 10	Плоские	Копье?	Да?	Над погребением вместе с сосудом, есть вторые сломанные	Памятники... 2010: 47, 48
18	Кара-Тал 3	Кург. 2	Плоские	Да?	Да?	У головы	Там же: 59, 60
19	Ортаа-Хем 2	Кург. 3, мог. 2	?	Нет	?	?	Там же: 41
20	Даштыг-Шоль	?	?	?	?	?	Там же: 246
21		Об. 34, погр. 2	S-видные	Да	Да	У правой руки	Садыков и др. 2023: рис. 160
22		Об. 34, погр. 3	S-видные	Да	Да	У правой руки	Там же: рис. 160
23	Тунгун 1	Об. 34, погр. 4	S-видные	Да	Да	У правой руки	Там же: рис. 160
24		Об. 40	Нет	Да	Да	Фрагменты в разных местах	Там же: рис. 191
25		Об. 42, погр. 2	Нет	Да	Да	У левой ноги	Там же: рис. 204
26		Об. 42, погр. 3	Нет	Да	Да	Фрагменты в разных местах	Там же: рис. 204
27	Хара-Даг-Бажы	Погр. 1	Нет	Да	Да	Между бедер	Данченко, Нестеров 1989: 98
28	Желвак 5	Погр. 1	S-видные	Да	Да	Слева у ног	Zhogova et al. 2024: 11
29	Шурмак-Тей	Кург. 1	Плоские	Да	Да	Сождение	Кызласов 1979: 114, 115
30	Сыын-Чурек	Кург. 34	Плоские?	Да	Да	У локтя правой руки	Вайнштейн 1958: 225, 226
31	Шугур	Кург. 5	Плоские	—	—	В «поминальнике»	Длужневская 1982: 113

Контекст находок

Модели удила в кокэльских погребениях бывают дополнены моделями псалиев, а иногда и уздечных пряжек. Расположение этих пряжек позволяет предположить, что в отдельных случаях в погребения были положены не только удила с псалиями, но и оголовье (с ремнями) целиком. Следов второй части конской верховой амуниции — седел, подпружных пряжек, стремян (или их прототипов) — в кокэльских памятниках до сих пор не зафиксировано.

Положение конской узды в погребениях неканонично. Она фиксировалась и в ногах, и над головой, и у рук (табл.). Можно только отметить, что во всех случаях (кроме одного) узда расположена именно среди погребального инвентаря, а не отдельно. Отдельное расположение конской амуниции можно было бы интерпретировать как какое-то отражение идеи сопребения человека и коня, особой связи хозяина и его лошади. Конская узда в этом случае могла бы быть истолкована не как вещь, принадлежащая человеку, а как символ отсутствующего сопребения или сопутствующего жертвоприношения. Эта особая связь ярко представлена в погребальных обрядах «кочевых» сообществ предшествующего (алды-бельская и пазырыкская культуры), синхронного (булан-кобинская культура) и последующего (тюркская и кыргызская культуры) времен. Но в кокэльских погребениях конская узда — это, видимо, именно вещь (вернее, модель вещи), принадлежавшая человеку и характеризующая человека.

В абсолютном большинстве погребений, содержащих конскую узду, присутствует оружие. Это позволяет предположить, что узда воспринималась скорее как часть снаряжения конного воина, чем как атрибут пастуха. В абсолютном большинстве погребений, содержащих конскую узду, есть и другие модели вещей, и другие нефункциональные, сделанные специально для погребения, копии. Это, возможно, до некоторой степени отражает состояние наших источников (погребений с votивными изделиями раскопано гораздо больше), однако и достаточно объяснимо, поскольку и упряжь также представлена только моделями.

Типология псалиев

Все модели удила, зафиксированные в памятниках кокэльской культуры, — двусоставные, с кольчатыми окончаниями. Более дробная классификация, отражающая, в первую очередь, технологические особенности изготовления удила (например, способ формирования петель как на окончаниях, так и в соединении звеньев удила) на основе моделей, а не функциональных изделий, на наш взгляд, неприменима. Изготовление модели — отдельная технология, ориентированная только на внешнее сходство с оригиналом.

Практически во всех зафиксированных случаях (и во всех, где мы можем быть уверены в полноте комплекта) на кольцах удила, кроме псалиев, зафиксированы дополнительные круглые (рис. 1, 3) или восьмерковидные (рис. 1, 4) железные петли. Этот элемент, встречающийся, но в целом необязательный для узды эпохи Средневековья, всадникам кокэльской культуры представлялся, видимо, необходимым.

Многие модели удила, как отмечалось, очень схематичны, и псалиями не укомплектованы. Возможно, часть железных моделей удила дополнялась деревянными моделями псалий, как, например, это представлено в таштыкском погребении из м-ка Оглахты (Панкова, Ширококов 2021: 68), и эти модели псалиев просто не сохранились. Всего к настоящему времени известно 14 надежно зафиксированных комплектов удила с псалиями. Они делятся на несколько выраженных типов.

1. Костяные (роговые?) двудырчатые (?) псалии представлены единственным экземпляром (м-к Кокэль, кург. 11, погр. 23 — Дьяконова 1970: 97, рисунка в публикации нет). Этот простейший и широко распространенный тип использовался как в предшествующее суннское время, так и в раннем Средневековье без каких-либо значительных эволюционных изменений. Изготовление таких псалиев было доступно любому всаднику даже без специальных инструментов. Известен случай нахождения рогового двудырчатого псалия в комплекте с железным (Тамирын Улаан... 2021: 200), что можно трактовать как

использование рогового псалия в качестве временной, походной замены. Это, видимо, самый обычный, простой и доступный тип для рассматриваемого времени, используемый в том числе при дефиците железа или при поломке, случившейся далеко от места производства.

2. Кольчатые псалии также представлены единственным экземпляром (м-к Кокэль, кург. 26, погр. 26; рис. 1, 2) (Вайнштейн 1970: 37, рис. 51). С. И. Вайнштейн отмечает плохую сохранность удила, но не определяет их как имитацию. Тем не менее по размеру и толщине грызл сложно предположить их полноценное использование. Кольчатые псалии (рис. 1, 5, 6) одно время считались скорее нехарактерными для сюнну-сяньбийского времени, однако в синхронных памятниках булан-кобинской культуры они представлены очень широко (Матренин 2018: 168, типы 5, 6).

3. Модели плоских псалиев в кокэльских памятниках представлены наибольшим количеством (8 экз.; рис. 1, 3) и описываются обычно как «пропеллеровидные» (Длужневская 1982: 118; История Сибири... 2019: 187), «лавролистные» или «лопаточкообразные» (Кызласов 1979: 106). Их отождествление с полноразмерными образцами достаточно условно. При простом увеличении такие псалии, вероятно, не будут обладать должной функциональностью, да и полноразмерных аналогов им не отмечено ни в Туве, ни на прилегающих территориях. В то же время в относительно синхронных памятниках известны псалии, схожие по общему абрису, но технически устроенные сложнее. Это вытянутые плоские псалии с двумя отверстиями, расположенными по более длинной горизонтальной оси (рис. 1, 7, 8).

Такое (плоскостное) решение для двудырчатых псалиев используется как минимум с сюннуского времени (Талько-Грынцевич 1999: 77; Миняев 2007: табл. 30; и др.). Аналогом в материалах соседней булан-кобинской культуры могут быть «бабочковидные» или «гантелевидные» (но не «пропеллеровидные») псалии (Матренин 2018: 168). Близкие плоские двудырчатые псалии известны и в сяньбийском памятнике Лаохэшень (Юйшу... 1987: 72, рис. 65, без масштаба). Реконструкция моделей кокэльских «пропеллеровидных» псалиев как двудырчатых кажется нам наиболее вероятной: в изучаемый период это самый распространенный способ крепления псалиев к удилам.

4. S-видные псалии со скобой — тип псалиев, который можно выделить по результатам недавних полевых работ в материалах кокэльской культуры (рис. 1, 4). Этот тип представлен тремя практически идентичными экземплярами, происходящими из одного «коллективного погребения» (объекта 34) в составе кургана-кладбища на южной периферии раннескифского кург. Туннуг 1 (Садыков и др. 2024), и удилами сходной конструкции в кокэльском погребении на территории стоянки Желвак 5 (Zhogova et al. 2023: fig. 9, 3).

«Коллективное погребение» для объекта 34, как и для многих других погребений кокэльской культуры, — термин не в полной мере точный. Погребения совершены в общей яме, но каждый похоронен в отдельном гробу, а весь инвентарь точно соотносится с определенным погребенным. У трех из четырех погребенных (у всех взрослых мужчин, четвертый — ребенок) конское снаряжение положено у правой руки, причем это не только удила и псалии, но и, наиболее вероятно, полное конское оголовье. Кожаная основа оголовья не сохранилась, но рядом с удилами зафиксировано несколько железных предметов, которые, возможно, также являются частью упряжи. Их взаимное расположение в погр. 2 (скелет 58 по сквозной нумерации памятника) показано на рис. 2.

Бесспорно к оголовью относятся восьмеркообразные петли (рис. 3, 1 (tng19/0836⁴), 2 (tng19/0862), 8 (tng19/0831), 13 (tng19/0895)), такие же расположены и на концах удила, и такие же, в том же количестве и положении, найдены в комплексе с двумя другими удилами в объекте 34. Подобная ситуация с плоскими накладочками (рис. 3, 3 (tng19/0833), 9 (tng19/0861), 11 (tng19/0894), 12 (tng19/0851), 14 (tng19/0865)), которые крепились, видимо, к коже и, вероятно, украшали оголовье. Не совсем понятна функция колечка с язычком (рис. 3, 7 (tng19/0864)), но такие найдены и рядом с другими удилами в объекте 34

⁴ В скобках приведен полевой шифр предмета.

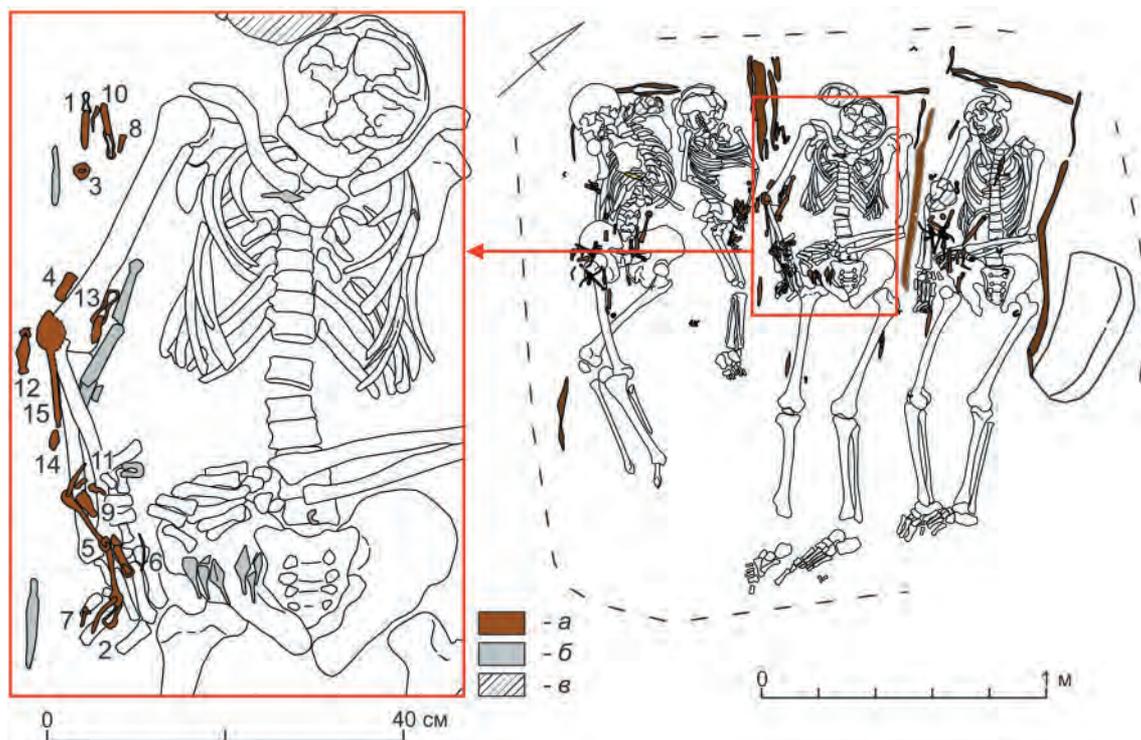

Рис. 2. Расположение возможных элементов конского оголовья в погр. 2 (скелет 58 по сквозной нумерации памятника) объекта 34 археологического памятника Туннуг 1: *a* — железные элементы конского оголовья; *b* — прочие железные предметы (наконечники стрел, ножи и др.); *v* — керамический сосуд. Номера на плане соответствуют номерам находок на рис. 3

Fig. 2. Location of the possible elements of the horse headband in burial 2 (skeleton 58 according to the general numbering of the site) of object 34 of the archaeological site Tunnug 1: *a* — iron elements of a horse headband; *b* — other iron objects (arrowheads, knives, etc.); *v* — ceramic vessel. The numbers on the plan correspond to the numbers of the finds in fig. 3

(Садыков и др. 2024: рис. 181, 1560; 187, 918), как и предмет, который можно принять за язычок от пряжки (рис. 3, 10 (tng19/0837)). Плоский ложковидный предмет (рис. 3, 15 (tng19/0850)) — один из давно выявленных в кокельской культуре предметов неизвестного назначения, он часто встречается в комплексах с удилами, но эта корреляция неабсолютна: у других погребенных с удилами на южной периферии кург. Туннуг 1 такого предмета нет.

Удила с псалиями объекта 34 также являются уменьшенными копиями, но сделанными очень подробно. Их полнофункциональные аналоги хорошо известны, но, что достаточно неожиданно, характерны преимущественно для более позднего времени — это средневековые S-видные псалии со скобой (Овчинникова 1990: рис. 42, 1–6). Комплекты удил с псалиями этого типа (рис. 1, 9, 10) неоднократно находили и в Туве в средневековых погребениях с конем (например, здесь же, на периферии кург. Туннуг 1 (Chan et al. 2022: fig. 4, 45) или в средневековой части м-ка Кокэль (Вайнштейн 1966: табл. 8, 5)), да и в целом в Средневековье этот тип псалий распространен очень широко.

Сейчас нет каких-то определенных оснований считать объект 34 кургана-кладбища на южной периферии раннескифского кург. Туннуг 1 достаточно поздним. С археологической точки зрения остальной погребальный инвентарь этого комплекса вполне «классический». Планиграфически объект 34 является одним из первых объектов формирующегося кургана-кладбища. Радиоуглеродное датирование по костям людей проведено для всех четырех погребенных (Milella et al. 2021; Sadykov et al. 2021), и дополнительно, по анализу кости животного, подтверждено отсутствие резервуарного эффекта (Pawelczyk et al. 2022: table 2). Все даты (CE 245-376, CE 255-408, CE 237-348, CE 252-406) даны по IntCal20

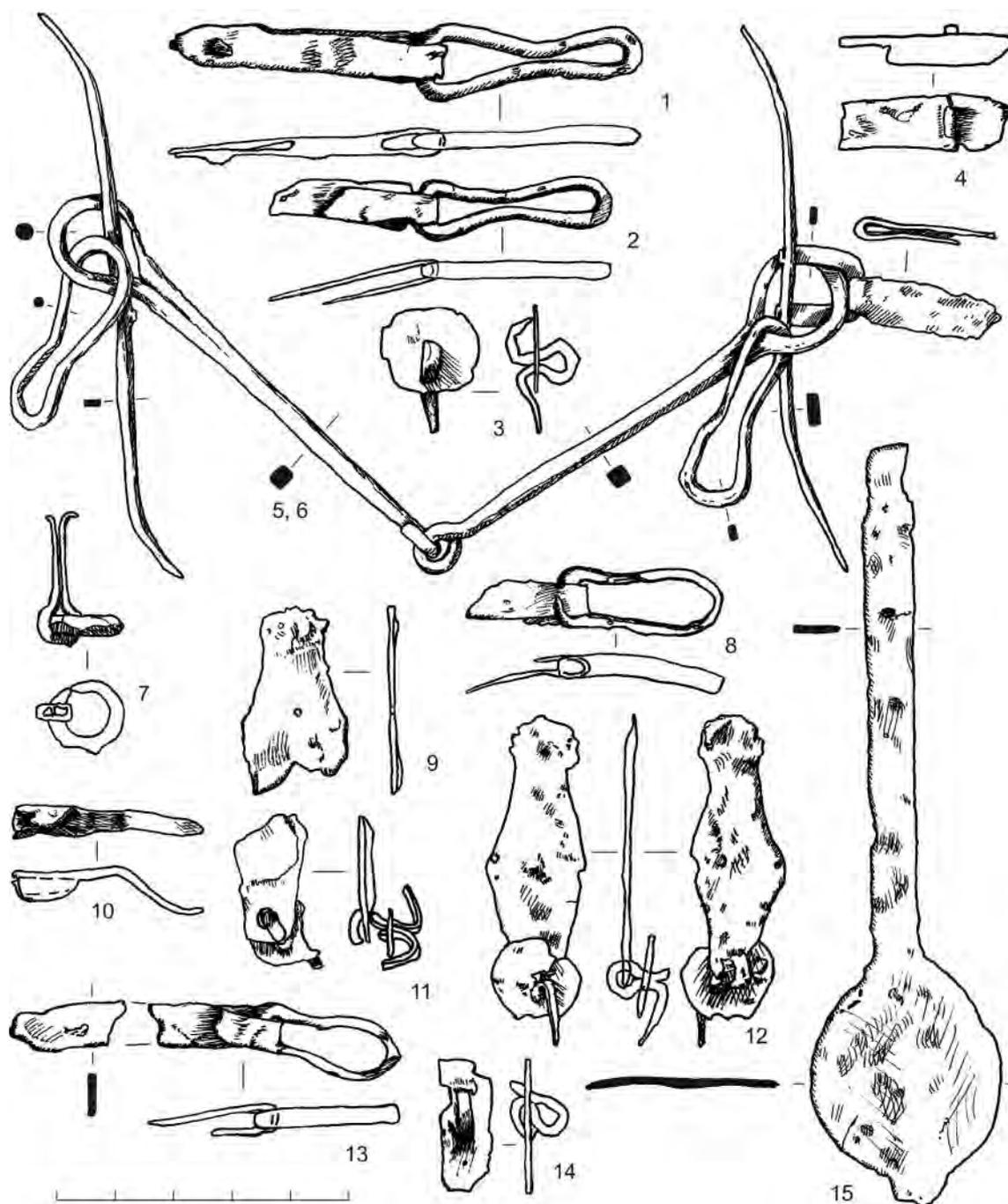

Рис. 3. Возможные элементы конского оголовья в погр. 2 объекта 34 археологического памятника Туннуг 1 (номера соответствуют номерам на плане — рис. 2; в скобках даны полевые шифры предметов, префикс tng19/): 1 (0836), 2 (0862), 8 (0831), 13 (0895) — восьмеркообразные петли; 3 (0833), 9 (0861), 11 (0894), 12 (0851), 14 (0865) — плоские накладочки; 4 (0866) — обломок предмета; 5 (0860), 6 (0863) — удила; 7 (0864) — колечко с язычком; 10 (0837) — язычок (?) от пряжки; 15 (0850) — плоский ложковидный предмет неизвестного назначения. Железо

Fig. 3. Possible iron elements of a horse headband in burial 2 of object 34 of the archaeological site Tunnug 1 (numbers correspond to the numbers on the plan — fig. 2; indicated in the brackets are the field numbers of the objects, prefix tng19/): 1 (0836), 2 (0862), 8 (0831), 13 (0895) — eight-shaped loops; 3 (0833), 9 (0861), 11 (0894), 12 (0851), 14 (0865) — flat plates; 4 (0866) — fragment; 5 (0860), 6 (0863) — bits; 7 (0864) — tongued ring; 10 (0837) — tongue (?) of a buckle; 15 (0850) — flat spoon-like object of an unknown function. Iron

calibration curve (Reimer et al. 2020, которая в целом калибрует даты интересующего нас периода в более поздние значения, чем предыдущие версии) и уверенно относятся к III–IV вв. н. э.

Заключение

Таким образом, конское снаряжение, применявшееся носителями кокэльской культуры, было достаточно разнообразным. Использовались разные типы псалиев, причем различались и способы крепления их к удилам. На фоне конского снаряжения синхронных степных культур такая ситуация не выглядит уникальной: в одной культуре могут использоваться псалии нескольких типов. Конское снаряжение, видимо, редко становится культурно-специфическим и свободно распространяется от одной культуры к другой.

К настоящему времени количество материала и точность его датировок не позволяют наметить линии исторической эволюции или предположить возможное разделение типов псалиев на территориальные или хронологические группы. Тем не менее можно достаточно уверенно предположить одновременное использование в кокэльском социуме псалиев разных типов.

Первые находки в кокэльских погребениях S-видных псалиев со скобой, традиционно относимых к Средневековью, достаточно неожиданны и должны учитываться при общих реконструкциях эволюции конской узды на евразийском пространстве в постсюннуское время.

Литература

- Вайнштейн 1958 — *Вайнштейн С. И.* Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. 6. С. 217–237.
- Вайнштейн 1966 — *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Тр. ТКАЭЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. Т. 2. С. 292–347.
- Вайнштейн 1970 — *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сыын-чюрекской культур) // Тр. ТКАЭЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1970. Т. 3. С. 7–79.
- Вайнштейн, Дьяконова 1966 — *Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.* Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э. — первых веков н. э. // Тр. ТКАЭЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. Т. 2. С. 185–291.
- Данченко, Нестеров 1989 — *Данченко Г. П., Нестеров С. П.* Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской долины (сравнительный анализ) // Холюшкин Ю. П. (отв. ред.). Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии: Сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1989. С. 94–103.
- Длужневская 1982 — *Длужневская Г. В.* Курганы-кладбища в Саянском каньоне Енисея // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 109–115.
- Дьяконова 1970 — *Дьяконова В. П.* Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Тр. ТКАЭЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1970. Т. 3. С. 80–209.
- История Сибири... 2019 — Молодин В. И. (отв. ред.). История Сибири. Т. 2: Железный век и Средневековье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 643 с.
- Кызласов 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Матренин 2018 — *Матренин С. С.* Псалии кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени: классификация и типология // Известия Алтайского ГУ. Исторические науки и археология. 2018. № 2 (100). С. 167–173.
- Миняев 2007 — *Миняев С. С.* Дырестуйский могильник. 2-е изд., доп. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2007. 233 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 3).
- Овчинникова 1990 — *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Уральского ГУ, 1990. 223 с.
- Памятники... 2010 — Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования / Савинов Д. Г., Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б., Лазаревская Н. А. (ред.). СПб.: ЭлекСис, 2010. 252 с.
- Панкова, Ширококов 2021 — *Панкова С. В., Ширококов И. Г.* Погребальная кукла с кремацией из Оглахтинской могилы 4 (раскопки Л. Р. Кызласова 1969 г.) // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 60–96.

- Садыков 2018 — *Садыков Т. Р.* «Сюнну-сяньбийское время» в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 1 (21). С. 95–106 (Археология. Вып. 5).
- Садыков и др. 2024 — *Садыков Т. Р., Каспари Дж., Блохин Е. К.* Курган-кладбище кокельской археологической культуры к югу от кургана Туннуг. СПб.: ИИМК РАН, 2024 (в печати).
- Серегин и др. 2019 — *Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С.* Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-1) // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 28, № 4. С. 51–68.
- Талько-Грынцевич 1999 — *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1999. 123 с. (Археологические памятники сюнну. Вып. 4.)
- Тамирын Улаан... 2021 — Турбат Ц., Крюбезы Э. (ред.). Тамирын Улаан Хошууны Хуннугийн Соел. Улаанбаатар: Адмон принт ХХК, 2021. 296 с. (на монг. яз.).
- Юйшу... 1987 — Юйшу Лаохэшэнь (Могильник Лаохэшэнь в уезде Юйшу). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1987. 171 с. (на кит. яз.).
- Chan et al. 2022 — *Chan A., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I., Caspari G.* The polymorphism and tradition of funerary practices of medieval Turks in light of new findings from Tuva Republic // Plos One. 2022. No. 17 (9). e0274537. doi: 10.1371/journal.pone.0274537.
- Milella et al. 2021 — *Milella M., Caspari G., Kapinus Y., Sadykov T., Blochin J., Maljutina A., Keller M., Schlager S., Szidat S., Alterauge A., Losch S.* Troubles in Tuva: Patterns of perimortem trauma in a nomadic community from Southern Siberia (second to fourth c. CE) // American Journal of Physical Anthropology. Hoboken, New Jersey, 2021. No. 174. P. 3–19. doi: 10.1002/ajpa.24142.
- Pawelczyk et al. 2022 — *Pawelczyk F., Hajdas I., Sadykov T., Blochin J., Caspari G.* Comparing analysis of pretreatment methods of wood and bone materials for the chronology of peripheral burials at Tunnug 1, Tuva Republic, Russia // Radiocarbon. 2022. No. 64 (1). P. 171–186. doi:10.1017/RDC.2021.100.
- Reimer et al. 2020 — *Reimer P. J., Austin W. E. N., Bard E. et al.* The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. No. 62 (4). P. 725–757. doi:10.1017/RDC.2020.41.
- Sadykov et al. 2021 — *Sadykov T., Caspari G., Blochin J., Losch S., Kapinus Y., Milella M.* The Kokel of Southern Siberia: New data on a post-Xiongnu material culture // Plos One. 2021. No. 16 (7). E0254545. doi: 10.1371/journal.pone.0254545.
- Zhogova et al. 2023 — *Zhogova N., Oleszczak L., Michalczewski K., Pienkos I., Caspari G.* Identifying seasonal settlement sites and land use continuity in the prehistoric southern Siberian steppe — Zhelvak 5 (Tuva) // Archaeological Research in Asia. 2023. No. 35. P. 100467. doi: 10.1016/j.ara.2023.100467.

HORSE HARNESS IN THE KOKEL ARCHAEOLOGICAL CULTURE

T. R. SADYKOV

Keywords: *Kokel culture, horse equipment, cheek-pieces, Tunnug, Xiongnu, Xianbei, S-shaped cheek-pieces with a bracket.*

Horse harness of the Kokel archaeological culture has not previously become the aim of a special study. There are relatively few burials with documented parts of horse equipment (Table), it is not included in the “mandatory set” of grave goods (about 4 % of all excavated burials), and in all cases it is represented by copies specially made for the burial, and not fully functional items. Nevertheless, the cheek-pieces are quite clearly divided into separate types, although the model-based typology is to some extent hypothetical and conditional. Type 1 — two-hole cheek-pieces made of bone (or horn), type 2 — ring shaped cheek-pieces (Fig. 1, 2), type 3 — flat cheek-pieces (Fig. 1, 3), type 4 — S-shaped cheek-pieces with a bracket (Fig. 1, 4). The horse harness in the Kokel culture turned out to be quite diverse: some of the variants of the cheek-pieces inherit the “Xiongnu” tradition, and some are most widespread later, in the early Middle Ages. For the first time, S-shaped cheek-pieces with a bracket were documented in the Kokel burials, the context of their location (Fig. 2) and related items of horse headband (Fig. 3) are considered in detail. These data should be taken into account in general reconstructions of the evolution of the horse harness in the Eurasian steppes in the post-Xiongnu time.

КЫРГЫЗСКИЕ ИЗВАЯНИЯ И КАМНЕРЕЗНОЕ ИСКУССТВО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА

В. Я. БУТАНАЕВ (†)¹

Ключевые слова: енисейские кыргызы, древнетюркская руническая письменность, Хонгорай (Хакасия).

Статья посвящена средневековым каменным изваяниям долины Среднего Енисея и памятникам кыргызского рунического письма, хранящимся ныне в Минусинском и Хакасском краеведческих музеях. Автором предложена новая интерпретация уйбатского памятника и сделан вывод, что тот принадлежит кагану, известному по китайским источникам как Ажо.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-212-222

Среди каменных скульптур Хонгорая представлено несколько изваяний кыргызского времени. В Хакасском и Минусинском краеведческих музеях находятся по три их экземпляра. Л. А. Евтюхова отмечала, что в Кыргызском государстве были опытные мастера-каменотесы, создавшие надгробные стелы с высеченными на них надписями и каменные изваяния (Евтюхова 1948: 101).

В степях Хонгорая было известно несколько почитаемых средневековых скульптур. Так, у подножия скалы Иней хая по р. Аскиз находилось кыргызское каменное изваяние «иней тас». Рядом была площадка, огороженная плитами и усыпанная песком, где стояли каменные фигуры животных — овец, коз, коров, лошадей, представлявших собой стадо почитаемой «иней тас». Все эти изображения животных, согласно объяснениям хакасов, делали горные духи (Клеменц 1889: 11).

Во второй половине XIX в. ретивые служители христианской церкви разбили каменного кумира, отколотив у него голову; следы изваяния не сохранились. Несмотря на такой вандализм, местные жители продолжали совершать летом ежегодные «золотые жертвоприношения» (алтын тайгы) на том же месте под скалой Иней хая.

На горе Козеелиг-таг по р. Бай в долине Аскиза находилось изваяние «иней кюзее», считавшееся изображением праматери сеока Эчик (фамилии Саражаковых и Пакачаковых). Во времена Всемирного потопа она спаслась на родовой горе Сахчах, а в дальнейшем, спустившись в долину р. Бай, окаменела. Ежегодно Саражаковы совершали жертвоприношения своей праматери «эчик иней кюзее». Ныне нахождение этого изваяния неизвестно (Центральный государственный архив Республики Хакасия. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 11. Л. 11).

В нижнем течении р. База стояло средневековое изваяние, известное у хакасов под названием «хам атхан кюзее» — «истукан, застреленный шаманом». У фигуры была отбита голова, но на тыльной стороне видна опускающаяся на спину часть головного убора или толстый конец косы. Высота сохранившейся части составляла 109 см. Руки изваяния, согнутые в локтях, держали небольшой узкогорлый сосуд с отогнутым венчиком. Ниже локтей туловище сужалось к талии, затем расширялось к бедрам, что производило впечатление сидящей фигуры (Грязнов 1950: 151).

¹ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова; г. Абакан, 655017, Россия.
© Бутанаев В. Я., 2023

По хонгорским представлениям изваяние «хам атхан кюзее» изображало местную шаманку, застреленную тувинским камом. Проезжающие мимо путники кормили обезглавленную фигуру снедью и окропляли вином (Бутанаев 2003: 198). В 1953 г. археолог А. Н. Липский вывез почитаемую скульптуру в музей. Ныне изваяние «хам атхан» находится в выставочном зале Хакасского национального краеведческого музея (ХНКМ. № 314/20).

В долине р. Ниня находилось средневековое изваяние «хыргыз иней тас», или «хыргыз иней», то есть кыргызская праматерь. Этой каменной статуе ежегодно совершали жертвоприношение представители рода Кыргыз, проживавшие по рекам Ниня и Уйбат. Каменная фигура «хыргыз иней» (высотой 70 см, шириной 27 см) располагалась на специальном пьедестале в нише горы Иней таг. Ниша была в виде круглой юрты, обращенной на юг. Изваяние «хыргыз иней» изображало сидящую фигуру, с поджатými по-турецки ногами, державшую в руках сосуд с округлым туловом. Лицо статуи, как утверждали информаторы, носило явно выраженные монголоидные черты. Однако в середине XIX в. один священник отбил у каменной старухи голову, и она пропала (Попов 1872: 57).

Изваяние «хыргыз иней» являлось изображением праматери кыргызов, от которой зависела судьба потомков. При всеобщем благоденствии статуя пребывала в спокойном состоянии. Но если роду Кыргыз грозило несчастье, то она поворачивалась в сторону ожидаемой беды. Если кто-то из рода должен был погибнуть, то идол падал навзничь.

По мнению исследователей, изображение полусогнутых ног, перекрещивающихся на уровне колена, в традиционном искусстве означало позу служителя культа, исполняющего функции посредника между мирами. Ниже фигуры, на пьедестале, помещена сцена ритуальной охоты (охотник из лука стреляет в оленя). Перед оленем изображена собака, помогающая хозяину. Справа от охотника находится голова тотемного зверя, похожего на снежного барса, над ней имеется ритуальная чаша (Августовский 2016: 186–188). Снежный барс являлся тотемным животным кыргызов, из чего следует, что памятник принадлежал им.

Жертвоприношение кыргызской праматери совершали на новолуние в июле. Ответственными за его проведение назначались главы аальных общин, представлявших сеок Кыргыз. Выбранный глава «тёс пазы» отвечал за праздник жертвоприношения «тайыг» в течение трех лет, а затем выбирали следующего. Накануне моления кыргызской праматери глава «тёс пазы» и его заместитель готовили ритуальную араку и яства у себя в юртах.

Утром все представители рода Кыргыз отправлялись на моление. Истукану на заклание приносили девять белых барашков с черной головой. Животных забивали ритуальным способом «озеп», вспарывая грудную полость и разрывая аорту около сердца. Ответственные разжигали два костра и варили мясо каждый в своем казане. Для участников моления готовая пища раскладывалась на «салаачы» (зеленом столе), сплетенном из ветвей березы. На каменном столике перед фигурой кыргызской праматери «хыргыз иней» раскладывали ритуальные приношения: семь бочонков никем не пробованной араки, семь кусков жертвенного мяса, семь хакасских сыров и семь рыб (хариусов). Голову истукана повязывали красным платком, а губы смазывали жирной пищей.

Почтенный чтец благословений «алгысчыл», руководивший молением, обряжался в белый костюм, надевал специальную девичью шапочку «сахпа» с прикрепленными на макушке зелеными лентами. Возможно, это означало, что он готовится вступить в брак с духами-хозяевами изваяний, для чего и требовался подвенечный наряд. Остальные мужчины головные уборы снимали. Женщины молились поодаль, накрыв плечи и головы красными платками. Незамужние девушки из рода Кыргыз могли находиться рядом со своим родовым кумиром. Молитвы кыргызской праматери начинались с просьбы даровать счастье роду Кыргыз и заканчивались настоятельными требованиями обеспечить приплод скота. Благодарили духов-хозяев почитаемой горы Иней таг. Каждый, кто приносил на заклание овец, получал от окаменевшей прародительницы искомое счастье, и ему гарантировались

приумножение богатства, семейное благополучие и рост поголовья скота. Благодаря покровительству своего кумира род Кыргыз жил богато и счастливо (Бутанаев 2003: 244, 245). В 1900 г. изваяние было выкопано и увезено в Минусинский музей. Ныне скульптура «кыргыз иней тас» находится в галерее Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартынова (Р. Н. № 39).

В Июсских степях Хонгорая великим почтением пользовалась средневековая статуя «хозан хыс» (буквально «заяц-девушка»). По преданиям, это окаменевшая принцесса бурутского хана, душа которой превратилась в зайца. Бурутская земля (Северо-Западная Монголия) находилась к югу, за Тувой. Согласно мифам, в древние времена хонгорский бег Ир-Тохчин отправился к бурутскому хану сватать его дочь за своего сына. Достигнув согласия, они верхом отправились обратно в Хонгорай. Бурутский хан дал в приданое дочери солового коня. Перевалив Саянские горы, они спустились в долину Абакана, а затем направились к северным владениям. Когда достигли Июсских степей Хонгорая, бурутскую деву во сне стали преследовать духи земли ее отца в образе зайца. Невеста заболела и попросила Ир-Тохчина совершить обряд жертвоприношения, чтобы возвратить духов на родину. Рассерженный Ир-Тохчин отказал, и тогда бурутская дева, потеряв сознание, превратилась в каменное изваяние «хозан хыс», а ее душа — в зайца. Проклиная народ Ир-Тохчина, она сумела промолвить: «Мой окаменевший образ оживет в последний день мира. Я сама приду, когда черные концы ушей белого зайца станут белоснежными! С этого времени пусть ваш род называется бурутами. Боясь белых зайцев, вы поставите идолом изображение зайца „хозан тёсь“, а солового коня, пришедшего из земли моего отца, будете держать в качестве конного ызыха!».

С тех пор потомки Ир-Тохчина получили имя рода «бурут» и поклоняются бурутскому изваянию «хозан хыс». Их священным конем (ызыхом) стал соловый конь, подаренный бурутским ханом. Через каждые три года буруты, поставив солового ызыха, совершали жертвоприношение заячьему идолу «хозан тёсь», произнося: «Ты пришла из именитых бурутов, ты превратилась в белого зайца».

Согласно описанию Д. Г. Мессершмидта, в 1722 г. обелиск «хозан хыс» высотой около 170 см был вырублен из красного камня. Он стоял в местности Кол ойым лицом на юг, недалеко от горы Хызыл хая на правом берегу р. Черный Июс. В правой руке идол держал чайную чашку, левой придерживал полу сюртука. «Вокруг туловища он был опоясан, на поясе висели с двух сторон мешочки как кошечки, голова покрыта как бы чепцом, из-под которого видны уши. Усы были похожи как у поляков, а борода на подбородке была довольно длинная и густая, так что можно было видеть, что статуя не женская, а мужская. Кочующие татары очень чтят эту статую, и они никогда не упускают возможность, вследствие своих суеверий, приносить к ней в качестве жертвоприношений съестные припасы: мясо, коренья и тому подобное, рот был намазан маслом и блестел на солнце, как будто покрытый лаком» (Мессершмидт 2012: 110).

В XIX в. исследователи так описывали этого идола: «Истукан из красного песчаника на правом берегу Черного Июса, в двух верстах от реки, против юрт Емандыковых. Эта статуя — бюст, имеет длинное плоское лицо с усами и плоским носом, на голове нечто вроде шапки; лоб с боков сильно сжат. Голова не соединена с туловищем, но приставлена и может быть по произволу отнята. На теле пояс, по замечанию Гмелина, братской (бурятской) работы, а на поясе как бы сабля и два или кошелька (кисета), или бляхи. Заметны еще руки: левая придерживает оружие, а правая — сосуд» (Попов 1872: 58).

Изваянию ежегодно приносились общественные жертвоприношения. Во время моления на голову «хозан хыс» повязывали красный платок, а талию опоясывали красным шелковым кушаком. Все собравшиеся кланялись, а руководитель, «алгысчыл», окроплял истукана молоком, айраном и аракой. Перед статуей раскладывали продукты, хлеб и горячее мясо. Руководитель моления просил покровительства у «хозан хыс», чтобы дети хонгорского народа были здоровыми, а скот умножался. Она оберегала не только сеок Бурут,

но и всех жителей долины Черного Июса. Мимо идола нельзя было проходить «впустую». Находясь рядом с изваянием, его кормили, обмазывая рот жирной пищей (маслом, сметаной), окропляли вином и табаком.

К сожалению, судьба «хозан хыс» оказалась печальной. Однажды некий крещеный хакас по фамилии Итеменев, из аала Кожакон, решив надругаться над святыней, отбил у истукана голову и привез ее к себе домой. Ночью он услышал в юрте плач женщины и, испугавшись, отвез голову «хозан хыс» обратно. Долгое время статуя стояла без головы, лишенная прежней силы. Отбитая голова изваяния была затем вновь приставлена к туловищу.

Окончательно памятник был разрушен шаманистами. Известный кызыльский шаман Аралай-кам решил привезти к идолу «хозан хыс» своего больного сына. Несмотря на моления и жертвы, сын умер. Тогда разгневанный Аралай-кам полностью разбил истукана (Бутанаев 2003: 198, 199).

На левом берегу р. Белый Июс, недалеко от аала Батанакон (Криш аалы), в местности Хоорай кош азии (буквально «перевал хонгорайских кочевий») между горами Хызыл-хас и Солбан, среди курганов находились два парных изваяния: «тас оол обаа» («каменный обелиск парня»), или «ир сомы Халдама тас» («мужское изображение каменного хана Халдама»), и «тас хыс обаа» («каменный обелиск девушки»), или «хыс сомы Хан Арыг тас» («девичье изображение каменной Хан Арыг»). В XIX в. исследователи отмечали: «По Белому Июсу в степи, недалеко от дороги близ улуса Батанакон находится камень в 2 аршина 9 вершков вышины. Посреди него изображены голова, нос, рот, руки. Недалеко от него находится (второй) небольшой камень с такими же изображениями» (Попов 1872: 59). По сведениям наших информаторов, в советское время, борясь за атеизм, эти два памятника повалили трактором, а затем разбили и оставшиеся плиты сбросили в воды Черного озера (Хараколь).

Согласно народным легендам, окаменевший Халдама был сыном бывшего правителя Хонгорая по имени Салархан. По наговору его мачехи, второй жены Салархана, могучего претендента на престол бросили в темницу. Во время нашествия монголов Халдаму, обладавшего богатырской силой, выпустили на войну с врагом. Освободив свою родину, Халдама дал зарок не возвращаться в ставку Салархана. Он и его жена Хан Арыг пришли в местность Хоорай кош азии, где на берегу Белого Июса превратились в каменные изваяния (Хакас чоны... 1990: 42–59; Бутанаев 1995: 175, 193).

В долине р. Туим в местности Обаалыг озен когда-то стояла каменная статуя под названием «Баян-Хыс» — окаменевшая легендарная дева, давшая названия горам и озерам Июсских степей. Баян-Хыс считалась прародительницей рода Соххы. В древние времена главой народа Июсских степей был Барсбег. Согласно мифам, богатырская дева Баян-Хыс была единственной дочерью Барсбега, ставка которого находилась в долине Туима. Его несметные табуны состояли из сказочных скакунов «аранчула» пестро-барсовой масти. После смерти Барсбега править народом стала Баян-Хыс.

На северных отрогах Кузнецкого Алатау по р. Кия проживали калмаки. Среди них славился удалой конокрад Хулатай. Однажды калмаки во главе с Хулатаем проникли в Июсские степи и украли табун барсово-пятнистых лошадей Хонгорая. Баян-Хыс вместе со своими пастухами бросилась в погоню. Стояла жара, и, чтобы облегчить дыхание, Баян-Хыс расстегнула ворот своей кольчуги. Этим воспользовался Хулатай, поджидавший в засаде. Он пробил стрелой грудь девы. Падающую Баян-Хыс подхватили под руки телохранители и повезли назад. Когда дева достигла берегов р. Туим, силы ее покинули. Под горой Оксис-тигей на Туиме она скончалась и превратилась в каменное изваяние, которое стали называть «Баян-Хыс». Представители рода Соххы считали ее своей прапраматерью. В прежние времена они приносили жертвы Баян-Хыс. Почитая ее, проходящие люди окропляли изваяние вином и кормили своей снедью (Бутанаев 2020: 18).

Это туимское изваяние, как сообщалось в литературе, за три года до посещения его местонахождения Миллером было перевезено в Красноярск, причем голова дорогой отломилась

и утрачена. По словам Миллера, видевшего памятник в Красноярске, он «изображал мужскую фигуру, которая как „хозан-хыс“ в правой руке держит перед грудью горшочек, а левой придерживает саблю» (Грязнов 1950: 150). В Красноярске статуя была потеряна и случайно обнаружена только в конце 1970-х гг. Ныне изваяние «Баян-Хыс» находится в Красноярском краеведческом музее.

Средневековый памятник под названием «алып кюзее» (то есть «богатырский истукан») находился в долине Абакана в 2 км от устья р. Есь. Он был высечен из песчаниковой плиты высотой около 2 м. Изваяние «алып кюзее» имело узкое лицо, руки, прижатые к груди, держали сосуд, на поясе виднелась сабля (Попов 1871: 59). Этот памятник во второй половине XIX в. пропал — вероятно, был уничтожен.

Недалеко от него, также на левом берегу Абакана, между селами Усть-Есь и Аскиз, упоминались два средневековых изваяния в виде четырехгранных песчаниковых столбов, известных по публикациям как «кижи-таш» («каменный человек») и «улуг хыс-таш» («каменная большая дева»). На лицевой стороне «кижи-таша» была изображена верхняя часть фигуры мужчины, державшего в обеих руках сосуд. На правой грани был высечен натянутый лук с вложенной в него стрелой, ниже находился всадник на коне с копьем в руках, на конце которого развевался трехконечный флаг: подобные копья с трехконечными флагами известны на кыргызских писаницах. На левой стороне третьей грани также было изображено копьё с трехконечным флагом.

Второе изваяние «улуг хыс-таш» хакасы, по данным наших информаторов, также называли «сын-кюзее» — «маралий истукан», то есть оленный камень. Оно раньше стояло на небольшом перевале горы Кюзее таг, расположенной между реками Тёя и Есь. На фронтальной части изображалась фигура человека, держащего в руках сосуд. По левой грани проходила вереница из шести одnogорбых верблюдов (хакасы отождествляли их с маралами). Мелкие фигуры на боковых гранях не связаны с главной на фронтальной. По технике изображения, как отмечал М. П. Грязнов, «кижи-таш» и «улуг хыс-таш» напоминали известные «оленные камни» Монголии. Они в XIX в. долгое время находились на территории с. Аскиз, но ныне судьба этих памятников неизвестна (Грязнов 1950: 145–148).

По хакасскому обычаю проходившим мимо изваяний следовало обязательно повязать красные флажки «чалама»; маслом, салом или сметаной смазать им уста; положить у ног лучшую пищу. Так хонгорцы выражали уважение далеким предкам, ожидая от них помощи. При жертвоприношениях идолам повязывали красные платки на головы и подпоясывали красными кушаками. Возможно, красный цвет означал кровь, и таким образом в них как бы вдыхали жизнь.

Зооморфный надгробный памятник, высеченный из камня, находился в долине р. Ниня, у истоков р. Камышта (Уюк ахсы). Хакасское население называло надгробие «хосхартас», то есть «каменный горный баран». Изваяние представляло собой высеченную песчаниковую фигуру архара, стоявшего на пьедестале на небольшом перевале Хосхар биль (Бутанаев 1995: 178). Голова скульптуры имела сильно закрученные рога (высота изваяния 1 м, окружность — 2 м). Ныне «хосхартас» хранится в Минусинском краеведческом музее (МКМ. А. С. № 37). Зооморфный скульптурный памятник «хосхартас» почитался сагайским родом Читы-бююр (буквально «семь волков»). Представители этого рода ежегодно совершали ему жертвоприношения «хосхартас тайыг» (Там же). Вполне вероятно, что род Читы-бююр относится к потомкам великого кыргызского кагана Тириг-бега.

* * *

В VIII–X вв. древнетюркские государства Центральной Азии пользовались своей рунической письменностью, на которой велось государственное делопроизводство Тюркского, Уйгурского, Тюркешского и Кыргызского каганатов. Кыргызские правители, отправляя своих послов в Китай или Тибет, вручали им свои верительные грамоты и письма. В Китае имелся штат специальных переводчиков древнетюркского письма.

Хонгорай хранит в своей земле значительное количество памятников камнерезного искусства рунического письма, являясь своеобразным очагом древнетюркской руники: именно здесь она впервые была открыта. В 1721–1722 гг. участник первой академической экспедиции в Сибирь Д. Г. Мессершмидт обнаружил в долине р. Уйбат неизвестные ранее надписи на каменных стелах. Он назвал их «руническими», по сходству со скандинавскими рунами (Кормушин 1997: 13).

В начале VIII в. у кыргызов существовал обычай устанавливать после смерти государственного деятеля его изваяние, делать намогильное надгробие в виде горных баранов «хосхартас» и памятную эпитафию с описанием его заслуг. В долине Енисея между реками Ерба и Тесь недалеко от дер. Знаменки, у распадка Богатырский лог, находилось изваяние «алып обаа». В научной литературе оно известно под названием «тесинский богатырь». Согласно воспоминаниям наших информаторов из бывшего аала Усть-Кокса, скульптура «алып обаа» стояла на невысокой горе Инек асчан таг (по-русски она называлась Корова), которая тянется от дер. Троицкой до дер. Усть-Ерба в местности Обаалыг пил (седловина с каменным истуканом) по р. Тесь. Изваяние из серого песчаника (высота — 170 см, ширина туловища — 55 см, ширина головы — 43 см) представляло мужскую фигуру с усами и бородой. В обеих руках статуи «алып обаа» был сосуд. С тыльной стороны головы свисала коса (Грязнов 1950: 150, 151; Васильев 1983: 28).

По спинной части изваяния «алып обаа» вертикально была вырезана трехстрочная надпись кыргызским руническим письмом:

1. ben öltüm türgış ben çeng beg ben biçig.	1. Я умер. Я — тюргеш, Я — Ченгбег (Это моя надпись).
2. Altı otuz yaşına erti.	2. Я был на тридцать шестом году своей жизни.
3. Kara kan içregi ben ezgene.	3. Я придворный служитель Кара-хана, я — Эзгене.

(Айдын 2011: 11; Малов 1952: 67).

Из содержания надписи становится ясно, что скульптура принадлежала тюркешскому князю Ченгбегу. Тюркешы были юго-западными соседями кыргызов. Тюркешский каганат (704–756 гг.) находился в Чуйской долине на севере современного Кыргызстана и доходил до верховьев Иртыша к западу от Саяно-Алтая. В начале VIII в. тюркешы выступали союзниками кыргызов против тюрков Восточно-Тюркского каганата. Зафиксированное в памятнике имя тюркешского князя Ченгбег можно отождествить с Чжэном китайских источников, младшим братом Согэ кагана, главой тюркешей. В обиде на Согэ кагана Чжен перешел на службу к правителям Восточно-Тюркского каганата. Видимо, под выражением «придворный служитель Кара-хана», надо понимать Капаган кагана, главу Восточно-Тюркского каганата. В результате успешных военных походов тюрков в 711 г. военная коалиция кыргызов и тюркешей была разгромлена, и Капаган каган казнил Чжэна как изменника (Бартольд 1963: 484; Гумилев 1967: 302; Кляшторный 2006: 185). Расплата с опальным тюркешским князем Ченгбегом произошла на территории покоренного Кыргызского государства. Памятник ему ныне хранится в Минусинском краеведческом музее (МКМ. № 59).

Вероятно, Ченгбег происходил из племени эзгене. Можно отождествить название «эзгене» со созвучным именем племени адигине среди современных киргизов Тянь-Шаня (Абрамзон 1960: 63). Возможно эдигине происходят от древних тюркешей Чуйской долины.

В 1963 г. в долине р. Уйбат недалеко от устья р. Ниня, на невысоком холме, была обнаружена лежащая плита с кыргызскими письменами, затем привезенная А. Н. Липским в Хакасский краеведческий музей. С двух сторон песчаниковой плиты (размерами 2,60 × 0,60 × 0,18 м) в три строки был нанесен текст. Знаки вырезаны, затем протерты, в результате представляют собой глубокие желобчатые линии. Одна сторона плиты была обращена кверху, и поэтому на ней надпись сохранилась плохо, некоторые знаки полностью стерлись. Согласно существующей регистрации, надпись считается седьмым памятником

с р. Уйбат. Впервые ее перевод был сделан автором этой статьи в 1973 г. Содержание представляет большой интерес для изучения событий средневековой истории Центральной Азии и раскрывает новые страницы происхождения современных тюрков Саяно-Алтая. И. В. Кормушин предложил новое прочтение надписи (Кормушин 1997: 117–123). Не отрицая возможности новой трактовки и принимая многие верные поправки И. В. Кормушина, мы все же оставляем за собой право нашего чтения и перевода седьмого (по И. В. Кормушину — шестого) памятника кыргызской письменности с р. Уйбат. Вырезанные строки рунической надписи читаются нами следующим образом:

1. [erdem] er qunçuyun qazğandinız, bökmediniz beg erkime beg.	1. [Доблестный] муж! Вы приобрели (много) принцесс, (но) не насладились княжеской властью, о бег!
2. bunğ bunğa adırıldınğız, açığa qırq erig qanğsız qıld [ınğız].	2. Тысяча печалей! Вы отделились (от нас), о горе! Сорок мужей-воинов Вы оставили (буквально «сделали») без отца!
3. Uığur qan ilin alduqta azıqlığ tonguz teg Tirig beg siz.	3. При взятии государства уйгурского хана Вы, Тириг-бег, (были) словно клыкастый дикий вепрь!
4. alıç bars Tirig beğim yıta erdemim size.	4. ...мой почитаемый барс Тириг-бег! Увы! моя мужская доблесть Вам (принадлежит)!
5. [Tüpütke] elçisi ertım şab kök Tırığ beğe.	5. Я был послом [в Тибет], слава божественному Тириг-бегу!
6. [Er] ölürtüm kök böri qaramağ bağın ölürtüm.	6. ...Я убивал [вражеских мужей-воинов], я уничтожил подразделения [многочисленной] стаи серых волков!

(Там же: 122).

Переходя к исторической интерпретации памятника, необходимо выделить следующие важные факты. Эпитафия посвящена доблестному правителю Тириг-бегу, тотемным животным которого являлся барс. В таком случае повествование идет о кыргызском вожде, ибо барс считался тотемом кыргызов. В памятниках кыргызской письменности встречаются подобные обозначения, например, «Сильный Барс». Имена героев, включающие слово «тириг» (буквально «живой», то есть вечный), неоднократно упоминаются в енисейских текстах. Например — Учин Кулюг Тириг, Кюни Тириг и др. (Малов 1952: 39, 110, 112).

Уйбатская эпитафия повествует о самом важном событии в политической жизни енисейских кыргызов: сокрушительном разгроме в 840 г. вражеского Уйгурского каганата. В победной битве с уйгурским ханом Тириг-бег проявил большую доблесть: его образ отождествляется с «клыкастым диким вепрем». В первых наших переводах повествование этого памятника об уйгурском хане ошибочно читалось нами как «курыканы» (Бутанаев 1973: 150–152). В данном случае поправки И. В. Кормушина оказались более верными и были нами учтены.

Сам Тириг-бег, исходя из контекста памятника, возглавлял гвардию из 40 эров-батыров, для которых он являлся «родным отцом». Вероятно, он возглавил военный поход против уйгурского кагана и в свирепой битве покорил бывших соседей, обитавших на территории Монголии. В таком случае правителя Тириг-бега можно отождествить с первым главой Кыргызского каганата, известным по китайским источникам под именем Ажо.

Период IX–X вв. занимает особое место в истории енисейских кыргызов. Академик В. В. Бартольд справедливо назвал эту эпоху «кыргызским великодержавием». Этот период был подлинно звездным часом кыргызской истории. В результате победоносной войны кыргызы смогли разгромить своих южных врагов, уйгуров, подчинить другие кочевые племена Центральной Азии и создать могущественную кочевую державу — Кыргызский каганат.

В 820 г. кыргызский правитель Ажо объявил себя каганом, свою мать, тюркешскую принцессу, — вдовствующей ханшей, а свою жену, дочь карлукского ябгу, — ханшей (Бичурин 1950: 355). Одновременно с кыргызами войну против уйгуров вели тибетцы. Вероятно, эти действия были согласованными, поскольку кыргызы могли совершать посольства в Тибет, маршрут которых пролегал через земли дружественного Карлукского государства, правитель которого являлся тестем Тириг-бега — Ажо. Согласно уйбатскому памятнику, Тириг-бег направил посольскую миссию к тибетскому правителю. Тибетцы также поддерживали дипломатические связи с кыргызами. «Сие государство было всегда в дружеских связях с Даши, Туфанию и Гэлолу, но туфаньцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны хойху; почему брали провожатых из Гэлолу» (Там же: 355). Вероятно, договор Тибета с Кыргызским каганатом помог воинственным кыргызам разгромить их врагов. В уйбатском памятнике указывается, что Тириг-бег «уничтожил подразделения (многочисленной) стаи серых волков». Вполне возможно, что в данном тексте говорится об уничтожении вражеских воинов Восточно-Тюркского и Уйгурского каганатов. Первый правитель Кыргызского каганата умер в 847 г. За свои доблестные заслуги он получил от императора Китая титул Цзун-ин Хюн-Ву Чен-мин-хан (Там же: 357). Захоронен Тириг-бег в Уйбатской степи недалеко от устья р. Ниня, где были обнаружены остатки посвященного ему культово-мемориального комплекса, который первоначально состоял из самой могилы, памятника с рунической надписью и надмогильного сооружения. Согласно кыргызским традициям, на могилах знатных полководцев, отличившихся в боях, устанавливались каменные изваяния дикого горного барана или кочкара (архара). В тюркских языках горный баран, «кочкар», отождествлялся с вожаком стаи, предводителем племени (Юдахин 1965: 410).

Среди памятников кыргызской письменности большой интерес представляют две стелы, найденные в 1878 г. около оз. Алтын-кель Бейского р-на Хакасии. Они находились в 10,5 км от дер. Иудино (ныне Бондарево) по р. Сос и в 4 км от указанного озера вблизи пяти или шести кыргызских курганов. Стелы из серого песчаника (длиной 138 и 195 см) располагались в 8 м друг от друга. Они были обнаружены лежащими, их верхние обработанные концы были обращены на восток. Лицевая плоскость имела круговую надпись из двух строчек, разделенных чертой. Камни были подернуты тонким слоем почвы, кромки их выходили наружу (Боголюбский 1890: 19, 20). Ныне указанные стелы хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартыанова (МКМ. № 69).

В надписях на памятниках Алтын-келя повествуется о герое, именуемом Барс, происшедшем из ханского рода и отправленном послом в Тибет. Герой эпитафии пал в неравном бою с многочисленными врагами в Золотой черни Сонга. По мнению С. Г. Кляшторного, стелы Золотого озера поставлены в честь первого кыргызского кагана Барс-бега, погибшего в 711 г. в битве с тюрками Восточно-Тюркского каганата (Кляшторный 1976). Вероятно, под Золотой чернью Сонга надо понимать сосновые боры долины р. Сос, где находится озеро Алтын-кель («Золотое озеро»). Не исключено предположение, что топоним «Сос» (в хакасском произношении «Соос») представляет собой стяженную форму от первоначального «Сонга(с)» (Очерки... 2008: 153). Стелы находились среди камней кыргызского чаатаса, называвшегося хакасами (бельтырами и сагайцами) «мойартас», или «мойас-сеок». Древнее слово «мойар» («мойас»), вероятно, обозначало священное место. Видимо, средневековый могильник со стелами «мойартас» представлял священное, почитаемое погребение. Вполне возможно, что герою Барс-бегу рядом с могилой был сооружен культово-мемориальный комплекс «мойартас», включавший эпитафию и каменное надгробное изваяние, как и кагану Тириг-бегу. Недалеко от этого чаатаса было найдено на берегу Абакана изваяние из серого песчаника. Ныне этот памятник находится в музее аала Усть-Сос.

Согласно историческим преданиям, четырехгранные стелы оз. Алтын-кель принадлежали легендарному герою Ах-Кобеку и якобы представляли собой кремневые камни его огнива «Ах-Кобек отых тас». Великий хан Ах-Кобек жил в устье р. Сос, правил населением долины Абакана и погиб в борьбе за власть с сильным противником Котенханом. Место

его гибели находится на горе Ах Кобек в верхнем течении р. Сос. Ах-Кобек считается последним богатырем тюрков Хонгорая (Хакас чон... 1960: 60).

Не исключена возможность, что герой стел Золотого озера (Алтын-кель) явился прототипом хакасского фольклорного персонажа Ах-Кобека. Имя Ах-Кобек, так же как и имя Барс-бега, восходит к тотемному животному: слово «кобек» в тюркских языках значит «собака», «волк» (ДТС 1969: 317).

В Уйбатской степи Хонгорая известна одна небольшая руническая надпись, состоящая из четырех строк, выбитых на каменной плите кургана Узун-обаа. Ныне она считается девятой надписью с р. Уйбат.

С. Г. Кляшторный читает ее следующим образом:

1. tatar ig eli.	1. Татарский враждебный эль.
2. yeg üçün berür.	2. ради (своего) блага выплачивает (дань, откуп).
3. 4. ekimiz külür.	3. 4. мы оба (этому) радуемся.

В данном случае слово «татар» понимается как исторический этноним восточных соседей древнетюркских народов. По исторической интерпретации С. Г. Кляшторного, татары в начале IX в. являлись союзниками уйгуров. Поэтому враждебные действия кыргызов против «татарского эля» можно отнести к IX в., то есть к периоду уйгуро-кыргызских войн в Центральной Азии и последующих кыргызских походов в Восточный Туркестан.

Поддерживая мнение С. Г. Кляшторного в отношении значения слова «татар», мы, в свою очередь, предлагаем следующее чтение указанного текста:

1. tatar ig eli.	1. Татарский плачущий народ.
2. yeg üçün berür.	2. своих сестер отдает.
3. 4. ekimiz külür.	3. 4. наши младшие братья (получая в награду женщин) радуются (этому).

До сих пор во многих тюркских языках, в том числе и в хакасском, среди терминов родства имеются слова «игечи» (старшая сестра мужа или жены) и «ике» (младший брат) (Бутанаев 1999: 31). В связи с указанной терминологией мы готовы предложить следующую историческую интерпретацию. В древнетюркских надписях татарами называли монгольские племена. Например, в 750 г. уйгурский каган Моюн-чур двинул свое войско на восток, где «татар... призвал к ответу» (Малов 1959: 40). В китайской политической и исторической традиции, с начала эпохи Сун (X в. н. э.), также преобладало именование монголов татарами. После разгрома Уйгурского каганата и захвата территории Центральной Азии в 840 г. кыргызы тоже столкнулись с монголоязычными татарами. Вероятно, в период своего «великодержавия» кыргызы, разгромив враждебных татар, захватили в качестве трофеев их женщин, мужья которых пали в бою. Вероятно, такое знаменательное событие и отражает девятая надпись с р. Уйбат (Очерки... 2008: 155, 156).

* * *

Всего по нашим подсчетам в степях Хонгорая отмечено 13 скульптурных изваяний, которые в основном были сооружены во времена Кыргызского каганата в VIII–X вв. н. э. Все они имели свои легенды и имена у тюрков Хонгорая.

К сожалению, многие из них (семь из тринадцати) не дошли целыми до нашего времени, некоторые были уничтожены служителями православной церкви. Незначительное количество сохранилось в музеях (три — в Хакасском музее, три — в Минусинском).

По количеству созданных каменных статуй древнетюркской эпохи территория Хонгорая уступает другим местам Центральной Азии. Например, в соседней Туве насчитывается 58 изваяний (кроме того, по одному памятнику в Минусинском и в Хакасском музеях), на территории Семиречья, Южного Казахстана и Тянь-Шаня, где когда-то располагался Тюркешский каганат, учтено 145 каменных скульптур (Грач 1961: 53; Шер 1966: 125).

Несмотря на такое большое количество древнетюркских каменных изваяний на территории Тувы, Казахстана и Тянь-Шаня, ни на одном из них не обнаружено следов рунических надписей. Только на скульптурах Хонгорая имеются мемориальные записи о подвигах знаменитых героев.

Кыргызские руны, при правильном их чтении, помогают раскрыть тайны истории государства южносибирских кочевников. Правящим классом военно-политической системы кыргызов являлись беги, которым и посвящены эпитафии. Их княжеская власть держалась на военной силе дружин, состоявших из потомственного сословия батыров и рядовых воинов — эров. Беги служили своему небесному элю (государству), главой которого был каган. Воспевание в текстах «земного рода барс» связано, как склонны думать ученые, с тотемом кыргызов, который, можно предположить, употреблялся вместо их этнонима. По данным памятников рунического письма, Кыргызское государство активно выступало на политической арене Центральной Азии. Кыргызы имели дипломатические отношения с Китаем и Тибетом, выступали союзниками Тюркешского каганата, воевали и подчинили уйгуров, татар и т. д. Наше исследование позволило выяснить историческое имя основателя Кыргызского каганата, «почитаемого барса» Тириг-бега, известного по китайским источникам как Ажо.

Литература

- Абрамзон 1960 — *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения северной Киргизии // Тр. КАЭЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 4. С. 3–137.
- Августовский 2016 — *Августовский А. И.* Святыни горы Иней тас на левобережье реки Ниня // Сб. материалов V межрегиональных краеведческих чтений, посвящ. Л. Р. Кызласову (19–20 ноября 2015 г.). Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2016. С. 183–192.
- Айдын 2011 — *Айдын Э.* Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских памятниках // Эпиграфика Востока. М.: ИВ РАН, 2011. Вып. XXIX. С. 3–13.
- Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В. В. Сочинения. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. Т. 2, ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 473–547.
- Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 382 с.
- Боголюбовский 1890 — *Боголюбовский И. С.* Исследования красноярского и минусинского округов. 1881, 1882 и 1883 годы. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1890. 40 с.
- Бустанаев 1973 — *Бустанаев В. Я.* Новая Уйбатская сабра // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. 1973. Вып. 18. Серия филологическая. № 2. С. 149–153.
- Бустанаев 1995 — *Бустанаев В. Я.* Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1995. 267 с.
- Бустанаев 1999 — *Бустанаев В. Я.* Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: б. и., 1999. 240 с.
- Бустанаев 2003 — *Бустанаев В. Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакасского ГУ им. Н. Ф. Катанова, 2003. 260 с.
- Бустанаев 2020 — *Бустанаев В. Я.* Древнее искусство Саяно-Алтая: Учеб. пособие. Абакан: Изд-во Хакасского ГУ им. Н. Ф. Катанова, 2020. 112 с.
- Васильев 1983 — *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 127 с.
- Грач 1961 — *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследования 1953–1960 гг. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 96 с.
- Грязнов 1950 — *Грязнов М. П.* Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. 1950. Т. 12. С. 128–156.
- Гумилев 1967 — *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.

- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. XXXVIII, 678 с.
- Евтюхова 1948 — *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Советская Хакасия, 1948. 109 с.
- Клеменц 1889 — *Клеменц Д. А.* Предварительные сведения об экскурсии Д. А. Клеменца в Ачинский и Канский округа // Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. Иркутск, 1889. Т. 20, № 1. С. 46–47.
- Кляшторный 1976 — *Кляшторный С. Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica. К 70-летию академика А. Н. Кононова. Л.: Наука, 1976. С. 258–267.
- Кляшторный 2006 — *Кляшторный С. Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с. (Восток: общество, культура, религия.)
- Кормушин 1997 — *Кормушин И. В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.
- Малов 1952 — *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.
- Малов 1959 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.
- Мессершмидт 2012 — *Мессершмидт Д. Г.* Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722 / Пер. с нем., предисл. и ком. Е. А. Ким. Абакан: Журналист, 2012. 160 с.
- Очерки... 2008 — Бутанаев В. Я. (гл. ред.). *Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности)*. Абакан: Изд-во Хакасского ГУ, 2008. 672 с.
- Попов 1871 — *Попов Н.* О каменных бабах Минусинского края // Известия Сибирского отдела Императорского РГО. 1871. Т. 2, № 2. С. 57–70.
- Попов 1872 — *Попов Н.* О писаницах Минусинского края // Известия Сибирского отдела Императорского РГО. 1872. Т. 3, № 5. С. 274–285.
- Хакас чоны... 1990 — Хакас чонынын кип-чоохтары (Хакасские мифы и легенды). Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1990. 200 с.
- Шер 1966 — *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 140 с.
- Юдахин 1965 — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. Кн. 1. — 504 с.; кн. 2 — 480 с.

KYRGYZ STATUES AND THE ART OF RUNE CARVING

V. YA. BUTANAEV

Keywords: *Yenisei Kyrgyz people, ancient Turks, runic system of writing, Khongorai (Khakassia).*

The paper is devoted to the medieval stone statues of the Yenisei basin and to the Kyrgyz runic writing monuments that are stored now in the Minusinsk and Khakas regional museums. The author offers a new interpretation of the Uibat monument and concludes that the latter belonged to the Kagan known in Chinese sources as Ajo.

СОПКА ШУМ-ГОРА У ПЕРЕДОЛЬСКОГО ПОГОСТА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Н. И. ПЛАТОНОВА²

Ключевые слова: Новгородская земля, сопки, Шум-гора, Передольский погост, укрепления типа *motte*.

Большая Передольская сопка (Шум-гора) была исследована в 2002–2006 гг. с помощью неразрушающих методов (геолокации, сейсмотомографии, высокоточной сейсморазведки, электроразведки и магниторазведки). На этой основе были определены характеристики насыпи, включая присутствие мощных каменных конструкций в нижнем ярусе и наличие зоны, заполненной разуплотненной фракцией, в центре кургана, на высоте 5 м от основания. Последнее интерпретировалось как результат просачивания и проседания грунта в полость, находившуюся на этом уровне. Было высказано предположение о наличии там погребальной камеры. В 2013 г. В. Я. Конецкий и С. В. Трояновский сформулировали гипотезу, по которой Шум-гора представляет собой не курган, а остатки *motte* — насыпного холма с башней-донжоном наверху. В статье приведены аргументы против этой точки зрения.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-223-230

История мультидисциплинарных исследований Большой Передольской сопки (Шум-горы) уже несколько раз излагалась как в археологических публикациях, так и в специализированных журналах по геологии/геофизике (Кашкевич и др. 2005; Платонова и др. 2006; Носов и др. 2007; Борисик и др. 2009; Конецкий, Трояновский 2013а; 2013б). Эта величественная двухъярусная насыпь, достигающая в высоту 13,5 м, расположена в группе сопкок вблизи обширного раннесредневекового поселения на Передольском погосте, в 70 км к СЗ от Великого Новгорода (Новгородская обл., Батецкий р-н, дер. Подгорье) (рис. 1). Осознание простой истины, что перед нами уникальный памятник отечественной истории и культуры, не подлежащий разрушению, пришло достаточно давно. Именно поэтому в 2000-х гг. был предпринят целый ряд попыток исследовать внутреннее строение сопки без раскопок, с помощью неразрушающих методов.

С этой целью были задействованы:

1) методы геолокации (георадар) (группа специалистов Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А. П. Карпинского, археолог Г. С. Лебедев, 2002 г.);

2) методы инженерной сейсморазведки и сейсмотомографии (группа специалистов ФГУ НПП «Геологоразведка» и геологического факультета СПбГУ, археологи Н. И. Платонова, Б. С. Короткевич, Е. Н. Носов, 2003–2005 гг.);

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.
© Платонова Н. И., 2023

Рис. 1. Шум-гора (сопка 5 у Передольского погоста), вид с С (фото Н. И. Платоновой, 2003 г.)

Fig. 1. Shum-gora (mound No. 5 at the Peredolsky churchyard), N view (photo by N. I. Platonova, 2003)

3) комплекс методов высокоточной сейсморазведки, электроразведки и магниторазведки (группа специалистов ФГУ НПП «Геологоразведка» и геологического факультета СПбГУ, археолог Н. И. Платонова, 2006 г.).

Промежуточные итоги были подведены в 2007 г. (Носов и др. 2007). Затем, по завершении обработки и анализа полевых данных последнего сезона, произведенных геофизиком А. Л. Борисиком, увидела свет заключительная публикация, в которой были сформулированы главные выводы, сделанные на основе проведенных работ.

Вкратце они заключаются в следующем. Ни верхний, ни нижний ярусы Шум-горы достоверно не являются объектами естественного происхождения. Об этом свидетельствует то, что среднескоростные характеристики внутри сооружения заметно отличаются от соответствующих характеристик на сейсмических профилях за пределами сопки. О том же говорит большое различие скоростей на разных участках и высотах внутри насыпи.

Основание Шум-горы имеет «низкоскоростное обрамление», которое легко объяснить наличием вокруг нее рва глубиной ≈ 1 м и шириной ≈ 4 м. Этот ров впоследствии заполнился более рыхлым, сыпучим материалом. Скорости распространения упругих колебаний в нем составляют $\approx 0,35\text{--}0,40$ км/с.

В периферийной части насыпи Шум-горы выявлены отдельные локальные повышения скоростей. Скорее всего, они связаны с наличием там больших валунов или каменных выкладок.

В центре кургана, в нижней части насыпи, четко выделяются высокоскоростные (то есть очень плотные) объекты со скоростями до 2,5 км/с. В горизонтальном плане размеры этих высокоскоростных образований достигают в некоторых случаях 6–7 м. Высота их местами составляет 2–3 м. Выявленные объекты с большой вероятностью представляют собой скопления валунного материала в центральной части основания кургана. Подтверждает эту версию положительная аномалия магнитного поля, наблюдаемая на том же участке. Крупные линейные размеры высокоскоростных аномалий позволяют интерпретировать их как остатки мощных каменных конструкций.

Напротив, в верхней половине насыпи (5 м выше основания), а именно в центральной ее части, наблюдаются высокие значения электросопротивления и понижение значения скорости. Предположительно указанная зона сложена разуплотненной песчаной фракцией. Одним из возможных объяснений является наличие здесь полости с верхним перекрытием,

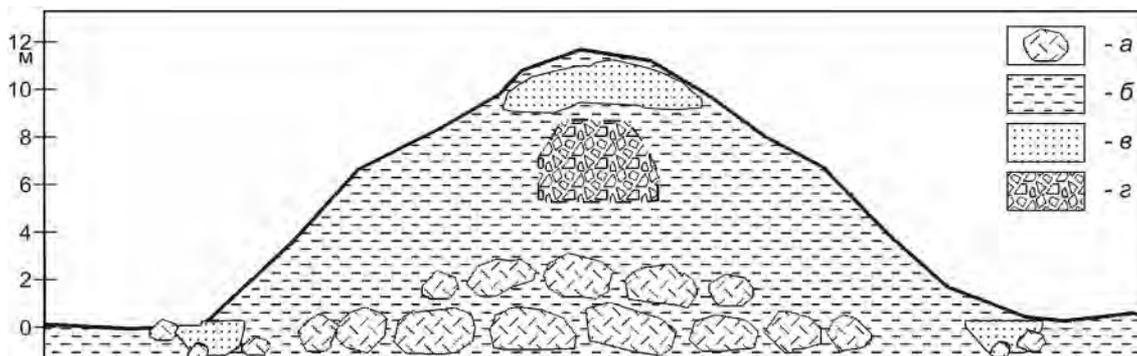

Рис. 2. Археолого-геофизическая модель Шум-горы (по: Борисик и др. 2009: 88, рис. 14):
а — валуны различного размера; *б* — внутреннее наполнение кургана (суглинки, супеси); *в* — области, заполненные песчаной фракцией; *г* — вероятное положение обрушенной погребальной камеры

Fig. 2. Archaeological-geophysical model of Shum-gora (after Борисик и др. 2009: 88, рис. 14):
a — boulders of different size; *б* — inner fill of the kurgan (loams, sandy loams); *в* — areas filled with sand; *г* — estimated position of the collapsed burial chamber

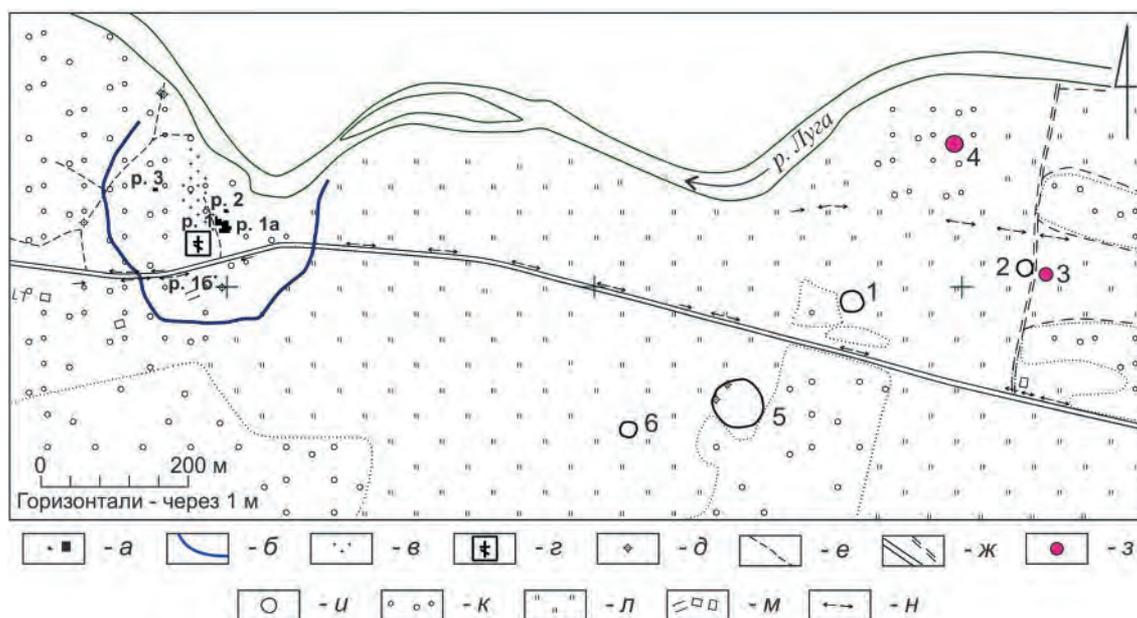

Рис. 3. Ситуационный план сохранившихся памятников Передольского археологического комплекса: 1–6 — номера сопки центральной группы. Условные обозначения: *а* — раскопы 1, 1а, 1б, 2, 3; *б* — граница распространения культурного слоя поселения на Передольском погосте; *в* — территория кладбища; *г* — руины церкви Воскресения Христова; *д* — репер долговременный; *е* — тропы; *ж* — дороги грунтовые/асфальтовые; *з* — сопка раскопанная; *и* — сопка существующая; *к* — заросли деревьев и кустарника; *л* — куст, стоящий отдельно; *м* — современные постройки; *н* — линия электропередачи

Fig. 3. General location plan of the sites of the Peredolsky archaeological complex that have survived to our days: 1–6 — numbers of hills of the central group. Legend: *a* — trenches 1, 1a, 1b, 2, 3; *б* — distribution of the cultural layer across the Peredolsky churchyard settlement; *в* — cemetery area; *г* — ruins of the Church of the Resurrection of Christ; *д* — permanent datum point; *е* — paths; *ж* — earth and asphalt roads; *з* — excavated mound; *и* — extant mound; *к* — trees and shrubbery; *л* — separately standing shrub; *м* — present day buildings; *н* — power line

которая постепенно заполнялась рыхлыми прослойками по мере разрушения перекрытия и проседания грунта.

Таким образом, в 2009 г. нашим коллективом на основе детально препарированных специалистами геофизических данных была предложена модель Шум-горы (рис. 2) как раннесредневекового «большого кургана», насыпанного не менее чем в два приема и, возможно, содержащего в верхней части погребальную камеру (Борисик и др. 2009: 87, 88). Нижний ярус насыпи содержит мощные каменные конструкции, наподобие тех, что были зафиксированы в соседних сопках 3 и 4 (рис. 3) в ходе их раскопок (Платонова 2002: 183, 184, рис. 2, 3).

Реконструкция устройства кургана, выстроенная на основе геофизических данных по аналогии с другими известными памятниками, разумеется, была гипотетической. Наиболее дискуссионным являлся тезис о наличии в сопке камерного погребения. Рыхлый, разуплотненный характер заполнения центра насыпи на уровне 5–8 м выше основания, несомненно, связан с особенностями архитектуры насыпи. Однако тут допустимы различные предположения. К примеру, строители кургана могли применить прием сооружения кругового вала из плотного грунта при более рыхлом заполнении центра.

Какие аргументы в пользу наличия погребальной камеры представлялись нам весомыми?

Во-первых, прием сооружения кругового вала, характерный для волховских сопек, обычно применялся в ходе сооружения нижних частей насыпей, а не при досыпке верхних горизонтов. На памятниках Верхнего Полужья он ранее вообще не встречался. В то же время ситуация, зафиксированная геофизическими методами, — срединное пространство, заполненное рыхлой фракцией, в окружении плотных стенок, — очень напоминало классику раскопок камерных гробниц. Подобная ситуация складывается по мере проседания истлевших перекрытий в пустоту. Это неоднократно наблюдалось автором *de visu* в ходе вскрытия погребальных камер на могильнике Удрай-2³ (Платонова 1992; 1998: 373–376).

Во-вторых, большие сопковидные курганы (сопки?) с камерной гробницей в вершине действительно известны на Северо-Западе. Именно такой курган был раскопан в уроч. Плакун напротив Земляного городища Старой Ладogi (Носов 1985). В его нижнем ярусе выявлены кремации IX в., в верхнем — остатки погребальной камеры X в. (Михайлов 1997). Погребение было разграблено, что не мешает, однако, рассматривать его как статусное и очень богатое (по наличию останков двух боевых коней, стоимость которых в раннем Средневековье была чрезвычайно высокой) (Михайлов 2016: 163, 164). Отдельные детали обряда роднят этот комплекс с «королевскими» курганами Ютландии (Губарев 2021: 29).

Как нам представлялось, наличие такой аналогии, близкой в территориальном, хронологическом и культурном отношении, переводило предложенную нами реконструкцию в ранг вполне вероятной научной гипотезы.

Альтернативная трактовка Шум-горы была предложена в 2013 г. в двух совместных статьях В. Я. Конечского и С. В. Трояновского. Авторы постарались опровергнуть наши представления о верхнем ярусе Шум-горы как о финальном этапе формирования погребального сооружения. Согласно их гипотезе, сопкой является только нижняя часть, над которой в дальнейшем была выстроена башня типа *motte* — своеобразный вариант феодально-замковой архитектуры, распространенный в Западной Европе, но до сих пор никогда не встречавшийся в Северной Руси.

Главным аргументом против прежней интерпретации Шум-горы как сопки или «большого княжеского кургана» послужила ее уникальность. Во-первых, в их ряду она единственная имеет двухъярусную форму. Во-вторых, если в Новгородской земле еще можно

³ Комплекс памятников у деревень Большой и Малый Удрай расположен в верхнем течении р. Луи. Расстояние от него до Передольского погоста — менее 20 км. Включает группу сопек, четыре древнерусских могильника (на одном открыты камерные погребения), не менее четырех селищ.

найти отдельные сопки, сравнимые с нею по высоте, то по диаметру Шум-гора заметно превосходит все известные нам памятники⁴. «У самых крупных сопкок он не достигает и 40 м» (Конецкий, Трояновский 2013а: 238). По мнению наших оппонентов, такое увеличение размеров произошло за счет того, что первичная насыпь (сопка) оказалась досыпана вширь и погребена в теле нового крепостного сооружения. Представить, что в данном случае мы действительно имеем дело с *самым большим из известных древнерусских курганов*, оппоненты заведомо отказываются. По их мнению, Передольский погост не является центром такого масштаба, чтобы видеть в нем резиденцию правителя, в честь которого подобный курган мог быть воздвигнут.

Такие аргументы меня не убеждают. При сравнительном анализе сведений о Руси X в., отразившихся в Повести временных лет и тексте включенных в нее греко-русских договоров, достаточно быстро приходит понимание, что летопись доносит до нас крайне неполную, редуцированную картину событий того периода. О том, что происходило в Северной Руси после ухода Олега и до прихода в Новгород Владимира, мы не знаем почти ничего. А первая половина X в. на Севере представляет для историка сплошное белое пятно. Неведение летописцев XI–XII вв. о подавляющем большинстве персон, упомянутых в договоре Игоря с греками 944 г. (включая племянников и других кровных родичей князя), полное стирание всякой памяти об этих людях заставляют предполагать, что во второй половине X в. на Руси произошли знаковые события, возможно, повернувшие ее историю и резко изменившие состав правящей элиты (Платонова 1999). В свете этого не следует с ходу отвергать археологические свидетельства, которые просто не вписываются в привычную картину.

Другим возражением оппонентов является то, что, по их мнению, область рыхлого грунта в верхней части насыпи не может быть признана результатом обрушения в полость камеры, так как «уровень, с которого якобы был осуществлен выпуск камеры, не фиксируется стратиграфическим методом», а «сама форма „песчаного заполнения камеры“, представляющей в вертикальном разрезе трапецию, не могла образоваться в результате обрушения» (Конецкий, Трояновский 2013а: 240).

Данное возражение также представляется не вполне обоснованным. О каком «стратиграфическом методе» тут идет речь? Возможно, В. Я. Конецкий и С. В. Трояновский желали бы иметь полноценный «стратиграфический разрез», выполненный по данным сейсмомографии и электроразведки? Увы, таких возможностей геофизические методы не дают. Приведенная модель, разумеется, носит условный характер, по ней нельзя проследить реальный прогиб слоев и определять форму камеры в разрезе. Нельзя даже сказать с уверенностью, была предполагаемая камера, действительно, впущена в насыпь сверху или «дом мертвого» соорудили на вершине и перекрыли новой насыпью? Максимум, что дают нам неразрушающие методы, — это приблизительная локализация в теле насыпи области рыхлых отложений, окруженной более плотными грунтами. Разумеется, трактовать ее можно по-разному, и предложенный нами вариант интерпретации отнюдь не является единственным. Но и опровергнуть его с помощью таких аргументов невозможно.

Отсылка оппонентов к мнениям крестьян-«рационалистов», видевших в Шум-горе укрепление («редут»), сразу напомнило мне мои собственные юношеские разведки на Северо-Западе. В те времена мне не раз приходилось слышать такие «рациональные» трактовки, причем применительно к достоверным погребальным памятникам — древнерусским курганам XII в., которые местный знаток называл «редутами».

Вряд ли стоит всерьез относиться и к рассказам о каменной облицовке Шум-горы. Местный фольклор, связанный с археологическими памятниками, живет и развивается повсеместно по единым законам. В нем найденные клады серебряных гривен обязательно

⁴ Согласно недавно полученным данным воздушного сканирования местности по технологии LIDAR, точные размеры Шум-горы следующие: высота — 13,5 м (без учета естественной возвышенности); диаметр по линии С–Ю — 66,2 м; диаметр по линии В–З — 67,8 м (Платонова, Марунин 2023, в печати).

Рис. 4. Нераскопанные *motte* XI–XII вв.:
1 — Биггар (Biggar), Шотландия; 2 —
Бринклоу (Brinklow), Англия (по: Конецкий,
Трояновский 2013б: 11, рис. 4)

Fig. 4. Unexcavated *mottes* of the XI–XII cc.:
1 — Biggar, Scotland; 2 — Brinklow, England
(after Конецкий, Трояновский 2013б: 11, рис. 4)

удивляет, что фотографии нераскопанных «жилых холмов» в Англии и Шотландии внешне напоминают очень большие сопки или курганы (рис. 4). Я не буду здесь также разбирать аргументы в пользу того, *мог ли* князь Мстислав Владимирович, сын Мономаха и Гиты, дочери Гаральда Английского, построить замок типа *motte* на Передольском погосте. Допускаю: этот князь *мог* построить все, что угодно, а его матушка, еще девочкой увезенная из Англии, была крупным специалистом в замковой архитектуре... Но в действительности проблему следует решать совсем в другой плоскости.

Во-первых, наличие жилой башни типа *motte* подразумевает и наличие примыкавшего к ней двора — *bailey* (рис. 5). Башня не могла парить в воздухе. Учитывая, что перед нами памятник эпохи Средневековья, и во дворе рядом с ней обязательно должен был накопиться культурный слой с гончарной древнерусской керамикой. Площадь вокруг Шум-горы распахивается, и в течение многих лет Передольская экспедиция периодически искала там подъемный материал. Но материал неизменно отсутствовал, как у подножия, так и наверху. Отсутствовал он и в грабительских шурфах, демонстрировавших чистую желтую песчаную и супесчаную фракции, где прослойки лишь слегка различались по цвету.

Поселение на Передольском погосте не примыкает непосредственно к сопкам (рис. 3). Шум-гора удалена от него примерно на 700–800 м. Там, на основном поселении, в XI–XII вв. кипела жизнь, накапливался мощный культурный слой. Там существовало и укрепление в виде мысового городища. А в сакральной зоне, занятой сопками и, отчасти, по-видимому, уничтоженным древнерусским могильником, никаких следов жилья и хозяйственной деятельности до сих пор не обнаружено.

Был момент, когда я считала, что культурный слой поселения распространяется еще на 200–300 м к ЮВ, по сравнению с границами, показанными на плане (рис. 3). В 2002 г. от местных «дачников-энтузиастов» С. А. и М. А. Алексашиных были получены сведения, что на поле к В от деревни (но отнюдь не у подножия сопки 5 и 6, а значительно ближе к погосту) они собрали с помощью металлоискателя коллекцию древнерусских предметов. Коллекция была предоставлена мне для изучения (Платонова, Алексашин 2002).

превращаются в «золотые», случайно выкопанные человеческие кости непременно оказываются «огромными», а несколько камушков, звякнувших под лопатой, через некоторое время превращаются в «каменный панцирь».

За все годы, которые мне довелось работать на Передольском погосте, я неоднократно бывала на Шум-горе и, конечно, вела учет «следам преступлений» — ям и шурфов, представлявших собой попытки грабительских раскопок (к счастью, среди них не было очень значительных по объему). Во всех этих случаях выброс из ям и обрезки тщательно осматривались, но ни в одном не было выявлено каменных обкладок насыпи. Не наблюдалось и керамики или каких-то иных свидетельств того, что перед нами остатки жилой башни, а не погребально-ритуальный объект.

Именно последнее представляется мне наиболее значимым аргументом в споре о том, что такое Шум-гора и какова была ее функциональная принадлежность. Меня не

Разумеется, к любой информации, полученной от частных лиц, использующих металлоискатель, следует относиться с большой осторожностью. Но я до сих пор считаю упомянутые сведения в целом правдивыми. Тем не менее последующие годы упорных поисков, шурфовок, бурения на разных участках поля к ЮВ от Передольского погоста убедили меня в следующем:

1) часть коллекции, собранной С. А. и М. А. Алексашиными (дирхемы), по-видимому, представляет собой остатки распаханного клада;

2) присутствующие в коллекции древнерусские артефакты происходят не из культурного слоя, а из разрушенных древнерусских погребений; именно в этой части поля краевед М. И. Быстров фиксировал в 1879 г. две небольшие «сопки», уже в его времена распаханные (Быстров 1880);

3) средневековое селище к ЮВ от основного поселения на проверку оказалось фантомом; стерильность этого участка на предмет культурных остатков (равно как и более удаленной от погоста части поля близ сопки 5 и 6) сейчас не вызывает сомнений.

Учитывая все изложенное, мне трудно поверить, что Шум-гора в XI–XII вв. являлась частью жилой зоны Передольского комплекса. При всей заманчивости подобной трактовки она представляется в настоящий момент спекулятивной гипотезой, основанной на случайных внешних сходствах разнородных и географически удаленных друг от друга типов памятников (в данном случае — «больших курганов» ранней Руси и нераскопанных холмов — остатков *motte* в Западной Европе).

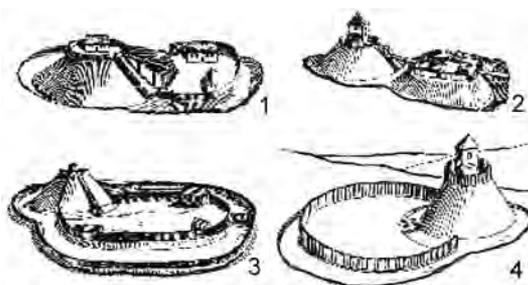

Рис. 5. Варианты (1–4) соотношения *motte* и *bailey* (по: Конецкий, Трояновский 2013б: 13, рис. 6)

Fig. 5. Variants of correlation (1–4) between *motte* and *bailey* (after Конецкий, Трояновский 2013б: 13, рис. 6)

Литература

- Борисик и др. 2009 — Борисик А. Л., Кашкевич В. И., Платонова Н. И., Блохин Н. Н., Анисимов А. А., Кашкевич М. П. Комплексные геофизические исследования кургана «Шум-гора» // Носов Е. Н. (отв. редактор), Кирпичников А. Н., Платонова Н. И. (отв. секретарь). Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье: Докл. Междунар. российско-литовского семинара (4–8 декабря 2006 г., Санкт-Петербург). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 80–88.
- Быстров 1880 — Быстров М. Остатки старины близ Передольского погоста Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии // Известия РАО. СПб., 1880. Т. 9, вып. 4. Стб. 381–410.
- Губарев 2021 — Губарев О. Л. Между язычеством и христианством: камерные погребения в империи франков, Хедебю и Старой Ладогe // Novogardia. 2021. № 1. С. 6–29.
- Кашкевич и др. 2005 — Кашкевич В. И., Блохин Н. Н., Анисимов А. А., Кашкевич М. П., Платонова Н. И., Шитов М. В. Опыт применения малоглубинной сейсморазведки для решения археологических задач // Вопросы геофизики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. Вып. 38. С. 63–71 (Ученые записки СПбГУ. № 438).
- Конечкий, Трояновский 2013а — Конечкий В. Я., Трояновский С. В. «Большая сопка» Передольского погоста: варианты интерпретации // Тарабардина О. А., Торопов С. Е. (сост.). Новгород и Новгородская земля: история и археология: МНК, посвящ. 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского (Великий Новгород, 22–24 января, 2013 г.). Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2013. Вып. 27. С. 233–250.
- Конечкий, Трояновский 2013б — Конечкий В. Я., Трояновский С. В. «Большая сопка» Передольского погоста в контексте социально-политической истории Новгорода на рубеже XI–XII веков // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 3–19.
- Михайлов 1997 — Михайлов К. А. Погребение воина с конями на вершине плакунской сопки в насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Кирпичников А. Н., Носов Е. Н. (ред.). Древности Поволжья: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 105–116.

- Михайлов 2016 — Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси: камерные погребения IX — начала XI века в контексте североευропейских аналогий. СПб.: Бранко, 2016. 272 с.
- Носов 1985 — Носов Е. Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладогe // Седов В. В. (отв. ред.). Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 147–155.
- Носов и др. 2007 — Носов Е. Н., Платонова Н. И., Кашкевич В. И., Блохин Н. Н., Шитов М. В., Кашкевич М. П., Короткевич Б. С. Шум-гора: проблемы междисциплинарного неразрушающего исследования памятника // Носов Е. Н. (отв. ред.). Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 221–231 (Тр. ИИМК РАН. Т. 24).
- Платонова 1992 — Платонова Н. И. Камерное погребение в кургане у д. Удрай Новгородской области // Новгород и Новгородская земля: ТНК. Новгород, 1992. Вып. 4. С. 102–104.
- Платонова 1998 — Платонова Н. И. Камерные погребения XI — начала XII в. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Общество, экономика, культура и искусство славян: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии (Новгород, 26–31 августа 1996 г.). М.: ИА РАН; Едиториал УРСС, 1998. Т. 4. С. 372–380.
- Платонова 1999 — Платонова Н. И. Договоры Руси и Византии и социальные верхи русского общества X века // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 164–168.
- Платонова 2002 — Платонова Н. И. О погребальном обряде Верхнелужских сопok (по материалам Передольского погоста) // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 181–195.
- Платонова, Алексашин 2002 — Платонова Н. И., Алексашин С. С. Новые находки на Передольском погосте (перспективы дальнейших исследований) // Там же. С. 208–210.
- Платонова, Марунин 2023 — Платонова Н. И., Марунин М. В. Новейшие данные о топографии Передольского археологического комплекса // Коробов Д. И. (отв. ред.). Археология и геоинформатика. М.: ИА РАН, 2023. Вып. 11 (в печати).
- Платонова и др. 2006 — Платонова Н. И., Кашкевич В. И., Блохин Н. Н. Сейсмотомография: разработка нового метода неразрушающего исследования курганов (на материалах передольских сопok IX–X вв.) // Деревянко А. П., Молодин В. И. (отв. ред.). Современные проблемы археологии России: Материалы ВАС (23–28 ноября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 2. С. 376–378.

SHUM-GORA MOUND AT THE PEREDOLSKY CHURCHYARD: PROBLEMS OF INTERPRETATION

N. I. PLATONOVA

Keywords: *Novgorod land, mounds, Shum-gora, Peredolsky churchyard, motte-type fortifications.*

In 2002–2006 the Big Peredolsky Mound (Shum-gora) was studied with the use of non-intrusive methods (georadar survey, seismotomography, high-accuracy seismic survey, electric prospecting and magnetometry). The obtained data allowed to reveal powerful stone constructions in the lower tier of the mound and the presence of a zone filled with loosen material in the center of the kurgan at a height of 5 m from the basis. The latter was considered a result of percolation and earth subsidence into a cavity that existed on this level. It was suggested that there was a burial chamber there. In 2013 V. Ya. Konetsky and S. V. Troyanovsky put forward a hypothesis that Shum-gora represented not a kurgan but remains of a *motte* — artificial knoll with a donjon on its top. The paper provides arguments against this point of view.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ, ОТДЕЛ ДРЕВНОСТЕЙ ЭРМИТАЖА И ЭЛЛИНО-СКИФСКАЯ ВЫСТАВКА В ДОКУМЕНТАХ ИЗ АРХИВОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН¹

Д. Ю. ГУК, М. В. МАНДРИК²

Ключевые слова: *Археологический музей, Эрмитаж, ГАИМК, Отдел древностей, Г. И. Боровка, О. Ф. Вальдгауэр, А. П. Манцевич, эллино-скифская выставка, музеография, музейное дело.*

Публикации по отечественному музейному делу первой трети XX в. содержат разрозненные упоминания о проекте создания Археологического музея. Работы по этой теме ограничиваются изучением отдельных сопутствующих событий. Выводы, что с 1917 г. никто не смог продвинуться в части практической реализации и кроме идей для обсуждения ничего не было предложено, во многом спорны. По объективным обстоятельствам создание абсолютно нового музея не было целесообразным, о чем свидетельствуют выявленные источники из архивов Государственного Эрмитажа и ИИМК РАН. Очевидец и непосредственный участник событий тех лет А. П. Манцевич подготовила два эссе для сборника «Теория и практика музейного дела в Эрмитаже», которые не были опубликованы. Изложенные ею факты наглядно демонстрируют вклад, который внесли в разработку методов экспонирования археологических коллекций ведущие археологи и специалисты, совмещавшие работу в этих двух учреждениях. Документы представляют интерес для музееведов и специалистов, интересующихся историей научных отделов Государственного Эрмитажа и экспонирования археологических коллекций.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-29-231-241

Публикации по отечественному музейному делу первой трети XX в. содержат разрозненные упоминания о проекте создания Центрального музея истории материальной культуры (Археологического музея). Работы, посвященные данной теме, ограничиваются изучением отдельных сопутствующих событий и биографий участников (Ананьев 2017; Ананьев, Бухарин 2022а; 2022б; 2023) без связывания в единую картину обстоятельств и места действия. Выводы о том, что с 1917 г. никто не смог продвинуться в части практической реализации и, кроме идей для обсуждения, ничего не было предложено (Ананьев, Бухарин 2022б: 447), во многом спорны. По ряду объективных обстоятельств создание абсолютно нового музея не только не было целесообразным, но и не вписывалось в вводимую тогда типологию музеев. Музеи предполагалось разделить всего на четыре типа: русский национальный, русского народного искусства и быта, западного искусства и восточного

---

¹ М. В. Мандрик исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Д. Ю. Гук — Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербург, 190000, Россия. М. В. Мандрик — Институт истории материальной культуры РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Гук Д. Ю., Мандрик М. В., 2023

Рис. 1. А. П. Манцевич за рабочим столом в Отделе археологии (фото В. С. Терехина; Архив ОАВЕС, Государственный Эрмитаж)

Fig. 1. A. P. Mantsevich at her working table in the Department of Archaeology (photo by V. S. Terenin; Archive of the Department of Archaeology of East Europe and Siberia, the State Hermitage)

искусства (Гук 2019: 17; Ананьев, Бухарин 2022б: 439). Типология имела непонятное и нелогичное основание, и археология в ней вообще не была учтена. Для уточнения последовательности событий логично обратиться к архивам учреждений, непосредственно в них участвовавших: Государственного Эрмитажа и ИИМК РАН.

Помимо служебных записок и протоколов заседаний отдельных комиссий был выявлен документ, который заполнил ранее существовавшую лакуну, поэтому решено опубликовать его без изменений (см. приложение). Очевидцем и непосредственной участницей событий тех лет была сотрудница Эрмитажа Анастасия Петровна Манцевич³ (рис. 1). В последние годы жизни А. П. Манцевич подготовила два очерка для сборника «Теория и практика музейного дела в Эрмитаже», посвященного О. Ф. Вальдгауэру (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17а. Д. 107. Л. 79–86). Вместо сборника были опубликованы тезисы (Античное искусство 1983), а очерки хранились в папке с работами других авторов. Отдельные выдержки из ее текста ранее уже упоминались без указания источника (Алексеев 1986).

Однако этот документ важно опубликовать полностью, так как он отражает не только дух эпохи, но и показывает, какие ме-

таморфозы претерпела идея организации Археологического музея, в конечном счете реализованная в экспозициях Сектора доклассового общества⁴ Государственного Эрмитажа.

³ А. П. Манцевич родилась в декабре 1899 г. в Санкт-Петербурге в семье бывших крестьян. Выпускница факультета общественных наук Петроградского государственного университета (1918–1924). Трудовую деятельность начала с июня (по другим данным — с июля) 1919 г. в только что образованной Российской академии истории материальной культуры, где до 1932 г. прошла путь от каталогизатора библиотеки до научного сотрудника II разряда, затем была переведена в сверхштатные сотрудники и уволилась в 1933 г. Однако она продолжала участвовать в археологических экспедициях академии (Березань, Кубань, Никополь, Ольвия, Тамань и др.). Осенью 1924 г. по совместительству работала помощником хранителя в Государственном Эрмитаже, а в 1931 г. перешла на должность научного сотрудника I разряда Отдела древностей, после чего вся ее дальнейшая деятельность (до 1981 г.) связана исключительно с музеем. В 1935 г. без защиты диссертации в ЛГУ ей была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. С февраля 1942 по сентябрь 1944 г. находилась в эвакуации в г. Петропавловске (Казахская ССР), где работала писарем, затем старшей санитаркой и начальником клуба в госпиталях Ленинградского фронта (февраль 1942 — декабрь 1943), преподавателем истории Средних веков в Петропавловском учительском институте (декабрь 1942 — май 1943), сотрудником Кировского областного художественного музея им. В. М. и А. М. Васнецовых (июнь 1943 — сентябрь 1944). После возвращения в Ленинград была назначена на должность главного хранителя в Отделе первобытной культуры Эрмитажа. В автобиографии 1947 г. А. П. Манцевич писала, что работала над докторской диссертацией, но материал о раскопках скифского кургана Солоха так и не был подготовлен к защите (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 407. Л. 2об.; ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 775589. Л. 1–4; ЖЗСЭ 2009: 345). Умерла А. П. Манцевич в 1982 г.

⁴ Многократно переименовывался, сейчас — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

Развернувшаяся среди деятелей искусств в начале 1917 г. дискуссия о перспективах экспонирования археологических коллекций в рамках общего обсуждения задач музейного дела, отраженная в частично опубликованных архивных протоколах (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 30а. Л. 89; НА ИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 70. Л. 47; ЖЗСЭ 2001: 115, 259–260; Ананьев 2017: 173–175), включала в себя несколько основных компонентов: выявление памятников, перераспределение коллекций, вопросы их хранения и реставрации, методы экспонирования и подготовку кадров (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 30а. Л. 14, 17, 29; Ананьев 2017: 173; Пиотровский 2000: 283).

Летом 1918 г. нарком просвещения А. В. Луначарский настаивает на ускорении реорганизации отделений Эрмитажа (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5-III. Д. 14. Л. 59). Последовавшие за этим доклад Комиссии по вопросу об организации Отдела археологии России (Там же: Л. 84) и предложения по реорганизации Отдела древностей (Там же: Л. 80) подтверждают предположение, что эти процессы шли параллельно. Сложившаяся в дореволюционный период практика удовлетворения эстетических потребностей элиты (Пиотровский 2000: 66, 69; Выставки ИАК 2009; Радолицкая 2017: 130, 131) в кабинетах редкостей или лавках древностей (Равдоникас 1933: 11–14; Брюсов 1938: 23–27), сгруппированных по территориям, не соответствовала задачам нового музея (Гук 2019: 18). Коренным образом поменялась парадигма, обуславливавшая форму подачи археологических собраний (Ананьев, Бухарин 2020: 86; 2022б: 443).

Эрмитаж как Императорский музей имел два существенных преимущества: обладал самыми разнообразными по составу коллекциями в силу сложившейся практики получения лучших экземпляров и тесно сотрудничал с Императорской археологической комиссией, долгое время находившейся в его стенах. У Эрмитажа имелся более обширный опыт экспонирования (то есть представления музейных предметов публике как на высочайшем (Известия ИАК 1902: 1, 2), так и на рядовом уровне (Макаренко 1916)), чем у открытого только в конце XIX в. Российского исторического музея в Москве (Медведева и др. 2009: 102, 103). Поэтому лидерство Петрограда в музейном деле было безоговорочным (Ананьев, Бухарин 2022б: 445).

Основные функции любого музея — инвентаризация и научное описание фондов — весьма трудоемки, что ясно следует из отчетов музейных сотрудников о выполненной работе (АГЭ. Оп. 17. Д. 148а. Л. 1, 2; Д. 149а. Л. 17), и требуют достаточной квалификации. Подбор кадров вызывал определенные трудности (ЖЗСЭ 2001: 31), и уже в марте 1920 г. был поднят вопрос о подготовке специалистов разного плана и чтении лекций для них (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5-III. Д. 14. Л. 201, 202; Оп. 17. Д. 30а. Л. 17, 40–42). Наконец, здание музея нужно было ремонтировать и отапливать, а к концу 1920-х гг. с этим повсеместно были сложности (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 30а. Л. 26, 27). Актуальным оставался и вопрос правовой принадлежности предметов, обострившийся после революции. Коллегиальное обсуждение организации археологического музея, призванного стать учебно-методической базой, продолжилось в Российской академии истории материальной культуры, многие сотрудники которой одновременно работали и в Эрмитаже. Сведения об этом содержатся в записке заведующего Отделом древностей О. Ф. Вальдгауэра:

«В Совет Эрмитажа

Заседание совещания при Отделе Древностей, состоявшемся 1-го декабря с. г. Член Совета, ученый секретарь Российской Академии Истории Материальной Культуры Б. Г. Крыжановский докладывал о намерении Академии передать в Эрмитаж вопрос об организации Археологического музея. Этот вопрос был возбужден на музейной конференции, и рассмотрение его поручено Археологической Комиссии. Академия решила со своей стороны просить Эрмитаж взять на себя это важное для науки дело. Отдел Древностей, заслушав сообщение Б. Г. Крыжановского, постановил приветствовать такое решение, кроме того, что Отдел Древностей по своей программе совпадает с планом предполагаемого Археологического музея, а потому потребовалось бы только заполнение нескольких пробелов в материале. Разработку подробного плана совещание

сочло наиболее целесообразным передать в особую смешанную комиссию из представителей Эрмитажа и Академии.

1/ХП-1920 Вальдгауэр» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 23. Л. 2).

Позднее О. Ф. Вальдгауэр сообщил Совету о состоявшемся 24 февраля 1921 г. заседании Комиссии по организации Археологического музея. Тем временем Совету была предложена следующая структура классического отдела: «Памятники Эгейской культуры, подразделенного⁵ по топографическому принципу. Памятники греко-римской культуры, подразделенные по: скульптура, вазы, бронзы, терракота, архитектура, эпиграфика, письменность и [неразборчиво]. Памятники культуры на территории России: неолитическая (Триполье и Майкоп) и бронзовые культуры, греческая и римская культуры (Ольвия, Пантикапей, Херсонес), скифская и соприкасающиеся с ней культуры (Приднепровье, Прибужье, Придонье, Кубань, Пермь, Сибирь)» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 37а. Л. 16).

Созданная Комиссия в течение 1921 г. работает над планом организации отделений музея на основе «исторического принципа распределения» материала: византийского, древнего христианского Востока (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 23. Л. 4; НА ИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 70. Л. 3). Но прийти к соглашению членам Комиссии удается с большим трудом (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 37а. Л. 25, 57). Проект будущего Центрального музея истории материальной культуры (НА ИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1920 г. Д. 70. Л. 1–2) на основе типологического принципа комплектования материалов, как указывалось в пояснительной записке и инструкции Разрядам⁶ (Там же: Л. 6, 7), был слишком идеалистичным и требовал соответствующего помещения и финансирования.

В то же время экспозиция древней скульптуры 1922 г. в Новом Эрмитаже была организована О. Ф. Вальдгауэром (Путеводитель 1922; Античное искусство 1983: 9) иначе, по систематическому принципу (Мавлеев 2005: 118), но и его точку зрения разделяли не все. В частности, Г. И. Боровка 28 августа 1923 г. высказывался о перспективах разделения коллекций и экспонирования будущего Отделения доисторических древностей: «окончание предварительных работ по правильному распределению всей коллекции на основании нового топографического принципа и по составлению соответствующих описей. Экспозиция в новом помещении с новыми техническими средствами (шкафы, витрины) по новому плану» (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 51. Л. 2).

Резюмируя вышесказанное, видим, что за три года было предложено три принципа организации экспозиции: типологический, систематический, культурно-исторический. В Ленинграде вышел ряд теоретических и методических работ о подходах к экспонированию (Иоффе 1925; Миллер 1925; Крыжановский 1926). Этап «экспериментирования» (Ананьев, Бухарин 2020: 86, 87), как его можно представлять, к тому времени был завершен.

Сотрудники Эрмитажа предприняли попытку перейти от теории к практике. Новый культурно-исторический подход к формированию музейной экспозиции использовался в музее при создании эллино-скифской выставки. Впервые в практике отечественного музейного дела Б. В. Фармаковский и Г. И. Боровка разработали тематико-экспозиционный план выставки. Он был представлен на заседании Отдела древностей 16 января 1926 г. и утвержден Советом Эрмитажа (ЖЗСЭ 2009: 802). В декабре того же года Б. В. Фармаковский прочитал в Институте истории искусств доклад о концепции эллино-скифской выставки прямо в ходе ее подготовки (АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 219. Л. 136–139; Ананьев, Бухарин 2020: 82). Много вопросов возникло в связи с разделением археологических находок по материалу, изделия из драгоценных металлов обычно экспонировались отдельно. Комплексы с золотыми вещами после реэвакуации были выставлены отдельно в Галерее драгоценностей в 1925 г. (Радолицкая 2017: 136). Г. И. Боровка поручил их монтаж тем же сотрудникам,

⁵ Вероятно, имелось в виду согласование со словом «отдела».

⁶ Так тогда именовались рабочие группы по отдельным эпохам или типам памятников.

которые занимались и этой выставкой, поэтому открытие состоялось только 20 ноября 1927 г. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5-III. Д. 635. Л. 61), к 10-летию Октябрьской революции.

Докладные записки Г. И. Боровки и О. Ф. Вальдгауэра в апреле–октябре 1929 г. настойчиво напоминают о необходимости учреждения секции доисторических культур (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5-III. Д. 998, Л. 13–17; Оп. 17. Д. 149. Л. 1–3, 10, 11). В частности, 12 апреля 1929 г. Г. И. Боровка писал: «На выставке Эллино-скифского отделения, открывшейся в ноябре 1927, осуществлен культурно-исторический (социологический) принцип выявления материалов. Материал развернут комплексно с целью отражения всех элементов культуры и ее развития, выявленных главным образом на вещественных памятниках и с привлечением подсобного материала (чертежей, рисунков и т. д.). В дальнейшем предполагается: 1) расширение выставки по культуре древней Скифии (как в части туземной культуры, так и в части культуры греческих поселений с присоединением 2-х комнат для каждой из обеих частей выставки» (Там же. Оп. 5-III. Д. 998. Л. 17). Предполагалось, что коллекции Государственного Эрмитажа будут продолжать пополняться за счет материалов раскопок ГАИМК, в которых также принимали участие и сотрудники музея, а также частных собраний. При этом правовой аспект статуса коллекций (кто их содержит, обеспечивает и каким образом использует) так и оставался до конца не решенным.

До Октябрьской революции утверждение правового статуса любых структур, занимающихся делами древностей, переходило из ведения Министерства внутренних дел в Министерство двора и со времени Археологической комиссии являлось чрезвычайно сложным делом (Медведева и др. 2009: 118). Реорганизация системы управления музейным делом и охраной памятников старины после 1917 г. повлекла за собой необратимые сдвиги, связанные с изменением целей и задач, которые потребовалось решать (Гук 2019: 18; Ананьев, Бухарин 2022б: 467). Во главе музейного строительства прочно встал Народный комиссариат просвещения, требовавший не столько научно обоснованных концепций эволюции археологических культур, сколько идеологически выдержанных доступных широким массам тезисов. Поэтому после роспуска в 1930 г. Совета Эрмитажа утверждением новых экспозиционных планов стало заниматься Просветительское бюро (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 130. Л. 1, 2). Уход из жизни ряда крупнейших ученых, чистки 1931 г., аресты, тотальная инвентаризация коллекций, реорганизация отделов музея, нехватка рабочих рук, а также материальные и финансовые трудности (Зуев 1995: 150; Гук 2023: 152–155) не способствовали возникновению и быстрому осуществлению новых грандиозных проектов.

ПРИЛОЖЕНИЕ⁷

А. П. Манцевич

Эллино-скифская выставка

Эллино-скифская выставка впервые экспозиционно пыталась разрешить проблему единства азиатских степей и линии греческих колоний по морскому побережью, которые в совокупности дали феномен причерноморской культуры и искусства в античный период. Выставка стала итогом длительной исследовательской работы конца XIX — начала XX в., создавшей определенную концепцию взаимодействия двух мощных культурных ареалов — Средиземноморского бассейна в лице эллинской цивилизации и центрально-азиатского (иранского) в виде разного рода кочевников.

До эвакуации во время первой мировой войны первый этаж Старого Эрмитажа был занят, как известно, выставкой Средневекового отделения. В 20-е гг. эта экспозиционная

⁷ Рукопись представляет собой восемь машинописных листов формата А4, орфография и пунктуация А. П. Манцевич оставлены без изменений, но добавлен ряд комментариев. В авторском варианте примечания располагались в конце текста, при публикации они помещены постранично, выделены курсивом и частично актуализированы. Изменению также подверглись инициалы Г. И. Боровки, которые по всему тексту у А. П. Манцевич были ошибочно указаны как «Г. П.».

площадь выделяется под развертывание выставки недавно образованного эллино-скифского отделения, которое возглавил Б. В. Фармаковский. Отделение состояло из двух секций:

1. Скифской — которую возглавлял Г. И. Боровка (К. В. Тревер, Е. Р. Малкина, А. П. Манцевич),

2. Эллинской — во главе с Б. В. Фармаковским (Е. О. Прушевская, Т. М. Книпович, О. А. Пини, Л. А. Лурье).

С самого начала строительства выставки предполагалось создание двух параллельных линий — степных и городских культур. Правда, связаны они были лишь смысловой логикой, а не территориально, так как переходы из одной линии в другую были возможны только в начале и конце экспозиции. Выходившие на набережную более выигрышные помещения занимала эллинская секция, скифская секция заняла нынешний «директорский коридор»⁸. Работа по освоению экспозиционной площади шла ударными темпами в «коридоре» и в анфиладе нынешних директорских кабинетов. Параллельно готовилось открытие «Золотой кладовой»⁹. Началась распаковка прибывших из Москвы, эвакуированных туда ящиков с золотом, которые стояли в Лоджиях Рафаэля¹⁰. Приходилось в лотках носить вниз тяжелые золотые предметы, которые помещались в сейф, вернее, огромный сундук, использовавшийся прежде для мехов Александры Федоровны. Он стоял в нынешнем кабинете Б. Б. Пиотровского¹¹.

Общий план экспозиции Особой кладовой и схема монтировки золотых вещей были составлены Г. И. Боровкой. Но практическое осуществление проекта осталось за К. Тревер и А. П. Манцевич, так как сам Боровка в это время (1925 г.) находился в экспедиции с Козловым на раскопках в Монголии, где были сделаны сенсационные открытия. В целях ускорения работы в Особой кладовой использовалось старое оборудование: для золотого фонда — белые, перекрашенные в другой цвет, витрины и шкафы из б. Керченского зала (XX-колонный); для «директорского» коридора — имущество, оставшееся от Средневекового отделения. Рисунки, схемы, планы были выполнены, кажется, Боровкой. Остальные сотрудники занимались монтировкой экспонатов. Для саркофага из Юз-Оба в специально подобранном узком помещении макетируется сотрудником б. Мариинского театра уступчатый склеп.

В разделе греческих городов безусловно доминировал материал Пантикапея, огромный разросшийся со временем комплекс старинных «Древностей Боспора Киммерийского». Собственно греческой культуре отдаются два зала (33–32)¹², соответственно от древнейшего времени до эпохи классики (33) и эллинизма (32). Керченские залы составляют как бы первый элемент «чисто эллинской» культуры. Вторым становится Ольвия, древностям которой, в значительной своей степени открытым Фармаковским, отдается огромный зал (25). Место соединения линий скифов и городов (31) отводится под экспонирование импорта в Северное Причерноморье греческих товаров. Таким образом, этот район выставки становится поворотным пунктом экспозиционной программы: товары, поступающие из Греции через колонии обеспечивают контакты между двумя культурами и создают основание для рождения новой, смешанной.

Далее — «скифская линия» строится по принципу экспонирования археологических комплексов, набор вещей в которых становится убедительной иллюстрацией представле-

⁸ Эллинская часть вдоль фасада и «скифская секция» в директорском коридоре были сфотографированы К. Ждановским (Сивков 2018: 322 низ, 322 верх), вероятно, перед закрытием экспозиции.

⁹ Первые залы открыты в сентябре 1925 г. (Радолицкая 2017: 136).

¹⁰ Государственный Эрмитаж. Виртуальный визит. Лоджии Рафаэля. Зал № 227. URL: <https://pano.hermitagemuseum.org/3d/html/pwoa/main/#node281> (дата обращения 10.04.2023).

¹¹ В настоящее время — кабинет генерального директора М. Б. Пиотровского.

¹² Здесь и далее нумерация залов уточнена авторами по Путеводителю 1929 г. (Пиотровский 2000: 338, 340–341).

ний о функции кочевников в истории мировой культуры как передатчиков идей и веяний между отдельными регионами стационарных поселений.

Следующий зал (30) отведен под выставку археологических памятников из Артюхинского кургана, Павловской батареи, Мирзы Кекуватского. Далее (29) в узком и темном помещении находится уже упомянутый саркофаг из Юз-Оба. Следующий зал (28) — Семибратние курганы. Поздний эллинизм и Рим в Северном Причерноморье объединяются простым приемом. Эта часть выставки (27) была общей и для Пантикапея и для Ольвии, раскрывая таким образом идею наступления новой единообразной культуры. Закономерным завершением «греческой линии», своеобразным смысловым узлом линии экспозиции оказывалась выставка керченских надгробий (26, 20), сливающих в себя «варварское» с «эллинистическим»: местные темы и их греческое художественное разрешение.

«Скифская» часть выставки оказывалась менее разработанной в силу меньшей изученности культуры. Поэтому каждый компартимент в системе коридора отдавался той или иной ярко выраженной археологической культуре: например, «Сибирь» (21), «Пермь» (24) с так называемыми чудскими образками.

Приложение.

Эллино-скифское отделение и Отдел первобытной культуры.

История этого отделения, наверное, ярче и яснее всех других показывает тесную взаимосвязь между успехами развивающейся науки и судьбой раздела художественного музея, превратившегося в огромный Отдел, охватывающий своими выставками и исследовательскими интересами громадные территории, хронологически простираясь на многие тысячелетия во всемирной истории человечества. И наверное можно утверждать, что такой размах в музейном строительстве и его новаторская сущность — прямое следствие преобразований в Эрмитаже после Октября 1917 г.

До перестроек 20-х гг. причерноморские древности комплексно не выставлялись. Они занимали ряд залов, территориально друг с другом не связанных¹³. Экспозиционно, например, так называемый Керченский¹⁴ зал, они выглядели даже эффектно. Но за их импозантностью не было продуманности в понимании процессов, протекавших в данном регионе и определивших его историческое и художественное лицо. Поэтому выставка эллино-скифского отделения в 1927 г. стала по сути дела первым опытом связи экспозиционной программы в художественном музее с историческим пониманием культуры, развивавшейся на юге нашей страны.

Организационно-экспозиционная история отделения представляется примерно так.

Уже в марте 1917 г. было предложено образовать особый Археологический музей (Летопись¹⁵), который бы экспонировал все памятники материальной культуры, найденные на территории нашей страны¹⁶. В частности, как писал несколько позже О. Ф. Вальдгауэр, «древности северного побережья Черного моря являются продуктом особой культуры... В музейном строительстве это особое явление должно найти отражение, так как эта область специально относится к задачам русской науки, этот материал должен быть выделен и особенно тщательно обработан уже не с точки зрения общей истории античного мира,

¹³ /Макаренко Н./ *Художественные сокровища императорского Эрмитажа: Краткий путеводитель. Петроград, 1916. С. 42–92.*

¹⁴ Двадцатиколонный зал, современный — № 130.

¹⁵ Отсылка к документу (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17а. Д. 107. Л. 180–210), позднее опубликованному в другом издании (Мавлеев 2005: 104–128).

¹⁶ Вальдгауэр О. Ф. *Отдел Древностей Эрмитажа. 1903–1930 гг. АЭ, ф. I, оп. XVI, д. III, л. 3. Дальнейшее обсуждение этого проекта в 1918: Протоколы заседаний особой комиссии при Отделении Древностей от 21. VIII и 22. VIII. 1918 г. (архив ПАМ); АЭ, ф. I, оп. V, 1918, д. 38, л. 180 (Современный шифр дела: АГЭ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 111. В тексте примечания, видимо, опечатка, должно быть ОАМ).*

но с точки зрения истории местности»¹⁷. Но организационно создать особый музей не удалось. Поэтому в структуре Отдела Древностей выкристаллизовываются две единицы (эллино-скифское и византийское отделения), которые, координируясь с другими (русских древностей, так называемых «мусульманских»)¹⁸, пытаются материализовать наметившуюся программу. На эллино-скифское отделение возлагается задача осветить древнейшую историю, начальные этапы и эволюцию культуры, предложенной к экспонированию в новом музее. Правда, на первом этапе существования отделения эти задачи понимались в сильно усеченном виде. В программном документе «О задачах эллино-скифского отделения» от 5. III. 1923 г. Г. И. Боровка писал: «Северное побережье Понта Эвксинского и прилегающих к нему областях жили в античное время совершенно особенной, отличной от других местностей, жизнью. Культурный уклад этих территорий определяется двумя элементами. С одной стороны это греческое население городских центров на побережье, с другой стороны — местные племена, носившие у греков собирательное имя скифов и сарматов»¹⁹. Однако уже в этом документе предвидится перспектива: «...памятники всех этих эпох и культур в свою очередь связаны не менее тесно с огромной областью памятников доисторических культур, лежащей целиком или почти целиком вне сферы интересов эллино-скифского отделения, а плодотворное изучение этих памятников немислимо вне этой широкой связи».

В серии докладных записок Боровки на имя О. Ф. Вальдгауэра в августе 1926 г., отразивших уже монгольские открытия, мы видим совершенно новую картину. «...Центр тяжести в понимании Скифии переместился от прежнего взгляда на нее, как на часть античного мира, в сторону более правильного обозначения того туземного элемента, который является основой всей этой культуры <...> Скифия является лишь наиболее выдвинутой на запад провинцией этого особого мира и притом одним из поздних его образований. С другой стороны этот мир, продвигаясь на восток, в конце концов сталкивается с древним Китаем и там попадает в положение до известной степени аналогичное тому, которое образовалось на западе, где скифы сталкиваются и вступают в теснейшую связь с античным миром, главным образом с двумя крупнейшими его факторами: с эллинством и с иранством».

Помимо организационных идей, Г. И. Боровка предлагает также оригинальный план размещения выставок ряда отделов, дающих в совокупности единую систему: «...перенесение собрания отделения вне пределов Старого Эрмитажа не приходится принимать во внимание. С другой стороны следует стремиться к тому, чтобы выставка отделения не была оторвана от тех частей собрания Эрмитажа, которые являются естественными предшествующими и последующими ступенями того развития культуры, в котором скифо-сибирская культура является одним из звеньев. Тут первым долгом приходится упомянуть о тех памятниках так называемого доисторического периода, которые имеются в коллекциях Эрмитажа и которые иллюстрируют предшествующее появлению скифов развитие культуры на той территории, которую они впоследствии занимали. С другой стороны и дальнейшее развитие, имевшее место после открытия скифо-сибирской (или как обыкновенно называют позднюю стадию ее — сарматской) культуры, также представлено в Эрмитаже так называемыми готскими древностями. Связь с этими частями собраний Эрмитажа является не менее важной, чем близость находок из греческих колоний Скифии к собраниям греческих и римских древностей. Чрезвычайно желательным является также и то, чтобы при новой расстановке древности скифо-сибирские (и особенно „сарматские“) находились бы поблизости от памятников Передней Азии классической и послеклассической

¹⁷ АЭ, ф. I, оп. XVI, д. 217, л. 3.

¹⁸ Журнал заседаний Отдела Древностей, п. 3 от 16.05.1918 г. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 157; ЖЗСЭ 2001: 119–123).

¹⁹ Цитируемые докладные записки Г. И. Боровки хранились в архиве ОАМ. В настоящее время не удалось выявить их точное местонахождение.

поры, т. е. главным образом от ахеменидской и сасанидской Персии. <...> Требования могут быть полностью удовлетворены в том случае, если отвести для эллино-скифского отделения 7-ю запасную половину, о которой решаюсь говорить, потому что на одном из заседаний Совета Эрмитажа (или в конце 1925 или в начале 1926 г.) директором Эрмитажа было сделано заявление, что предстоит переезд размещенных в нем коллекций... 7-я — для доисторического отдела. Таким образом, памятники скифо-сарматской культуры в том выставочном плане, в котором они развернуты сейчас, помещались бы посередине между т. н. доисторическими древностями и древностями, следующими хронологически после скифского периода, т. е. т. н. готскими древностями, которые развертывают на третьем этаже того же флигеля. Все три этажа связаны между собой Советской лестницей, допускающей проникнуть во все 3 этажа с одного подъезда, уже сейчас открытого для публики».

Литература и источники

- Алексеев 1986 — *Алексеев А. Ю.* Эллино-скифское отделение и выставка 1927 года // Мавлеев Е. В. (науч. ред.). *Античное искусство в советском музееведении: Сб. науч. тр.* Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1987. С. 55–66.
- Ананьев 2017 — *Ананьев В. Г.* «До сих пор нет археологического музея в настоящем смысле этого слова». Петроград: проекты и планы 1917 г. // РА. 2017. № 2. С. 172–177.
- Ананьев, Бухарин 2020 — *Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* «Русский Антик». Выставка Эллино-скифского отделения Государственного Эрмитажа в интеллектуальном контексте эпох // *Исторические записки.* М., 2020. С. 78–99.
- Ананьев, Бухарин 2022а — *Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...». Советская историографическая наука и музейное строительство в 1917–1941 годах (исследования и документы). М.: Индрик, 2022. 768 с.
- Ананьев, Бухарин 2022б — *Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* «Нужен совершенно новый музей»: Российская академия истории материальной культуры и проект создания Центрального музея истории материальной культуры в 1920-е гг. // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 437–449.
- Ананьев, Бухарин 2023 — *Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.* Московская секция РАИМК и проект музея истории материальной культуры // КСИА. 2023. Вып. 271. С. 409–415.
- Античное искусство 1983 — *Античное искусство в теории и практике советской науки 1920–1930-х годов: Краткие ТД НК (Гос. Эрмитаж, 16–17 марта 1983)* / Мавлеев Е. В. (науч. ред.). Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1983. 44 с.
- Брюсов 1938 — *Брюсов А. Я.* Экспозиция отдела древнейшей истории // *Советский музей.* 1938. № 3. С. 23–27.
- Выставки ИАК 2009 — *Выставки Императорской Археологической комиссии.* 2009. URL: <https://www.archeo.ru/struktura-1/nauchnyi-arhiv/vystavki/sit17.png> (дата обращения: 13.03.2023).
- Гук 2019 — *Гук Д. Ю.* Истоки отечественного музейного дела: из архива Государственного Эрмитажа // *Музей — Памятник — Наследие.* 2019. № 1 (5). С. 12–21.
- Гук 2023 — *Гук Д. Ю.* Цифровая трансформация музейных библиотечных каталогов и архивов: взгляд исследователя // Мазур Л. Н. (гл. ред.). *Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Мин-во науки и высшего образования РФ; Уральский федер. ун-т.* Вып. 23. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2023. С. 148–156.
- ЖЗСЭ 2001 — *Журналы заседаний Совета Эрмитажа.* Ч. 1. 1917–1919. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. 602 с.
- ЖЗСЭ 2009 — *Журналы заседаний Совета Эрмитажа.* Ч. 2. 1920–1926. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 876 с.
- Зуев 1995 — *Зуев В. Ю.* Материалы к биографии Г. И. Боровки (1894–1941) // Санкт-Петербург и отечественная археология. *Историографические очерки: Тр. семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки».* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Вып. 1. С. 145–156.

- Известия ИАК 1902 — Высочайший осмотр выставки древностей в Императорской Археологической комиссии // Известия ИАК. 1902. Вып. 3. С. 1–2.
- Иоффе 1925 — *Иоффе И.* Кризис современного искусства. Л.: Прибой, 1925. 64 с.
- Крыжановский 1926 — *Крыжановский Б. Г.* Принципы экспозиции этнографического музея. Л.: Государственный Русский музей, 1926. 20 л. (Музейное дело. Вып. 4).
- Мавлеев 2005 — *Мавлеев Е. В.* Вальдгауер. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. 173 с.
- Макаренко 1916 — *Макаренко Н. Е.* Художественные сокровища императорского Эрмитажа: Краткий путеводитель. Пг.: Изд-во Реформаторского училища, 1916. 92 с.
- Медведева и др. 2009 — *Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е., Тихонов И. Л.* Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 г. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 21–247.
- Миллер 1925 — *Миллер А. А.* Музейная мебель и ее оборудование. Л.: Государственный Русский музей, 1925. 37 л. (Музейное дело. Вып. 2).
- Пиотровский 2000 — *Пиотровский Б. Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М.: Искусство, 2000. 575 с.
- Путеводитель 1922 — Путеводитель по отделу древностей / Гос. Эрмитаж; сост. О. Вальдгауер. Петербург: Ком. популяризации художеств. изданий, 1922. 85 с.
- Равдоникас 1933 — *Равдоникас В. И.* Маркс и задачи музейного показа в области истории доклассового общества // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 3–4. С. 11–14.
- Радолицкая 2017 — *Радолицкая Я. С.* Особенности экспонирования античного золота в Эрмитаже в 1920–1930-е гг. По материалам Архива Государственного Эрмитажа // Сообщения Гос. Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. Вып. 75. С. 129–174.
- Сивков 2018 — *Сивков А. В.* Дворцы Эрмитажа в советский период. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. 547 с.

АГЭ. Ф. 1.

- Оп. 5-III. Д. 14. О реорганизации Эрмитажа. Коллегия при Комиссариате по охране памятников искусства и старины по делам музеев. 18.03.1918–04.12.1918. 217 л.; Д. 635. Анкеты РКИ по обследованию РКИ. 112 л.; Д. 998. Материалы по реорганизации структуры отделов и работы Эрмитажа (стенограммы научных совещаний, памятные записки Г. И. Боровки и И. А. Орбели, переписка). 7.04.1929–26.11.1930. 91 л.
- Оп. 17. Д. 23. Переписка с Российской Академией истории материальной культуры об организации Археологического музея. 12.01.1920–01.12.1921. 5 л.; Д. 30а. Журнал заседаний. Совещания при Отделе древностей 02.01.1920–31.12.1920; Д. 37а. Протоколы и журналы комиссии по перестановкам в Отделе Древностей с 06.01.1921–20.10.1923 г. 224 л.; Д. 51. План работы эллино-скифского отделения и отчеты о работе библиотеки за 1923 г. 7 л.; Д. 130. Протоколы совещания при просветительском бюро и принципах новой экспозиции. 1928. 4 л.; Д. 148а. Справка об инвентаризационных работах. Документы по инвентаризации в Отделе Древностей. 1929. 24 л.; Д. 149. Докладные записки Г. И. Боровки о работе отделений первобытной культуры. 07.04–10.11.1929. 11 л.; Д. 149а. Документы Эллино-скифского отделения (5-й план). 25 л.
- Оп. 17а. Д. 107. Статьи, не вошедшие в сборник «Теория и практика музейного дела в Эрмитаже. Проблемы изучения античного искусства в 1920–30-е гг.», посвященный деятельности О. Ф. Вальдгауэра. 1982. 21 статья. 210 л.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2.

- Оп. 1. 1920 г. Д. 70. Комиссия по устройству Центрального музея. Протоколы, цели и задачи музея и отзывы разрядов. 66 л.
- Оп. 3. Д. 407. Личное дело Манцевич Анастасии Петровны. 10 л.
- ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 775589. Манцевич Анастасия Петровна. 4 л.

**ARCHAEOLOGICAL MUSEUM, ANTIQUARIAN DEPARTMENT
OF THE HERMITAGE AND THE HELLENIC-SCYTHIAN EXHIBITION
IN THE DOCUMENTS FROM THE ARCHIVES OF THE STATE HERMITAGE
AND INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS**

D. YU. HOOKK, M. V. MANDRIK

Keywords: *Archaeological Museum, Hermitage, State Academy of the History of Material Culture, Antiquarian Department, G. I. Borovka, O. F. Waldgauer, A. P. Mantsevich, Hellenic Scythian Exhibition, museology.*

Publications devoted to Russian museology of the first third of the XX c. contain isolated mentions of a project aimed at the creation of the Archaeological Museum. The conclusions that after 1917 nobody was able to make progress in the implementation of this idea, and no concrete measures were proposed, are debatable in many respects. Due to objective circumstances the creation of an absolutely new museum was inappropriate, as is evidenced by the documents uncovered in the archives of the State Hermitage and IHMC RAS. A. P. Mantsevich, an eyewitness and direct participant of the events of that time, prepared two essays for the volume entitled “Theory and Practice of Museum Work in the Hermitage”, which (essays) remained unpublished. The facts she presents amply demonstrate the contribution the leading archaeologists and other professionals made to the development of methods of displaying archaeological objects. The documents are of interest for museologists and other specialists interested in the history of the State Hermitage departments.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА — Археологический альманах. Донецк
АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург
АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
АИ — Археологические изыскания. Ленинград / Санкт-Петербург
АК — археологическая культура
АН — Академия наук
Архив кафедры археологии Института истории Санкт-Петербургского
АКА — государственного университета (ранее — исторического факультета
Ленинградского государственного университета)
АО — Археологические открытия. Москва: Наука
АОбл. — Автономная область
АПР — анализ последовательности расщепления
АС — Археологический съезд
АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ВАС — Всероссийский археологический съезд
ГАКК — Государственный архив Красноярского края. Красноярск
ГАН — Государственные академии наук
ГУ — Государственный университет
ед. — единица
ЖЗСЭ — Журналы заседаний Совета Эрмитажа
ИА — Институт археологии РАН. Москва
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск
ИВ — Институт востоковедения РАН. Москва
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЭ — Институт этнографии
к. — катушка (для негативов)
КАТЭК — Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция. Москва; Фрунзе
КИС — кислородно-изотопная стадия
КМАЭЭ — Кемеровский музей «Археология, этнография и этнология Сибири»
кол. — коллекция
КРС — крупный рогатый скот
КРС — краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР /
Российской академии наук. Москва; Ленинград
кург. — курган
Л. — Ленинград
ЛАИ — Лаборатория археологических исследований. Кемерово
ЛГУ/СПбГУ — Ленинградский / Санкт-Петербургский государственный университет
ЛО — Ленинградское отделение
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
М. — Москва
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
м-к — могильник
МКМ — Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартынова
ММНК — Материалы международной научной конференции
МНК — Международная научная конференция
мог. — могила
МРС — мелкий рогатый скот
НА — Научный архив
НВП — начальный верхний палеолит
нег. — негатив

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НИИЯЛИ	—	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НОА	—	Научно-отраслевой архив
НПП	—	Научно-производственное предприятие
НПЦ	—	Научно-производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области
НЦ	—	Научный центр
ОАВЕС	—	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж
ОАМ	—	Отдел античного мира, Государственный Эрмитаж
об.	—	объект
ОГИЗ	—	Объединение государственных книжно-журнальных издательств
отп.	—	отпечаток
ОФ	—	Опись фондов
ПАЖМИ	—	Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. Санкт-Петербург
ПАЭАСиСТ	—	Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск
ПАЮС	—	Полевая археология Южной Сибири
ПНН	—	предмет неизвестного назначения
погр.	—	погребение
пос.	—	поселение
РА/СА	—	Российская/Советская археология. Москва
РАН	—	Российская академия наук
РАО	—	Русское археологическое общество. Санкт-Петербург
РВП	—	ранний верхний палеолит
РГБ	—	Российская государственная библиотека. Москва
РГНФ	—	Российский гуманитарный научный фонд. Москва
РГО	—	Русское/Российское географическое общество
РО	—	Рукописный отдел
САИПИ	—	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово
Сб.	—	сборник
ск.	—	скелет
сн.	—	снимок
СО	—	Сибирское отделение
СПб.	—	Санкт-Петербург
СПИПАИ	—	Сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований
СТЭАН	—	Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР
ТАЭ	—	Тувинская археологическая экспедиция
ТД	—	Тезисы докладов
ТДК	—	Тезисы докладов конференции
ТКАЭЭ	—	Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТНИИЯЛИ	—	Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл
ТПАИ	—	Теория и практика археологических исследований. Барнаул
Тр.	—	Труды
УРСР	—	Українська Радянська Соціалістична Республіка
ФГУ	—	Федеральное государственное учреждение
ФИЦ	—	Федеральный исследовательский центр
ФНИ	—	фундаментальные научные исследования
ФО	—	Фотоотдел
хр.	—	хранение
ЦГАИПД СПб.	—	Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГАРХ	—	Центральный государственный архив Республики Хакасия. Абакан
ЭПР	—	электронный парамагнитный резонанс
ÉRAUL	—	Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège
ИНМС	—	Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
LIMC	—	Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München: Artemis
QI	—	Quaternary International
RAS	—	Russian Academy of Sciences
ZoomS	—	Zooarchaeology by Mass Spectrometry

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 29**

Главный редактор: В. А. Лапшин

Корректор: О. К. Чеботарева

Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН

Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 311

Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271

<http://www.archeo.ru>; zapiski@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-36835 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ290 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 13.12.2023. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,37. Тираж 300 экз. Заказ 1282.
Дата выхода из печати 29.12.2023

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
192029, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
Тел. +7 (981) 699-6595
E-mail: 9450922@gmail.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Цена свободная

